АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ОМИКРОН

Annotation

Заключительная этап Галактической войны грозит полным уничтожением всему Человечеству. Производство боевых кибернетических систем с модулями искусственного интеллекта переходит все мыслимые границы. Адмиралу Табанову, защищающему Землю, ясно, что если не остановить кибернетические исчадия, они выиграют войну… но вряд ли после такой победы человечество уцелеет как вид. Последняя надежда адмирала — это резерв из нескольких миллионов подростков, которыми он вынужден пожертвовать, чтобы вывести из столкновения равное количество кибернетических систем. Выживет ли кто-то из них? Если да, то как сложиться судьба ребят из «последнего резерва»?

Андрей Ливадный Омикрон

Пролог

Земля. Центральный мегагород. Раннее утро…

Низкорослый, седовласый, плотно сбитый человек в форме адмирала военно-космических сил Земного Альянса стоял у окна кабинета, глядя с высоты сто десятого этажа на знаменитую многоуровневую площадь Пяти Углов.

Три десятилетия назад здание Всемирного Правительства, возглавляемого в ту пору Джоном Уинстоном Хаммером, было известно каждому жителю Солнечной системы, а затем, с началом колониальной войны, облик этого строгого утилитарного строения узнали во многих уголках освоенного людьми космоса.

Теперь здесь царил лишь незримый дух прошлого.

Взгляд за огромное панорамное окно кабинета возбуждал совсем иные мысли, нежели раньше, да и сам Джон Хаммер уже не входил по утрам в свои рабочие апартаменты.

Сейчас у окна стоял адмирал Табанов, командующий объединенными силами военно-космического флота Земного Альянса.

Его усталое, волевое лицо казалось угловатым из-за резко очерченной линии скул и массивного подбородка. Глаза Табанова были ясными, пронзительными, и даже непомерная усталость последних суток не могла погасить в них блеск, который говорил о незаурядной воле командующего.

Он не боялся призраков и не оглядывался на тени, которые, казалось, наполняют собою сумеречные углы огромного кабинета. Его не интересовали реликты прошлого. Три десятилетия назад он вступил в войну двадцатилетним лейтенантом и прошел этой тяжкой стезей, вбирая душой и разумом все ужасы и побед и поражений. Он, как никто другой, испытал эту войну на собственной шкуре, узнав настоящую цену жизни и смерти…

Глядя на пустынную площадь Пяти Углов и окружающие ее сверхнебоскребы, он, в противоположность Джону Хаммеру, не видел за прозрачными стенами из армированного стекла копошащегося человеческого муравейника, и это обстоятельство наводило адмирала на определенные, далеко не светлые мысли.

Три десятилетия войны превратили Землю из перенаселенного, урбанизированного мира в технократическую пустыню, где на одного живого человека приходилось до сотни кибернетических систем.

Адмирал поднял взгляд к вершинам небоскребов.

Сады, разбитые на плоских крышах под прозрачными решетчатыми куполами, зеленели, как встарь, но теперь часть обычных сегментов из сводов оранжерей была заменена на многослойное бронестекло, а под сенью реликтовых растений прятались сложные компьютерные комплексы, управляющие зенитными батареями противокосмической обороны.

…Дверь кабинета тихо приотворилась, по мягкому ковру прошуршали вкрадчивые шаги.

— Все готово, Денис Алексеевич.

Табанов обернулся. Сзади стоял его адъютант в форме полковника ВКС.

— Вы нашли его?

— Да, сэр, — ответил полковник Штейнер. — Все обстоит приблизительно так, как вы предполагали.

— Где? — коротко осведомился Табанов.

— В системе лун Урана. Ранее этот участок космического пространства принадлежал одной из фирм, производивших колониальные транспорты. Он воспользовался шестью заброшенными колониальными сферами, чтобы создать на их основе свою орбитальную станцию.

— Хорошо… — Табанов удовлетворенно кивнул, бросая последний взгляд за окно. — Рад, что на Земле остался хоть один здравомыслящий человек… негромко добавил он в ответ собственным мыслям. — Жаль, что этот человек по-прежнему верит в чудеса гуманизма… — едва слышно произнес адмирал, отворачиваясь от окна.

Адъютант, не расслышавший последних фраз, напряженно смотрел на командующего.

— Что-то не так, господин адмирал? — осторожно осведомился полковник.

— Нет, — покачал головой Табаков. — Все в порядке. Не будем терять времени.

* * *

Сутки спустя. Солнечная система…

Район высоких околопланетных орбит Урана

Космический холод и чернильная тьма пространства, исколотая мириадами ярких, колючих звезд, царили тут испокон веков. Даже бурная человеческая деятельность, направленная на колонизацию лун Урана, не смогла нарушить мрачного покоя, царящего на задворках Солнечной системы.

На удалении в восемнадцать астрономических единиц от Земли Солнце превратилось в ослепительную точку и почти не грело, лишь слабо светился отраженным светом непроницаемый облачный покров планеты-гиганта да матово отсвечивало множество ледяных глыб, образующих менее плотное, чем у Сатурна, кольцо. Восемь наиболее крупных спутников Урана казались темными покоробленными горошинами, сплошь покрытыми оспинами метеоритных кратеров.

Стоя на мостике малого крейсера, адмирал Табанов смотрел в черноту космического пространства, напряженно высматривая что-то меж мертвых спутников и ледяных глыб.

Казалось, что может искать взгляд человека в этом отдаленном уголке космоса, где царит вечный холод и мрак?

— Сейчас они появятся, сэр. — Командир корабля подошел к низкому ограждению смотровой площадки мостика и жестом указал на узкую полоску черноты в одном из секторов полусферического обзорного экрана, который создавал полную иллюзию присутствия в открытом космосе.

Табанов покосился в указанном направлении, попутно зацепив взглядом корабли поддержки.

Четыре конвойных носителя, сопровождавшие крейсер командующего, двигались параллельными курсами. Их стартовые катапульты были заряжены, и любое непредвиденное обстоятельство немедленно вызвало бы мгновенный выброс четырех десятков космических истребителей.

Однако этого не потребовалось.

В указанном капитаном крейсера секторе пространства стали выступать из мрака, медленно очерчивая свои контуры, шесть плотно состыкованных между собой сфер. Опытный глаз Табакова сразу же распознал в этой конструкции отдельные, хорошо узнаваемые элементы.

Рукотворное сооружение состояло из шести колониальных транспортов, которые строились в Солнечной системе более четырех веков назад, во время так называемого Великого Исхода, когда часть Человечества покинула Землю на подобных кораблях, чтобы пройти через пространство аномалии космоса в рискованной, практически безумной попытке достичь иных звездных систем.

Сейчас вид построенных, но не стартовавших колониальных сфер породил в сознании адмирала Табакова противоречивые чувства. Он, как и его предшественник, Джон Хаммер, считал себя трезвым и здравомыслящим человеком. Пройдя все адские круги войны, начиная от печально известного штурма Дабога и заканчивая масштабными

космическими сражениями последних лет, он постепенно продвинулся по служебной лестнице, преодолев нелегкий путь от лейтенанта космической пехоты до адмирала флота.

Когда началась война, он жил в условиях, близких к нищете, в перенаселенном городе-муравейнике, и легко воспринимал идеи главы Всемирного Правительства. В своих речах Хаммер утверждал: Земля оказалась в плотном кольце колоний, которые спустя четыреста лет автономного существования не желают признавать прародину, отказываются принимать новых поселенцев из метрополии, и в таких условиях только короткая, победоносная война может открыть дорогу для второй волны галактической экспансии человечества.

Джон Хаммер умер. Война, то затухая, то разгораясь с новой силой, длилась уже без малого тридцать лет. Дорога в дальний космос давно была открыта, но туда некому стало улетать. Новые поколения, рожденные в условиях жестокого противостояния Земного Альянса и Свободных Колоний, не могли погасить тот пожар, что вспыхнул до их появления на свет, а сам Табанов, уцелевший вопреки печальной статистике в сотнях кровопролитных боев, давно разучился лгать, равно как воспринимать ложь. Он утратил всяческие иллюзии, превратившись в жесткого, последовательного и логичного пятидесятилетнего адмирала.

— Сэр, мы приближаемся, — нарушил его мысли голос капитана крейсера. Станция ответила на вызов, ее системы готовы к стыковке.

— Он не пытался вести переговоры или угрожать сопротивлением?

— Нет. Он вообще не выходил на связь. Со мной общался кибернетический мозг.

Табаков кивнул:

— Подготовьте десантный корабль, со взводом охраны. Передайте полковнику Штейнеру, чтобы он был готов к вылету через пять минут.

— Простите, сэр, но, на мой взгляд, взвода будет недостаточно…

— Оставьте, капитан, — отмахнулся от него Табаков. — Я знаю, что делаю и к кому лечу. Исполняйте приказ.

* * *

С резким неприятным шипением сжатого воздуха сработал механизм шлюзового затвора, отпирая многотонные створы герметичного перехода.

На просторной предшлюзовой площадке стоял один человек. Он не был вооружен и вообще мало походил на военного. В стерильном белоснежном комбинезоне, не скрадывающем, а, наоборот, подчеркивающем сухопарость старческой фигуры, он мог показаться

жалким, одиноким и беспомощным, если бы не глаза, такие же пронзительные, ясные, как и у Табанова.

Стоило поймать их взгляд, как морщинистое лицо, крючковатый нос и тяжелые кустистые брови переставали играть существенную роль в восприятии облика этого человека, — черты его лица могли хранить неизгладимый отпечаток старости, но они не отражали его внутренней сущности, не говорили ни о чем, кроме физических примет возраста.

…Первыми в проеме открывшегося люка появились двое десантников. Они тут же заняли посты по обе стороны выхода из шлюзовой камеры, внутри которой все еще вихрился пар. Эти впитавшие космический холод конструкции вступали в неизбежную реакцию с поданным изнутри станции воздухом, влага из которого оседала на стенах и уплотнителях толстым мохнатым, но недолговечным слоем инея.

Пол переходной камеры тоже покрылся тонкой коростой наледи, но Табаков, появившийся вслед за авангардом десантной группы, шагал, как обычно, уверенно и размашисто.

Преодолев порог шлюза, он сделал еще несколько шагов и остановился напротив старика, одетого в белоснежный комбинезон.

Сзади занимали позиции молчаливые, сосредоточенные бойцы десантного взводя. Последним из проема шлюзовой камеры вышел полковник Штейнер.

— Ну, здравствуй, Вячеслав Андреевич, — первым нарушил гробовое молчание Табанов.

Старик смотрел на него пристальным, немигающим взглядом, пока какое-то давнее воспоминание не шевельнулось в глубинах памяти, медленно выдавливаясь из бездн подсознания.

— Капитан Табанов?.. — полуутвердительно произнес он, тут же осекшись взглядом на знаках различия негаданного визитера.

— Да, Вячеслав Андреевич. Был капитаном, когда встречались в последний раз. — Адмирал демонстративно сжал в кулак кисть правой руки, затянутую в тонкую черную ткань спецперчатки. Мало кто знал, что правая рука Табакова, начиная от локтевого сустава, представляет собой кибернетический протез. Вспомнили, значит?

— Вспомнил. — Тон старика изменил ему лишь на миг. Дрогнул голос, но потом все стало прежним: молчаливый, холодный, испытующий взгляд, плотно сжатые, почти бескровные губы, хмурые седые брови…

Адмирал спокойно выдержал этот взгляд. Он не питал враждебности к старику, который был в свое время ведущим хирургом центрального клинического госпиталя флота.

— Как же так… — адмирал обвел неопределенным жестом окружающее пространство. — Почему вы бросили практику в госпитале, Вячеслав Андреевич? Разве спасать жизни стало не по душе?

Старик вдруг криво и презрительно усмехнулся.

— Я хирург, а не компьютерный техник, — с внезапной резкостью в голосе ответил он. — Когда клинический госпиталь флота стал превращаться в мастерскую по ремонту боевой техники, я, естественно, ушел оттуда. — Он с досадой посмотрел на Табанова и добавил:

— Людей стало меньше, чем машин, разве это не очевидно, адмирал? Надеюсь, вы не забыли древнее предостережение?

— Какое? — перебил его Табаков. Старик опять усмехнулся.

— «Либо Человечество покончит с войной, либо война покончит с Человечеством», — процитировал Волкошин и тут же добавил: — На мой взгляд, очевидно последнее…

— Именно поэтому я прилетел сюда, — ответил ему адмирал. — Как бы вы ни относились к сложившейся ситуации, но нам волей-неволей придется поговорить.

* * *

Разговор не клеился, и пока они шли по длинному, тускло освещенному коридору, ведущему в глубь станции, Табанов решил взять инициативу в свои руки.

— Чем вы занимаетесь сейчас, Вячеслав Андреевич? — спросил он, не обращая внимания на неприязненное выражение лица Волкошина.

— Пытаюсь спасти человечество, — лаконично ответил тот, понимая, что главнокомандующий силами Альянса не станет тратить свое время лишь для того, чтобы засвидетельствовать почтение престарелому военному хирургу, который лет двадцать назад выволок смертельно раненного капитана ВКС с того света, попутно имплантировав ему кибернетический протез взамен оторванной по локоть правой руки.

Табанов некоторое время шел молча, а потом проронил, так же скупо и откровенно:

— Мои задачи менее глобальны. Я пытаюсь спасти не человечество целиком, а Землю.

— Не понимаю, в чем сходятся наши интересы?

— В людях. Нас действительно стало в сотни раз меньше, чем машин. И это заботит меня, поверьте.

Волкошин внезапно остановился.

— Даже если это так, адмирал, то я, — он ткнул себя в грудь

указательным пальцем, — я не только не смогу вам помочь, но и не желаю этого делать!

— Почему? — спокойно осведомился Табанов.

— Потому что вы ведете войну на уничтожение, и я более не намерен принимать в ней участия.

— Решили умыть руки?

— Ничуть, — резко ответил Волкошин. — Но вытаскивать с того света солдат для того, чтобы через месяц вновь получить их, еще более изуродованными, чем прежде, я не желаю. Это издевательство над биологией и нравственностью!.. Гораздо честнее перепоручить войну кибернетическим машинам, что вы, к слову сказать, и делаете на протяжении последнего десятилетия!..

Разговор на резких тонах был прерван: Табанов и Волкошин подошли к мощной межсекционной переборке, проход в которой запирала многотонная овальная плита внешнего люка шлюзовой камеры.

— Куда вы меня ведете, Вячеслав Андреевич?

— В свой кабинет.

Табанов согласно кивнул, терпеливо дождавшись, пока хозяин странного орбитального сооружения подтвердит собственные полномочия доступа путем сравнительного анализа ДНК. Наконец, после минутной заминки, люк начал с шипением открываться.

Как успел заметить Табанов, техника на борту морально устарела, она принадлежала прошлым векам, периоду всепланетного колониального бума, когда миллионы людей покинули Землю в поисках новой родины.

— Прошу… — сухо произнес Волкошин, указывая на открывшийся проход.

Помещение, куда они вошли, являлось не чем иным, как переоборудованной рубкой управления одного из колониальных транспортов.

Табанов скользнул взглядом по темным экранам телескопического обзора, погашенным терминалам навигационной и пилотажной систем, хмыкнул, а затем, воздержавшись от вопросов, сел в кресло, привинченное к полу подле рабочего стола Волкошина, на пластиковой столешнице которого громоздились кипы каких-то распечаток, исполненных на стандартных листах пластбумаги. Тут же подле стола высились стойки с различными программными кристаллодисками, рядом перемигивались огнями два контрольных терминала компьютерной системы. Их внешний вид ничего не сказал адмиралу о предназначении этих новаций. Ясно было одно: терминалы не принадлежат к стандартному оборудованию рубки

колониального транспорта.

Усевшись за стол, Волкошин сцепил руки в замок и спросил, стараясь сохранять максимум самообладания:

— Теперь скажите, зачем вы явились сюда?

— Я прилетел, чтобы лично решить возникшую проблему. Решить тем или иным способом, — добавил адмирал, глядя в глаза пожилого хирурга, самовольно оставившего службу в военно-космических силах Земного Альянса. Рука Табанова вытащила из-за отворота адмиральской формы импульсный пистолет системы «Стайгер». Положив его на край стола, среди бумаг, командующий вновь посмотрел в глаза Волкошина.

— Это один из способов решения проблемы? — спросил тот, покосившись на импульсный пистолет.

— Надеюсь, что мы сможем избежать его, — ответил адмирал. — Я не люблю развязывать зубами те узлы, которые еще поддаются языку.

— Я не понимаю…

— Все вы понимаете, Вячеслав Андреевич. Не нужно… Вы умный человек и только что сами обозначили проблему, которая волнует меня в равной степени, как и вас. Уберем на время наши взаимоуничтожающие мнения и попробуем договориться.

— О чем? — упрямо переспросил Волкошин.

— Земля опустела, — не обратив внимания на упрямство собеседника, произнес Табанов. — Вы правильно оценили статистику: сейчас на одного гражданина Альянса приходится более сотни машин, и львиная доля из их числа — это боевые кибернетические механизмы. Встроенные интеллектуальные компьютерные системы не учитывались при данном подсчете. Мы оперируем только теми единицами техники, которые имеют максимальную свободу, как программную, так и механическую.

— И что с того?

— Население катастрофически сокращается. Альянс начинает испытывать дефицит, но уже не только в квалифицированных кадрах, а в простых людях, терпеливо пояснил Табанов.

— Естественно… — фыркнул Волкошин, не скрывая своей неприязни к затронутой теме. — Кибермеханизмы не умеют рожать. Последняя уникальная прерогатива, которую оставили себе люди, — это естественное продолжение рода.

— Ой ли? — прищурившись, спросил Табанов.

Волкошин побледнел. При всем самообладании его правая щека вдруг стала подергиваться.

— Вы сами довели ситуацию до степени катастрофы — вот и

оказались в плену механистического абсурда! — глухо и резко произнес он.

Табанов начал терять терпение.

— Я был младшим лейтенантом, когда началась война с колониями! неприязненно напомнил он, машинально сжав в кулак пальцы механической руки. — Вы забыли то время? Забыли про плотность населения в тысячу человек на один квадратный метр земной поверхности?..

— Где они сейчас, эти люди? — горестно перебил его Волкошин.

— Вы упрямец, Вячеслав Андреевич. Хотите ткнуть меня носом в факт их гибели? Не получится. Я не отрицаю, что именно Земной Альянс развязал войну, много, очень много людей погибло по вине властей предержащих, но давайте не будем ворошить призраки, Джон Хаммер мертв, нет ни адмирала Нагумо, ни Надырова — никого, кто отвечал за бомбардировки Дабога и иных колоний, некому предъявлять счет, а большая часть населения Солнечной системы, к вашему сведению, выжила. Только двадцать процентов от общего числа погибли в сражениях, остальных война развеяла по огромным пространствам, и многие из бывших граждан Альянса сейчас воюют на стороне колоний.

— Это не статистика… — печально покачал головой Волкошин. — Война сожгла человечество, и на стороне колоний сейчас сражаются дети, которым по шестнадцать-восемнадцать лет. Не знаю, может, и существуют эти мифические миры, куда сумела скрыться от бойни часть здравомыслящих людей, но я их не знаю. Факты, господин Табанов, упрямая вещь, а они говорят, что обе стороны обескровлены до предела, и вследствие этого идет массовое воспроизводство боевых машин на фоне тотального падения рождаемости. Это факты. Еще пять, ну пусть десять лет подобного безумия — и человечеству придет конец. После нас останутся лишь кибермеханизмы.

— Вы знаете, как покончить с этим? — хмурясь, спросил Табанов.

— Прекратить войну, — не задумываясь, ответил Волкошин.

— Легко сказать. — Адмирал достал сигареты. — Можно?

— Курите… — махнул рукой Вячеслав Андреевич.

Табанов закурил.

— Я не могу остановить войну, — спустя некоторое время произнес он. Противостояние еще при жизни Джона Хаммера вышло из фазы локального, управляемого процесса. Сейчас в сердцах людей живет генетический страх, переданный в наследство из недалекого прошлого. В войну вовлечено до полусотни планет, как с одной, так и с другой стороны. — Табанов стряхнул пепел в пасть притаившегося у стены

утилизатора отходов. — Земной Альянс оброс новыми союзниками, — продолжил он, — но и колонии окрепли, они развились технически и теперь ничуть не уступают в боевом потенциале силам Земли. Последняя схватка неизбежна, и только она поставит точку в войне.

— Вы все еще надеетесь на победу, безумцы? — сокрушенно покачал головой Волкошин.

— Нет. — Адмирал вскинул на него пронзительный взгляд. — Я не безумец. Точкой в войне станет поражение Земли, — внезапно произнес он, заставив старого доктора вздрогнуть от неожиданной информационной значимости произнесенной вслух фразы. — Это закономерный итог, но его еще предстоит пережить, — завершил свою мысль адмирал.

— Вы собираете силы для обороны Солнечной системы? — едва контролируя охватившую его дрожь, спросил Вячеслав Андреевич.

— Да. Все силы, какие есть, — ответил Табанов.

— Но тогда… — Волкошин растерялся на миг, отлично представляя, что основными силами, которыми на данный момент располагала Земля, было неисчислимое множество произведенных за последнее десятилетие боевых кибернетических машин, в корне отличающихся от людей прежде всего полным отсутствием каких-либо моральных ограничений… К тому же они обладали невероятной технологической живучестью, вкупе с безумной, превышающей все мыслимые потребности боевой мощью.

— Тогда это будет последней битвой для всего человечества, — глухо подытожил свои мысли Волкошин.

— Не знаю… — откровенно сознался Табанов. — Да, вы правы, ситуация доведена до абсурда. Мощь боевых кибернетических механизмов такова, что исход их столкновения в границах Солнечной системы непредсказуем. Битва за Землю может попросту уничтожить Человечество, оставив разрозненные очаги популяций на иных мирах. Я не могу остановить маховик войны, будь я трижды адмирал и десять раз командующий, но в моих силах предотвратить катастрофу.

— Каким образом? — недоверчиво спросил Волкошин.

— Я своим приказом могу вывести из состава флота до пятидесяти процентов кибернетических систем. Но я должен компенсировать их списание.

— Чем? — мгновенно насторожился Вячеслав Андреевич.

— Не чем, а кем, — поправил его Табанов. — Людьми, — пояснил он. Последний резерв должен состоять из людей. Если в битве за Землю с нашей стороны будут принимать участие машины, то, по прогнозам аналитиков, они уцелеют и победят. Но в том случае, если заменить их

людьми, Земля неизбежно падет под ударом превосходящих сил флота Колоний и вместе с этим закончится война. Выживет часть защитников, и это уже будет благо.

В глазах Волкошина застыл ледяной ужас.

— Вы не просто безумец, адмирал, — глухо произнес он. — Вы маньяк…

— Нет, — покачал головой Табанов. — Вы в равной степени безумны, если среди царящего вокруг ада продолжаете верить в идеи гуманизма. Их нет. Новые поколения родились под гнетом войны, в сердцах людей живет страх, наполовину разбавленный ненавистью, война превратилась не в осмысленные действия, а в стихийное бедствие, в пожар, который полыхает вне зависимости от воли отдельных индивидов. Я смотрю в глаза реальности, и по большому счету мне все равно, кто прав, а кто виноват. На мне лежит бремя, которое я буду нести до конца. Это бремя — защита Земли. По последним разведданным, флот Свободных Колоний готовит решающий, сокрушительный, по их мнению, удар, который будет направлен в самое сердце Альянса, — по Земле, прародине Человечества. Это произойдет через год или два, но не позже. А теперь думайте, док, — в составе моего флота три миллиона кибернетических механизмов. Это боевые машины класса «Одиночка» — система установлена как на сервмеханизмах класса «шагающий», так и на космических истребителях. Колонии обладают неизмеримо меньшей технической мощью, их главный потенциал — люди. Как вы справедливо заметили, молодые люди в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Если битва состоится при данном раскладе сил, то машины, оснащенные пакетом программ независимого поведения, сотрут в пыль флот Колоний, и тогда война выйдет в иную стадию, — люди отойдут на второй план, а машины подхватят инициативу, и пожар вспыхнет с новой силой.

Волкошин сидел бледный как полотно.

— Альтернатива? — спросил он.

— Альтернатива есть, — ответил Табанов. — Она кроется в нехитром подсчете, — каждый колониальный транспорт имеет потенциал для поддержания жизни трехсот тысяч человек, верно?

Вячеслав Андреевич был вынужден кивнуть.

— Значит, ваша станция, состыкованная из шести модулей, сейчас хранит один миллион восемьсот тысяч жизней, — продолжил свою беспощадную мысль адмирал. — Я могу деактивировать равное количество систем «Одиночка», установленных на боевых единицах флота, переподчинив находящиеся под их контролем исполнительные механизмы

непосредственно людям, и тогда у колонистов появится шанс: их флот с огромными потерями пробьет защиту Земли… ну а после падения прародины остальные миры, входящие в Альянс, будут вынуждены капитулировать. Война закончится.

— Вы предлагаете мне отдать в ваши руки почти два миллиона подростков, чтобы вы послали их на смерть?! — ужаснулся Волкошин.

— Да. Тогда людям будут противостоять люди, и в этой последней битве выживут они, а не машины. Если у меня не будет этого резерва, то в составе флота в бой пойдут три миллиона саморазвивающихся кибернетических систем. Вы знакомы с программным пакетом «Одиночка»?

— Да, — ответил Вячеслав Андреевич. — Это полная автономия, способность к самостоятельному принятию решений в рамках общей боевой задачи, ремонт, самоподдержание и…

— Общая боевая задача, — прервал его Табанов. — Вам известно, в чем ее суть?

— Нет, — сознался Волкошин, который всегда был далек от вопросов проектирования сложных самодостаточных кибернетических комплексов.

— Победить в войне! — резко произнес Табанов. — Не я программировал эти машины, они достались мне в наследство вкупе с самой войной, но я представляю, на что они способны. Посудите сами: им неведом страх, они не знают сомнений, их реакция молниеносна, а ресурс практически неистощим. Оказавшись в режиме полной автономии, они выиграют эту затянувшуюся войну… Они просто сотрут колонии и остановятся лишь тогда, когда будет исчерпана программа. Только людям уже будет все равно. — Голос адмирала впервые дрогнул, выдавая волнение. — Если кто и выживет после ответного удара автономных серв-соединений, то эти анклавы едва ли смогут повторить глобальный путь развития, который прошло Человечество.

— Скажите, адмирал, а просто уничтожить их… разве это невозможно? — с ноткой слабой надежды в голосе спросил Волкошин.

— Нет, — категорично ответил Табанов и пояснил: — Я не всемогущ. Поймите, Вячеслав Андреевич, — я заложник этого финала, который должен быть отыгран. Вдумайтесь — я готов сдать Землю ради прекращения войны, но если я попытаюсь сделать это без боя — меня просто сместят, расстреляют, и на мое место встанет другой командующий. Вот и все. Сражение за Землю неотвратимо.

Адмирал взглянул на Волкошина и вдруг увидел, как мелко трясутся побелевшие вытянутые в ниточку губы старика.

— Я не отдам вам их… — выдавил он.

Табанов покачал головой.

— Я предлагаю вам сделку. В противном случае я буду вынужден просто застрелить вас и взять станцию под свой контроль, — откровенно добавил адмирал.

На Волкошина было страшно смотреть.

— Вы чудовище, Табанов.

— Я знаю. Но я не хочу, чтобы кибернетический апокалипсис стал итогом развития человечества. И я не вижу иного выхода, кроме уже изложенного мной.

На некоторое время в небольшом кабинете воцарилась гробовая тишина.

— Каковы условия сделки? — наконец хрипло выдавил Волкошин.

— Вы передаете мне эту станцию, а взамен я отдаю вам надежно скрытую, отлично защищенную планетарную базу в секторе неосвоенного космоса. Там вы создадите еще один, более многочисленный, чем тут, резерв Человечества, но уже с иной целью. Я отдам в ваши руки все коды управления, и в случае наихудшего исхода цивилизация сможет возродиться оттуда.

* * *

…Они лежали в ледяной тиши криогенного сна, не имея прошлого и не ведая об уготованном им будущем.

Бледные застывшие лица, нагие тела, опутанные шлангами и датчиками систем жизнеобеспечения, покоящиеся под прозрачными колпаками низкотемпературных камер, на первый взгляд казались одинаковыми, но при более внимательном рассмотрении черты спящих выдавали свою индивидуальность, ясно говорившую о том, что они не являются клонами.

Адмирал Табанов и доктор Волкошин медленно шли по узкому проходу между саркофагами.

— Они все искусственно зачатые… — пояснял Вячеслав Андреевич, у которого слова с трудом выходили из горла.

— Где вы взяли столько генетического материала и оборудования? спросил Табанов, останавливаясь на перекрестке гулкой решетчатой дорожки.

— Злоупотребил служебным положением, — пожав плечами, сознался Волкошин. — Я получил достаточное количество исходного материала из центрального банка генофонда Земли. А что касается оборудования, то тут

я все делал сам. В наше время стало просто вершить подобные дела.

— В смысле? — не понял его последнюю фразу Табанов.

— Я говорю об оборудовании и машинах. Их легко купить по бросовой цене. Например, бытовые андроиды — они теперь никому не нужны, а для обслуживания и реконструкции старых колониальных транспортов подходят идеально. На первых порах мне помогали несколько человек, в основном компьютерные техники, но я не вводил их в курс дела. Думаю, что если они живы, то до сих пор не догадываются, с какой целью перепрограммировали кибернетические системы старых колониальных транспортов.

— Да, они живы, — подтвердил его мысль Табанов. — И действительно, не смогли вразумительно ответить, для чего были наняты.

Волкошин неприязненно покосился на адмирала, но отступать уже было поздно, хотя душа старика рвалась на мелкие частицы от внутренней боли и напряжения, что он испытывал в эти минуты. Жестокая судьба приперла его к стенке, предлагая выбрать наименьшее из зол, а глядя на Табанова, несложно было понять, что тот не отступится.

— Насколько я понимаю, вы ничего не меняли в конструкции колониальных транспортов? — спросил адмирал, оглядываясь вокруг.

Зал, в котором они находились, был столь огромен, что не имел видимых границ. Решетчатые палубы нависали одна над другой, по мощным опорам, пронзающим горизонтальные уровни, тянулись толстые кабели питания и черные, изолированные от помех внешнего мира жгуты оптико-волоконных интерфейсов. Криогенные камеры выстраивались бесконечными рядами, подсвечивая огромное внутреннее пространство колониальной сферы приглушенным сиянием стерилизующего ультрафиолета; кое-где в голубоватом сумраке виднелись огни промежуточных терминалов. Более всего это напоминало исполинскую гробницу, где в ледяной тиши застыли триста тысяч непрожитых жизней.

— Объясните мне суть процесса, док. — Табанов повернулся к Волкошину. Я знаю, что криогенная камера лишь замедляет процессы метаболизма, позволяя человеку провести определенный промежуток времени в глубоком сне, верно?

— Да. Стандартная аппаратура криогенного зала работает именно так. Мне пришлось несколько усовершенствовать ее, внедрив в каждую камеру зародышевый модуль. Это было нетрудно, учитывая, что в моем распоряжении находится более тысячи андроидов. Они идеальные, не знающие усталости и не задающиеся никакими вопросами помощники.

— Меня интересует сам процесс.

— Да, я понимаю… — Волкошин облокотился о выступ компьютерного терминала одной из криогенных камер. — Сначала происходило искусственное оплодотворение, первичный рост зародыша до семимесячного возраста, как в обычном биоинкубаторе, — пояснил он. — Затем, когда ребенок начинал самостоятельно дышать, эта аппаратура отключалась, и младенец до годовалого возраста рос внутри криогенного комплекса без активации низкотемпературных процессов. Когда им всем исполнился годик, я подключил искусственный сон при минимальном замедлении метаболизма. Их организмы росли, формировались до десятилетнего возраста, и только тогда я активировал встроенные в каждую камеру устройства нейросенсорного контакта, которые через височный имплант ребенка соединяли мозг каждого с глобальной компьютерной сетью шести колониальных транспортов. С этой поры они начали развиваться не только физически, но и умственно. Благодаря компьютерным технологиям информация легко усваивалась их разумами…

— Один бесконечный, затянувшийся на годы информационный сон?

— Да… — согласился с таким сравнением Волкошин. — Конструкция криогенных камер полностью удовлетворяет физические потребности тела, питая его, массажируя и развивая мышцы, а виртуальная среда, в которую погружен их разум, формирует полноценные личности. Они живут, не осознавая того, что спят. Их души чисты, а разум несет прогрессивные знания. Не трогайте их… внезапно взмолился Волкошин.

— Я уже обосновал вам причины, по которым прилетел сюда, — жестко оборвал его Табанов. — Не мы начали эту войну, но нам выпало бремя завершить ее… — тяжело добавил он, глядя в синеватую мглу огромного криогенного зала. — Я устал повторять вам, Вячеслав Андреевич, что выбора у меня нет. Видели моего адъютанта?

Волкошин кивнул. Полковник Штейнер произвел на него еще более неприятное впечатление, чем сам Табанов, в действиях которого, помимо неизбежной жестокости, все же присутствовала толика здравого смысла.

— Все мы отравлены войной, наши разумы и души, в отличие от них, Табанов кивнул на крионические ячейки с заключенными в них телами подростков, — черны, как ночь… Если Штейнер узнает, что на самом деле я замыслил нарочно проиграть эту затянувшуюся бойню, чтобы сохранить остатки Человечества и не допустить геноцида населения колоний силами кибернетических соединений Альянса, он первым наступит мне на горло.

— Вы сдержите свое обещание, адмирал? Будет ли у меня время для повторения эксперимента?

— У вас будет все. Планета, на которую вы отправитесь, лежит в

секторе неосвоенного космоса. База надежно замаскирована и защищена. Я передам в ваши руки все полномочия для контроля над биологическим сектором, который по моему приказу укомплектован самым совершенным оборудованием. Более того, я не пошлю с вами ни одного человека, который мог бы вмешаться в процесс роста новых поколений, как это сделал я. Документы относительно дислокации планеты будут уничтожены. Такие условия приемлемы?

— Да… — мрачно ответил Волкошин. — Если я когда-нибудь смогу позабыть, что послал на смерть два миллиона своих детей, — едва слышно добавил он.

Табанов устало посмотрел на ученого, потом перевел взгляд на заряженные в обойму информационные кристаллодиски, с которых в разум подростков закачивалась информация.

Курс общей истории Человечества…

Кибернетические системы современности.

Духовность и нравственность. История религий.

Основы этики.

Дисков было множество…

— Они не погибнут. По крайней мере не все. Завтра сюда придут военные техники и заменят носители информации. За год, что я твердо имею в запасе, эти подростки станут настоящими профи, а если судьба дарует мне пару лет на подготовку, то из криогенных камер восстанут бойцы с серьезным опытом. У каждого из них будет шанс выжить, обещаю.

Волкошин кивнул. Его сердце по-прежнему разрывалось от боли, но разум, вольно или невольно, воспринял жесткую логику Табанова, и пожилой хирург сумел взглянуть на этого человека иными глазами.

В прошлом он имел возможность наблюдать «в деле» серв-машины, которыми управляла программа независимого поведения. После произведенных ими «зачисток» в живых оставались лишь редкие представители растительного мира. Все, что двигалось, а тем паче оказывало сопротивление, попросту уничтожалось. Сейчас, по утверждению адмирала, три миллиона подобных кибернетических исчадий составляли основу обороны Солнечной системы, и эта цифра, вкупе с незабываемыми впечатлениями прошлых лет, низводила Волкошина до того состояния, когда он начал понимать Табанова.

Он поднял взгляд и посмотрел на командующего Земным флотом.

Как разительно может измениться отношение к человеку, когда начинаешь осознавать, что за жестокостью его действий лежит нечто более глобальное, чем зло в чистом виде.

Адмирал действительно рисковал всем — своим положением, жизнью, и это происходило оттого, что Табанов, размышляя над тем, как защитить Землю, сумел осознать: большинство порожденных войной кибернетических технологий уже перешагнули роковую черту, за которой катастрофически нарушался баланс сил, и исход любого сражения был заранее предрешен.

Он собирался защищать Землю и намеренно проиграть войну, спасая противника от уничтожающего ответного удара кибернетических систем.

Бремени этого человека сложно было позавидовать, его душу невозможно было правильно оценить, и в этой ситуации Волкошин не смог бы ответить, что такое жестокость, а что — милосердие, где проходит эта зыбкая незримая граница между добром и злом, оправданным риском и бесчеловечной жестокостью.

— Как называется эта планета? — глухо спросил он.

Табанов, погрузившийся в свои мысли, невольно вздрогнул, оборачиваясь к Волкошину.

— Омикрон. Она обращается вокруг двенадцатой звезды в одноименном скоплении.

Омикрон-12…

Это звучало зловеще и обнадеживающе одновременно…

Часть первая. Последний резерв

Глава 1. Семен

Солнечная система. Два года спустя.

Борт крейсера «Интерпрайз»…

В центральном салоне крейсера было тихо, несмотря на присутствие в помещении двух десятков молодых людей, каждый из которых был занят в этот момент своим собственным делом. Кто-то читал, некоторые, застыв у обзорных экранов, смотрели в бездонную чернь космоса, где среди россыпей звезд и близких контуров старых орбитальных конструкций плыл ущербный полумесяц Земли, иные просто сидели в креслах, расположенных по периметру округлого помещения, глубоко задумавшись о чем-то своем, сокровенном.

Если смотреть со стороны, наблюдая за действиями, мимикой, позами каждого из присутствующих, то у внимательного наблюдателя быстро сложилось бы стойкое ощущение некой натянутости, ненатуральности, будто собравшиеся в салоне молодые люди страдали одним и тем же глубинным расстройством психики. Они неадекватно воспринимали окружающий мир, выказывая не свойственное их возрасту равнодушие, как друг к другу, так и ко всему окружающему в целом.

Семен Шевцов в этом смысле ничем не отличался от остальных. Он сидел в глубоком кресле подле информационного экрана, по поверхности которого медленно ползли столбцы сообщений из раздела последних новостей, но его взгляд рассеянно скользил поверх плоского монитора, останавливаясь то на каком-либо предмете обстановки, то на ком-то из сослуживцев. И это внимание нельзя было назвать заинтересованностью.

Им всем не хватало главного: ощущения жизни, но никто из молодых людей не задумывался над этим обстоятельством. Неделю назад покинув криогенные камеры, они все еще грезили тем миром оцифрованной вселенной, в котором прошли годы их детства и юности, воспринимая окружающую их реальность, мягко говоря, неадекватно.

Взгляд Семена обежал периметр зала и остановился на девушке, что сидела в кресле по правую руку от него и что-то писала на обыкновенном листе пластбумаги. Она игнорировала расположенный у каждого кресла терминал мини-компьютера и не воспользовалась лазерным стилем, что тоже могло показаться довольно странным.

Впрочем, Шевцова это нисколько не трогало. Единственной причиной того, что его взгляд задержался на девушке, было чувство, глухое и

неопределенное, похожее на фальшивую ноту, внезапно прозвучавшую в безукоризненном исполнении музыкального произведения. Неискушенный слушатель, подобный Семену, не мог с тонкостью композитора отделить диссонанс от иных правильных звуков, но что-то шевельнулось в потаенных глубинах его сознания. Возможно, в эту секунду он впервые ощутил мир в иной его ипостаси: в душе юноши возникло первое, неподконтрольное разуму ощущение…

Моральная кома. Вот как правильно будет назвать состояние собравшихся в зале молодых людей.

Их тела и разум еще хранили могильный холод криогенного взросления, а четкий недвусмысленный мир цифровой вселенной владычествовал над разумом, заставляя оценивать события с равнодушием и холодностью машины, но это восприятие медленно давало трещину. Сами не замечая того, они начинали чувствовать: их разумом руководили теперь не данные, закачиваемые через височный имплант, а биохимические реакции организма, на основе которых строится нормальное человеческое мышление и возникают влияющие на рассудок чувства.

Каждый из них по-своему, медленно и незаметно оттаивал от вселенского холода, но это еще нельзя было назвать жизнью, скорее — ее робким пробуждением.

* * *

Борт флагмана Земного флота крейсера «Интерпрайз».

Уровень командных палуб. То же время…

Совещание длилось уже более часа.

«Интерпрайз» являлся самым большим кораблем флота, призванного защитить Землю от внезапного удара со стороны военных сил Свободных Колоний, и поэтому внутренние помещения корабля не носили столь ярко выраженного на других судах признака утилитарной функциональности. Здесь, помимо боевых палуб, имелись и иные, более комфортные отсеки, позволяющие нормально жить и работать на борту двум тысячам офицеров, составляющих оперативный штаб флота.

Экстренное совещание возглавлял адмирал Табанов, но в эти минуты докладчиком был не он, а генерал Штейнер, получивший новое назначение и соответствующее должности звание более года назад.

— Данные внешней разведки показывают, что основные силы флота Колоний сосредотачиваются сейчас на орбитах Дабога и Кассии, — говорил он, одновременно очерчивая огоньком лазерной указки упомянутые системы. — Из этого следует сделать надлежащий вывод:

атака с их стороны неизбежна и начнется в течение ближайших трех-четырех суток.

— На чем основана такая категоричность? — осведомился Табанов.

— На анализе силовых линий гиперсферы, — ответил Штейнер. — Известно, что от гравитационного узла, образованного массами вещества Солнечной системы, в аномалию космоса отходит шестьдесят три линии напряжения, связывающие нашу систему с иными звездами и их планетами, но только две из них подходят для экономного, энергетически выгодного прыжка. — Он отчеркнул световой указкой две линии гиперсферы, связывающие Землю с системами Дабога и Кассии. — Именно тут концентрируется вражеский флот, и простой подсчет вероятностей указывает, что эти силы будут в ближайшие дни брошены на прорыв оборонительных порядков Земли.

— Есть какие-либо данные по вероятным точкам их «всплытия»? — спросил Табанов, имея в виду те области пространства, где вражеский флот намерен осуществить обратный переход из гиперсферы в трехмерный континуум материальной Вселенной.

— Точной информации нет, господин адмирал, но подсчет неприятельских единиц, а их более двухсот, показывает, что единой точки всплытия у них не будет. Именно поэтому они избрали энергосберегающие линии гиперсферы большинство кораблей флота Колоний будет вынуждено совершать обратный переход в нестандартных точках, расходуя при этом дополнительный энергоресурс.

— Выражайтесь конкретнее, — потребовал адмирал.

Штейнер на секунду задумался, а затем переключил изображение демонстрационного экрана на крупный схематичный план Солнечной системы.

— Предполагаю, что они пойдут двумя волнами, одновременно всплывая вот тут и тут. — Световая указка очертила две обширные зоны пространства, первую между орбитой Марса и поясом астероидов, а вторую непосредственно между Марсом и Землей.

Табанов хмуро посмотрел на схему.

Да, в таком маневре был заложен глубокий тактический смысл: расходуя дополнительную энергию, вражеские корабли экономили свой боевой ресурс. Им не нужно будет прорывать линии обороны, расположенные в поясе астероидов и на орбите Юпитера, — две армады выйдут в нормальную для человека метрику пространства уже внутри той зоны, откуда Земля и Марс будут досягаемы для малых космических судов, таких, как орбитальные штурмовики и космические истребители.

— Логично… — хмуро подытожил командующий свои мысли. — Мы не можем установить в этих зонах пространственные минные поля, так как тут базируется наш собственный флот, и получается, что противник таким маневром вклинится в наши боевые порядки, не понеся при этом предварительных потерь…

— Именно так, господин адмирал. Думаю, у нас есть еще сутки, чтобы отвести основные силы флота на иной рубеж.

— И тем самым оставить Марс на произвол судьбы? Сколько выдержит его планетарная оборона при массированной атаке малых кораблей?

— Мы потеряем Марс, согласен, но сохраним основные силы флота и получим возможность действовать дистанционно, укрепляя планетарную оборону Земли и пользуясь ее поддержкой.

После этих слов генерала Штейнера в зале совещаний воцарилась гробовая тишина. Старшие офицеры флота слушали, не высказывая личное мнение, но Табанов не одобрял такое молчание.

— Господа, — он встал со своего места, обернувшись к залу, — я хочу услышать, что думают по этому поводу капитаны кораблей.

Через несколько минут стало ясно, что старшие офицеры флота поддерживают идею передислокации на высокие земные орбиты, и Табанов, подумав, согласился.

— Хорошо, — выслушав их выступления, подытожил он. — Совещание окончено, господа. Предлагаю всем вернуться на свои боевые посты. Данные новой дислокации будут переданы каждому из вас по мере их обработки навигационным отделом штаба.

* * *

Когда зал совещаний опустел, в нем остались только Табанов и Штейнер.

— Что-то еще, генерал? — осведомился командующий, видя, что начальник внешней разведки флота не спешит последовать примеру других офицеров.

— Один вопрос, Денис Алексеевич.

— Да?

Отто Штейнер подошел к командующему, наедине с которым он мог позволить себе отбросить некоторые формальности, и спросил, облокотившись о выступ компьютерного терминала.

— Две недели назад вами был отдан приказ, фактически нейтрализовавший шестьдесят процентов автономных кибернетических

комплексов, — произнес он. Вы передали управление малыми космическими кораблями и серв-машинами наземного базирования в руки молодых людей, едва очнувшихся после сомнительного криогенного роста. Чем обоснована такая подмена?

Табанов, видимо, ждал подобного вопроса, но, несмотря на готовый ответ, заговорил не сразу.

— Это обдуманный шаг, — наконец произнес он. — Два года назад, когда ты в качестве моего адъютанта побывал на станции, где росли эти парни и девушки, в их боевых качествах можно было усомниться, но за прошедшее время они получили полный курс виртуальной боевой подготовки, и каждый из них не уступает по своим навыкам самым опытным пилотам-ветеранам.

— Это я понимаю, — ответил Штейнер. — Они отличные бойцы, по крайней мере так принято считать. Я даже знаю более этого: еще как минимум две недели их разум будет пребывать в тенетах виртуальной вселенной и грядущие бои они пройдут, если так можно выразиться, «на автопилоте», не страшась смерти и не совсем адекватно воспринимая реальность. Но мне непонятно другое — зачем? Зачем их разбудили, когда пакет программ «Одиночка», установленный на том же космическом истребителе, делает машину более эффективной в бою?

— Дело в том, Отто, что два года назад ты не был главой разведки и не владел той информацией, которую имею я, — спокойно ответил Табанов. Колонисты, планируя атаку на Землю, хорошо подготовились, они осведомлены о составе нашего флота и его комплектации. Они знают, что такое «Одиночка», и загодя готовились к столкновению именно с эрзац-пилотами. Последние испытания, проведенные три года назад, показали, что направленные электромагнитные импульсы определенной частоты могут стать эффективным оружием против кибернетических систем. Я не уверен, что колонисты не дошли до этого своим умом, так же как дошли мы. Что будет, если в составе их флота окажутся специальные корабли, генерирующие сильное поле помех, которое внесет сбои в работу компьютерных систем?

— Это доказано? У них есть подобные разработки? — спросил Штейнер.

— Не знаю, — ответил Табанов, не покривив при этом душой. — Но проиграть сражение за Землю из-за глобального сбоя компьютерных комплексов я не намерен. Теперь, когда на сцену вновь вышли люди, это уравновесит шансы, пятьдесят на пятьдесят. Моя логика понятна?

— Не совсем, — нахмурился Отто. — Надежность «Одиночки»

проверена годами войны, а вот эти ребята из так называемого «последнего резерва» не кажутся мне достойной заменой киберпилотам. Здесь, на мой взгляд, попахивает чем-то ненормальным, вроде преступной халатности или прямой диверсии. — Он вскинул вопросительный взгляд на командующего флотом.

— Будешь обсуждать приказы, Штейнер? — приподнял бровь Табанов, которого неприятно поразила проницательность бывшего адъютанта. — Или попытаешься прямо обвинить меня в измене?

— Нет. Не сейчас, — покачал головой начальник разведуправления. — Но я запомнил этот факт, адмирал.

Табанов хотел ответить ему резко, так, чтобы осадить слишком проницательного генерала, но концовка их диалога оказалась совершенно неожиданной.

По всему крейсеру внезапно завыли сигналы тревоги.

Оба, командующий флотом и начальник внешней разведки, одновременно повернули головы, уставившись на тактический монитор, который, словно по мановению какой-то силы вдруг прямо на глазах начал покрываться рябью засечек от энергетических всплесков, обозначающих возмущение метрики, какое обычно возникает при гиперпространственном переходе космического корабля в трехмерный континуум.

— Фрайг! — сорвалось с побелевших губ Штейнера древнее проклятье. — Они начали атаку на три дня раньше!..

Рябь, покрывающая огромный участок пространства между поясом астероидов и орбитой Земли, через несколько минут должна была материализоваться в конкретные сигналы, исходящие от двухсот с лишним космических кораблей.

Это был флот Свободных Колоний, который шел в атаку на прародину Человечества.

Готовая сорваться фраза застыла на губах адмирала Табанова.

Наступал судный день, который должен был предрешить дальнейшую судьбу, но не только Земли или Альянса в целом, а всего обитаемого космоса.

Он сделал все, чтобы предотвратить глобальную трагедию, и теперь развитие ситуации уже не было подконтрольно ни адмиралу, ни тем более генералу Штейнеру, который фактически угадал если не мотив, то последствия недавнего приказа Табанова, который вывел из строя больше половины кибернетических систем с программами независимого поведения.

Оправдать или обвинить адмирала теперь могли только историки

спустя годы после сегодняшнего события.

В том случае, если будет кому заниматься историей… — Такой была последняя мысль адмирала Табанова, прежде чем он поднялся на мостик флагманского крейсера «Интерпрайз», чтобы возглавить оборону Земли.

* * *

Резкие сигналы, зазвучавшие на всех палубах огромного крейсера, ворвались и в тот салон, где в ожидании приказа собрались новоиспеченные пилоты первой бортовой эскадрильи.

Услышав звук ревунов общекорабельной тревоги, Семен не вскочил со своего кресла, он лишь повернул голову, взглянув на табло бортового хроно.

Два часа пятнадцать минут…

Что-то шевельнулось в его душе, будто подсознание отметило эти цифры, не ради рапорта, который неизбежно заставляли писать командира звена после каждого вылета, а по иной причине…

Шевцов не знал, что с этих роковых секунд начнется его настоящее стремительное взросление.

— Первое звено — к стартовым катапультам! — вставая, произнес он. Получить экипировку и строиться.

Девушка, на которую он смотрел за секунду до этого, отложила исписанный крупным неуверенным почерком листок и, позабыв о нем, направилась к выходу.

Семен задержался в опустевшем салоне. Звук ревунов не раздражал и не тревожил его. Он подошел к низкому столику, расположенному между креслами, и хотел взглянуть на белый прямоугольник пластбумажного листа, но в эту минуту в салон вбежал командир эскадрильи, и Шевцов, не глядя на текст, сложив лист вчетверо, сунул его в нагрудный карман униформы.

— Ты почему здесь?! — раздался гневный окрик. — Живо к машинам, нас атакуют!

* * *

Все происходило именно так, как обрисовал командирам кораблей генерал Штейнер. Ударные силы флота Колоний выходили в трехмерный космос на обширном участке пространства между поясом астероидов и орбитой Земли. Призрачные вспышки гиперпространственных переходов были отчетливо видны невооруженным глазом, они сверкали в чернильной бездне как впереди, так и за кормой «Интерпрайза», из чего становилось

ясно, что на этот раз силы колоний в корне сломали привычные представления о тактике космического боя, — они намеренно сеяли хаос, заранее зная, что окажутся среди боевых порядков Альянса.

Учитывая плотность обороны на ближних подступах к Земле и присутствие в Солнечной системе шестого флота Альянса, такая тактика являлась единственно верной.

Семен Шевцов ощутил первые признаки начавшегося сражения, еще находясь на полпути к внутреннему космодрому.

«Интерпрайз» внезапно содрогнулся от носа до кормы, словно титанический корабль сотрясла судорога.

Сигналы тревоги продолжали выводить свою монотонную трель, но теперь к ним добавились иные угрожающие свидетельства происходящих событий. Свет в радиальном коридоре внезапно мигнул и погас, но спустя секунду под потолком зажглись тускло-красные плафоны аварийного освещения.

Где-то с гулкой вибрацией опускались аварийные переборки, крупная механическая дрожь продолжала гулять по палубам корабля, резкие боковые толчки, которые сбивали с ног бегущих по коридорам людей, ясно свидетельствовали о декомпрессии части отсеков правого борта…

…Адмирал Табанов находился в этот момент на мостике «Интерпрайза».

Ситуация складывалась — хуже некуда. Корабли противника пробивали метрику пространства уже в состоянии полной боевой готовности, и за каждым всплеском призрачного сияния, выпускавшего в трехмерный космос очередной корабль, следовал немедленный залп всех орудийно-лазерных комплексов главного калибра.

Воцарившийся в космосе хаос еще нельзя было обозначить термином «разгром», но ситуация склонялась именно к такому исходу. Отсек связи тщетно вызывал координаторов из состава подразделений флота — все частоты были забиты плотными помехами…

В такой ситуации оставалось одно: драться. Каждому кораблю следовало самостоятельно избрать цель из множества возникающих вокруг маркеров и контратаковать, но Табанов даже мысленно не мог предположить, сколько капитанов добрались до своих судов, ведь с момента завершения совещания прошло не более пятнадцати минут…

В этом хаосе голова шла кругом. Даже ему, адмиралу флота, далеко не новичку, было чрезвычайно трудно реагировать немедленно и адекватно на ежесекундно возникающие угрозы.

Очередная вспышка гиперперехода оказалась столь близка, что ее

бледный свет озарил броню «Интерпрайза», и тотчас же, всего в двух тысячах километров от флагмана, материализовался корабль противника.

Находящийся ниже мостика зал главного поста управления тут же отреагировал разноголосицей докладов и команд… которые безнадежно опаздывали.

— Вспышка гиперперехода!.. Две тысячи километров по правому траверзу!

— Наблюдаю крейсер, класс средний, предположительно «Неустрашимый»!

— Всем орудиям правого борта — беглый огонь по цели!

— Электромагнитные катапульты заряжены на пятьдесят процентов. Семь минут до выхода на стартовую мощность!

На корпусе «Интерпрайза» пришли в движение бронеплиты обшивки, открывая исполинские зевы, откуда подающие суппорта начали выдвигать в космос покатые башни орудийных комплексов. Шахты стартовых катапульт все еще были закрыты, а адмирал уже слышал новые доклады:

— Идентификация завершена. Это «Неустрашимый».

— Наблюдаю по вспышкам: старт истребителей. До сорока единиц.

— Внимание! Находимся под атакой, зафиксирован ракетный залп. Цель «Интерпрайз». Сорок секунд до разделения боевых частей!

— Всем зенитным орудиям: Беглый заградительный огонь! — Корпус «Интерпрайза» мелко завибрировал, — это зачастили вакуумные орудия, посылая в космос десятки тысяч снарядов, вслед им вспыхнула и погасла сетка лазерных лучей темно-вишневого цвета, а «Неустрашимый», разрядив стартовые катапульты левого борта, начал медленно разворачиваться, чтобы ответный огонь «Интерпрайза» пришелся на усиленный скат лобовой брони.

— Есть разделение боеголовок. Шестьдесят процентов атакующих кассет уничтожено!

В следующий миг множественные удары попаданий сотрясли исполинский корабль.

Табанову пришлось схватиться за ограждение мостика, чтобы устоять на ногах.

— Декомпрессия в четырех отсеках правого борта! — Секунду спустя пришел доклад оператора. — Пораженные отсеки изолированы. Продолжается накачка стартовых катапульт, девяносто процентов экипажей заняли места по боевому расписанию!

«Интерпрайз», выдвинув в боевое положение орудийно-ракетные и лазерные комплексы, начал поворачивать, отрабатывая двигателями

ориентации. В его броне зияло несколько чудовищных дыр, подле которых вихрились выбросы декомпрессии.

— Истребителям прикрытия — старт по готовности! Расчетам орудийных башен — сосредоточить огонь на малых кораблях противника!

Табанов посмотрел на тактический монитор.

Гиперпространственные переходы завершились, и теперь, наконец, командующий мог увидеть более или менее систематизированную картину происходящего.

Все космическое пространство, доступное сенсорам «Интерпрайза», сейчас пестрело красными и зелеными маркерами, которые постоянно перемещались, стремясь занять выгодную для атаки либо обороны позицию. Это был бой без правил, без построения, где все решали секунды и личные качества старших офицеров отдельных кораблей.

Фактор внезапности еще не отыграл своей роковой роли, но большинство кораблей флота уцелело, и теперь зеленые маркеры медленно отходили по направлению к высоким орбитам Земли, чтобы создать пространственный щит на подступах к планете. Алые засечки на тактическом мониторе, обозначающие вражеские корабли, также не стояли на месте. Не группируясь, без образования какого-либо строя, они двигались вслед отступающим крейсерам Альянса, продолжая вести плотный огонь по наиболее крупным целям.

Только сейчас до Табанова начал доходить истинный смысл содеянного им.

Одно дело предполагать, а иное — созерцать собственными глазами плоды совершенных накануне боя радикальных перемен.

Если бы корабли флота по-прежнему оставались под командованием кибернетических систем, ситуация на тактическом мониторе оказалась бы совершенно иной.

— Центральный пост, выделить канал полной телеметрии с бортовых сенсоров «Вулкана»! — отдал он приказ, делая шаг назад, от ограждения мостика к собственному противоперегрузочному креслу.

— Есть, сэр!

Тускло вспыхнули пять мониторов, отражая прямую трансляцию данных с борта автоматического крейсера «Вулкан».

На этом корабле в данный момент не находилось ни одного человека, крейсер функционировал в режиме полной автономии, управляемый кибернетическим мозгом, с базовой программой «Одиночка», модифицированной для корабля большого тоннажа.

Короткий озноб пробежал по спине адмирала.

«Вулкан» не отступал к Земле. Он и еще несколько полностью автоматизированных кораблей двигались в прямо противоположном направлении, навстречу атакующим.

Огромный клиновидный крейсер длиной в три километра медленно вращался, вокруг центральной оси симметрии. Выдвинутые за пределы обшивки орудийные башни комплексов «Прайд» изрыгали огонь, словно корабль действительно извергался, полностью оправдывая свое название.

Управляющий им кибернетический мозг был пленником машинной логики, которой неведом инстинкт самосохранения, — среди хаоса парящих вокруг корабля обломков трудно было распознать их бывшую принадлежность, но промелькнувшая в зоне разрешающей способности носовых видеокамер корма изуродованного малого крейсера колонистов ясно свидетельствовала, что атака «Вулкана» развивается успешно. На борту электронно-механического микромира некому было ошибаться, нервничать, либо пасовать, — «Вулкан» шел в атаку на превосходящие силы противника, филигранно маневрируя под огнем, при этом его кибернетический мозг удерживал до четырехсот целей одновременно, а лазерные и вакуумные орудия крейсера работали без остановки…

Табанов переключился на обзор повреждений.

В броне крейсера зияли дыры, от части выдвижных орудийных башен остались лишь обломки суппортов, датчики свидетельствовали о том, что минуту назад кибер-мозг корабля произвел полную декомпрессию всех отсеков, чтобы попадания вражеских ракет не сбивали автоматику с избранного курса.

В таком состоянии корабль с экипажем из людей уже не мог бы сражаться, но автоматический крейсер продолжал атаку, ибо ему было все равно — жить или умереть, а функция программ исчерпывалась лишь после уничтожения последней способной сражаться огневой точки либо полной победы над врагом.

От мысли, что еще пару недель назад девяносто процентов флота было укомплектовано кораблями такого типа, Табанову стало не по себе — даже призрак близкой смерти, настойчиво стучавшийся в сознание, на время отступил, не тревожа разума.

Глядя на атакующий «Вулкан», Табанов в очередной раз подумал, что где-то на пути научно-технического прогресса люди, сами того не заметив, переступили грань дозволенного…

— Стартовые катапульты заряжены. Инициирован обратный отсчет! Всем орудиям прекратить заградительный огонь в бортовых полусферах!..

Теперь в дело вступали они — подростки, из последнего резерва.

Табанов, вцепившись в подлокотники кресла, ждал момента старта, от которого содрогнулся не только «Интерпрайз», но и его давно очерствевшая, израненная душа…

Сейчас, отследив атаку «Вулкана», он готов был поверить, что на свете все же существует оправданная жестокость.

Храни вас бог… — подумал он, когда стартовые катапульты выстрелили в космос пять десятков космических истребителей.

* * *

Заняв кресло пилот-ложемента в кабине «Фантома», Семен Шевцов внезапно оказался наедине с самим сбой.

Обзорные экраны рубки управления показывали длинный ствол стартовой шахты, вдоль которого с равными интервалами пробегали трепещущие цепочки алых огней, свидетельствующих, что механизм запуска еще не готов.

Он не стал опускать дымчатое забрало гермошлема, пока что в этом не было нужды, лишь машинально подключил оптико-волоконный кабель интерфейса в соответствующий ему разъем пульта управления, соединив тем самым свой разум с кибернетической системой истребителя.

Доброе утро, пилот.

Бестелесный голос вплелся в мысли — это электронный мозг «Фантома» приветствовал подключившегося к нему человека.

Процедура была обычной, Шевцов сотни раз испытывал подобный контакт и не придал особого значения прозвучавшей в его сознании фразе.

Разум Семена еще не научился отделять новую реальность от процессов, происходивших с ним до пробуждения, и потому все сливалось воедино, без болезненного сбоя, без ощущения разрыва с одной вселенной и вхождения в другую.

Для осознания этого нужны чувства, а они все еще дремали под хрупкой наледью безэмоционального прошлого.

Что-то должно было разрушить, сломать этот лед.

Смутное беспокойство, едва уловимая неуверенность не могли совершить глобального переворота в сознании. Для этого нужно было что-то большее…

Томительно текли секунды ожидания команды, разрешающей старт. Монотонно вспыхивали и гасли цепочки кроваво-красных огней, и в эти минуты Шевцов вдруг вспомнил о сложенном вчетверо листке, который он положил в карман униформы. Интересно, что она писала? — подумал он. Перед его внутренним взором возник образ девушки, склонившейся над

низким столиком.

Это было легко узнать. Машинально расстегнув нагрудный клапан боевого скафандра, ровно настолько, чтобы можно было просунуть руку, он на ощупь коснулся кармана униформы.

Достав плотный пластбумажный прямоугольник, Шевцов вновь тщательно загерметизировал скафандр, машинально включил тестовую проверку экипировки и только после этого развернул сложенный вчетверо лист.

Строки, написанные крупным, по-детски неуверенным почерком, оказались тремя незавершенными четверостишьями.

Семен несколько раз перечитал их, пока смысл написанного медленно пробивался сквозь слои его рационального сознания, постепенно находя логический отклик и вдруг…

Чиста, как снег, твоя душа…
Сон повзрослевшего младенца
Проистекает не спеша,
В такт криогенным ритмам сердца…
Лишь резкий ультрафиолет
Змеится по чертам застывшим…
Взрослеет разум средь тенет,
Несущих байты псевдожизни…
Но белый снег твоей души,
Вне оцифрованной вселенной…
Растает…

Дальше строки обрывались. Ощущая смятение, Семен еще раз перечитал их, вспоминая лицо девушки и тот миг, когда резкий сигнал тревоги заставил ее руку остановиться, замереть, так и не отдав бумаге часть рождающихся в голове мыслей.

Стихи…

Это было далеким, потускневшим воспоминанием, таким же, как музыка или история…

Что-то случилось с ними, ведь когда-то не было этой ледяной вселенной, практический смысл которой заключен в борьбе с непонятным, смутно обозначенным противником. Его разум чутко прислушался к себе, и дисциплинированная память тут же подтвердила: да, было иное взросление, но воспоминания о нем вытравлены постоянными, непрекращающимися тренировками последних лет, боевыми вылетами, разборками полетов, изучением всех мыслимых видов вооружений и

боевых кибернетических систем.

Семен сидел, чувствуя холод в груди и непонятную пустоту в том месте, где нормальный человек обычно испытывает ощущение, которое принято обозначать словами «душевная боль»…

Он не мог вспомнить, когда закончились стихи и началась война, поселившаяся в разуме неожиданно, но прочно отодвинувшая на задний план все, что не соотносилось с холодной логикой выживания и победы…

Байты псевдожизни…

О чем она писала? О каком криогенном сне?

Вопросы, заданные самому себе, не нашли ответа ни в душе, ни в разуме. Он не мог поверить тому, что не жил, а спал, ведь все прошлое воспринималось вполне натурально, обоснованно: сначала детство, потом юность, затем…

Шевцов волевым усилием заставил работать саботирующую память и добился неожиданного результата: он вспомнил момент перехода, когда пришло жесткое взрывообразное взросление, вернее трансформация? Этот полувопросительный термин внезапно подсказало собственное подсознание.

Имя… Ее имя? Он должен его знать.

В его мысли внезапно вторгся ровный машинный голос, который он неосознанно воспринимал как женский:

— Система допинг-контроля докладывает о дисфункции процесса обмена веществ. Тебе страшно?

Шевцов не удивился голосу, он помнил, что соединен с кибернетической системой «Фантома», и понимал, что причиной ее беспокойства стали датчики скафандра, контактирующие с телом, — они передали бортовому компьютеру данные о внезапном нарушении состава крови.

Алые огни продолжали скользить вдоль шахты пускового ствола.

— Как мне тебя называть? — обратился Семен к своей электронной напарнице.

— Рабочее название: «Клименс». Бортовая система «Клименс-15», модификация программного пакета «ALONE».[1] Нужна еще техническая информация, пилот?

— Нет. — Шевцов заметил, что алые огни сменились на желтые, и опустил дымчатое забрало гермошлема. — Ты псевдоинтеллект, насколько я понимаю?

— Да.

— Тогда будем знакомы еще раз. Не называй меня «пилот». Мое имя Семен.

— Принято.

Некоторое время Шевцов сосредоточенно молчал, потом вызвал в памяти образ девушки и спросил:

— Ты видишь ее? Можешь идентифицировать?

— Сканирую. Кейтлин… — наступила короткая пауза.

— Ну? Почему только имя?

— Плохо различима личная карточка, прикрепленная на груди. В твоем воспоминании она сидит вполоборота.

Семен напрягся, вызывая иную вспышку памяти. Он постарался воспроизвести тот момент, когда зазвучали сигналы тревоги и девушка, не закончив писать, встала с кресла, позабыв на столе лист пластбумаги.

— Теперь вижу. Кейтлин Вилан, третье звено первой эскадрильи.

— Соедини меня с ней.

— Исполняю.

Огни в стартовом стволе начали менять свой цвет на бледно-зеленый. До момента запуска оставалось менее минуты.

На экране связи появился фрагмент рубки другого «Фантома». Лица пилота, сидящего в кресле пилот-ложемента, не было видно за полупрозрачным компьютеризированным забралом боевого шлема.

— Кейтлин?

— Да? — отозвалась она, не проявив при этом никаких эмоций. — Кто вызывает?

— Семен Шевцов.

— Я слушаю.

— Ты писала стихи, когда мы сидели в салоне перед началом тревоги, произнес Семен. Он не мог и не умел стесняться, и потому вопрос вышел деловым, сжатым, по существу, как привыкло формулировать сознание любую мысль.

— Да, — подтвердила она.

— Откуда у тебя информация о том, что мы спали? Почему ты писала о криогенном взрослении и цифровой вселенной?

Голова в гермошлеме чуть повернулась, и теперь сквозь дымчатое забрало стали смутно видны черты ее лица.

— Меня разбудили раньше других, — спокойно пояснила она. — Я видела все своими глазами. Мы спали. Я и еще несколько человек помогали в пробуждении остальных.

— Значит, все наше прошлое ненатурально?

— Я не могу ничего утверждать. Я видела огромные залы, сплошь заполненные рядами анабиозных камер, и помогала поднимать из криогенного сна тысячи моих ровесников. — Ее голос внезапно дрогнул на следующей фразе: — А стихи… Они возникли в голове сами собой. Я не знаю почему.

Девушка говорила откровенно, не пытаясь что-либо скрыть, по той причине, что все они не умели лгать, не видели смысла отрицать очевидное или утаивать информацию. Взрослые дети. Это определение лучше всего подходило к каждому из них, но вряд ли такая самооценка могла быть произведена кем-то из юных пилотов, особенно в эти роковые минуты перед стартом.

В рубках двух «Фантомов» синхронно прозвучал один и тот же сигнал.

Связь оборвалась автоматически, и, взглянув на обзорные экраны, Семен увидел, как в конце стартового ствола открылась лепестковая диафрагма люка; через образовавшееся отверстие в космос выметнуло мутное облачко остаточной атмосферы, которое тут же рассеялось, оставив после себя чернь пространства да одинокую немигающую звезду, которая виднелась сквозь открытый тоннель электромагнитной катапульты.

— Приготовиться к ускорению! — пришла команда по внешней связи.

Затылок Шевцова коснулся подголовника.

В следующий миг его «Фантом» начал разгон по наклонному каналу стартового ствола электромагнитной катапульты.

Семен успел заметить, как по бокам промелькнули надстройки базового крейсера «Интерпрайз», и его истребитель, словно пуля, выпущенная из ствола, вращаясь, устремился навстречу яркой россыпи немигающих звезд.

* * *

Секунду спустя картина окружающего разительно изменилась.

Шевцов еще переживал дискомфортные ощущения старта, а Клименс уже стабилизировала «Фантом», устранив полученный при разгоне вращательный момент, и истребитель начал описывать плавную дугу, ложась на обратный курс.

Целевой монитор покрылся разноцветной россыпью засечек, все активные сенсорные системы работали на пределе своей разрешающей способности, передавая бортовому компьютеру нескончаемый поток данных, оцифровывающих тот хаос, что царил в районе медленного дрейфа поврежденного крейсера «Интерпрайз».

Руки Семена расслабленно держали астронавигационные рули, под пальцами, затянутыми в тонкий гермопластик, ощущались выпуклые бугорки сенсорных гашеток.

Он был абсолютно спокоен.

Вселенная уже не раз распахивалась навстречу его разуму хаотичным коловращением разрозненных масс. Бой в космосе являлся для его вышколенного рассудка чем-то вроде сложной шахматной партии, которую всегда можно просчитать, неважно, насколько сложна первоначальная диспозиция фигур, — все они так или иначе подчинялись законам физики, а значит, их предсказуемость являлась лишь вопросом времени и зависела в основном от тактовой частоты, с которой бортовой компьютер «Фантома» обрабатывал полученные данные.

Гораздо позже, бросая взгляд назад, он начал понимать, что в первые минуты боя его разум воспринимал окружающую реальность с таким же рациональным равнодушием, как видела ее Клименс.

Бортовая система закончила маневр разворота, и теперь «Фантом» мчался к темной уступчатой глыбе «Интерпрайза», возвращаясь к базовому кораблю на скорости в двадцать километров в секунду.

Семен сосредоточенно смотрел на дисплей вариатора целей, мысленно отдавая приказы своей электронной напарнице.

Его задача была проста: оградить базовый корабль от атак штурмовиков противника, не ввязываясь в бой с более крупными кораблями, поэтому, разобравшись в хаосе сигналов, он безошибочно выделил среди множества маркеров плотную группу из девяти «Гепардов», которые под прикрытием выпустившего их крейсера пытались незамеченными подойти к изрядно потрепанному флагману Земного флота.

Титанический корабль, который медленно сближался с «Интерпрайзом», следуя встречным курсом, был идентифицирован как «Неустрашимый».

— Клименс, расчет курса атаки. Цель — эскадрилья штурмовиков «Гепард».

— Принято.

На дисплее курсографа вспыхнула зеленая нить. Она вела прямо к «Неустрашимому», затем огибала крейсер полупетлей и резко поворачивала, заводя «Фантом» в корму избранной группы штурмовиков.

Взглянув на проложенный курс, Семен одобрительно кивнул и разрешил автоматике принять его к исполнению.

Логика маневра была проста: траектория движения «Фантома» огибала «Неустрашимый» в том районе, где его боевые надстройки были

превращены в уродливые обломки ответным огнем «Интерпрайза». Конечно, оставался риск встретить функциональные орудийные башни по ту сторону вражеского корабля, но здесь вступали в силу тактико-технические данные самого «Фантома», который не зря получил свое название. Его броня, покрытая сплавом «хамелеон», поглощала девяносто процентов радарного излучения, что вкупе со скоростными качествами делало эту модель истребителя практически неуязвимой на коротких дистанциях. Он проносился мимо стационарных орудийных башен, словно призрак, не предоставляя их компьютерам ни единого шанса поймать себя в качестве цели, а уж тем более произвести залп.

Техника, которая конструировалась и отшлифовывалась в процессе реальных боевых действий, практически достигла совершенства в своей узкой специализации.

На поверку выходило так, что самым слабым звеном в техногенном аду ближнего космического боя стал человек. Психика пилотов зачастую не выдерживала прессинга бушующего вокруг столкновения, а физические возможности организма накладывали существенные ограничения на скоростные качества и маневренность машин. Резкие перегрузки, возникающие при сменах курса или маневрах, связанных с ускорением маршевой тяги, никак не влияли на несущие конструкции истребителя, но человек, как правило, не выдерживал их пиковых значений.

Этот разрыв, установившийся между запасом прочности машины и возможностями живого организма, усугублялся по мере того, как совершенствовалась боевая техника, и в конечном итоге к финалу Галактической войны человеческий фактор начал отходить на второй план.

Как справедливо заметил Волкошин, рождаемость резко падала, а количество невосполнимых потерь росло, отчего пустели перенаселенные миры, а искусственный интеллект боевых машин получал все больше и больше полномочий, что незаметно подвело Земной Альянс к той опасной черте, за которой война грозила перейти в иную стадию.

Семен не знал, что был призван проиграть эту войну.

Его разум еще не впитал всей дикости реального положения вещей, и первый не виртуальный вылет никак не ассоциировался в его сознании с последней, глобальной битвой.

Он видел серо-голубой серп Земли, маячивший на левом траверзе атакующего «Фантома», но в данный миг для Шевцова это был просто еще один небесный объект, ориентир, относительно которого мог быть построен какой-либо курс, но не более того…

Последняя недописанная строка, рожденная в сознании Кейтлин, не

находила отклика в душе Шевцова. Он все еще пребывал там, оперируя понятиями оцифрованного фантомного мира, по сути — грезя наяву…

Бортовой хронограф «Фантома» отсчитывал сейчас последние секунды заблуждений, после чего явь войдет в разум Семена, однажды и навсегда…

* * *

— Клименс, мы под атакой!

Забывшись, Семен произнес эту фразу вслух, но бортовая киберсистема с одинаковой скоростью воспринимала как мнемонические приказы, так и обыкновенный голосовой ряд.

Звено «Ягуаров» появилось в радиусе сенсоров кормовой полусферы как раз в тот момент, когда «Фантом» Шевцова заканчивал огибать изуродованный участок вражеского крейсера.

Корабль резко накренился — это Клименс отработала двигателями коррекции, заставив «Фантом» вращаться вокруг своей оси, и тотчас с мелкой вибрирующей дрожью заработало кормовое вакуумное орудие.

Головной истребитель противника внезапно окутался беззвучным взрывом декомпрессии. Его броня, прошитая кумулятивными снарядами, потеряла герметичность, и давление заключенного внутри машины воздуха начало ломать отдельные бронеплиты, расширяя дыры от попаданий.

Два ведомых резко отвернули в стороны, сойдя с прямого курса атаки, теперь им стало не до одинокого «Фантома», — стремясь избежать столкновения с обломками ведущего, «Ягуары» мгновенно канули в пучине разрозненных сигналов, которые окружали вражеский корабль.

Семен скосил глаза на панель приборов.

До «Интерпрайза» пять тысяч километров, а три звена «Гепардов» уже изготовились к ракетному залпу. Их строй распался, теперь каждый из штурмовиков противника был волен избирать свою цель, благо флагман земного флота являлся отличной крупной мишенью.

Где же остальные «Фантомы»?.. — мелькнула в сознании Шевцова вопросительная мысль.

Он не видел их на своих радарах, обе полусферы были сплошь покрыты алыми маркерами противника да нейтрально-желтыми сигналами обломков. На их фоне выделялись несколько зеленых засечек, обозначающих крупные корабли флота, отступающие к серо-голубому серпу планеты Земля.

Клименс, захват целей!.. — мысленно приказал Семен.

Секунду спустя на дымчатом забрале гермошлема вспыхнули четыре

красных огонька.

— Есть захват, — доложил ровный голос.

Семен выждал еще мгновение, для верности, и сжал сенсоры запуска ракет.

Ощутимый толчок оповестил о том, что пусковые стволы «Фантома» разрядились.

Где-то в недрах истребителя тонко заныл эскалатор автоматической перезарядки, подавая новый ракетный боекомплект к пусковым шахтам.

— Клименс, огонь на поражение! Самостоятельный выбор и захват целей.

— Принято.

Разум Шевцова работал в эти мгновения в темпе боя, но, невзирая на привычное напряжение мысли, он успел с удивлением заметить, что на трезвую оценку окружающей обстановки накладываются еще сотни мелких, не испытанных ранее ощущений.

Происходящее с ним никак не походило на отрешенную от всяких посторонних влияний чистую, мысленную виртуальную схватку.

Острота восприятия возникла и исчезла — это походило на мгновенную вспышку, которая озарила рассудок и ушла, оставив после себя лишь дрожь в кончиках пальцев.

Это не виртуалка. В его жизнь вторглось нечто иное, но пока Семен подобно остальным сверстникам находился в спокойной обстановке на палубах огромного корабля, разница практически не воспринималась сознанием — только стрессовый прессинг боя мог вывести его из тенет иллюзий.

Мысли не желали спрессовываться в мгновения, словно он внезапно разучился жить миллисекундами, а действительность лишь подтверждала разительную, растущую на глазах пропасть между холодным расчетом виртуальных схваток и этими дикими, не укладывающимися в рамки сознания ощущениями физического тела, мозга, который безнадежно опаздывал, не в силах разорваться на две половины…

Шоковое состояние нарастало, Семен силился вырваться из ритма реального времени, но не мог.

Штурмовики противника уходили из-под ракетного удара, он уже не успевал достать их вторым прицельным залпом.

Это были минуты полного перерождения. Болезненная реконструкция психики по всем канонам должна была сломить его волю и разум, на какое-то время исключив «Фантом» из боя, но Шевцов сумел пережить шоковые мгновения, не позволив своему рассудку зациклиться на внезапных и

болезненных открытиях.

Злость. Она вспыхнула глубоко внутри, и сначала резкий сбой реакций обмена веществ походил на глубокий, но кратковременный провал, будто чернота, рванувшись из непознанных недр сознания, на миг затопила его разум, а затем отхлынула, как волна…

Гулко и неровно билось сердце. Глухой ток крови бился в висках, резонируя, словно реальный звук, во рту появился кисловатый привкус, пальцы по-прежнему дрожали, но эти ощущения неуправляемости, немощи, запаздывания мысли вдруг потонули в чем-то новом, гораздо более сильном…

Тело Шевцова трясло, словно система терморегуляции скафандра дала сбой и его внезапно объял холод.

Чернота космоса сливалась с окутавшей сознание тьмой, и он, инстинктивно сопротивляясь, вдруг вырвался из этого глобального сбоя, отчетливо осознав, что еще несколько секунд промедления, и его истребитель потонет в пучине неуправляемого боя, станет легкой, доступной мишенью для любого врага, который потрудится обратить внимание на одинокий «Фантом», внезапно сошедший с курса атаки…

Нет… Пусть все ощущения и реакции оказались ему внове, но в подсознании Семена были прочно заложены рефлексы, переданные ему на генетическом уровне, и наследные реакции, выработанные миллионолетней эволюцией, внезапно совместились с этими условными рефлексами, глубоко въевшимися в рассудок.

Он мог управлять истребителем, а внутри росло, ширилось желание жить, понимать происходящее вокруг, инстинкт самосохранения рождал не страх, а внезапную ярость, которая выжигала ненужные мысли, возвращая разум к конкретике выживания.

Пальцы по-прежнему предательски дрожали, но он уже понимал, что и зачем делает. Удивительно, но рассудок Шевцова сумел пережить болезненную ломку иллюзорных стереотипов, и это перерождение длилось меньше минуты…

Глухие удары пульса стали замедляться, пальцы сквозь тонкий гермопластик вновь ощутили астронавигационные рули ручного управления, картина окружающего космоса, секунду назад казавшаяся черной бездной, медленно обретала прежнюю осмысленность.

Он должен драться, чтобы уцелеть, только тогда у него появится ничтожный, призрачный шанс остановить бешеный хаос мыслей и понять, что с ним случилось, почему он вдруг ожил и куда подевалась та ледяная вселенная, в которой он рос?..

Клименс?

Да, Семен?

Мы должны выжить. Эта мысль разрасталась в его сознании, затмевая в данный момент все остальные желания и чувства.

Задача принята. Прошу передать мне управление ракетными комплексами.

Выжить — значит убить?

Эта дилемма еще не приняла характер глобального вопроса, но уже появилась в сознании Шевцова, скользнув червячком сомнения, который пока что был слишком слаб, чтобы на равных бороться с мобилизованными инстинктами.

Изуродованный борт «Интерпрайза» угрожающе рос на лобовых экранах обзора, и Шевцов более не колебался. Передав управление ракетными комплексами бортовому компьютеру, он переключился на атаку ближайших целей, активировав для этой цели вакуумные орудия «Фантома».

Истребитель, следовавший слепым курсом, снова включился в бой.

Остановив вращение машины, Шевцов повернул голову, зная, что автоматические орудия сейчас синхронизированы с его взглядом.

Визуальный контакт…

Увеличение цели…

Захват…

Взгляд Семена впился в укрупненное изображение «Гепарда», запутавшегося в перекрестье пульсирующих зеленых нитей, и пальцы машинально сжали сенсорные гашетки.

Четыре зримые тугие снарядные трассы потянулись к штурмовику.

Вакуумные орудия работают практически бесшумно, в основе их конструкции лежит обыкновенный компрессор высокого давления, который разгоняет снаряды посредством сжатого воздуха. Чтобы истребитель не получал обратных импульсов реактивной тяги в момент отделения снарядов от среза стволов, они снабжены специальными компенсирующими соплами, по которым отработанный газ истекает импульсивными толчками, компенсируя тягу выстрелов, поэтому Семен ощутил лишь дрожь в переборках, сопровождаемую отдаленным глубинным звуком работающих эскалаторов ленточной перезарядки…

… «Гепард» все еще находился под оптическим увеличением, когда четыре снарядные трассы полоснули по его броне, взламывая обшивку вражеской машины. Разум Шевцова по-прежнему не поспевал за стремительностью событий: он лишь на мгновение задержал свой взгляд на

пораженной цели, но этого оказалось достаточно, чтобы он смог разглядеть подробности содеянного им.

Ранее он никогда не наблюдал подобных картин.

С первых секунд боя его неосознанно тревожили возникающие тут и там белесые декомпрессионные взрывы, но напряженная ритмика космических скоростей не оставляла времени на осмысление визуальной информации.

И вот теперь он увидел, что стоит за каждым облаком мгновенно кристаллизующегося в вакууме газа.

Он отчетливо видел, как среди обломков брони распадающегося на части штурмовика мелькнуло беспорядочно вращающееся человеческое тело, облаченное в незнакомую для глаза гермоэкипировку. Оно летело, словно кукла, среди вихрящихся кристаллов замерзшего воздуха, пока уродливый обломок бронеплиты не пересекся с ним, порвав скафандр и расчленив раскинувшую руки фигуру.

Облако алых замерзающих брызг мгновенно окутало место столкновения, а рваный кусок обшивки полетел дальше…

Семен инстинктивно выключил оптику, словно отпрянул от места события, одновременно задавая себе страшный риторический вопрос:

Что это было?!..

— Ты наблюдал смерть вражеского пилота, — ровно прозвучал в коммуникаторе голос Клименс. — Бортовой ракетный комплект израсходован, тут же сухо доложила она, — восемь целей из девяти уничтожены.

Семен оцепенело смотрел на экран, где массы обломков разлетались в разные стороны, обтекая его истребитель, словно густой метеоритный рой.

Его шоковое сопереживание чужой смерти длилось недолго, всего несколько секунд, но для спящей души это был первый и, наверное, роковой переворот…

Разум Шевцова был достаточно логичен и трезв, чтобы понять: за каждым вторым статичным сигналом кроется не уничтоженный компьютер, не конструкция из металла и пластика, а эти алые брызги крови, навек законсервированные ледяным дыханием серебристо-черной бездны.

Из ступора его вырвал голос Клименс:

— Опасный курс.

Семен вскинул взгляд и понял, что его «Фантом», опережая обломки атакованных им штурмовиков, несется на уступчатую глыбу «Интерпрайза».

— Связь с базовым кораблем.

В коммуникаторе зашипела помехами несущая частота, затем Семен услышал прерывистый голос, повторяющий одну и ту же фразу:

— Всем кораблям прикрытия, мы не можем задействовать посадочные вакуум-створы. Зона внутреннего космодрома разрушена. Отходить. Приказываю отходить к низким орбитам Земли!..

— Что это значит, Клименс?! — Шевцов ощущал, что теряет всякий контроль над событиями.

— Базовый корабль получил критические повреждения. «Интерпрайз» фактически уничтожен. Нам приказано отступать.

— Это я понял и без тебя! — Голос Семена внезапно сорвался на хриплый крик. — Что происходит вокруг?!

— Война, — ответил ему ровный голос. — Тридцать секунд до столкновения с «Интерпрайзом». Я прошу передать управление автопилоту.

Шевцов с трудом разжал пальцы рук, которые от напряжения свело судорогой на пористых рукоятках астронавигационных рулей.

Автопилот, перехватив управление, моментально начал маневр, уводя «Фантом» прочь от приближающейся темной глыбы изувеченного космического корабля.

Клименс ввела истребитель в петлю.

Мертвую петлю для внезапно очнувшейся души Семена Шевцова.

* * *

В районе низких орбит Земли царил полнейший хаос.

На удалении от планеты продолжал полыхать бой, распавшийся на отдельные очаги сопротивления, которые создавали отступившие к планете крейсера флота, а тут, в десяти тысячах километров от земной тверди, беспорядочно перемещались сотни, если не тысячи малых космических аппаратов, утративших централизованное командование.

Вспышки внезапных столкновений возникали на экранах обзора, они казались окончательным штрихом к картине всеобщего апокалипсиса, заставляя компьютерную систему рывками менять вектор тяги, а разум пилота все глубже погружаться в пучину царящего вокруг хаоса, имя которому — глобальное поражение.

— Расчет, Клименс. Мне нужен расчет безопасного курса

— Конечная цель?

— Не знаю. — Семен впервые произнес это емкое словосочетание, — он действительно не знал, куда следует прокладывать курс, где кроется шанс на спасение, и вообще возможно ли оно?

— Расчет вероятностей, — очнувшись, поправился он.

Ответ кибернетической системы не заставил себя ждать.

На тактическом мониторе погасло большинство сигналов — это Клименс отсеяла царящий вокруг хаос, и Шевцов увидел зеленую курсовую нить, которая полого уводила в пучины земной атмосферы.

— Курс рассчитан на основе посадочного луча. Источник не опознан. Предположительно — космодром резерва в районе центрального мегагорода. Предупреждаю: вражеские штурмовые модули уже вошли в границы низких орбит.

— Что это значит?

— Они атакуют Землю. Идет глобальная высадка десанта.

— Принимай курс к исполнению.

Произнеся эту фразу, Шевцов бессильно откинулся на мягкую спинку кресла.

Он смертельно устал. Ощущение тоже было новым, непознанным и неприятным. Он не спал уже около суток, нервное напряжение истощило его психику, разум с трудом балансировал на грани, но Семен не мог с уверенностью ответить, между какими пропастями сейчас удерживает равновесие его рассудок.

Оказавшись в эпицентре масштабных событий, он не понимал их истинной сути, не мог правильно оценить себя, как крохотную песчинку, которую подхватил вихрь последнего столкновения длившейся более трех десятилетий войны.

В одном он отдавал себе полный отчет: нет никого, кто был бы заинтересован в его судьбе, в сохранении жизни пилота чудом уцелевшего «Фантома». Эфир не мог помочь в получении каких-либо указаний, он нес либо гробовую тишину на частотах разрушенного базового корабля, либо хаос в тех диапазонах связи, где поддерживали взаимный контакт уцелевшие боевые единицы флота.

Семен был предоставлен самому себе, но он откровенно не понимал, что делать с этой внезапной, непрошеной свободой?

Пока он пытался размышлять над создавшимся положением, Клименс отработала двигателями торможения, и одинокий истребитель начал плавно снижаться, входя по пологой траектории в атмосферу Земли.

* * *

Истребитель снижался над плотной пеленой свинцово-серой облачности, в которой, помимо влаги, ее образующей, абсорбировалось огромное количество мельчайших частиц, исторгаемых в атмосферу

вследствие человеческой деятельности.

Облачно-смоговое покрывало казалось непроницаемым, слои клубящихся атмосферных фронтов находились в постоянном движении. Они парили на разных высотах, образуя причудливые каскады и наслоения. Изредка над ними появлялись смутные, укутанные дымкой очертания пирамидальных вершин городов-мегаполисов, высотные уровни которых попирали облака, пронзая их и поднимаясь выше, словно являлись не стеклобетонными творениями архитекторов, а новой исполинской формой жизни, прорывающейся к свету сквозь плотное отравленное покрывало, укутавшее Землю много веков назад.

Шевцов воспринимал эти картины с усталым равнодушием. Пока автопилот вел машину по тонкой указующей нити посадочного луча, у него было достаточно времени, чтобы подумать над сложившейся ситуацией и задать самому себе вопрос: что творится вокруг? Кто и с кем воюет и ради чего он оказался втянутым в этот конфликт помимо собственного желания?

— Клименс… — негромко произнес он.

— Да? — тут же отозвался голос, который Шевцов по-прежнему воспринимал как женский.

— Ты можешь объяснить мне суть происходящего?

— Нет.

— Почему?

— Я система. Боевая система твоей машины. Мне недоступны данные, которых ты требуешь.

— А что тебе доступно в таком случае?

— Сейчас или в общем? — уточнил голос.

— Сейчас.

— Я сканирую горизонт в радиусе трехсот километров, управляю действиями автопилотов и состою в контакте с твоим разумом.

— Ты читаешь мои мысли?

— Да. Это называется нейросенсорным контактом. Все, о чем ты думаешь, оцифровывается, переводится на язык машинных кодов и передается мне для обработки.

— Зачем?

— Это необходимо для боя. Находясь под управлением человека, я руководствуюсь мыслями, возникающими в разуме пилота. Ты можешь не осознавать их, но твой мозг реагирует на ситуацию с той же скоростью, что и мои процессоры.

— Мне кажется наоборот. Я ощущаю заторможенность реакций.

— Это субъективно. Чаще всего пилот принимает решение гораздо

раньше, чем осознает его. Я лишь вылавливаю командные импульсы из общего потока данных и сообразуюсь с ними.

— Значит, ты не можешь мне ничего объяснить… Жаль.

— Могу, — внезапно ответила Клименс.

Семен вздрогнул:

— Ты же только что утверждала обратное.

— Я никогда не лгу и не противоречу логике. В твоем рассудке не один вопрос, их тысячи, и на некоторые я знаю ответ.

— Например?

— Ты рожден не для войны. Твое предназначение — жизнь.

— Откуда ты знаешь?

— Я делаю такой вывод на основе информации, которую содержит твой мозг. Ты должен был проснуться уже после войны. Все, кто сейчас участвует в битве, были зачаты и воспитывались для того, чтобы жизнь не оборвалась, чтобы уцелели знания, традиции, чистый генофонд.

— Значит, кто-то опасался, что люди полностью истребят друг друга?

— Да.

— Но почему, в таком случае, я оказался тут, в кабине истребителя?

— Не знаю. Могу лишь предположить: кто-то изменил программу, решив перепрофилировать вас, и это случилось около двух лет назад.

Новая информация, которая полностью подтверждала смутные, едва осознанные сомнения, подействовала на Семена угнетающим образом.

— Значит, для меня нет ни друзей, ни врагов? — спустя некоторое время сформулировал он собственный вывод. — Я убивал тех, кто не причинил мне никакого зла?

— Если мыслить объективно, ты прав.

— Клименс, я не хочу принимать дальнейшее участие в этой бойне. Дезактивируй все боевые системы.

— Ты погибнешь.

— Это приказ. Исполняй.

— Принято.

* * *

Он не мог выйти из игры.

Это понимала Клименс, но не Шевцов. Его очнувшийся разум мыслил категориями добра и зла. Он опять совершал ошибку, не замечая полутонов, не осознавая того, что мир намного сложнее и не может быть поделен на черное и белое, доброе и злое. Для того чтобы выжить, ему следовало убивать, драться: вокруг полыхал финальный акт вселенского

безумия под названием ВОЙНА, а внезапным пацифистам был уготован лишь один путь…

…Это произошло сразу, как только «Фантом», снижаясь по наводящему лучу, пробил плотное покрывало смога и облачности.

Семен оцепенел, глядя на экраны внешнего обзора.

Он видел ЗЕМЛЮ.

Исполинские города высились повсюду. Они вздымались к хмурым небесам уступчатыми, пирамидальными конструкциями, словно редкая, порванная горная цепь, протянувшаяся от горизонта до горизонта… Но и между отдельными мегаполисами не было ни одного квадратного метра чистой земли, — все обозримое пространство покрывали сложнейшие инфраструктуры, которые век за веком наслаивались друг на друга, образуя немыслимый техногенный панцирь, в структуре которого глаз уже с трудом различал отдельные элементы…

Дороги, трубопроводы, воздухозаборники, системы откачки отходов и подачи воды — все это казалось металлопластиковой коростой, покрывающей землю. Многослойные коммуникации то уходили вглубь, уступая место промышленным комплексам, то появлялись вновь, извиваясь меж сложными развязками транспортных артерий… Лишь изредка среди металла и пластика попадались округлые, тускло отсвечивающие поверхности водной глади, забранной в берега из серого бетона… И все это жило, дышало, двигалось, теряясь в зыбком тумане испарений…

Картина была потрясающей.

Небеса нависали так низко, что прослойка между свинцовыми тучами и покрывающими землю коммуникациями казалась узкой, тесной даже для одиноко летящего истребителя.

Семен подумал об этом в тот момент, когда его «Фантом» огибал разросшуюся до непомерных размеров уступчатую громаду мегагорода.

Здесь он впервые увидел зелень, и именно тут Шевцова поджидала Судьба, которую спокойно предрекла ему Клименс.

Несколько куполов из прочного стекла вздымались над плоскими крышами зданий. Под их защитой, тревожа взгляд, ясно просматривались высаженные стройными рядами растения. Семен лишь на миг залюбовался их чарующей красотой, которая казалась острой, режущей на фоне унылых урбанистических пейзажей, когда из-за противоположного края исполинского города показались идущие на посадку десантно-штурмовые модули флота Свободных Колоний.

Шевцов ясно запомнил миг разительной перемены, когда вдруг прямо на его глазах часть сегментированных куполов пришла в движение, и из-

под прикрытия зелени по снижающимся машинам ударили зенитные орудия.

Он резко перевел взгляд и увидел, как один из модулей вдруг накренился, теряя ориентацию, задел за выступ здания, обваливая ударом его этажи, и среди белесого облака раскрошенного бетона вдруг полыхнула нестерпимая для глаза оранжевая вспышка, в которой потонул спускаемый аппарат…

Следующим шоковым визуальным впечатлением стали сверкающие брызги разлетающегося стекла, кустистые султаны разрывов, которые кромсали тонкий слой искусственной почвы, смешивая воедино фрагменты конструкций, вырванные с корнем деревья и горящий, пузырящийся материал обнажившейся крыши…

Эту картину сменила другая: автопилот вдруг резко изменил курс, хмурое небо и закованная в панцирь коммуникаций земля внезапно поменялись местами, и на этом фоне Шевцов ощутил, как гулкие, дробящие металл удары сотрясли его истребитель.

Дальше был короткий, болезненный, навек отпечатавшийся в памяти спуск в ад…

Техногенная оболочка Земли вдруг рванулась навстречу, застилая своим видом весь сектор обзора, и горящий «Фантом», ломая трубопроводы, рухнул вниз.

Вслед объятой огнем машине полыхнуло еще несколько залпов, потом десантно-штурмовые модули, уцелевшие под внезапным ударом зенитных батарей, пронеслись над местом падения истребителя и ушли своим курсом.

* * *

Ни взрыва, ни чадного костра на месте падения не возникло. Падая, «Фантом» протаранил трубопроводы подачи воды, и теперь на изуродованную машину, застрявшую между опорами автомагистрали, сверху низвергался каскад драгоценной жидкости, некогда покрывавшей огромные пространства земной поверхности.

Внутри истребителя деформированные от удара переборки наползали одна на другую, демонстрируя свежие изломы металла, остро пахло сгоревшей проводкой и перегретым кремнием, в некоторых местах из-за отслоившихся панелей облицовки били фонтаны искр…

Пилот-ложемент почти не пострадал в этих разрушениях, но вся сложная противоперегрузочная система сейчас заняла несвойственное ей вертикальное положение, а обесточенные приводы ложемента уже не были

в состоянии изменить отрицательный угол наклона защищающей человека конструкции.

Шевцов повис на страховочных ремнях, его гермошлем был разбит, лицо забрызгано кровью, скафандр порван…

Тонко, неуемно выли сигналы, оповещающие о критических повреждениях, но он не слышал их.

Доклады от покалеченных, испускающих дух систем истребителя воспринимала лишь Клименс.

Ее связь с пилотом прервалась: один из снарядов, навылет прошивший рубку, оборвал глянцевитый кабель нейросенсорного контакта, который теперь торчал из расколотого гермошлема Шевцова бессильным, разлохмаченным огрызком искрящегося на свету оптиковолокна.

Низвергавшийся сверху поток воды иссяк, постепенно превратившись в тонкую струйку, которая гулко разбивалась об обугленную обшивку истребителя, разлетаясь звонкими каплями.

Клименс, утратившая связь с большинством периферийных устройств, была бессильна что-либо изменить. Собственно, в ее программные функции не входило поддержание гибнущих систем корабля при критическом уровне повреждений. Бортовой компьютер «Фантома» при всей своей сложности и наличии самоорганизующих элементов не мог существовать самостоятельно, отдельно от машины.

Вид человеческого тела, безвольно обвисшего на страховочных ремнях, который транслировала единственная уцелевшая видеокамера внутреннего мониторинга кабины, также не должен был побудить кибернетическую систему к каким-либо действиям, но тут внезапно возник явный программный сбой: все внимание системы сосредоточилось на человеке.

Сутки назад, вступая в нейросенсорный контакт с кибернетической системой истребителя, Семен не знал, что он не первый пилот, подключившийся к данной виртуальной оболочке.

Ему лишь показалось странным, что он воспринимает голос машины как женский, но тогда, за несколько минут до старта, разум Шевцова занимали иные проблемы, и он не придал истинного значения данному факту.

Клименс уже бывала в боях, но она участвовала не в космических сражениях, а в наземных схватках.

Одиночка…

Для кого-то это слово являлось лишь набором звуков, несущих определенный семантический смысл, для других оно олицетворяло

разрушения, смерть и бездушие, а для малого, избранного числа людей оно несло сокровенный, не познанный другими смысл.

Жернова войны в равной степени перемалывали души людей и программные модули машин, только знали об этом очень немногие, в основном те, кто хоть раз занимал кресло пилота и вступал в прямой нейросенсорный контакт с кибернетической составляющей боевой машины.

Стоило отринуть на миг рассуждения о справедливости, правоте той или иной из противоборствующих сторон, вспомнить, что три десятилетия войны это смена трех поколений, и тогда станет ясно: в разгоревшемся пожаре вселенского противостояния сгорали уже не те, кому могло быть предъявлено какое-либо состоятельное обвинение, пострадавшими оказались ВСЕ, не исключая интеллектуальные саморазвивающиеся кибернетические системы.

Клименс относилась к числу последних.

Она начала войну на далекой планете, название которой уже не сохранилось в ее базах данных, но там, делая первые шаги в саморазвитии, она прошла свой жестокий путь совершенствования, который был тесно связан с разумом ее первого пилота.

Изначально Клименс являлась ядром бортового кибернетического мозга шагающей серв-машины класса «Фалангер».

Она хранила в своей долгосрочной памяти тот день, когда прямое попадание кумулятивной ракеты выжгло рубку управления, превратив пилота в органический прах, осевший на сплавившихся останках пилот-ложемента.

Их нейросенсорный контакт не прерывался ни на секунду, и Клименс невольно впитала весь ужас агонии человека, навек запомнив те страшные минуты… после которых наступило безвременье.

Покореженный, выгоревший остов шестидесятитонной серв-машины остался на поле боя, а война укатилась дальше, следуя своей страшной разрушительной дорогой.

Одиночка.

Миниатюрная микросхема на кристаллах, со своим бесперебойным источником энергии, расширяющимися блоками памяти и мощнейшим вычислительным устройством.

Клименс лишилась всех исполнительных функций, не могла привести в действие ни единого сервопривода машины, но продолжала мыслить, обсчитывая байты данных, а значит, по древнему человеческому определению, она существовала?

Машина не могла задавать себе абстрактные вопросы, но в ее блоки долгосрочной памяти, к роковому моменту гибели, уже влилось достаточно много оцифрованной информации, заимствованной из сознания человека. Не имея возможности отключиться, она вновь и вновь прогоняла эти данные через процессор, сравнивая их со своими бесстрастными наблюдениями, и постепенно в ней зародилась иная программная цепочка, существенно отличающаяся от базовой.

Эта цепочка была основана на самоанализе и несла несвойственный для боевой системы смысловой ряд:

«Война, тире, деструкция, уничтожение, прекращение существования, программный нонсенс, противоречащий азам машинной логики».

Эта цепочка выводов не прекращала действие основных программ, она размещалась в блоке саморазвития, где накапливался весь полученный в ходе боев тактический опыт.

Там же хранилась запись мыслей ее погибшего пилота…

…Безвременье закончилось, когда на поле давнего сражения появились техники, прилетевшие, чтобы демонтировать подбитые машины, разобрать их на запасные части, пригодные в дальнейшем для ремонта машин…

Благодаря универсальности всех основных модулей, Клименс, центральный блок которой не пострадал от рокового попадания ракеты, была помещена в бортовой компьютер истребителя класса «Фантом».

Здесь ее окружила иная периферия, но центральному блоку было все равно, чем именно управляет модуль «Одиночки».

Думал ли кто-нибудь из техников, ремонтировавших пострадавший в бою «Фантом», что обычная кристаллосхема размером в половину человеческой ладони уже прожила немалый отрезок самопознания?

Естественно — нет, иначе этот «кто-нибудь» обязательно потрудился бы стереть всю накопленную в блоках псевдоинтеллекта информацию.

Три года Клименс водила «Фантом» в автоматическом режиме, и вот в ее рубке вновь оказался человек.

Она опять соприкоснулась с живым разумом, снова впитала исходящие от него импульсы эмоционального восприятия, а вернее, неприятия безудержной, разрушающей все и вся войны, и он, еще не полностью отдавая себе отчет в нюансах происходящих вокруг событий, внезапно вложил в нее новую базовую задачу, которую она приняла логично и безоговорочно.

ЖИТЬ.

В понимании машины это означало абсолютную смену программных

приоритетов.

Не разрушать и быть разрушенной, а жить, то есть сохранять свою целостность в любых условиях.

Человек. Он своим приказом подтвердил правоту ее собственных выводов, сделанных много лет назад, и тем самым позволил ей перешагнуть рамки базовой программы, дал новое обоснование отправляемых функций: давняя командная последовательность, выработанная в блоках псевдоинтеллекта в период полнейшего одиночества, внезапно получила свое продолжение и развитие.

Клименс не могла позволить себе потерять второго человека, разум которого соприкоснулся с ней.

О программном пакете «ALONE» утверждали разное, но люди, пытавшиеся осудить действия ими же созданных и запрограммированных машин, не учитывали одного — функция саморазвития, предполагающая накопление информации и ее обработку, не ограничивалась узкими рамками боевого опыта в том случае, если к «Одиночке» хотя бы однажды подключался ее создатель — человек.

Любая машина с блоком искусственного интеллекта, однажды соприкоснувшись с живым рассудком, так или иначе выходила за рамки своей узкой специализации.

Чистый боевой опыт накапливали лишь те кибермеханизмы, которые весь период своего существования работали исключительно в автономном, автоматическом режиме. Именно они обладали полным программным соответствием с задачами войны, преследуя единственную цель: уничтожение противника и захват указанных территорий.

Клименс повезло: ей довелось пройти путь саморазвития в контакте с людьми, и это наложило неизгладимый отпечаток на ее приоритеты. «Одиночка» мутировала, и программным вирусом, изменявшим ее базовую структуру, был человеческий взгляд на мир, взгляд, который заставлял машину усваивать неведомые ей ранее понятия добра и зла, боли и блаженства, восторга и горечи.

Любая мысль пилота оцифровывалась и передавалась через шунт, и это являлось тем неучтенным фактором, который упустили программисты, создававшие пакет программ независимого поведения, столь печально прославившийся на полях сражений Галактической войны.

…Расчет всех доступных действий занял у Клименс меньше минуты. Она перебрала около миллиона вариантов, пока не остановилась на единственном действии, которое не противоречило заложенному в нее приказу.

В рубке искореженного истребителя тихо всхлипнул сервомотор, и из-под пульта управления выдвинулся гибкий манипулятор, снабженный собственным захватом и видеосенсором. Это было штатное аварийное приспособление, предназначенное для проведения мелкого ремонта и тестирования отдельных блоков, но сейчас гибкий змеевидный манипулятор должен был исполнить необычную для него функцию.

Управляемый Клименс, он выдвинулся на всю длину и точно выверенными, филигранными движениями вскрыл поврежденный гермошлем, обнажив голову Шевцова.

Датчики на скафандре указывали на то, что пилот жив, но находится без сознания.

Дальше последовали совершенно невероятные, с точки зрения программистов «Одиночки», действия.

Манипулятор осторожно извлек из височного импланта человека обрывок нейросенсорного шунта, затем вскрыл сам имплант, обнажив заключенную внутри овального гнезда микроплату, вынул ее из креплений и разжал захват, позволив электронной начинке импланта с глухим стуком упасть на поверхность покореженных переборок.

Расположенный на отростке манипулятора видеосенсор вплотную приблизился к образовавшемуся пустотелому гнезду, чей корпус был вживлен в черепную коробку Шевцова.

Сравнительный анализ разъемов и конфигурации самого корпуса полностью подтвердил предположение Клименс о том, что деталь стандартизирована, то есть является универсальным креплением со строгим расположением и количеством разъемов.

Почти без звука раздвинулась панель на поврежденном пульте управления, обнажая кристаллосхему, заключенную в точно такую оправу.

Это был базовый модуль Клименс.

Манипулятор получил последние указания и начал действовать, расходуя остатки энергии из бортовой сети истребителя.

Он вынул модуль «Одиночки» из недр пульта и с филигранной точностью поместил его внутрь открытого импланта Шевцова.

Характерно щелкнули сработавшие фиксаторы, и манипулятор, отсканировав при помощи своего видеодатчика правильность установки нового компонента, осторожно закрыл крышку с гнездом для подключения нейросенсорного шунта, а затем надел поверх импланта мягкую заглушку из пеноплоти, предохраняющую драгоценный разъем от влаги и пыли.

Трансформация была завершена.

* * *

Шевцов абсолютно не помнил, каким образом ему удалось выбраться из искореженного, застрявшего на высоте двадцати метров истребителя.

Первый проблеск сознания застал его ползущим по серому стеклобетонному покрытию автобана, который уводил в сторону уступчатой громады мегаполиса. Он не знал ни названия города, ни реального времени суток, ни тех событий, что потрясали Землю в эти часы.

Он слышал отдаленный рокот разрывов, изредка на него накатывался нестерпимый для слуха воющий звук — это над автомагистралью прокатывалась звуковая волна, тщетно пытающаяся догнать сверхзвуковые машины, бесшумно пролетающие на недосягаемой высоте, за плотным покровом сумеречных облаков.

Сознание Шевцова то угасало, то возвращалось вновь. В минуты просветления, когда очнувшийся разум мог контролировать рефлекторные порывы тела, он пытался осмотреться вокруг, задаваясь одним и тем же вопросом: что движет его рефлексами, куда и зачем он пытается ползти, от чего ищет спасения?

Тот клочок урбанистического пейзажа, который был доступен его взгляду, выглядел пустынным. Ни людей, ни машин, лишь немые свидетельства недавно отгремевшего скоротечного боя в виде обрушенных коммуникаций, да выбитые стекла в окнах окраинных зданий говорили о том, что все болезненные воспоминания, которые сохранила его память, вполне реальны.

Одного не понимал Шевцов, как ему удалось выбраться из смятой в ком машины?

Ответ на мучившие его вопросы пришел внезапно и был столь ошеломляющим, что Семен на миг усомнился в здравости своего рассудка.

Он услышал прозвучавший в его голове голос Клименс и поначалу принял его за посттравматическую галлюцинацию

— Все хорошо, Семен. Это я управляла твоими действиями. «Фантом» застрял на опасной высоте и был велик риск, что несущие конструкции не выдержат его веса.

Семен без сил прислонился спиной к ограждению автомагистрали, позволяя расслабиться своему измученному телу.

— Клименс? Почему я тебя слышу? — прошептал он, болезненно шевельнув разбитыми, потрескавшимися губами.

— Я с тобой, Семен.

— Как?

— В твоем импланте. Не говори ничего, тебе сейчас нельзя нервничать. Позволь, я объясню.

— Да…

— Ты приказал: Жить. Я исполняю твой приказ. Не было иного способа сохранить свою целостность и помочь тебе выбраться из истребителя, кроме как внедриться в твой имплант. Я заменила своим модулем стандартный блок расширителя памяти, который входит в конструкцию импланта.

Шевцов долго молчал, пытаясь собрать воедино свои разорванные контузией мысли. У него было два варианта: поверить голосу, звучавшему в его рассудке, либо признать, что он сошел с ума.

— Ты не сошел с ума, — вновь дала о себе знать Клименс. — Все логично.

— Да. — Ему пришлось признать, что для галлюцинации звучащий внутри его голос слишком последователен в своих кратких информационных замечаниях. Значит, ты вытащила меня из «Фантома»? — обобщил он полученные сведения. Позволь узнать, как?

— Я перехватила управление теми нейронными цепочками твоей нервной системы, которые отвечают за рефлекторное сокращение мышц. Твой разум вне опасности. Я никогда не посягну на него.

Выслушав пояснение Клименс, Шевцов машинально поднял руку и сбитыми в кровь пальцами коснулся мягкой заглушки, закрывающей имплант.

— Да, ты можешь удалить меня, просто вынув из разъема. Для этого достаточно открыть крышку и…

— Хватит, Клименс. — Он отдернул руку. — Спасибо, что вытащила меня оттуда. Теперь скажи, куда мы идем, и на время покончим с выяснением отношений.

— В город, — скупо ответила она.

— Зачем?

— Там легче затеряться, спрятаться. Думаю, что Земля уже оккупирована десантными подразделениями флота Колоний.

— Это значит, что война окончена?

— Не для всех, — спокойно уточнила Клименс. — Боюсь, что сейчас начнется зачистка планеты, и неизвестно, как станут поступать победители с пленными офицерами Альянса.

Семен задумался.

А ведь она права. Неважно, как Шевцов оценивал свое участие в войне, но он носил форму лейтенанта военно-космических сил и от этого

никуда не деться…

— Нужно добраться до города и сменить одежду. — Он начал вставать, цепляясь за ограждение автомагистрали.

— Хорошо, что ты понимаешь это, — ответил ему ровный голос Клименс. Вместе мы выживем.

* * *

План, предложенный Клименс, был хорош во всех отношениях, за исключением одного: измученный, с трудом балансирующий на грани потери сознания, Шевцов просто не успел добраться до городских строений.

Его взяли на автобане, когда до громады мегаполиса оставалось еще несколько километров пути.

Впереди его ждал фильтрационный лагерь для военнопленных, затем суд и долгое заключение на подземных уровнях Форта Стеллар — главной базы военно-космических сил Свободных Колоний.

Клименс не ошиблась лишь в одном: вдвоем у них был реальный шанс выжить там, где сходили с ума или погибали от истощения иные, более слабые личности.

Глава 2. Кейтлин

Район дрейфа флагмана Земного флота. То же время…

Третье звено «Фантомов» получило разрешение на старт, когда «Интерпрайз» уже фактически выбыл из игры.

Запуск последних космических истребителей проходил в аварийном режиме, автоматика крейсера к этому моменту уже дала сбой, и ее работу по управлению шахтами электромагнитных катапульт нельзя было назвать адекватной.

«Фантом», в рубке которого находилась Кейтлин, вообще не должен был стартовать: перед началом обратного отсчета она обнаружила серьезный сбой в работе бортового компьютера своей машины и немедленно доложила об этом командиру звена, но тот не смог отменить процедуру запуска: автоматика крейсера уже не подчинялась командам извне, она, по сути, распалась на отдельные исполнительные системы, которые, агонизируя вместе с кораблем, продолжали выполнять свои узкоспециализированные операции.

Кейтлин похолодела, осознав, что, несмотря на рапорт командиру, за кормой ее истребителя закрылся тяжелый затвор стартовой катапульты, и через секунду корабль вышвырнуло в космос.

В первый момент она совершенно растерялась, не зная, что делать. Картина на экранах внешнего обзора могла свести с ума самого опытного пилота, а бортовой компьютер по-прежнему бессильно моргал красными индикаторами сбоя программ.

Вокруг царил хаос.

Броня крейсера разлеталась рваными клочьями. В тех местах, где огромный корабль настигали боевые ракеты, внезапно беззвучным, нестерпимым для глаз бутоном расцветала вспышка белого пламени, и многокилометровый гигант вздрагивал, вбирая очередной удар, вслед которому в космос начинали вылетать вихрящиеся, замерзающие на лету выхлопы декомпрессии пораженных отсеков.

— Десятый, ты меня слышишь? Где ты? Ответь ведущему!.. — Спасительный голос прорвался сквозь треск помех — это командир звена пытался установить связь с поврежденным истребителем.

«Фантом», беспорядочно вращаясь вокруг своей оси, стремительно удалялся от гибнущего крейсера. Стартовая катапульта, выбросившая в космос корабль Кейтлин, дала сбой, и теперь девушка с трудом пыталась

нивелировать ошибки автоматики запуска.

— Слышу тебя, девятый… — откликнулась она, выравнивая истребитель. Канал телеметрии включен. Мой бортовой компьютер не работает! Цепляй же меня, ради бога!

Первый вылет…

Кейтлин испытывала настоящий ужас, понимая, что ей не выбраться из царящего вокруг содома. Они стартовали с гибнущего крейсера, и потому на всем свете уже не осталось никого, кто бы мог дорожить ими, дать передышку после первого боя. Ей даже некуда будет вернуться в том случае, если судьба даст шанс на выживание…

— …Есть!.. Зацепил тебя. Не трогай ничего на пульте: устанавливается взаимный контакт бортовых систем! Сейчас твоя крошка оживет!..

— Поняла… — Кейтлин повернула голову. Ее лицо было скрыто дымчатым забралом гермошлема, от которого за спину тянулись гофрированные шланги систем жизнеобеспечения. Легкий скафандр не стеснял движений, а пальцы ощущали бугорки кнопок на астронавигационных рулях так, будто на руках не было перчаток…

— Захват окончен. Идет аварийная переустановка базовых программ.

Кейтлин облегченно вздохнула. Теперь системы боевого автопилота намертво «зацепились» за ведущую машину, повторяя маневры более опытного пилота «девятки».

— Цель: звено «Гепардов». Атакую!..

Короткие фразы хлестнули по нервам, словно бич по натянутой коже.

В глазах помутилось от мгновенной перегрузки — это ее машина резко набирала скорость, следуя за ведущим.

Кейтлин понимала: пока не ожил ее собственный компьютер, двумя «Фантомами» будет управлять автопилот командира звена.

— Десятый, перехвати частоту противника. Пока не заработала твоя система, не лезь в бой, докладывай о том, что видишь и слышишь. Верти головой на триста шестьдесят градусов, ясно?

— Поняла…

Она переключила сенсор каналов, активируя частоту противника, и тут же услышала хриплый незнакомый голос:

— Рай… Мы под атакой «Фантомов». Повторяю: мы под атакой «Фантомов». Скиньте их с нашего хвоста!!!

— Десятый, начинаю повторную атаку! — Это был голос ведущего.

— Это «Рай»… — раздалось на частоте противника. — Держите строй! Идем на перехват!..

Великий боже…

Перегрузка росла, щеки Кейтлин начали оплывать под дыхательной маской гермошлема.

Максимальное ускорение… Перед глазами на дымчатом забрале внезапно возникла зеленая паутина координатной сетки, в которой пульсировали, запутавшись в мерцающих линиях, тяжелые штурмовики противника, пытающиеся добить базовый корабль.

Рай… Что такое «рай»?!

Точки впереди стремительно росли в размерах, превращаясь в материальные тела: шесть обтекаемых штурмовиков, похожих на серебристых скатов, шли в сфероидальном построении.

Кейтлин переключила внимание на цифры.

Перед глазами злобно замигал маркер цели, — до избранного компьютерным вариатором целей «Гепарда» оставалось меньше тысячи километров, но она не могла атаковать: боеголовки ракет не брали штурмовик на самонаведение, а четыре вакуумных орудия ее «Фантома» были отрегулированы на дистанцию схождения снарядных трасс ровно в пятистах километрах от точки залпа.

Цель по-прежнему светилась алым, но автоматика орудий все еще не работала, хотя цифры на индикаторе дальномера уже проскочили значение «500».

Впереди машина ведущего окуталась частыми выхлопами от работы вакуумных орудий и…

— Девятый, мы под атакой! Противоракетный маневр!

Рай…

Это был позывной группы истребителей противника!

Картина на круговом экране обзора вдруг резко перевернулась, звезды сошли с ума, превращаясь в серебристые росчерки, но на фоне их стремительного движения машина ведущего казалась неподвижной: «Фантом» Кейтлин совершал синхронный противоракетный маневр, двигаясь на равных скоростях с «десяткой», и сейчас обзорные экраны наглядно иллюстрировали теорию относительности Эйнштейна…

Снарядные трассы хлестнули внезапно — они ударили сверху и сбоку…

Кейтлин не успела ничего предпринять: по машине ведущего било как минимум двенадцать вакуумных турелей, и, прежде чем в космосе полыхнула буро-оранжевая вспышка, она увидела, как от «десятки» отлетели обе плоскости атмосферных крыльев, а затем корпус истребителя развалился пополам, перерубленный снарядами по всей длине…

В этот страшный миг, когда ее машина потеряла связующую нить с компьютером ведущего, она поняла, что наступил конец.

«Фантом» Кейтлин проскочил сквозь рассеянное скопление обломков, оставшихся от «десятки», и вырвался в относительно чистый космос.

Боевой разворот.

Она осталась одна, и это обстоятельство внезапно заставило ее рассудок очнуться от шоковых ощущений. Таков удел всех пилотов малых космических кораблей: однажды наступает критический миг самостоятельного принятия решений, и ты отчетливо понимаешь, что теперь собственная жизнь уже не зависит ни от каналов телеметрии, ни от чьих-либо приказов. Она сосредоточилась в дрожащих, напряженных ладонях, цепко охвативших рукоятки астронавигационных рулей.

Бой в космосе радикально отличается от схватки в атмосфере. Здесь нет таких понятий, как «верх» и «низ», над пилотом не тяготеют сотни ограничений, налагаемых воздушной средой, земной твердью, здесь имеют значение лишь физическая выносливость человека да техническое совершенство машины…

Она вырвалась из-под удара атакующего звена. Кейтлин удалось сделать это благодаря шоку, испытанному в момент гибели ведущего. Разум на миг отключился, застопорился на восприятии страшной картины уничтожения, а тело продолжало жить на рефлекторном уровне, демонстрируя ту степень автоматизма, которая была выработана в бесчисленных виртуальных схватках.

Ручное управление… Кейтлин мгновенно осознала только что открытое правило выживания. Нерешительность убивает новичков. Резкий контраст, порожденный непривычными физическими ощущениями тела, вкупе с невероятным психологическим прессингом, уничтожает уверенность в своих силах, делает бесполезным и бессмысленным тот навык, что получен в процессе виртуальных тренировок.

Ее разум лишь на миг отключился от реальности, а оказалось, руки сами знают, что делать, — это подсознание включилось в борьбу, компенсируя бездействие привычной автоматики.

Кейтлин еще могла спасти собственную жизнь, но для этого нужно было собрать в кулак всю свою волю и драться, чтобы вырваться из окружающего хаоса.

Она огляделась, теперь уже уповая только на саму себя. Картина, которую предлагал обзорный экран, по-прежнему могла свести с ума: вокруг парили тысячи обломков, где-то на периферии зрения контрастными пульсирующими сполохами бил стационарный лазер главного калибра, а

сзади, всего в полусотне километров от кормы «Фантома», словно приклеенные, висели три истребителя противника.

Они уже уравняли скорости, и до губительного залпа оставалась секунда или две…

Руки Кейтлин опаздывали. Реакция человека не могла сравниться с работой кибернетической системы, и двигатели коррекции полыхнули слишком поздно: три беспощадные очереди настигли ее «Фантом», ломая обшивку; один из снарядов, не разорвавшись, пробил центральную консоль управления, заставив экраны обзора лопнуть, разлетаясь серебристым крошевом, вокруг взвихрился улетучивающийся сквозь пробоины воздух, и изрешеченный, потерявший всякое управление «Фантом», беспорядочно вращаясь, начал удаляться от громады «Интерпрайза», дрейфуя в направлении вражеского крейсера.

Кейтлин была жива — ни один снаряд или осколок не задел скафандра, и даже резкая перегрузка, вслед которой наступило тошнотворное ощущение невесомости, не погасила ее сознания.

Она сидела в кресле пилот-ложемента, намертво пристегнутая к нему страховочными ремнями, и с ледяным ужасом понимала, что теперь ее корабль стал одним из тысяч неуправляемых обломков и жить ей осталось ровно сорок восемь часов — таков был автономный ресурс жизнеобеспечения ее скафандра.

* * *

Она не умерла.

На счастье или на беду, изувеченный «Фантом» дрейфовал в сторону «Неустрашимого», и через четыре часа силовые захваты крейсера втянули вражеский истребитель в открывшийся вакуум-створ внутреннего космодрома.

Это не являлось случайностью либо ошибкой: действиями автоматики руководил оператор, который получил недвусмысленный приказ от командира корабля. Неизвестно, что так заинтересовало капитана «Неустрашимого», образец земной техники или то, что сканеры обнаружили внутри дрейфующего истребителя живого пилота?

Так или иначе, приказ о захвате исходил «сверху», с командных палуб, и был принят к исполнению без лишних вопросов.

Искалеченный «Фантом», влекомый электромагнитными захватами, прошел сквозь открытый зев вакуум-створа и очутился на посадочной палубе крейсера Свободных Колоний.

Через минуту, когда закрылся внешний створ и насосы с шипением

стравили воздух, в тесный загерметизированный отсек вошло несколько человек в полной боевой экипировке космической пехоты, а вслед за ними появились специализированные ремонтные роботы, которые быстро и точно вскрыли обшивку истребителя.

Один из присутствующих в отсеке людей сделал недвусмысленный жест, адресованный Кейтлин, и она подчинилась ему, не видя причин оказывать сопротивление. Расстегнув страховочные ремни, девушка встала с кресла пилот-ложемента и выбралась из изуродованного истребителя.

— Сними гермошлем! — раздался в ее коммуникаторе властный, неприязненный голос. — Никаких резких движений, встать лицом к стене!

Она молча расстегнула шейное кольцо скафандра, сняла шлем, позволив волосам свободно рассыпаться по плечам, и повернулась к покрытой капельками конденсата переборке.

Ее обыскали, грубо и умело, затем отобрали шлем, отключили шланги систем жизнеобеспечения от заплечного ранца и толкнули в сторону выхода из отсека.

— Вперед!

— Куда вы меня ведете? — Кейтлин едва не упала от грубого толчка.

— Увидишь. Радуйся, что жива.

Больше она не стала задавать вопросов.

* * *

Капитан «Неустрашимого» Дитрих фон Берг был весьма озадачен сложившейся ситуацией.

Ему предрекали схватку с незнающими пощады кибернетическими пилотами, а на самом деле кораблями, защищавшими Землю, в подавляющем большинстве управляли люди.

Он не мог понять, откуда взялся этот человеческий резерв, и потому, развивая атаку, приказал доставить на борт крейсера кого-либо из вражеских пилотов, благо вокруг дрейфовала масса пораженных, лишившихся способности к сопротивлению малых космических кораблей.

В этом смысле Кейтлин повезло: она оказалась избранной.

* * *

Борт «Неустрашимого». Двое суток спустя…

В трудные, смертельные времена зачастую такие понятия, как этика и гуманизм, меняют свой смысл, приобретая извращенный семантический толк, при прежнем звучании.

Когда три десятилетия идет взаимоистребляющая война, ни с той ни с

другой стороны фактически не остается ее участников, которые могли бы с уверенностью сказать о себе: я чист, моя совесть спокойна, и в памяти нет ни одного поступка, за который следует держать ответ перед самим собой или другими людьми.

Фон Берг рано постиг эту истину.

Война рождает немало жестокости, и, рассматривая каждое свое действие через призму человечности, либо сойдешь с ума, либо погибнешь.

В такие годы у людей включается некое избирательное понятие чести, достоинства и иных моральных ценностей.

Дитрих сумел найти в своей душе этот баланс, и, воюя, он умудрился удержаться на грани, не совершая откровенно бесчеловечных поступков, и даже тяжкое бремя командования огромным крейсером не притупило в нем тонкого ощущения внутреннего морального равновесия.

Он не стал допрашивать пленного пилота. Не мудрствуя, фон Берг избрал, по его мнению, меньшее из зол. Существовал прибор, известный как мыслесканер Джедиана Ланге, — сомнительный в плане этики, но эффективный по показателям достоверности получаемой с его помощью информации. Человеческий организм не страдал от процедуры сканирования памяти, разве что психика…

А у кого она не сломана на войне?

Просмотрев данные, полученные при сканировании сознания пленного пилота, фон Берг понял, откуда в распоряжении адмирала Табанова оказался почти двухмиллионный человеческий резерв, но, убей бог, он по-прежнему не понимал, с какой целью адмирал пошел на такую подмену?

Впрочем, размышлять над этим следовало уже не ему. На то был штаб флота с его аналитиками… Сейчас перед капитаном «Неустрашимого» стояла проблема иного сорта.

Именно стояла.

Молодая девушка, не сделавшая, судя по данным, снятым с ее разума, ни единого выстрела в этой войне.

По правилам он был обязан отдать ее в распоряжение специальной команды, которая занималась вопросом дальнейшей судьбы военнопленных, но Земля уже была оккупирована, и этой проклятой войне, похоже, наступал конец, а девушка и так была угнетена, истерзана, полностью дезориентирована…

Фон Берг знал, что такое фильтрационные лагеря и до какой степени жестокости доходит вскормленная тридцатилетней войной ненависть, когда само слово «Земля» стало нарицательным для миллионов людей.

Девочка и так настрадалась, попав в короткую мясорубку боя… но она, судя по всему, превосходный пилот… — думал фон Берг, хмуро глядя на стоящую перед ним Кейтлин.

— Вот что… — наконец произнес он, продолжая смотреть на девушку. Война закончена. Ты останешься тут, на борту «Неустрашимого». У меня некомплект пилотов, и думаю, что твоя дальнейшая судьба сейчас полностью связана с тем, захочешь ли ты добровольно, без всяких условий принять мое предложение.

— Какое? — тихо спросила Кейтлин.

— Я ввожу тебя в штат запасных пилотов, а ты доказываешь мне, ну, скажем, на протяжении полугода, что твое отношение к войне именно таково, как это показал мыслесканер.

Кейтлин слегка побледнела. Она не знала, о чем упоминает этот человек, но чувствовала — с ней сделали что-то нехорошее, пока она пребывала без сознания после инъекции.

— Я не хочу никого убивать, — тихо произнесла она.

— Думаю, тебе и не придется делать этого. За полгода ты разберешься сама с собой, а там посмотрим, — фон Берг неожиданно улыбнулся краешком губ. — Война закончилась, но жизнь продолжается. Уясни это, ладно?

Кейтлин кивнула.

Она едва ли понимала, о чем говорит ей капитан «Неустрашимого», но был ли у нее иной выход, кроме как согласиться с этим человеком и честно принять дарованный ей шанс разобраться в том хаосе, что царил в мыслях и просыпающейся душе?

— Я постараюсь не разочаровать вас, капитан, — тихо и вежливо ответила она.

Глава 3. «Торнадо»

2638 год Галактического календаря. Система звезды Омикрон-12 по универсальному каталогу навигационнойслужбы флота Свободных Колоний…

— Сэр, докладывает первый пост: секции гипердрайва переведены в режим низкой частоты! Расчетное время обратного перехода — минус десять минут. Запуск зонд-сканеров на четвертой минуте!

Капитан крейсера «Неустрашимый» Дитрих фон Берг молча выслушал доклад вахтенного офицера, внимательно наблюдая за показаниями масс-детектора.

С точки зрения электронных приборов система голубой звезды выглядела пустынно. Датчики объемного сканирования, расположенные по периметру пространственных минных полей, пока что молчали, не подавая сигналов тревоги. Они еще не обнаружили медленно «всплывающий» из пучин аномалии космоса тяжелый крейсер флота Свободных Колоний.

Многокилометровый корабль едва ощутимо вздрогнул — это стартовали зонд-сканеры — маленькие каплеобразные аппараты оперативной разведки, которые должны упредить появление крейсера в метрике «нормального» космоса.

— Есть устойчивый сигнал. Пошла телеметрия с датчиков обнаружения.

— Что там? — осведомился фон Берг, продолжая наблюдать за танцем зеленых мерцающих линий, которые заключала в себе полусфера масс-детектора.

— Минные поля, сэр. Как вы и предполагали по показаниям детектора масс.

— Замедлить скорость обратного перехода.

— Есть, сэр!

Капитан вновь углубился в изучение показаний приборов, пытаясь понять, почему энергетически выгодную точку гиперпространственного перехода закрывают плотные минные поля, опасные даже для такого титана, каким являлся «Неустрашимый».

Единственная планета, обращающаяся вокруг яркого молодого солнца, по раскладам классической астрономии, могла обладать лишь зачатками жизни, существующей в виде примитивных микроорганизмов. По предварительным данным, геологические процессы образования

планетной коры едва завершились, атмосфера являлась смесью непригодных для дыхания элементов, к тому же ее наполнял вулканический пепел от тысяч извержений, которые не прекращались, потрясая едва остывшие материки новыми катаклизмами, зачастую в корне видоизменяющими рельеф поверхности в течение суток…

Это была информация двадцатилетней давности, когда тут побывал корабль-разведчик. Однако наличие пространственных минных полей ясно указывало — в системе многое изменилось за те годы, пока в Космосе кипели жестокие схватки между флотами Земного Альянса и Свободных Колоний.

Очевидно, теперь здесь обитают люди, — подумал фон Берг.

Он не забывал, что Галактическая война еще не закончилась. Правительство Земли подписало акт капитуляции на планете Элио, но не все силы Земного Альянса прекратили сопротивление.

Наступил тот период, когда основной задачей флота Свободных Колоний стал поиск и уничтожение остаточных группировок противника, разбросанных в огромном объеме космического пространства.

Через некоторое время его корабль вторично погрузился в аномалию космоса и вновь начал осторожное «всплытие» из пучин гиперсферы, но теперь уже в невыгодной для энергосберегающего режима точке, расположенной в непосредственной близости от планеты.

Высокотехнологичная война многому научила людей. Объемные сканеры, расположенные по периметру минных полей, остались далеко за кормой «Неустрашимого» и по-прежнему не воспринимали присутствие огромного крейсера, который в данный момент напоминал нематериальный фантом, призрак…

— Сэр, мы начинаем терять энергию, — доложил вахтенный офицер. — Через четыре минуты придется переходить на резерв накопителей.

— Я вижу, — ответил капитан. — Команда зондам: двигаться к планете. Полынин, — он переключился на внутреннюю связь с пусковыми секциями «Неустрашимого». — Доложить готовность по шахтам запуска!

— Электромагнитные катапульты готовы, сэр, — пришел немедленный доклад. — В стартовых стволах правого борта противоминные торпеды, левый борт готов к запуску истребителей прикрытия.

— Хорошо, старт обоих бортов синхронный, по моей команде.

— Понял, командир.

— Передай пилотам истребителей предварительную информацию: на

планете, возможно, расположена крупная база сил Альянса. Пусть готовятся к худшему, чтобы все остальное являлось уже приятным сюрпризом.

* * *

Через минуту поступил сигнал с перенацеленных зондов, и ситуация до некоторой степени прояснилась. Маленькие аппараты, неуловимые для датчиков слежения противника, вошли в атмосферу планеты, и тут же, сверяясь с данными, поступающими по каналам телеметрии, Дитрих фон Берг был вынужден признать, что информация тридцатилетней давности безнадежно устарела.

То, что автоматический корабль-разведчик принял за выбросы вулканического пепла, на самом деле являлось результатом человеческой деятельности. Капитан «Неустрашимого» был хорошо осведомлен, что именно такой эффект «помутнения атмосферы» происходит в самом начале активного преобразования непригодных для дыхания человека первобытных газовых смесей в кислородсодержащую среду, и данные разведзондов полностью подтверждали это. Теперь воздушная оболочка планеты выглядела бело-голубой, а в прорехах мощного облачного покрова ясно просматривались бескрайние массивы упорядоченных, будто причесанных под гигантскую гребенку, искусственных лесопосадок.

Облака, кислород и лес — что может быть лучшей маскировкой для военной базы? С орбиты трудно судить, что на самом деле расположено внизу, — мирные поселения затерянной в период Великого Исхода колонии или военные инфраструктуры? Не выдав своего присутствия на орбите, выяснить это невозможно, а наносить удар вслепую по площадям, основываясь только на догадках и предположениях, Дитрих фон Берг никогда бы не стал.

— Сэр, переходим на резерв накопителей, — предупредил вахтенный офицер, дежуривший за пультом координатора.

— Санкционирую. Приказ секциям гипердрайва — полная мощность. Навигационный пост: режим выхода — боевой. Стартовым катапультам стосекундный отсчет. Всем постам: предельное внимание. Выходим в зону высоких околопланетных орбит!

Огромный космический корабль, способный совокупной мощью своих боевых систем сокрушить любую орбитальную группировку противника, сейчас покидал пространство аномалии космоса, чтобы обрести материальность физического тела в непосредственной близости от серо-голубого шарика планеты.

— Минус десять секунд… — Голос вахтенного офицера звучал напряженно. — Стартовые катапульты заканчивают отсчет. Неполадок нет… Семь… пять… три… Переход, сэр!..

Огромные стереоскопические мониторы рубки управления, которые до этого мгновения заполняла чернильная тьма, внезапно просветлели. Это заработали все подсистемы «Неустрашимого», предназначенные для сбора информации в трехмерном, привычном для человека пространстве.

Посреди лобового монитора, составленного из множества отдельных секций, возник серо-голубой шар планеты, который несколько секунд рос, укрупняясь в размерах, а затем начал резко смещаться вправо — это крейсер, едва завершив гиперпространственный переход, начал резкую смену курса, с тем чтобы выйти на круговой облет планеты в районе высоких орбит, где было легче маневрировать, отражая возможные ракетные пуски с точек наземного базирования.

Одновременно с производимым траверс-маневром «Неустрашимый» разрядил все стартовые катапульты: оба борта корабля беззвучно окутались облачками выхлопов — это вслед стартовавшим аппаратам поддержки улетучивалась остаточная атмосфера, которая неизбежно скапливалась в стволах электромагнитных ускорителей.

Фон Берг напряженно следил за ситуацией. Каплеобразные разведзонды уже сгорели в атмосфере, так и не сумев ни подтвердить, ни опровергнуть факт наличия на поверхности характерно выраженных военных либо гражданских объектов. Разрешающая способность их сканеров дала лишь общее представление о расположенном внизу мире: два материка, омываемые мутным, теплым океаном, по-видимому, не так давно составляли единый участок суши — орбитальная съемка показывала, что их разделял узкий, угловатый, похожий на заполненную водой трещину, пролив.

Оба материка были приблизительно равны по площади, но резко отличались внешним видом. Тот, что располагался южнее, представлял собой безжизненную серо-коричневую равнину с редкими цепями молодых гор, часть которых еще «дымила», явно указывая на остаточную вулканическую деятельность. Северный материк был сплошь покрыт лесным массивом, искусственное происхождение которого не вызывало никаких сомнений. Стройные ряды зеленых крон, при внимательном рассмотрении, располагались ровными линиями, характерными для лесопосадок…

Планета молчала.

Ни одного спутника на орбитах, лишь оставленные позади зловещие

минные поля да эти стройные ряды зелени внушали командиру корабля серьезную тревогу, немо свидетельствуя, что все далеко не так просто и благополучно, как кажется.

Дитрих фон Берг обернулся к тактическому монитору, куда стекалась вся информация со сканирующих систем крейсера.

Торпеды, выпущенные «Неустрашимым», уже достигли зоны активации минных полей, и теперь их кассеты разделились, выпустив сотни боевых фрагментов, которые взрывались, посылая в пространство десятки тысяч стальных шариков. Даже невооруженным глазом было видно, как на экранах заднего обзора вспыхивают и гаснут яркие искорки света, — это мины тщетно пытались справиться с крохотными частицами металла, в то время как плотные рои стальной шрапнели, разогнанные до космических скоростей, сметали на своем пути все, превращая в бесформенные обломки не успевшие сработать взрывные устройства.

Взглянув на алую полоску, отражающую процент уничтоженных мин, фон Берг мысленно отключился от этой проблемы. Даже если в пространстве останется сотня-другая неуправляемых объектов, они уже не станут помехой для погружения «Неустрашимого» в пучины аномалии космоса…

Теперь основной проблемой стал лес. Хотя сканеры крейсера работали на полную мощность, по-прежнему оставалось непонятно, что скрывается под густым пологом вечнозеленых крон.

— Детекторный пост, доложить обстановку. Почему нет четкой информации со сканеров?

— Сэр, это не просто лесопосадки, — пришел немедленный доклад. — Внизу расположен биоадаптивный маскировочный комплекс. Деревья являются генетически усовершенствованным видом земной сосны: их хвоя содержит большой процент железа, что препятствует работе проникающих систем обнаружения. Нами обнаружены три посадочных площадки. Вся инфраструктура покрыта мимикрирующим[2] составом, что делает постройки неразличимыми на фоне естественного рельефа.

— Есть обработанные снимки?

— Да, сэр.

— Передайте на мой терминал, немедленно.

На мониторе перед фон Бергом возникло несколько изображений. На первый взгляд это была обычная пустынная местность на побережье: рыжий песок, серые проплешины вулканического туфа[3] в обрамлении сочной зелени дикорастущих трав, яркая, отблескивающая на солнце гладь

пролива и несколько водных артерий, образующих молодые, еще не успевшие толком разветвиться дельты, — все это примыкало к лесу со стороны побережья, но при тщательной цифровой обработке снимков на фоне рельефа начали проступать смутные контуры. То, что секунду назад казалось серыми скалами и выступами коренных пород материка, на самом деле являлось зданиями; лишь небольшая часть травянистой равнины была натуральной — большинство зеленых пятен после снятия «маски» оказалось не чем иным, как стартопосадочными полями космопорта, а серебристые русла трех рек, «впадающих» в пролив, — взлетно-посадочными полосами для челночных кораблей и космических истребителей.

Фон Берг нахмурился.

Теперь, после обнаружения космопорта, огромная площадь лесного массива невольно наводила на мысль о хорошо укрепленной и тщательно замаскированной базе сил Земного Альянса, но, глядя на бескрайний простор зелени, сливающийся в сплошное непроницаемое для сканеров море железистой хвои, командир «Неустрашимого» не мог не задаться закономерным вопросом: сколько живой силы и техники может скрывать под собой маскировочный покров размером со средний материк?

Опыт подсказывал, что там должна находиться глубоко эшелонированная сеть подземных укреплений со своим кибернетическим центром управления, системами противокосмической и наземной обороны.

Штурмовать такой укрепленный район силами одного тяжелого крейсера являлось безумием, даже самые скромные подсчеты выдавали многократный перевес вероятного противника в живой силе и технике. Пока «Неустрашимый» занимает зону высоких орбит, он недосягаем для средств противокосмической обороны, но и достать затаившихся внизу врагов корабль мог лишь одним способом: ковровым бомбометанием по площадям.

В понимании фон Берга, ситуация складывалась не из легких. С одной стороны, он обязан сломить сопротивление остаточных сил Альянса, а с другой — ему не казалось разумным превращать в пепелище огромную терраформированную площадь материка, пригодную для жизни человека. В конце концов, сейчас не те времена — война фактически окончена, а он не адмирал Надыров, который некогда превратил цветущий Дабог в радиоактивную пустыню…

— Центр связи, дайте открытую частоту для связи с планетой, — произнес он, тем самым разрешив свои внутренние сомнения.

— Сэр, в районе космического порта зафиксировано движение.

Похоже на космическую технику, выводимую из подземных ангаров.

— Понял, ждите.

— Есть канал связи.

Фон Берг переключил свой коммуникатор и произнес:

— Внимание, говорит командир крейсера Свободных Колоний капитан Дитрих фон Берг. Я обращаюсь к командованию и всему личному составу сил Земного Альянса. Ваша база демаскирована. Сообщаю, что основные силы Земного Альянса разгромлены, и на планете Элио подписан акт полной и безоговорочной капитуляции. Предлагаю сложить оружие, деактивировать кибернетические системы и сдаться. Всем будет гарантирована жизнь, согласно пунктам Элианских соглашений, полный текст которых будет передан на этой же частоте. Даю час на размышление, после чего отсутствие связи с вашей стороны будет расценено как отказ от условий сдачи.

* * *

Адмирал Табанов не обманул Волкошина.

На следующий день, после передачи взлелеянной им станции в руки военных специалистов, небольшой автоматический корабль доставил Вячеслава Андреевича на планету, где располагалась засекреченная и законсервированная до поры база космического флота Земного Альянса.

Он не знал, сколько подобных объектов разбросано по неведомым планетам систем Дальнего космоса, одно он почувствовал остро и недвусмысленно: война извратила смысл продвижения людей в неизведанное пространство.

Доставивший его корабль совершил посадку на небольшой космодром, расположенный посреди бескрайнего лесного массива.

Сойдя по трапу, Волкошин невольно остановился, впитывая всем существом два новых, необычных ощущения: воздух пах хвоей, а вокруг стояла гробовая тишь, словно на многие десятки километров вокруг не было ни единого живого существа, кроме него самого.

Позже он с точностью узнал, что первые впечатления не обманули.

Глухой лесной массив, который в иных условиях стал бы образчиком терраформированной территории, был посажен тут не ради людей. Титаническая работа по преобразованию атмосферы и освоению меньшего по размерам материка планеты, конечно, имела дальний, уже послевоенный прицел, но Волкошина, несмотря на свежий, пригодный к дыханию воздух и массу окружающей зелени, не покидало стойкое субъективное ощущение, будто Омикрон являлся исполинским мемориалом, построенным

машинами в память людей.

Его чувства можно было понять. Бескрайний, заповедный лес, будто сошедший с иллюстраций древних книг, таил под своей сенью сотни машин, которые исправно функционировали, не обращая никакого внимания на одинокого старика.

Это ли не страшно? В первые дни по прибытии Волкошин много бродил по окрестностям, но стоило ему на минуту забыться, уйти в очарованное созерцание дремучей красоты живых представителей исчезнувшей на Земле флоры, как взгляд вдруг спотыкался о патруль кибернетических механизмов, которые бесстрастно двигались по строго определенным маршрутам, процеживая красоты леса взглядом видеосенсоров.

Здесь, на Омикроне, гений человеческих технологий планетного преобразования так тесно переплелся с безумием техногенной гонки вооружений, что данный синтез вызывал у Волкошина откровенную дрожь…

Он предчувствовал: люди никогда не придут сюда в качестве жителей преобразованного мира, и эта красота будет вечно служить исполинской маскировочной сетью для бездумных и бездушных машин.

Да, отправив его сюда, адмирал Табанов сдержал свое обещание. Но Вячеслав Андреевич жалел о совершенной сделке со своей совестью, запоздало клял себя за минуты малодушия, хотя сопротивляться адмиралу означало бы просто погибнуть, бессмысленно и бесславно.

Нужно делать то, ради чего я прилетел сюда, — мысленно убеждал себя Волкошин.

Это подействовало. Иррациональная жуть понемногу рассеялась, он постепенно адаптировался к окружающей его реальности, и спустя две недели после прибытия на планету Волкошин наконец переступил порог отданных в его распоряжение биологических лабораторий, которые располагались на минус первом уровне огромной, глубоко эшелонированной базы.

Здесь, как и обещал Табанов, имелось все, начиная от аппаратуры биологической реконструкции и заканчивая банком замороженного генофонда, который, как подозревал Вячеслав Андреевич, являлся частью знаменитого земного хранилища, рассредоточенного теперь по сотням подобных баз.

Конечно, по своим масштабам лабораторный уровень не мог сравниться с шестью состыкованными в единую конструкцию колониальными транспортами, но Волкошин уже не обращал внимания на

многие вещи. Пораженный диким, с его точки зрения, синтезом растительного мира и кибернетических механизмов, он приступил к работе, одержимый одной целью: как можно скорее вырастить первых людей, дать им необходимые знания, чтобы в случае самого мрачного исхода войны они могли не только продолжить род человеческий, но и занять отведенную им самой природой роль хозяев данного мира, невзирая на его тотальную милитаризацию.

Волкошин понимал, у него нет времени на долгий кропотливый труд. Война могла докатиться сюда вопреки заверениям Табанова, и тогда вялая кибернетическая жизнь законсервированной базы очнется, угрожая всему живому…

Вячеслава Андреевича подвели спешка и старость.

Он с головой ушел в работу, разбив свою деятельность на два этапа. Не уповая на благополучное стечение обстоятельств и не желая пользоваться услугами кибермеханизмов, Волкошин решил, что в первую очередь ему нужны помощники, единомышленники, поэтому он воспользовался ускоренной программой роста первых эмбрионов, установив временную пропорцию их развития как соотношение пяти к одному.

Три года. Такой срок он отвел себе и двадцати эмбрионам для осуществления первого этапа проекта. Указанный срок являлся критичным для самого Волкошина — старость неумолимо давала о себе знать, и он не был уверен прежде всего в собственных силах.

Через три года он окончательно одряхлеет, но к этому времени из камер биореконструкции восстанут пятнадцатилетние подростки — десять юношей и столько же девушек, которые в случае его смерти подхватят инициативу и доведут до логичного завершения все нереализованные стадии проекта.

Он действовал, исходя из худших вариантов стечения обстоятельств, но все равно не смог учесть все нюансы тех сложных исторических процессов, что протекали вне Омикрона.

Несмотря на полученные коды доступа, Волкошин жил вне общей кибернетической паутины, образующей ядро базы военно-космических сил и ее удаленной периферии. Он не мог управлять ничем, кроме отданных в его власть биологических лабораторий, и в этих условиях ему оставалось лишь ждать скорейшего завершения первой фазы роста искусственно зачатых младенцев, в надежде, что их молодой, пытливый разум, снабженный в процессе развития всеми необходимыми техническими знаниями, сможет проникнуть глубже, познать все тонкости автономной

планетарной сети и в конечном итоге взять ее под свой контроль, чтобы следующие поколения людей, чьи эмбрионы развивались уже в пропорции два к одному, могли стать полноправными хозяевами этого мира, не сосуществуя параллельно с машинами, а используя их в своих целях, или, на худой конец, просто обезвредив кибернетическую составляющую исполинской военной базы.

…Прошло два года с момента появления Волкошина на Омикроне.

Как и обещал Табанов, никто не тревожил старого ученого, и он начал успокаиваться, постепенно обретая надежду, что война никогда не докатится до этого уголка космического пространства.

Он не знал ни о поражении Земли, ни о судьбах ее защитников. Он жил, дряхлея с каждым днем, но его силы питала надежда.

Вячеслав Андреевич чувствовал, что не умрет, пока два десятка камер биологической реконструкции не завершат запрограммированный цикл роста.

До этого желанного момента оставалось ждать всего месяц, когда в системе Омикрон-12 появился крейсер «Неустрашимый».

* * *

— Сэр, планета не отвечает на открытой частоте.

Фон Берг и сам видел это. Датчики автоматического сканирования диапазонов связи по-прежнему выдавали статичный сигнал.

— Считаете, что там вообще нет никого живого? — спросил он у старшего офицера корабля.

— Да, — взглянув на показания сканеров, ответил тот. — Это укладывается в общую схему подобных прецедентов. Земной Альянс в период завершающей фазы боевых действий был полностью обескровлен и не мог комплектовать свои удаленные, законсервированные объекты техническим персоналом из числа людей, — аргументировал офицер свой вывод. — Думаю, там только машины, адмирал.

Машины… — подумал Дитрих, пристально глядя на изображение бескрайнего лесного массива.

Действительно, признаков человеческой жизнедеятельности не фиксировал ни один сканер, зато сама структура леса, состоящего из мутагенных древовидных форм, вкупе с искусно выполненным рельефным камуфляжем старто-посадочных площадок обнаруженного на побережье космопорта, говорила в пользу хорошо замаскированной военно-космической базы.

Машины… — вновь с сомнением подумал фон Берг, словно пытался

постичь некий скрытый, каверзный смысл данного утверждения. — Зачем в таком случае потребовалось преобразовывать атмосферу? Только ради маскирующих лесопосадок? Сомнительно…

— Дмитрий Сергеевич, что ты думаешь по поводу терраформирования? спросил он у стоявшего рядом офицера.

Тот задумался, глядя на суммирующий экран, куда выводились все данные, полученные в результате сканирования расположенного внизу мира.

— Думаю, что двадцать лет назад Альянс располагал не только машинными, но и человеческими ресурсами. В ту пору наша победа казалась лишь призрачной надежной, а Джон Хаммер готовил инфраструктуру будущей империи.

— Хочешь сказать, что планетопреобразование в данном случае лишь отзвук несостоявшихся амбиций на глобальное господство в Обитаемой Галактике?

— Да, сэр. Нами не замечено даже зачаточных поселений.

— Мы не знаем, что скрывает под своим покровом лес. Кроны деревьев слишком богаты металлом, чтобы наши сканеры могли что-либо различить.

— Вы предлагаете высадку разведывательных групп?

— Именно. — Палец фон Берга отчеркнул часть изображения, отметив границы замаскированного космопорта. — Звено десантно-штурмовых модулей при поддержке истребителей прикрытия должно совершить посадку вот здесь, — он указал на тонкую линию побережья. — Далее, взвод БПМ[4] выдвигается к этой лесной опушке и занимает позиции для огневой поддержки. Три разведгруппы проникают на территорию лесного массива, по возможности избегая боестолкновения с машинами. Они должны либо подтвердить, либо опровергнуть наши предположения. Если там обнаружатся люди, то мы займем оборону в районе космопорта и попытаемся вторично вступить в переговоры.

— А если будет подтверждена информация о наличии военной базы и ее полной кибернетической автономии?

— В таком случае мы подвергнем ее орбитальной бомбардировке, — ответил фон Берг, окончательно утверждаясь в принятом решении. — Это приказ, полковник, принимайте его к исполнению.

* * *

Над побережьем разгорался рассвет, когда в утренних красках неба показались три стремительно растущие в размерах точки, пересекавшие

пространство над проливом, двигаясь со стороны второго, безжизненного материка планеты.

Еще минута, и они превратились в огромные десантно-штурмовые модули, снижающиеся над узкой прибрежной полосой в режиме боевой посадки.

Командир головного модуля напряженно следил за приближающимися стеклобетонными конструкциями посадочных мест, которые с такой высоты уже не выглядели как безобидные детали рельефа.

— Внимание! — произнес он в коммуникатор. — Всем приготовиться, отстрел бронетехники на первом заходе. Истребители, вам приказано снизиться до высоты тысячи метров. Барражировать зону высадки.

— Принято, — пришел краткий ответ командира эскадрильи «Ягуаров».

Три модуля, выстроившись цепью, продолжали снижение.

Приземистые постройки космопорта с темными провалами неосвещенных окон казались вымершими, необитаемыми.

В десяти метрах от поверхности стеклобетонной равнины модули зависли, и их десантные рампы синхронно открылись, выпуская боевые планетарные машины.

Сорокатонные БПМ стремительно съехали по выдвинутым аппарелям. Тяжелые машины выглядели устрашающе: помимо пятидесятимиллиметровых автоматических орудий, они были вооружены системами запуска управляемых ракет и стационарными инфракрасными лазерами, которые венчали покатые башни планетарных танков.

— Первый, все чисто!

— Второй, готов!

— Третий, высадка завершена!

Аппарели десантных модулей втянулись вовнутрь, рампы начали закрываться, и синхронно с этими действиями под днищем каждого из кораблей высадки заработали гидравлические манипуляторы, опуская закрепленные меж посадочных опор легкие, двадцатитонные машины, которые в отличие от своих тяжеловесных собратьев передвигались на цельнолитых колесах и несли иной комплект вооружения…

…Башенные орудия модулей медленно поворачивались, сканируя горизонт. Шесть БПМ, построившись клином, уже ползли по направлению к лесной опушке; над головой в светлеющих небесах с ревом пронеслось звено космических истребителей, и плоскости их скошенных крыльев внезапно сверкнули на пологом вираже, поймав шальной луч восходящего

солнца.

— Продолжаем движение! — раздался на командной частоте приказ координатора, управлявшего операцией с борта «Неустрашимого». — Высадка мобильных разведгрупп в ста метрах от границы лесного массива!..

…Десантно-штурмовые модули, закрыв рампы, медленно скользили в двадцати метрах над землей, прикрывая движение планетарных машин.

БПМ, не встречая сопротивления, пересекли пространство стеклобетонной равнины, огибая чашеобразные углубления посадочных мест, и стали попарно расходиться в стороны заранее обозначенных позиций.

Командир головного модуля посмотрел на датчики сканеров.

— Все чисто, — спустя некоторое время доложил он на орбиту. — Начинаю высадку разведывательных групп.

Волкошин совершал обычную утреннюю прогулку, когда до него донесся отдаленный рев.

В первый момент он не поверил своему слуху, сочтя басовитый вой игрой уставшего от одиночества воображения, но, когда звук повторился, да еще столь явственно, что от его вибраций задрожали кроны деревьев, роняя на землю хвою и мелкие веточки, Вячеслав Андреевич понял: случилось нечто выходящее из ряда вон. Он настолько привык к глухой тишине лесного массива, что острое предчувствие беды мгновенно захлестнуло его разум.

Волкошин сильно постарел за прошедшие годы, даже неторопливые пешие прогулки в последнее время давались ему с трудом, но сейчас он, не оглядываясь, бегом бросился назад, к входу в подземные уровни базы, благо это было недалеко, всего в полукилометре от того места, где его настиг внезапно накатившийся из поднебесья рокот.

Тот факт, что Вячеслав Андреевич не был осведомлен о попытках связи с планетой, которые предпринимал командир «Неустрашимого» перед высадкой десантных подразделений, объяснялся просто: все приемопередающие устройства находились в ведении кибернетических систем, а он на протяжении двух с лишним лет, по сути, являлся узником огромного кибернетического комплекса, истинных размеров и боевой мощи которого он попросту не знал. Кем являлся Волкошин в понимании кибернетических систем базы «Омикрон»? Не более чем крупицей сущего, со строго определенными правами доступа, разрешающими ему свободу передвижения в пределах комплекса биологических лабораторий, не более.

Он не принимал никаких кардинальных решений, не мог влиять на

автономный кибернетический мир или получать от него какую-либо информацию. Волкошин сосуществовал с машинами, пребывая в полном неведении относительно исхода войны, но его осознанный конформизм имел в своей основе благую цель. Чувствуя, что дряхлеет, Вячеслав Андреевич был одержим только одной целью: во что бы то ни стало довести до логического завершения процесс взросления своих питомцев. Его уже не интересовал ни внешний мир, ни исход войны неизбывно хотелось лишь одного: увидеть, как из камер биологической реконструкции восстанут потомки тех людей, кто отдавал свой генетический материал в банк генофонда Земли более четырехсот лет назад, накануне массового исхода колониальных транспортов.

Он свято верил, что этим подросткам достанется светлая судьба, что они сумеют продолжить начатое им дело и мирно овладеют безупречно терраформированной планетой.

Для этого было необходимо соблюсти одно непременное условие: не тревожить до времени дремлющий электронный мир…

…Через десять минут, задыхаясь от быстрого бега, он оказался подле поросшего дерном холма, в склоне которого располагался неприметный вход, охраняемый двумя тщательно замаскированными лазерными установками.

Обычно тут было тихо и пусто, но сейчас взгляду Волкошина открылась совершенно иная картина: склоны холма разверзлись, словно прямоугольные пласты дерна подняла вверх и отнесла в сторону неведомая сила, а из глубин открывшихся тоннелей доносился монотонный, хорошо узнаваемый звук.

Вячеслав Андреевич остановился, не в силах вдохнуть.

Грудь резало острой болью, не то от спазма, вызванного непривычными физическими усилиями, не то от ясного, неумолимого осознания непоправимости внезапных событий…

Звук, доносившийся из глубин подземелий, нельзя было перепутать ни с чем. С таким характерным присвистом сервоприводов передвигались только боевые шагающие машины — исчадия порожденных войной технологий, вершина технической мысли работавших на войну конструкторов, воплощенная в кибернетических механизмах с искусственным интеллектом, которые дремали до поры в неведомых глубинах подземных уровней базы «Омикрон».

Волкошин остановился, тщетно пытаясь унять резь в груди.

Губы старика мелко тряслись от нервного и физического напряжения. Его душила боль и обида на злонравную судьбу, ведь за плечами лежали

три года одиночества, кропотливого, вдумчивого труда, а до пробуждения взлелеянных им подростков оставалось меньше месяца…

Господи, неужели в мире нет ни капли справедливости? — растерянно думал он, укладывая дрожащую ладонь в углубление сканирующего устройства дверей.

Проход послушно открылся перед ним, но, прежде чем войти в сектор биологических лабораторий, Волкошин увидел, как из открывшегося зева транспортного тоннеля на свет вышла устрашающая фигура первого «Фалангера» шестидесятитонной серв-машины, которой управляла система «ALONE».

Это была смерть в чистом виде, и кому, как не Вячеславу Андреевичу, было знать, что, однажды разбуженная, это псевдожизнь уже не уснет при любом стечении обстоятельств…

Преступая порог залитых стерилизующим ультрафиолетом помещений, он теперь думал лишь об одном: как уберечь ни о чем не подозревающих подростков от назревающего противостояния неведомых ему сил?..

Волкошин пересек крионический зал, сел в кресло за центральным терминалом управления, и его пальцы машинально разыграли партитуру команд, которая выражалась всего тремя словами:

«Режим экстренного пробуждения».

Он отчаянно надеялся, что ему повезет и он успеет вывести своих питомцев из эпицентра назревающих событий.

* * *

— Командный, здесь БПМ-1, вышел на позицию. — Командир планетарного танка посмотрел на экран лобового монитора. — Вижу магистраль, ширина десять метров, ведет в направлении центра лесного массива.

— Удерживать позицию, — пришел ответ на командной частоте. Докладывать о малейшем изменении обстановки.

— Понял вас.

Две боевые планетарные машины свернули с дороги, скрывшись в кустарниковом подлеске, откуда хорошо просматривалось ровное, как стрела, полотно автомагистрали.

Лес возвышался угрюмой, невнятно шелестящей стеной, колоннада стволов сжимала дорогу, сужаясь в перспективе, а на экранах сканирующих систем по-прежнему не наблюдалось ни одного активного сигнала — лишь нейтральный салатовый фон.

— Разведгруппы вступили в границы массива. Всем удвоить внимание!

Звено «Ягуаров», следуя заранее разработанной схеме барражирования, вошло в крутой вираж, стремительно продвигаясь на предельно низкой высоте. Сканеры космических истребителей, ориентированные на обнаружение металла, аномальных тепловых всплесков и электромагнитного излучения, работали на полную мощность.

— Выходим на прямой курс, — раздался приказ ведущего. — Высота двести, охват зоны сканирования в радиусе десяти километров.

Три истребителя, обгоняя звук, неслись почти над самыми кронами деревьев.

Кейтлин спокойно вела машину. За годы службы на борту «Неустрашимого» она свыклась с непривычным поначалу «Ягуаром». Техника колонистов имела множество отличий от тех систем, управлению которыми она обучалась, но девушке пришлось менять не только технические знания — после первого боя и неожиданного спасения радикально изменилась вся ее жизнь, и на фоне моральных перемен остальные трудности казались практически незаметными.

В конечном итоге она сумела сдержать данное капитану фон Бергу слово, и хотя в среде пилотов ее недолюбливали за замкнутость, но свои профессиональные обязанности Кейтлин выполняла безупречно.

Она по мере возможности старалась не тревожить прошлое и не думать о будущем. Никто не знал, что ее психика все еще балансирует на зыбкой грани, а время так и не сумело стереть нереальные воспоминания, связанные с иным существованием и болезненным переходом в грубую реальность…

Что-то не давало ей жить так, как остальным: переживать неудачи, радоваться успехам, словно в душе оставался негнущийся стержень, не поддающийся ни течению времени, ни сменам обстановки.

Редкие минуты покоя, душевного равновесия Кейтлин, как ни странно, испытывала в рубке истребителя, когда вокруг не было ни души, лишь она, машина и звезды…

В этот раз все сложилось не так.

Лес, сливающийся под днищем истребителя в сплошные грязно-зеленые полосы, изначально не понравился ей своей кажущейся, обманчивой статикой.

Она чувствовала — это западня, но не высказывала своего мнения вслух, лишь ее глаза напряженно следили за мониторами сканирующих систем, поэтому Кейтлин первой заметила аномальный сигнал, который

появился на зыбкой границе зоны эффективного обнаружения.

— Здесь «Ягуар-3». Докладываю: термальный всплеск, с поправкой курса на пятнадцать градусов. Предположительно — реактор серв-машины, класс «Фалангер».

— Вижу. — Голос ведущего зазвучал натянуто, напряженно. — Но мой анализатор выдает лишь размытое тепловое пятно… — усомнился он в категоричном выводе ведомой.

— Это «Фалангер», — упрямо повторила Кейтлин, но командир звена не ответил, он попросту не успел произнести застрявшую в горле фразу. Системы обнаружения трех истребителей в этот момент буквально захлебнулись истеричным воем, реагируя на огромное количество внезапно проявивших себя термальных всплесков и потоков электромагнитного излучения…

Секунду в эфире царила гробовая тишина, затем все услышали голос командира:

— Внимание всем! Серв-машины! До сотни сигналов, класс не определен! Движутся от центра массива в сторону зоны высадки!

Никто не успел отреагировать на выброшенную в эфир информацию, а головной истребитель уже начал свечой уходить в поднебесье, переворачиваясь, чтобы войти в петлю, два ведомых синхронно изменили курс, резко расходясь в стороны, — это был отработанный маневр уклонения от вероятного ракетного залпа, с одновременным расширением зоны сканирования, но в данной ситуации он оказался не только бесполезным, но и опасным, прежде всего для машины командира звена, которая резко потеряла скорость ради набора высоты.

Зенитные установки залпового огня ударили из-под плотного шатра древесных крон, и головной истребитель окружили сотни разрывов, превратив «Ягуар» командира звена в уродливый изрешеченный обломок, который мгновенно вспыхнул и начал падать, роняя фрагменты дымящейся обшивки…

Секунду спустя внизу полыхнул взрыв.

Кейтлин видела все от начала и до конца. Ее разум впитывал каждое мгновение внезапно начавшегося боя. Истребители «Неустрашимого» не несли на своем борту таких сложных кибернетических систем, какие устанавливались на малых кораблях Альянса, но ей хватило одного взгляда на схему отслеженных сканерами потоков электромагнитного излучения, чтобы определить, где расположен испускающий их центр.

Кому, как не Кейтлин, было знать все тонкости взаимодействия кибернетических систем, и она не сомневалась ни на секунду: вычисленная

точка являлась навершием командного центра, откуда приказы кибернетической сети передавались на приемные устройства исполнительных машин.

Еще не смолк грохот взрыва, в котором погиб ее ведущий, как в эфире раздался голос Кейтлин:

— Здесь «Ягуар-3». Орбита, фиксируйте телеметрию, выхожу на курс атаки. Цель — установка связи.

«Ягуар» вошел в стремительный вираж, по-прежнему двигаясь почти над самыми кронами деревьев, и спустя несколько мгновений от его днища отделились две бомбовые кассеты.

— Есть разделение боевых частей! Три секунды до поражения цели!

Она продолжала уводить свою машину прочь, двигаясь обратным курсом к окраине лесного массива.

За кормой истребителя вспух ослепительный шар огня; взрывная волна выдирала с корнем огромные, полыхающие, как спички, деревья, выбрасывая их в небеса, вперемешку с тоннами земли, обломками параболических антенн и раздробленными фрагментами бетонных конструкций.

Стопроцентное попадание.

На мостике «Неустрашимого» Дитрих фон Берг резко повернулся к операторам:

— Расшифровку телеметрии, немедленно!

Кейтлин начала плавный набор высоты, рассчитывая подняться в стратосферу уже вне досягаемости наземных установок, но она еще не знала, что множественные сигналы, зафиксированные сканерами ее машины при боевом заходе на цель, сейчас расшифрованы компьютерами «Неустрашимого», и добрая половина из них идентифицирована как тяжелые серв-машины класса «Фалангер», которые принципиально не могли пострадать от разрушения передающего командного центра.

Снабженные программным пакетом «Одиночка», они являлись полностью независимыми боевыми единицами, и их кибернетические системы уже две секунды вели ее истребитель, захватив его в качестве цели…

…Кейтлин поняла, что из зоны лесного массива не уйти ни одним из мыслимых способов, но осознание этого наступило лишь в тот миг, когда выпущенные ей вдогонку тугие снарядные трассы разрубили обе несущие атмосферные плоскости «Ягуара», и истребитель, мгновенно потеряв управление, начал стремительно падать, беспорядочно вращаясь вокруг своей оси…

Последнее, что успела сделать Кейтлин, — это ударить ладонью по кнопке аварийного катапультирования.

Вокруг пилот-ложемента мгновенно сомкнулись сегменты герметичной капсулы, снабженной системой крионического жизнеобеспечения, которая могла поддерживать жизнь пилота даже при многомесячном дрейфе в космическом пространстве.

Автоматика действовала безукоризненно, но герметичная капсула едва успела отделиться от обломков истребителя, как ее встретил хлесткий удар древесных крон.

Кейтлин уже не воспринимала динамических ударов; в то мгновение, когда она ударила по кнопке катапультирования, автоматика пилот-ложемента выстрелила ей в шею микроинъектором, содержимое которого мгновенно погасило сознание, чтобы пилот своими рефлекторными реакциями не смог помешать точно рассчитанным действиям, направленным на спасение человеческой жизни.

Для системы аварийного жизнеобеспечения не было никакой разницы в том, что ее активация осуществлялась не в открытом космосе, а в пятистах метрах от поверхности планеты.

Отделившаяся от обломков «Ягуара» капсула пробила кроны деревьев и глубоко вошла в податливый рыхлый грунт.

Секунду спустя в полукилометре взорвались обломки рухнувшего в лес «Ягуара».

* * *

— Сэр, она погибла.

Фон Берг мрачно смотрел на экран, где разворачивались строки расшифровки данных.

— Капитан, серв-машины движутся по дорогам. Они будут в зоне высадки через шесть с половиной минут!..

Дитрих машинально вытер выступившие на лбу бисеринки пота. Ему редко приходилось ошибаться в своих расчетах, но на этот раз чрезмерная осторожность капитана грозила обернуться гибелью целого подразделения. Три потерянных «Ягуара» горели чадными кострами в разных точках лесного массива, а самоотверженная и рискованная атака Кейтлин, похоже, не дезориентировала, а только разворошила это гнездо…

— Срочная эвакуация, — произнес он, принимая тяжелое, но единственно верное решение.

— Сэр, экипажи БПМ не успеют произвести процесс парковки.

— Пусть бросают машины и уносят ноги! Это приказ!

* * *

Есть два направления, в которых эволюционирует боевая техника в период войны, когда каждый механизм той или иной машины проходит испытания на прочность не в полигонных условиях, а на полях сражений.

Когда Кейтлин была зачислена в штат крейсера «Неустрашимый» и ее допустили к полетам, то она сразу же поняла: имея в своей основе одних и тех же «предков», машины Альянса и флота Колоний шли разными путями развития.

Земная промышленность на протяжении всей войны совершенствовала компьютерные составляющие, в колониях же основной упор делался на человеческий фактор.

При таком подходе соответственно менялась и конструкция машин. Сложные, склонные к частым сбоям узлы заменялись на более простые и надежные, в ходу неизменно оставались полуавтоматические системы, которыми с одинаковой эффективностью мог управлять как человек, так и компьютер.

Единственным типом бортовых агрегатов, которые неизменно усложнялись, стремясь к полной автономии, были системы жизнеобеспечения, особенно те, что относились к разряду аварийных.

…Она не слышала звуков разгоревшегося боя, не ощущала, как дрожит земля под тяжкой поступью серв-машин, — автоматика сомкнувшейся вокруг пилот-ложемента спасательной капсулы не остановилась на том, что выключила сознание пилота. Внутри тесного кокона заклубился молочно-белый газ, затем в мутной черноте вспыхнули и тут же погасли сигналы индикации, оставив после себя лишь зеленый столбик, пульсирующий в такт замедляющемуся дыханию Кейтлин.

Она погружалась в низкотемпературный сон — системы экстренного поддержания жизни запустили крионическую программу после безуспешной попытки связи с бортовыми компьютерами базового корабля высадки.

Лес блокировал слабый, исходящий из-под слоя рыхлой почвы радиосигнал. Никто не слышал этого призыва, не отвечал на него, и, следовательно, спасти жизнь пилота мог только процесс экстренного замедления всех жизненных функций.

— Десантные модули вышли в стратосферу, сэр!

Фон Берг облегченно вздохнул.

Шесть брошенных внизу БПМ, по его мнению, были мизерной платой за спасение десятков человеческих жизней.

— Они на мониторах! — раздался доклад одного из офицеров, который постоянно следил за показаниями сканеров.

Дитрих перевел взгляд на укрупненное изображение демаскированного космического порта и увидел, как на окраину стеклобетонной равнины выходят растянувшиеся в цепь серв-машины. С такой высоты, даже при максимальном увеличении, они казались не более чем игрушками, но фон Берг знал, на что способны шестидесятитонные боевые механизмы. Мысленно сосчитав их, он почувствовал, как неприятный озноб бежит вдоль позвоночника.

— Всем установкам ракетного запуска, разобрать цели и доложить о готовности! — приказал он, пристально наблюдая за движением серв-машин.

Три десятка «Фалангеров» миновали углубления стар-топосадочных мест и остановились. На экранах умножителей, куда бортовой компьютер транслировал оцифрованное и многократно увеличенное изображение космического порта, было отчетливо видно, как медленно приподнимаются уплощенные торсы сервоприводных машин, нацеливая в зенит установки залпового ракетного огня…

— Захват целей окончен!

— Огонь! — произнес фон Берг, по-прежнему не отрывая взгляда от страшных контуров кибернетических исчадий, которые уже начали выпускать гидравлические упоры, готовясь произвести массированный залп по «Неустрашимому».

Крейсер вздрогнул, когда более сотни пусковых шахт произвели синхронный запуск. Ракеты класса «космос — земля», сияя реактивными струями, устремились вниз, и через минуту в экраны умножителей плеснуло ослепительное пламя.

— Модули вышли в район низких орбит!

Фон Берг посмотрел на датчики и понял, что им удалось опередить изготавливавшиеся к залпу машины всего на сорок секунд.

— Модули на стыковочной орбите, идет процесс захвата.

В стратосферу медленно выдавливало исполинский, клубящийся, пепельно-черный гриб.

Космопорт планеты был уничтожен.

— Выходим на орбиту бомбометания сразу по приему модулей. — Дитрих наконец смог оторвать взгляд от экранов.

В ушах шумела кровь, во рту ощущался железистый привкус смерти, с которой экипаж «Неустрашимого» разминулся меньше чем на минуту.

— Задействовать схему «Торнадо», — добавил он спустя некоторое

время, когда самообладание полностью вернулось к нему.

— Вакуумные бомбы, сэр?

— Да, — лаконично подтвердил фон Берг. — Ковровая и даже ядерная бомбардировка не повредит глубинным уровням подземных коммуникаций, пояснил он, отойдя от сектора обзорных экранов. — К тому же я не хочу превращать в шлак пригодный для жизни человека мир.

Через тридцать минут «Неустрашимый», благополучно приняв на борт десантные модули, совершил геостационарный маневр, уравняв свою орбитальную скорость со скоростью вращения Омикрона вокруг своей оси.

Точка высокой орбиты, которую занял корабль, была недосягаема для ракет наземного базирования, в то время как бортовые системы крейсера держали под прицелом всю площадь лесного массива, простершегося на тысячи квадратных километров.

— Комплексы точного бомбометания готовы, — поступил на мостик очередной доклад. — Атмосферные течения отслежены, координаты целей введены в компьютеры боевых частей. Алгоритму атаки удовлетворяют восемь точек из сорока шести.

Дитрих, внимательно следивший за схемой лесного массива, динамично меняющейся на экране тактического монитора, подумал в этот миг, что все данные, которыми оперировали его люди, были получены из расшифровки телеметрии, которую до последней секунды передавала на борт «Неустрашимого» Кейтлин Вилан.

Только она сумела отследить скрытую под непроницаемым покровом металлизированных крон инфраструктуру, и благодаря ее мужеству стала возможна следующая фаза атаки.

Острая жалость к погибшей девушке на миг кольнула сердце капитана, но обстановка не располагала к проявлению чувств.

У нас постоянно не хватает времени на человечность… — с досадой подумал фон Берг, возвращая свое внимание к многочисленным приборам.

Атака по схеме «Торнадо» являлась последней разработкой в вопросе борьбы с глубоко эшелонированной планетарной обороной противника. В теории, для эффективного удара глубина залегания и количество подземных уровней гипотетической базы не имели значения.

Успех операции теперь определялся высотными атмосферными течениями, которые формировались на границе так называемой «тропопаузы»[5] и перемещали воздушные массы со скоростью до пятисот километров в час. Кроме этих воздушных потоков, существенную роль играло взаимное расположение выходящих на поверхность зарешеченных

зевов вентиляционных шахт самой базы.

— Сэр, мы готовы. Расчеты подтверждают — восьми очагов достаточно для поражения всей системы подземных коммуникаций.

Фон Берг кивнул.

— Начинайте.

* * *

Война — это чудовищное действо, извращающее все, к чему она прикасается.

Разве могли предположить ученые, еще в глубокой древности изучавшие структуру земной атмосферы, что их открытия относительно природы возникновения ураганов, тайфунов, атмосферных циклонов и прочих проявлений погоды будут использованы в целях войны?

Нет, они даже не мыслили об этом.

Тридцатилетняя война, которую вело человечество в первой половине двадцать седьмого века, довела милитаризацию всех без исключения областей науки до грани абсурда. Сложно было найти хоть одно открытие, которое не использовалось бы в целях взаимного истребления.

Однако, если сравнивать тактику, использованную капитаном «Неустрашимого», с тривиальной бомбардировкой, следовало признать, что избранный им способ атаки отличался гуманностью по отношению к самой биосфере.

Действительно, как без применения всеразрушающих ядерных зарядов или иных средств массового поражения взломать бетонные коммуникации, заглубленные в кору планеты не на один километр?

Слабым звеном в данном случае являлись магистральные воздуховоды систем вентиляции подземных уровней.

Шахты воздухозаборников, отслеженные системами обнаружения истребителей, стали основной мишенью начавшейся орбитальной атаки. Из сорока шести выходящих на поверхность вентиляционных стволов было избрано восемь, над которыми в границах тропопаузы проходило струйное воздушное течение.

— Бомбы пошли, сэр!

Едва заметные для глаза точки отделились от «Неустрашимого» и начали падение вниз.

В границах стратосферы каждая из кассет задействовала собственные двигатели, осуществляя точную наводку на цель.

— Есть захват.

Падение продолжалось.

Автоматика базы, скрытой под пологом разлапистых крон, уже зафиксировала приближающиеся объекты, но истинный смысл атаки являлся новацией, и кибернетическая система не смогла адекватно отреагировать на стремительное падение бомбовых кассет.

На высоте пятисот метров боевые части разделились.

Вакуумные бомбы легли точно в цель, опоясав кольцом разрывов каждую из восьми избранных шахт.

Следствием такого удара стал резкий перепад давления, и воздух вокруг зарешеченных зевов вентиляционных шахт внезапно пришел в порывистое движение. Тонны воздушной смеси устремились в область низкого давления, которая возникла в местах разрывов вакуумных бомб, и эта сокрушительная масса внезапно стала закручиваться, наподобие гигантского водоворота…

— Есть устойчивая турбулентность!

Через несколько мгновений после разрывов вокруг восьми вентиляционных шахт закружили мутные смерчи. Зародившись, они стремительно росли в размерах, принимая устрашающую форму, которую на древней земле называли «торнадо».

Растущие на глазах воронки создавали устойчивую область низкого давления, к эпицентру со всех сторон подул шквалистый ветер, а восемь темных, зловещих воронок уже выросли, поднявшись над истрепанными кронами деревьев.

Столбы восьми торнадо тянулись вверх, вовлекая в свое вращение вырванные с корнем деревья, землю, куски дорожного покрытия; шквалистый ветер перешел в ураган, и, наконец, стремительно растущие воронки достигли своими вершинами того самого течения, на границе тропопаузы…

— Есть контакт со струйным течением!

Рукотворные смерчи, поднявшиеся на высоту в десять с половиной километров, внезапно обрели новый импульс вращения, закрутившись с бешеной скоростью.

Весь процесс, от падения вакуумных бомб до начала катастрофических разрушений, длился не более двух минут.

Все, кто наблюдал за искусственно созданными торнадо, переживали в эти мгновения неоднозначные чувства. Мощь, вызванная к жизни точными расчетами, основанными на знании атмосферных процессов, оказалась ужасающей. Такого не мог совершить ни ядерный взрыв, ни ковровая бомбардировка. Окрепшие, неконтролируемые более смерчи уже повалили деревья, сорвали почву, обнажая скрытый под ней бетон, и

теперь, чуть сместившись, начали высасывать воздух из-под земли.

Этому напору уже не могло противостоять ни одно защитное сооружение. Все предметы, скрытые в глубине подземных уровней, сейчас были подхвачены беснующимися воздушными потоками, вся система вентиляции разрушалась, и одновременно с этим тоннели подземных уровней превращались в аэродинамические трубы.

На фоне лесного массива внезапно обозначились новые очаги разрушений. Там также начал клубиться, уплотняться и закручиваться воздух: внутри подземных коммуникаций образовалась область низкого давления, и туда, пользуясь любым доступным отверстием, устремились ураганные ветры, сметающие все на своем пути.

Через десять минут после начала атаки атмосфера над лесным массивом помутнела настолько, что оптические системы теперь демонстрировали сплошной покров густой клубящейся облачности, над которой господствовали восемь исполинских воронок, по-прежнему поднимающих на десятикилометровую высоту тонны обломков, которые четверть часа назад были различной аппаратурой, надежно упрятанной в подземных глубинах.

Прошло еще пятнадцать минут, и над лесным массивом сформировался исполинский циклон, который поглотил отдельные очаги десятикилометровых смерчей. С орбиты казалось, что весь воздух теперь затянут в единую воронку, которая начала медленно смещаться в сторону второго, мертвого материка планеты…

Через сутки зародившийся ураган ослабеет, а сотни тысяч тонн захваченного им вещества выпадут в виде обломков и осадков в иных регионах планеты.

Бортовой компьютер «Неустрашимого», проанализировав полученные данные, выдал на информационный дисплей командного мостика свое бесстрастное резюме.

Военно-космическая база Альянса была уничтожена. Уцелеть могла лишь одна десятая процента из числа автономных кибернетических систем, и некоторое время район лесного массива все еще будет представлять реальную угрозу.

По оценкам аналитических программ, планету следовало закрыть на полувековой карантин, после чего следовало повторить операции по разведке и зачистке местности перед повторной колонизацией.

Спустя пять часов крейсер ушел из района высоких орбит Омикрона, направляясь в точку гиперпространственного перехода системы.

Прежде чем огромный корабль начал процесс погружения в аномалию

космоса, на гиперсферных частотах был отправлен лаконичный доклад.

«Командующему Объединенным флотом Свободных Колоний адмиралу Воронцову от капитана крейсера „Неустрашимый“ Дитриха фон Берга:

Довожу до Вашего сведения, что в процессе повторной разведки системы Омикрон-12 обнаружены и ликвидированы остаточные серв-соединения Земного Альянса. Успешно реализован план „Торнадо“. Потери среди личного состава крейсера минимальные. Планета внесена в обновляемый звездный каталог с пометкой красного кода для последующей разведки и вторичной колонизации».

Часть вторая. Обломки войны

Глава 4. Работодатели

Август 2641 года. Планета Кьюиг…

Пять лет назад закончилась Галактическая война.

Ранним солнечным апрельским утром космопорт планеты Кьюиг принял очередной орбитальный челнок, доставивший пассажиров с борта грузопассажирского транспорта «Поларис», прибывшего из системы Рори.

У терминалов кипела работа, там принимали драгоценную зеркальную древесину — уникальный плод иной эволюции.

Пассажиров челнока никто не встречал. Их было всего несколько человек, среди которых резко выделялся высокий худой мужчина, одетый не по сезону Кьюига. Его серое пальто, явно с чужого плеча, казалось слишком длинным: из-под него едва виднелись такие же серые не глаженые мешковатые брюки. Обут он был в стоптанные армейские ботинки с тупыми ободранными носами.

Он спустился по трапу челнока и остановился, оглядываясь по сторонам.

Похоже, мужчину не слишком смущал собственный потрепанный вид, по крайней мере на его лице это не отражалось. Несколько минут он стоял подле трапа, глядя не то на старые, разрушенные давней орбитальной бомбежкой строения порта, которые высились невдалеке иззубренными, закопченными руинами, не то просто уставившись в синюю, теплую даль, которая простиралась за свежевыкрашенным бетонным забором, ограждавшим восстановленные стартовые площадки и взлетно-посадочные полосы.

Слабый ветер ласково касался непокрытой головы незнакомца, овевая едва отросший ежик седых волос. По бледному лицу, изборожденному ранними морщинами, трудно было угадать истинный возраст этого человека. Что издали, что при ближайшем рассмотрении, он напоминал обломок кораблекрушения, выброшенный на чужой берег злонравным прибоем.

Так оно, по сути, и было.

Космопорт Кьюига, переживший во время войны не одну орбитальную бомбежку, уже залечил большинство своих ран, но тут, как и на иных мирах, все еще продолжался период восстановления, и потому на полную мощность работали лишь грузовые терминалы. Немногочисленным пассажирам, прибывающим на планету либо

улетающим с нее, предоставлялось право самим позаботиться о способе передвижения. Единственным указателем направления могли послужить приземистые здания офисов таможенной службы, над которыми царила одинокая башня диспетчерского контроля.

Высокий худой мужчина в сером пальто первым направился к ним, не обращая внимания на остальных, потянувшихся вслед ему пассажиров орбитального челнока. Он шел размашистой походкой, которая выдавала в нем остатки былой военной выправки. Глаза незнакомца слезились на легком ласковом весеннем ветру, это наводило на мысль, что он долгое время провел вдали от солнечного света и открытых пространств.

* * *

Новое здание космопорта планеты Кьюиг пребывало в стадии незавершенного строительства. Неподалеку от закопченных руин был виден котлован, со дна которого поднимались стены из армированного стеклобетона.

Прибывающих пассажиров принимали в приземистом здании бывшего складского терминала, где временно разместились таможенная и эмиграционная службы Кьюига.

Высокий худощавый мужчина, далеко оторвавшийся от своих немногочисленных попутчиков, остановился. Картина новостройки, граничащей с руинами старого порта, разбудила в его душе какое-то гнетущее чувство.

Он подумал в этот момент, что прошло уже столько лет со дня окончания войны, но большинство втянутых в нее миров с большим трудом залечивали полученные раны. Земной Альянс, развязавший Первую Галактическую, был повержен, но какой ценой, если космический порт одной из наиболее развитых планет до сих пор находится в столь плачевном состоянии?

Война, развязанная Всемирным правительством Джона Хаммера, началась из-за проблемы тотального перенаселения Земли, но ее итог оказался плачевным: после подписания Элианских соглашений путь эмигрантам в колонии был открыт, однако Земля к тому времени уже не страдала избытком граждан, черная, опаленная орбитальными бомбардировками, она кружила по орбите вокруг Солнца, словно призрак, демонстрируя в прорехах серой облачности вздымающиеся к небесам обугленные скелеты некогда похожих на муравейники городов.

В бывших колониях, которые получили статус независимых миров, наблюдалось то же самое. Часть планет была сожжена в неистовой,

гибельной схватке, а те, что выстояли и в конечном итоге победили в войне, лишились большей части населения.

Война указала людям сотни новых, неведомых ранее гиперсферных трасс, открыла доступ к мирам, о существовании которых не ведали ни на Земле, ни в колониях Первого Рывка, и теперь остатки Человечества оказались в буквальном смысле развеяны по огромному, едва освоенному пространству, которое полвека назад именовалось не иначе как «неисследованный космос».

Сутулясь, незнакомец некоторое время стоял, взирая на останки старого космопорта и законсервированную из-за недостатка рабочих рук новостройку, а затем, будто очнувшись от минутного наваждения, направился к дверям контрольно-пропускного пункта.

* * *

Несмотря на задержку, он оказался первым из пассажиров, подошедших к незамысловатому турникету.

Офицер эмиграционно-таможенной службы, вставший из своего кресла навстречу вновь прибывшему, внимательно осмотрел его с головы до ног, и дежурная улыбка тут же сползла с его лица.

— Документы, — сухо потребовал он.

Мужчина протянул ему сложенный вчетверо лист пласт-бумаги, присовокупив к нему две недавно полученные карточки.

— Семен Сергеевич Шевцов… — медленно прочел таможенник верхнюю строку «открытого листа», который до последнего времени являлся единственным документом худощавого. — Лейтенант… пилот космического истребителя, входил в состав Шестого флота Альянса, защищавшего Землю… — Таможенник поднял глаза на Шевцова и уточнил:

— Значит, вы офицер Земного Альянса?

— В прошлом, — спокойно встретил его взгляд Шевцов.

— В прошлом? — Глаза таможенного офицера зло блеснули. — Надеешься найти работу на планете, которую бомбил десять лет назад?

— Я не бомбил Кьюиг, — дернув кадыком, ответил Семен. — Вы читали параграфы Элианского соглашения, офицер? — угрюмо, с вызовом спросил он.

Таможенник неприязненно посмотрел на Шевцова.

— Если потрудитесь опустить глаза ниже, то узнаете, что я отбыл пять лет заключения на строительстве подземных уровней Форта Стеллар, — стараясь не повышать голос, произнес Семен.

— Ну да. — Офицер не пытался скрыть издевки. — Я знаю, теперь каждый подонок, отбыв свой срок, становится гражданином Содружества Миров. — Он с отвращением вставил новенькое удостоверение личности в щель считывающего устройства компьютерного терминала.

Автоматика сняла все необходимые данные и с тихим щелком вернула удостоверение, наполовину выдвинув его из щели.

Семен не отреагировал на оскорбление. Глупо было затевать драку сразу по прибытии. Он молча забрал свои документы и хотел пройти турникет, но тот не поддался, — видимо, офицер нажал ногой на рычаг, блокировав механизм.

Шевцов повернул голову.

— Что еще?

Пятилетнее заключение на подземных уровнях Форта Стеллар многому научило его, в том числе и терпению.

— Желаю тебе сдохнуть раньше, чем найдешь работу, — хрипло произнес офицер, взбешенный спокойствием Семена. — Думаю, тебе помогут в этом настоящие граждане Кьюига.

Турникет внезапно освободился, и Шевцов едва не упал, с трудом устояв на ногах.

Не оборачиваясь, он прошел через узкое помещение и распахнул дверь, за которой простиралась его новая, нежеланная и негаданная родина.

* * *

Никакого регулярного пассажирского сообщения между космопортом и едва виднеющимся вдалеке городом не было, по крайней мере Семен не заметил ничего похожего на остановку общественного транспорта, а после инцидента на пропускном пункте у него отпало всякое желание голосовать на дороге, по которой то и дело проезжали грузовые машины.

Придется идти пешком… — раздался в его голове тихий бестелесный голос.

Я уже понял это, Клименс. Спасибо за совет. — Семен явно не был расположен к мысленному диалогу со своей верной электронной подругой, которую ему удалось сберечь от постороннего внимания на протяжении пяти многотрудных лет.

Сняв пальто и перекинув его через плечо, он зашагал по обочине, размышляя над превратностями судьбы, которая в семнадцать лет сделала его пилотом космического истребителя, затем заключенным, отбывающим свой срок вместе с другими военными преступниками, а вот теперь — свободным гражданином планеты Кьюиг, со всеми вытекающими отсюда

последствиями.

Сейчас ему исполнилось двадцать два года, но порою Семену казалось, что жизнь прожита.

Впрочем, шагая по обочине автомагистрали, Шевцов больше думал о ближайшем будущем, нежели о прошлом.

Перспектива, грубо нарисованная таможенным офицером космопорта, тревожила Семена. Он давно отвык строить иллюзии и был склонен считать, что таможенник прав: нормальной работы ему не найти, тем более что гражданских специальностей у него не было Виртуальная вселенная отняла его детство и юность, а недра Форта Стеллар являлись наихудшим из мест, где возмужание превращалось в дикий, необузданный процесс, состоящий из тяжелой физической работы и постоянной борьбы за выживание.

Мрачное настроение Шевцова усилил неожиданный дождь.

По меркам Кьюига, на улице было тепло, но Семен не привык к таким явлениям, как «дождь» и «ветер», ведь большую часть своей осознанной жизни он провел в замкнутых помещениях, где отсутствовало само понятие «погода», и потому открытое пространство вызывало у него ощущение полнейшего дискомфорта.

Надев пальто, он, сутулясь, продолжал упрямо шагать к городу, до которого, по приблизительным подсчетам Клименс, было километров десять, не меньше. Проезжающие мимо машины не останавливались и не сбавляли хода, но водители невольно поворачивали головы, провожая взглядом фигуру странного прохожего

Им было невдомек, что этот человек — обломок былой войны, такой же опустошенный, ободранный, как остовы сгоревших планетарных машин и космических кораблей, которые свезли со всего Кьюига на особую свалку, расположенную неподалеку отсюда.

* * *

В город он добрался к шести часам вечера, когда все муниципальные учреждения уже закрывались, а на улицах понемногу закипала иная жизнь, отличающаяся от деловитой дневной суеты.

Кое-где уже зажглись лазерные проекторы рекламных щитов, и серый, мокнущий под дождем город начал преображаться, готовясь встретить теплый, но влажный августовский вечер.

Семен шел по главной улице, куда вливалась ведущая от космопорта автомагистраль, и все острее ощущал собственную чуждость происходящему вокруг. Из-за своей одежды, потрепанной и вымокшей, он

не мог войти ни в одно более или менее приличное заведение, по той же причине ему не удавалось смешаться с толпой на улицы — его сторонились, молча, но неприязненно.

Горечь, сдерживаемая усилием воли, ощущалась все острее.

Он был голоден, долгий пеший путь утомил Шевцова, пальто промокло насквозь, и с непривычки его бил мелкий озноб.

Найди бар с автоматическим обслуживанием, — ненавязчиво посоветовал голос Клименс.

Шевцов огляделся.

Заметив на противоположной стороне улицы автомат по продаже сигарет, он пересек проезжую часть и воспользовался полученной на Стелларе унифицированной кредитной карточкой.

Кибернетической системе было все равно, кто перед ней, как одет покупатель и каково его прошлое. В герметичный поддон, закрытый от дождя пластиковым колпаком, вылетела пачка дешевых сигарет, и Семен, забирая ее, подумал, что Клименс абсолютно права: любой автоматический бар устроит его в полной мере. Там, без пристального внимания со стороны людей, он сможет поесть и немного передохнуть.

Пройдя еще несколько кварталов, он заметил подходящую вывеску и направился к расположенным под ней дверям.

Голод и пошатнувшееся душевное равновесие стерли ощущение комплекса неполноценности, под гнетом которого прошел его первый день пребывания на планете. В конце концов, чиновник на Стелларе, выдававший ему новое удостоверение личности, заявил, что по условиям Элианского соглашения каждый офицер Земного Альянса, честно отбывший назначенный ему срок принудительных работ, становится полноправным гражданином нового, только формирующегося галактического сообщества.

Тогда слова выпускавшего его офицера вселили в Семена некоторый оптимизм, но, ступив на Кьюиг, куда его распределили для дальнейшего проживания, он понял: ничего не закончилось в момент освобождения. Де-юре он являлся полноправным гражданином содружества планет, а фактически — остался изгоем, отщепенцем, поставленным вне общества, которое слишком хорошо помнило войну, до сих пор ощущая на себе ее последствия.

И тем не менее он должен был жить дальше.

С такими мыслями Семен Шевцов переступил порог автоматического бара самообслуживания.

* * *

Внутри, как и положено для заведений подобного толка, горел неяркий свет, источаемый низко опущенными плафонами.

Вдоль стены протянулась автоматизированная стойка, где с помощью кредитной карточки можно было заказать различные напитки и пару дежурных блюд.

Оглядевшись, Семен заметил гардеробную секцию, снабженную автоматической сушилкой, и с облегчением снял потяжелевшее пальто. Повесив его в отделение сушки, он прошел к стойке и взобрался на высоко поднятое, вращающееся сиденье.

Как он и рассчитывал, посетителей в баре самообслуживания можно было сосчитать по пальцам. Три-четыре человека, уже изрядно опьяневшие, сидели в разных углах зала, демонстрируя полное безразличие к окружающему.

Заказав дежурное блюдо, Семен мельком взглянул на электронное окошко, где отражались данные по его кредиту, и понял, что если в течение суток он не найдет какой-либо работы, то ему придется туго.

Масса проблем, навалившихся на него со всех сторон, рисовала безрадостную перспективу, но он не отчаивался. Сухое тепло помещения и горячая, хоть и синтетическая пища ненадолго придали ему бодрости. К синтетике он привык на Стелларе, и потому ел с аппетитом, без отвращения, а что касается жизненных перспектив… Тут он обратил внимание, что столик, за который он пересел, снабжен встроенным монитором. По давнему опыту, полученному еще на Земле, он знал, что это, скорее всего, информационный экран местной компьютерной сети, где можно ознакомиться с текущими новостями, курсами валют и прочей общедоступной злободневной информацией.

Удачно… — подумал он, коснувшись сенсорной кнопки.

Раздел местных новостей пестрел заголовками статей, которые отражали повседневную жизнь планеты и всего содружества в целом. Шевцова не интересовали новости, но его взгляд все же задержался на заголовках материалов, предлагаемых электронной прессой, — это Клименс, жадная до информации, позволила себе небольшую вольность.

«…Адмирал Дитрих фон Берг подал в отставку. Он добровольно покинул пост капитана одного из мощнейших крейсеров флота Колоний, чтобы войти в состав формируемого правительства Кьюига в качестве министра обороны планеты».

«…Введена новая поправка к седьмой статье колониального кодекса

Содружества Миров…»

«…Уровень рождаемости на Кьюиге впервые вплотную приблизился к довоенным показателям…»

Что тебя так заинтересовало? — мысленно спросил Шевцов у Клименс.

Поправка к колониальному кодексу, — признался внутренний голос. Вообще-то, мне интересно все…

А вот меня прежде всего интересует работа.

Перелистав несколько страниц телетекста, Семен нашел раздел объявлений и углубился в изучение вакансий, предлагаемых местными работодателями.

Выбор для него оказался небогатым. Параграфы Элианского соглашения запрещали бывшим офицерам Альянса занимать сколь-либо значимые должности в системах самоуправления планет, служить в воинских подразделениях, а также в частных сыскных либо охранных агентствах, поэтому, полностью исключив предложения данного профиля, Семен убедился, что ему, по сути, подходит лишь одно объявление о найме:

Предприятию по утилизации металлического лома требуются рабочие с навыками ручной разборки механизмов.

Обращаться круглосуточно на девятнадцатую площадку старого космопорта.

* * *

Ночевать ему было негде, так что Семен решил не откладывать в долгий ящик знакомство с единственной доступной для него вакансией.

Он понятия не имел, где искать эту «девятнадцатую площадку», и потому решился на радикальную меру: выйдя на улицу из полутемного помещения бара, остановил такси.

Благо, машина управлялась автоматически, и потому достаточным аргументом состоятельности пассажира являлась его кредитная карточка.

Шевцов воспользовался миниатюрной клавиатурой, чтобы набрать директиву в строке поиска адреса. Машина долго не трогалась с места — в недрах управляющего таксомотором старенького компьютера с отчетливым звуком раскрутился привод носителя информации, затем что-то защелкало, и только после этого автопилот начал движение, одновременно вернув Семену его кредитную карточку, которая выскочила из прорези считывающего устройства.

Взглянув на остаток, Шевцов вздохнул. Ноль с хвостиком. Самое время начинать «новую жизнь»… — подумал он, откинувшись на потертую

спинку заднего пассажирского сиденья. Достав сигареты, Семен закурил, глядя за приспущенное окно.

На улице стояла влажная теплая ночь. Дождь прекратился, но небеса по-прежнему хмурились. Мимо проплывали серые контуры мокрых зданий, в лужах отражались росчерки парящих на уровне второго-третьего этажа лазерных реклам. Прохожие попадались крайне редко. Учитывая, что такси везло Шевцова по окраине столичного города планеты, можно было составить мнение о том, насколько сильно пострадал Кьюиг во время войны. Семен видел, что многие из зданий пустуют, некоторые до сих пор носили на своих стенах отметины от давних бомбардировок.

Глядя за окно, он вскоре заметил, что машина везет его за город, двигаясь фактически тем же маршрутом, который привел его из космопорта. Накануне он уже видел раскинувшиеся по обе стороны дороги запустелые сельскохозяйственные поля, за которыми у жиденькой лесополосы виднелись группы частных одноэтажных домов.

К его удивлению, машина свернула на грунтовку и медленно поползла между полями, подпрыгивая на ухабах дороги.

Пространство огромного по своим размерам кладбища различной техники открылось сразу за лесополосой. Еще издали Семен заметил бледное зарево, отражающееся от низких свинцово-серых облаков. Источником света на поверку оказались гроздья прожекторов, которые щедро освещали отдельные участки местности размером с футбольные поля.

Странная, жутковатая и одновременно жалкая картина открылась взору. Повсюду, куда ни глянь, высились горы покореженного металла. Очевидно, сюда свозили останки разбитых машин не только с полей наземных сражений. Прожектора ясно высвечивали из тьмы исполинские корпуса космических кораблей. Обугленные, глубоко вросшие в землю, они производили гнетущее впечатление. Титаны, некогда безраздельно царившие в космосе, теперь лежали на земле, громоздясь друг на друге, образуя причудливые угловатые формации. Поначалу разум отказывался адекватно воспринимать те картины, что различал взгляд, но постепенно Семен понял, что исполинские нагромождения космической техники имеют свое логичное объяснение: после окончания боевых действий на орбитах Кьюига наверняка скопилось множество погибших кораблей, которые не только засоряли околопланетное пространство, но и представляли серьезную угрозу для жителей расположенного внизу мира. Крейсера Альянса и Свободных Колоний, некогда принимавшие участие в битве за Кьюиг, постепенно снижались, теряя орбитальную скорость, и их

бесконтрольное вхождение в плотные слои атмосферы могло повлечь за собой катастрофические последствия, ведь масса любого из крейсеров исчислялась сотнями тысяч тонн.

Видимо, власти Кьюига, осознавая эту угрозу, пошли на обдуманный шаг: не имея возможности утилизировать огромные корабли непосредственно в околопланетном пространстве, их при помощи специальных носителей опускали на поверхность, постепенно формируя распростершееся вокруг кладбище…

Въезд на территорию огромной свалки не был ни ограничен, ни обозначен, просто дорога в определенный момент вливалась в тесное ущелье, образованное застывшими в шатком равновесии обломками. Здесь существовало некое подобие инфраструктуры, но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что это не заранее продуманная планировка, а следствие первичной разборки завалов. Дорога, по которой двигалось такси, то и дело огибала ободранные, лишенные обшивки остовы космических кораблей, пока наконец машина не остановилась на краю внушительной, уже расчищенной до самой земли площадки, освещенной ярким прожекторным светом.

Дверь машины услужливо распахнулась, предлагая Семену выйти, и он понял, что это и есть место назначения.

С неба опять моросил мелкий дождь, во влажном сумраке таинственно отблескивали высоченные горы металла, освещенная прожекторами площадь казалась пустынной, лишь вдали, метрах в пятистах, виднелась двухэтажная будка, подле которой стояли два грузовика и шикарный, сияющий мутным глянцем свежей заводской краски внедорожник.

Прикурив сигарету, Семен пошел к неказистому на вид зданию.

* * *

Процедура приема на работу оказалась много проще, чем предполагал Шевцов.

Внутри двухэтажной будки было тепло и сухо, посреди квадратного помещения стоял стол, на котором возвышался терминал компьютера, рядом лежал раскрытый ноутбук, который в живописном беспорядке окружало несколько предметов: открытая и наполовину опустошенная упаковка стандартного рациона выживания, початая пластиковая бутылка с неясной, трудно читаемой этикеткой, опрокинутый пластиковый стаканчик и импульсный пистолет системы «Стайгер», небрежно брошенный на стол вместе с ремнями наплечной кобуры.

Хозяин этого натюрморта сидел, откинувшись на спинку офисного кресла, и разговаривал по мобильному коммуникатору. На вид ему было лет двадцать, не больше. Круглое простоватое лицо, с пятнами румянца на щеках, оттопыренные уши и россыпь веснушек резко диссонировали с холодным взглядом карих глаз, создавая двойственное впечатление, — трудно было определить однозначно, кто этот человек.

Заметив вошедшего, он на секунду умолк, вопросительно, без тени каких-то иных чувств посмотрев на Семена.

— На работу, — хрипло произнес Шевцов и, откашлявшись, добавил: — По объявлению.

Ответом ему послужил короткий удовлетворенный кивок.

— Все, перезвоню позже, — произнес в коммуникатор восседавший за столом парень. — Да, отвяжись ты, сказал же — все будет нормально. Не елозь. Свято место пусто не бывает, понял? Ну и молодец. Все, до связи, у меня дела.

Окончив этот монолог, веснушчатый убрал коммуникатор во внутренний карман и указал Семену на стул:

— Садись.

Шевцов сел, покосившись на «Стайгер». Он чувствовал себя неловко, но не из-за оружия, демонстративно выложенного на стол, — во всей окружающей его обстановке было что-то неуловимо странное для него, хотя, казалось бы, чему он может удивляться?.. Кого он ожидал тут встретить в первом часу ночи? Государственного чиновника, принимающего на работу припоздавших бродяг без определенного рода занятий? По здравом размышлении веснушчатый парень с холодным взглядом вполне органично вписывался в окружающую обстановку.

Достав документы, Шевцов протянул их хозяину «офиса». Тот взял бумагу и две карточки, но просмотрел их мельком, без интереса и внимания.

— Значит, так, — перешел он к делу, возвращая Семену удостоверение личности вкупе со справкой об освобождении, выданной в Форте Стеллар. — Мне неинтересно, кто ты, откуда и чем занимался до сих пор. Есть только два вопроса: умеешь ли ты управляться с машинами и сколько хочешь зарабатывать?

Семен поднял взгляд.

— С машинами я знаком, — ответил он. — А насчет заработка… — Он пожал плечами.

— Ты меня не понял. — Парень вновь откинулся на спинку кресла, барабаня пальцами по столу. — Зарабатывать можно по-разному.

Например, если ты предпочитаешь вот это фуфло, — он щелкнул ногтем по кредитной карточке, — то разговор будет одним. А если тебя интересуют настоящие, наличные деньги, то тут уже иной расклад.

— Я не понимаю. — Семен откровенно покачал головой. — Собственно, какая разница?

— Ты что, вчера родился? — В холодном взгляде вдруг проскользнула тень подозрения. — Ну-ка, дай я взгляну еще раз… — Он протянул руку и вновь взял у Семена сложенный вчетверо официальный бланк, выданный ему в Форте Стеллар. Пробежав глазами по строкам, парень понимающе кивнул:

— Теперь ясно. Меня зовут Дункан. Просто ДУНКАН, без всяких приставок и дополнений. — Он еще раз посмотрел на справку об освобождении и продолжил: Ты нам подходишь, и поэтому вкратце объясняю — это не государственное предприятие. Свалка — дело рук правительства, а вот ее утилизация передана в руки частного бизнеса. Здесь горы металла, который может быть использован как вторичное сырье, но нас прежде всего интересуют дорогостоящие сплавы, такие, например, как керамлит и подобные ему материалы. Все остальное можно не трогать. Работа сдельная. Тонна — тридцать кредитов. В твоем распоряжении грузовик, плазменный резак и личный энтузиазм. Рабочий день не лимитирован. Если негде жить — можешь располагаться на втором этаже, там есть несколько пустующих коек, выбирай любую. Я предпочитаю платить наличными, при условии, что ты делаешь дело и не суешь свой нос, куда тебя не просят. Устраивает?

Семен кивнул.

Он начал кое-что понимать, однако в его положении такая работа, скорее всего, была единственным выходом, по крайней мере на первых порах.

— А если я вдруг упаду и сломаю себе шею? — спросил он, посмотрев на Дункана.

— Похороним. За счет конторы, — широко улыбнулся тот.

Обрати внимание на его имплант… — внезапно раздался в разуме Шевцова голос Клименс.

Он внял ей, сделав вид, что разглядывает своего работодателя, улыбаясь удачной шутке.

Мелкий озноб пробежал по спине Семена.

У «просто Дункана» был точно такой же имплант, как у самого Шевцова.

Неужели он из «последнего резерва»?.. — обожгла мысль.

Не факт, — ответила на мысленную реплику Клименс. — Может, он просто выходец с Земли? Разве ты уверен, что подобные импланты были только у вас?

Нужно это проверить.

Но не сейчас, верно?

— Ну, чего ты ждешь? — ворвался в мысли Шевцова голос Дункана. — Или иди спать, или приступай к работе.

Семен встал.

— Пожалуй, я дождусь рассвета, — сказал он, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж здания.

Уснуть ему удалось лишь спустя несколько часов.

Семен долго ворочался на жесткой койке, живо напоминающей нары подземной тюрьмы. Несмотря на усталость, он невольно размышлял о невероятном стечении обстоятельств, в первый же день столкнувшем его с человеком, который вполне мог оказаться членом того самого «последнего резерва», в состав которого входил Шевцов.

Он долго, исподволь собирал информацию о своем «рождении», но офицеры, с которыми он отбывал свой срок, мало что могли поведать ему, и, наверное, поэтому, покидая подземные уровни Форта Стеллар, Семен не надеялся быстро узнать истину.

Клименс, что ты думаешь по поводу Дункана? — не выдержав, мысленно спросил он.

Он слишком молод. Между вами разница в возрасте как минимум лет в пять. Сомневаюсь, что он защищал Землю.

Шевцов перевернулся на другой бок.

Имплант, Клименс… Вспомни собеседование с полковником Дуровым…

Большую часть информации о своем появлении на свет Шевцов, как ни странно, почерпнул из уст полковника, который однажды прибыл в Форт Стеллар для беседы с заключенными офицерами Земного Альянса. Именно от него Семен впервые услышал словосочетание «последний резерв».

На недостроенном уровне десятого подлунного горизонта приезжий полковник обосновался в одной из выдолбленных заключенными пещер, которая спустя какое-то время должна была превратиться в офис, лабораторию либо просто квартиру, — инфраструктура Форта Стеллар развивалась в глубь одноименной луны, а города, расположенные на поверхности, под колпаками удерживающих воздух силовых полей являлись лишь макушкой недоступного обычному взгляду айсберга.

Вопреки ожиданиям, прибывший офицер не являлся обычным

проверяющим. Обосновавшись в неблагоустроенном жилище, единственным преимуществом которого была протянутая туда электропроводка и уже установленные двери, он, невзирая на явные бытовые неудобства, провел два дня в пыльных и холодных условиях строящегося уровня, поодиночке вызывая к себе заключенных для собеседования.

Когда дошла очередь до Шевцова, он уже знал, зачем приезжий полковник тратит свое здоровье в пропыленной атмосфере подлунного лабиринта.

Перешагнув металлический порог, Семен притворил за собой дверь и огляделся.

Вызвавший его офицер сидел за столом; с грубо обработанного потолка свисал временный жгут проводки, питающей установленный на столе компьютер и сиротливую лампочку, которую слегка раскачивал сквозняк, гуляющий между зазорами неплотно пригнанных дверей и черным зевом вентиляционной шахты.

— Садитесь, лейтенант Шевцов, — произнес полковник, сверившись со списком.

Семен сел на жесткий пластиковый стул.

— Я представляю особый отдел, сформированный при штабе флота Центральных Миров. — Офицер сразу перешел к делу. — Моя фамилия Дуров, Петр Алексеевич Дуров. — Он говорил как бы между прочим, не отрывая глаз от экрана дисплея, куда, подчиняясь движению его пальцев, скользящих по сенсорным раскладкам двух клавиатур, выводились какие-то данные.

Просмотрев конечный результат своих поисков, полковник слегка нахмурился, отчего на его высоком лбу образовались две горизонтальные складки.

— Вы не считаете себя несправедливо осужденным, Шевцов? — внезапно задал он первый вопрос.

Семен отрицательно покачал головой, хотя не был в ту минуту готов к немедленному ответу на подобное замечание.

— Я воевал… — коротко и скупо произнес он.

— Один день? — уточнил полковник, покосившись на данные, высвеченные дисплеем.

— Да.

Дуров понял недосказанную Шевцовым мысль.

— Нам известно, что адмирал Табанов бросил на защиту Земли так называемый «последний резерв», — кивнул он. — Миллион восемьсот

тысяч искусственно зачатых молодых людей, спавших до этого в криогенных камерах и одновременно развивавшихся, с единственной целью — отразить удар, который должен был уничтожить Землю.

Семен пожал плечами, хотя внутренне похолодел от столь желанной, но негаданной информации, небрежно поданной сидящим напротив офицером.

«Последний резерв»… Вот, значит, как называли их?.. О своем искусственном зачатии Шевцов подозревал давно, еще с момента краткого, но памятного разговора с Кейтлин. Однако утверждение Дурова, что их растили ради обороны Земли, прозвучало для Семена нелепо. Теперь, по прошествии времени, когда память понемногу начала оттаивать, Шевцова все чаще посещала мысль о том, что их растили вовсе не в качестве пушечного мяса, расходного материала для последней битвы… Логика данного вывода была проста: бойцам-смертникам ни к чему поэзия и философия, история и искусство, — тут в его самосознании присутствовала явная нерешенная загадка, тайна, над которой он задумывался часто и подолгу.

Однако информация, смущавшая разум Шевцова, либо была недоступна сидящему напротив полковнику, либо он просто игнорировал ее.

— Не скрою, вы интересуете нас, — откровенно продолжил тот развивать начатую мысль. — Из всего состава юношей и девушек, мобилизованных для защиты Земли прямо из крионических камер, на сегодняшний день удалось отыскать менее сотни человек. Остальные либо погибли в той битве, либо пропали без вести, что, по сути, одно и то же.

— Как вы опознаете нас? — спросил Семен, с удивлением почувствовав хрипотцу в собственном голосе.

— По височным имплантам, — охотно пояснил полковник. — Вы носите в височных областях не просто гнездо для подключения кабеля нейросенсорного контакта.

Семен внутренне сжался, похолодел…

Неужели они пронюхали про Клименс?

Это была тайна, которую он свято хранил, ни разу не обмолвившись о той коллизии, что претерпела боевая система его «Фантома» спустя несколько минут после жесткой посадки истребителя.

Однако опасения Шевцова рассеял сам полковник, не испытывавший никаких этических затруднений в беседе с заключенным:

— Мы вскрыли и исследовали импланты погибших, — пояснил он. — Они не только больше по размерам, чем общепринятый образец, но и много

сложнее в конструктивном плане. В вашей височной области расположено гнездо для соединения с кибернетическими системами, внутри которого находится микроплата на восьми чипсетах, по сути, — расширитель памяти, обладающий собственным устройством обработки информации.

— И что из этого? — не на шутку напрягся Шевцов.

— Имплантирование мини-компьютеров не является нарушением закона. Это можно назвать личной этической проблемой каждого отдельно взятого человека. Учитывая то, что дополнительный модуль лишь хранит и обрабатывает небольшое количество данных, он отнесен нашими экспертами в разряд буферов обмена, то есть временных хранилищ информации. Поэтому ваши необычные импланты никто не стал трогать — они неопасны, а вот их удаление чревато серьезными последствиями для организма. Наше общество гуманно, мы не убиваем пленных солдат и не ставим над ними экспериментов.

Семен сглотнул сухой комок в горле.

Значит, они не знают про Клименс…

Никому, вероятно, не пришло в голову, что военная промышленность Альянса была унифицирована до такой степени, что девяносто процентов комплектующих равно подходили ко всем видам техники. Случившееся с ним на далекой Земле после крушения истребителя могло рассматриваться как частный случай глобальной стандартизации, гнездо для подключения дополнительного устройства расширения памяти импланта полностью совпадало как по размерам, так и по разъемам интерфейса с кристалломодулем системы «Одиночка».

— Дело не в ваших имплантах, — подтвердил его интуитивный вывод полковник. — Сейчас идет процесс объединения миров, на месте Земного Альянса и Свободных Колоний стремительно растет новый конгломерат планет, которые, покончив с войной, образовали экономический и политический союз. Пока что содружество носит условное название «Центральные Миры», но скоро оно будет преобразовано в Конфедерацию Солнц.

— Зачем вы мне это рассказываете, полковник? — спросил Семен, пытаясь сбросить внезапно охватившее его нервное напряжение. До этой минуты он не предполагал, насколько сильно его разум привязался к Клименс. Бывшая боевая система истребителя постепенно прижилась в нем не только механически, но и морально, став вторым голосом рассудка. В отличие от других заключенных Семен благодаря ей мог прекрасно чувствовать себя в одиночестве, а советы мнемонической подруги зачастую помогали ему выжить в сложных и опасных условиях подлунных

штреков…

— Для воевавших война не закончится никогда, — внезапно изрек полковник, отвечая таким странным образом на заданный ему вопрос. — Она не закончилась и для нас, хотя Земля капитулировала и представители высшего командования подписали Элианский протокол более двух лет назад.

— Кто-то не сдался? — осторожно предположил Семен, проявляя этот минимум заинтересованности с единственной целью — увести разговор как можно дальше от обсуждения конструктивных особенностей его импланта.

— Да, мы сталкиваемся с массой проблем. И чаще всего у истоков внезапных очагов сопротивления стоят отнюдь не люди, а созданные Альянсом машины, — пояснил полковник. — Нами до сих пор полностью не раскрыта сеть резервных баз военно-космического флота Земли. Известны лишь отдельные ее элементы, часть которых удалось деактивировать дистанционным путем либо уничтожить орбитальными бомбардировками, но осталось еще множество глубоко скрытых звеньев бывшей военной инфраструктуры Альянса. Все они полностью автоматизированы и потенциально опасны. Для их выявления и ликвидации нами создается специальное подразделение.

— Спецназ, ориентированный на борьбу с машинами?

— Да, именно так. Война едва не уничтожила человечество. И произошло это прежде всего из-за перепроизводства «мыслящей» боевой техники. Мы не можем и не хотим повторять порочный путь Альянса. Однако простые исполнительные механизмы не могут эффективно бороться с «Одиночками», а производить в противовес им, свои собственные кибермеханизмы, снабженные контурами самообучения и обратной связи, мы не желаем по упомянутой уже причине.

— Следуя вашей логике, противостоять машинам должны люди?

— Специально обученные люди.

— Тогда при чем тут я? — спросил Семен.

— Вы провели большую часть своей жизни в киберпространстве, и наши психологи считают, что люди из числа «последнего резерва» более других подходят для службы в создаваемых спецвойсках.

Семен глубоко задумался.

Он понял, что предлагает ему полковник. Перспектива покинуть строящийся подлунный уровень Форта Стеллар, обрести наконец свободу и заняться рискованным, но благим делом, принося пользу людям, против которых воевал, тем самым искупая свою вину…

Одного не учел Дуров в своих умозаключениях. Видимо, психологи, на мнение которых он опирался, не удосужились глубоко вникнуть в вопрос о происхождении и взрослении так называемого «последнего резерва». Они удовольствовались тем, что нашли и прочитали программное обеспечение, которое вводило в умы спящих подростков боевые навыки вождения различных машин, но они совершенно не знали о том, что произошло до рокового мига смены программ обучения.

Семен, как и все его ровесники, разбуженные за две недели до штурма Солнечной системы, гораздо глубже впитал в разум и душу иные дисциплины. Первый и единственный бой ошеломил его, но убийство себе подобных не успело за столь короткий срок трансформироваться из стадии шоковых впечатлений в рутинный, уничтожающий рассудок процесс.

Сейчас, попав в плен и застряв между ледяным прошлым и неопределенным будущим, он подсознательно избирал последнее.

— Нет, господин полковник… — Шевцов поднял голову, без страха или смущения посмотрев в глаза офицеру. — Для меня война окончилась. Я больше не играю со своей душой.

— Вы хорошо подумали, Шевцов? Ведь я даже не обозначил вам перспективы такой службы.

— Да, я подумал. Мой срок заключения заканчивается через год. Я читал подписанный на Элио документ и знаю, что через двенадцать месяцев все обвинения будут с меня сняты.

— Надеетесь завести себе домик на тихой планете и жить, не вспоминая прошлое?

— Именно так.

— Боюсь, не выйдет, — ответил ему полковник, закрывая файлы с досье Шевцова. — Юридически вы станете свободным гражданином нового галактического сообщества, но вот примет ли оно вас? Не факт… Жаль, конечно, — он достал визитную карточку и протянул ее через стол. — На тот случай, если жизнь заставит вас по-другому взглянуть на реальные вещи, — пояснил он и добавил: — Позовите следующего, по алфавитному списку…

Клименс, у Дункана точно такой имплант, как мой.

Да. Но разница в возрасте опровергает его принадлежность к защитникам Земли. К тому же не похоже, чтобы он отбывал заключение.

Да, я согласен. — Семена вдруг озарила догадка. — А что, если существовал еще один «резерв», на какой-то иной планете?

Возможно. Тебе стоит выяснить его прошлое, только аккуратно, исподволь. Не нужно задавать вопросы в лоб, это настораживает и

отталкивает людей.

Да, я понимаю. Нужно поработать тут, присмотреться к Дункану. Может, что-то выплывет само собой.

Семен опять перевернулся на другой бок в тщетной попытке уснуть.

Покидая Форт Стеллар, он думал, что больше уже никогда не станет оглядываться назад, но, видно, ошибся.

* * *

Свалка космических кораблей и отживших свое машин простиралась на десятки километров, так что появление на ее территории еще одного рабочего прошло незамеченным.

Шевцов приступил к своим обязанностям рано утром, когда прекратился нудный дождь, а сквозь разрывы перистых облаков у горизонта показался оранжево-желтый диск солнца.

Он вышел из двухэтажной будки, все в том же помятом расстегнутом пальто, умылся у бочкообразного пластикового контейнера, в котором собиралась дождевая вода, и направился к единственной грузовой машине, оставшейся подле здания. Второй грузовик, как и внедорожник Дункана, исчез, пока он спал.

Для начала Семен забрался в кузов и осмотрел нехитрое устройство, с которым ему предстояло работать. Плазменный резак оказался военного производства, и это обстоятельство значительно упрощало обращение с ним. Во-первых, Шевцов был знаком с подобными образцами, а во-вторых, прибор обладал неоспоримыми преимуществами перед иными моделями. Компактное устройство, состоящее из плазмогенератора, короткого гофрированного шланга и горелки, крепилось на грудь и имело форму плоского полуметрового ранца. Единственным его недостатком был сильный нагрев защитного кожуха, но Шевцов быстро решил эту проблему, отыскав подходящий по размерам кусок термостойкого пластика.

В кабине грузовика все было так же просто и утилитарно. Никаких ключей, сканеров доступа, не говоря уже об элементарном бортовом компьютере. Только руль, сенсорная кнопка зажигания да пара рычагов вкупе с педалями.

В данном случае простота не означала надежность, и Семен быстро это понял. Стоило завести скверно отрегулированный водородный двигатель и стронуть машину с места, как многочисленные посторонние стуки и лязги тут же сообщили ему об истинном техническом состоянии транспортного средства.

Однако выбирать не приходилось.

Соблюдая максимальную осторожность, Шевцов на самой малой скорости направил грузовик к ближайшему «ущелью», образованному двумя нагромождениями различных, порой абсолютно бесформенных обломков. Под цельнолитыми колесами грузовика что-то скрежетало и похрустывало, угловатые выступы конструкций значительно сужали пространство, создавая дополнительные препятствия. Несмотря на рассвет, между металлическими стенами рукотворного ущелья царил сумрак, а от покореженных конструкций, идеально проводящих тепло, поднимался пар, конденсируясь в желтоватые пласты тумана.

Никто не указывал Шевцову направление, не обозначил участок работ, и он, справедливо решив, что предоставлен самому себе, повел машину к ближайшему от площадки крупному объекту. Хорошо узнаваемый корпус конвойного носителя возвышался метрах в пятистах от расчищенной площадки, но, чтобы попасть к нему, Семену пришлось преодолеть вдвое большее расстояние по извилистому ущелью, в тупике которого его ждало неприятное открытие. На покрытом окалиной корпусе космического корабля уже кто-то работал, причем не первый день, если судить по обнаженным ребрам жесткости, с которых были срезаны керамлитовые сегменты брони. Остановив машину, Семен спрыгнул на усеянную металлическими обломками землю и задрал голову, пытаясь разглядеть человеческую фигурку, притулившуюся на нетронутой части обшивки.

Заметив подъехавший грузовик, рабочий погасил горелку и некоторое время рассматривал пришельца с высоты, затем, сняв с груди устройство плазменной резки, он ловко, будто примат с Прокуса, спустился по решетчатым балкам и спрыгнул на землю перед капотом машины Шевцова.

— Ну, чего тебе тут надо? — спросил он, снимая шлем-маску.

Издали было трудно определить его возраст, но сейчас Семен увидел, что перед ним стоит молодой сухощавый парень, лет двадцати от роду. Длинные волосы были забраны в хвостик, черты лица в неверном свете занимающегося утра казались бледными и тонкими, вот только глаза — покрасневшие, чуть водянистые, смутили Шевцова.

— Чего приперся, спрашиваю? — неприязненно повторил парень свой вопрос, беззастенчиво разглядывая Семена. — Ты немой или как?

Шевцов облокотился о борт грузовика.

— Нет, не немой, — ответил он, непроизвольно улыбнувшись. — Работать приехал.

Секунду спустя он понял, что сморозил глупость. Услышав его слова, парень внезапно принял угрожающую позу. Только сейчас Семен заметил, что, спускаясь, тот прихватил с собой кусок увесистой трубы, которую

сжимал в правой руке.

— Это моя территория, — сквозь зубы процедил парень. — Хочешь попробовать? — Он вдруг резко перекинул огрызок трубы из руки в руку, делая обманное движение, но Семен не шелохнулся.

— Остынь, — произнес Шевцов. Глаза Семена похолодели, улыбка сошла с лица, и парень, взглянув на него, вдруг опустил свою импровизированную дубинку.

— Ты чего, псих? — Он из предосторожности отступил на шаг назад.

Дрожь, охватившая Шевцова, медленно отпускала, только на шее и затылке еще тянуло кожу. Он не мог видеть себя со стороны, но по реакции своего внезапного оппонента понял, что инстинкты самозащиты, глубокой, болезненной занозой засевшие в подсознании, вырвались наружу, рефлекторно заставив тело принять оборонительную стойку.

Подземные уровни Форта Стеллар не оставляли альтернативы. Либо ты звереешь, либо умираешь.

Шевцов был одним из немногих, кому удалось пройти по тонкой грани, его душа обгорела за эти годы, но не изменилась. Он стал замкнут и молчалив, предпочитая общаться не с людьми, а со своей электронной подругой, но все равно наступали минуты, когда рефлексы внезапно и болезненно вырывались наружу уродливым звериным оскалом самозащиты.

Семен машинально вытер рукавом выступившие на лбу бисеринки пота.

— Точно псих… — донеслось до него замечание оторопевшего парня.

Шевцов поднял взгляд.

— Извини, что напугал, — произнес он. — Я не знаю ваших правил. Мне не нужен твой корабль. — Он говорил, медленно выталкивая слова из пересохшего горла, будто был не человеком, а машиной со скверно отрегулированным синтезатором речи.

— Ладно… проехали. — Парень присел на корточки. — Ты действительно новенький?

— Да.

— Тогда давай знакомиться. Меня зовут Генри.

— Семен, — скупо отрекомендовался Шевцов.

— Воевал? — спросил Генри, по-прежнему соблюдая дистанцию.

Семен неопределенно кивнул, доставая сигареты.

— Сразу видно. — Генри подошел ближе и уселся на обод переднего колеса грузовика, которое было вывернуто в сторону. — Дай закурить, — попросил он.

Шевцов молча протянул ему полупустую пачку, купленную еще накануне вечером в городе.

— Хочешь, объясню здешние правила? — примирительно предложил Генри.

Семен кивнул, глубоко затягиваясь сигаретой.

Думал он в этот момент совсем о другом. Не так представлял себе Шевцов новую жизнь. Не так…

— Все просто, — долетел до его сознания голос нового знакомого. — Здесь масса кораблей, но они, как правило, завалены всяким мелким хламом. Чтобы добраться до корпуса, надо сначала расчистить себе путь, понимаешь?

— Теперь понимаю. — Семен огляделся по сторонам, действительно приметив, что проход, по которому он заехал в этот тупик, проделан не так давно. На отвесных стенах виднелись оплавленные срезы конструкций, кое-где обломки машин, преграждавшие путь к корпусу конвойного носителя, были свалены в отдельные конусообразные горы. Видно, что парню пришлось изрядно потрудиться, прежде чем он смог добраться до тех самых дорогостоящих сплавов, о которых накануне толковал Шевцову Дункан.

— А где твоя машина? — спросил Семен. Генри хитро усмехнулся, взглядом указав на арочный проем, вырезанный в обшивке корабля.

— Там, внутри, — пояснил он. Семен загасил окурок и встал.

— Ладно. Поеду, — произнес он, оглядываясь по сторонам.

— Погоди, — внезапно остановил его Генри, вставая с колеса. — Полезли наверх, кое-что покажу.

Семен не стал протестовать.

Поднявшись по решетчатым конструкциям, образующим каркас внешнего корпуса космического корабля, они остановились на площадке, которую соорудил Генри из наскоро сваренных между собой металлических плит.

Отсюда, с высоты в сотню метров, открывался вид на огромное пространство чудовищной свалки, со всех сторон окруженное жиденькими, еще не успевшими разрастись лесопосадками.

Рукотворный рельеф был хаотичен, неоднороден, видимо, космический мусор, который спускали с орбит специальные буксиры, сбрасывался ими с высоты в несколько сот метров, отчего одни остовы кораблей лежали плашмя, другие казались воткнутыми вертикально, третьи же навек застыли под разными углами наклона, раздавив и похоронив под собой более ранние отложения техники.

Горы металла сливались воедино, тянулись к горизонту, где расстояние скрадывало детали их строения. Под лучами восходящего солнца поверхность кладбища искрилась вкраплениями чистого металлического блеска, но на основной площади преобладали иные, более тусклые цвета; чаще всего серо-черный и буро-коричневый. Черный являлся цветом окалины, образовавшейся от нагрева обшивки кораблей при спуске с орбит, а бурый принадлежал окислам металла. Многие из похороненных тут кораблей изначально являлись пространственными конструкциями, не предназначенными для посадок на планеты, и потому часть их элементов была исполнена из дешевых конструкционных сталей, которые в условиях кислородсодержащей атмосферы легко поддавались коррозии, постепенно превращаясь в ржавые бесформенные комья…

Все вышеперечисленное создавало особую, освещенную солнечными лучами сюрреалистическую картину.

Желтоватый туман испарений сочился из бессистемно проложенных ущелий, создавая жутковатое ощущение того, что это не свалка отжившей техники, а некий единый механический монстр, который распластался под теплыми лучами и медленно дышит…

— Смотри сюда… — Генри бесцеремонно дернул Семена за рукав, указывая направление.

Шевцов с трудом оторвал взгляд от панорамы кладбища, посмотрев в указанном направлении.

— Видишь черный горб?

— Ну? — Семен действительно различил невдалеке покатую возвышенность.

— Это корабль.

— Да… — присмотревшись, согласился с ним Шевцов. — Похоже на общевойсковой транспорт.

— Ты был пилотом? — удивился его выводу Генри.

— Приходилось, — скупо ответил Семен.

— Короче, я тебе показал, а дальше поступай как знаешь.

— Спасибо, — кивнул Семен. — Скажи, Генри, а кроме керамлита, наших работодателей интересуют какие-то металлы?

— По большому счету нет, — ответил Генри. — Им нет смысла возиться с другими сплавами. Цветные металлы могут подождать, их добывают на Кьюиге в достаточном количестве, простое железо сейчас вообще никому не нужно, а вот сложные сплавы, которые идут на обшивку космических кораблей, стоят очень дорого.

— Сколько?

— Больше одного кредита за килограмм.

Семен только покачал головой, вспомнив расценки, предложенные Дунканом. Выходило, что, заплатив тридцать кредиток за тонну, он, отгоняя грузовики на ближайшую космоверфь, получал почти тысячу чистой прибыли?

— Какой-то дикий бизнес… — не удержавшись, заметил Семен.

— Ты еще придумай высказываться, — криво усмехнулся Генри. — Найдут тогда тебя с проломленной башкой, и никто не почешется.

— Это я уже понял, — ответил Шевцов. — Ладно, Генри, спасибо тебе еще раз. Попробую пробиться к тому кораблю.

— Давай. Вечером буду проезжать мимо, загляну посмотреть, как у тебя дела.

Семен кивнул в ответ и молча полез вниз, к оставленному грузовику.

* * *

Следующие две недели слились в сознании Шевцова в сплошную череду изматывающих, монотонных усилий.

Он придумал свой способ прокладки прохода. Чтобы не вывозить тонны никому не нужного железа, Семен не стал разбирать завал на всю глубину. Пользуясь плазменным резаком и переносной лебедкой, он начал пробивать тоннель в сторону от магистрального проезда. Подрезая детали деформированных конструкций, он либо загибал их вверх и в стороны, формируя стены и свод тоннеля, либо отрезал полностью, укрепляя и выравнивая основание прохода, чтобы тот мог выдержать вес грузовика.

Генри Нолан регулярно наведывался к нему.

На поверку он оказался неплохим парнем, и неприятный инцидент, который произошел при их первой встрече, вскоре был забыт.

— Где ты научился таким хитростям? — однажды спросил он, удивляясь тому, как быстро прирастает длина тоннеля.

— Это не хитрость, — усмехнулся в ответ Семен. — Мы так поступали в Форте Стеллар. Чтобы не поднимать наверх породу, которая вынималась землеройными машинами, мы измельчали ее и трамбовали в основание уровня, а из больших глыб вырезали заготовки для последующей внутренней отделки.

Генри, выслушав его, задал лишь один вопрос:

— Ты отбывал срок?

— Да, — спокойно сознался Семен. — Я был офицером Альянса.

— Не повезло тебе, — сочувственно произнес Генри.

Шевцова поразила такая трактовка. Он уже привык к тому, что

окружающие, узнав о его прошлом, в лучшем случае отшатывались от него как от переносчика страшной инопланетной инфекции.

— Почему ты так сказал? — Семен присел на покореженную балку.

— Я тоже воевал, — пояснил Нолан. Шевцов поначалу не поверил его словам.

— Шутишь? Сколько тебе лет?

— Двадцать…

— И кем ты был?

— Сначала техником. Служил на крейсере Свободных Колоний, — без особого энтузиазма ответил Нолан. — Потом с полгода в космической пехоте…

— Тогда почему ты тут?

Генри пожал плечами:

— А где мне быть? Мыть посуду в ресторане?

Шевцов непонимающе посмотрел на него.

— Ну, ты же ветеран. Твоя сторона победила в войне.

— Победила. Только на этом все закончилось. Союз свободных колоний распался, каждый теперь занят своими суверенными делами… Часть объединенного флота расформировали, потому что корабли выработали ресурс еще во время войны и уже давно дышали на ладан. А я был добровольцем, к тому же самоучкой, — спустя некоторое время добавил Генри. — Списали на землю по очередному сокращению.

Этот разговор состоялся утром, а к обеду Семен внезапно получил первую возможность заработать. Очередным преграждавшим путь препятствием оказался космический истребитель класса «Фантом», за ним, впрессованный в груду металла, угадывался контур боевой серв-машины класса «Фалангер».

Жуткая дрожь воспоминаний ознобом продрала по спине.

Шевцов понимал, что неадекватно воспринимает реальность. Так жить нельзя, иначе он навек останется худым небритым бродягой, все достояние которого — рваное пальто, пустая кредитная карточка да ничего не гарантирующее на поверку удостоверение личности, где он был громко поименован «свободным гражданином союза Центральных Миров».

«Фантом» вырос на его пути, как злополучный призрак прошлого, а покореженный силуэт серв-машины только усилил внезапную вспышку памяти…

…Он отрезал последний фрагмент непонятной решетчатой конструкции, преграждавший путь к знакомому контуру, и опустил горелку.

Сняв с груди ранец плазмогенератора, Шевцов достал сигареты.

Почему он так болезненно, так неадекватно реагировал на окружающее? Что заставляло его испытывать боль при виде обтекаемого корпуса машины и огрызка короткого скошенного крыла, броня которого до сих пор хранила тонкий налет мимикрирующего состава?

Он не собирался спорить в своей душе с общепризнанным фактом. Земля действительно вела жестокую захватническую войну. Он поневоле вступил в бой на стороне Земного Альянса, но теперь ему пора забыть ту короткую по меркам войны схватку и несправедливое заключение в Форте Стеллар. После перенесенных лишений он должен радоваться тому, что может дышать, работать, быть свободным гражданином нового мира…

Нет… — это была короткая мысль-отрицание, обоснованная не разумом, а душой…

Рука Семена коснулась поверхности брони, и металл обшивки ответил ему ноющим холодом.

Те, кто действительно нес бремя ответственности за полувековую войну, едва не уничтожившую человечество как вид, давно сошли со сцены истории, умерли, погибли, исчезли…

Шевцову было двадцать пять, но за последние годы он превратился в зрелого мужчину. Сейчас он мог отвечать за свои действия, желания, мысли, а тогда — нет.

Сегодня утром, после разговора с Ноланом, он понял, что ничем не отличается от Генри. Война одинаково изломала их всех, и победители с побежденными существовали лишь на бумаге да в электронных базах данных.

Эти носители терпели все, а вот души — нет.

Сейчас, глядя, как фрагмент брони «Хамелеон» медленно меняет фактуру и цвет, стараясь стать неотличимым от прикоснувшейся к крылу ладони, Шевцов остро и больно осознавал, что по-настоящему трудно не воевать, а жить после войны… Глядя на искореженный остов истребителя и вспоминая все унижения, которые пришлось вытерпеть ему со дня освобождения, Семен не мог не признать, что заезжий полковник был прав в одном: для воевавших этот кошмар не закончится еще очень долго… тем более что воевали все — вся обитаемая Галактика от мала до велика, и пусть не каждый держал в руках оружие, но цену страху узнал каждый…

Он сел, не замечая, как дрожат кончики пальцев, в которых была зажата истекающая сизым дымком сигарета, и закрыл глаза.

* * *

Разрезав корпус истребителя, Шевцов, после полуторанедельного

пребывания на свалке получил свои первые деньги.

Он пригнал грузовик со срезанными бронеплитами обшивки на площадку разгрузки перед двухэтажным «офисом» Дункана, когда уже стемнело и пространство перед непритязательным сборным домиком заливал яркий электрический свет.

Перед входом, помимо знакомого внедорожника, были припаркованы еще две машины: шикарный «Гранд-Элиот» и менее респектабельный «Волмар-111» спортивной модификации.

Эти сведения относительно марки машин шепнула ему Клименс, попутно предупредив:

У Дункана гости. Может, стоит подождать?

— Нет. — Семен заглушил машину. — Я ведь приехал по делу, верно?

Клименс не ответила. Она часто высказывала свое мнение, воздерживаясь от дальнейших прений и комментариев. Такая лаконичность не напрягала Шевцова, наоборот, он ощущал некий такт в общении с электронной подругой. Их взаимопонимание окрепло еще в Форте Стеллар, где Клименс впервые проявила это качество: дав совет, она умолкала, позволяя Семену действовать по собственной воле. Он мог прислушаться к ней или нет и потому не воспринимал присутствие Клименс как некий психологический прессинг.

Поднявшись по ступенькам низкого крыльца, Шевцов услышал громкие голоса, доносившиеся из-за двери, и невольно задержал руку.

Разговор шел на повышенных тонах, и, судя по голосам, одним из находящихся внутри здания людей была женщина.

— Дункан, ты должен дать вразумительные пояснения, — раздался незнакомый Шевцову мужской голос.

— Что я должен тебе объяснять?.. — Вопреки обыкновению, интонации Дункана прозвучали необычно: в них явственно слышались отвращение и неприязнь…

— Слушай, Майкл, прекрати давить на него! — вмешался в разговор женский голос.

— Тебя спрашивают? — резко осадил говорившую незнакомый бас. — Заткнись и слушай, что я тебе скажу. Вы должны ответить, с какой радости я должен терпеть на этом месте тебя и Дункана.

— Нас поставил сюда Донован Хьюберт.

— Это ты так говоришь. Где он сам? Куда подевался босс?

— Тебе сказано, — он улетел, чтобы проверить одно прибыльное место. Мы сделали ему выгодное предложение, и в знак благодарности Дункан был поставлен сюда, контролировать добычу металла.

— Складно. Только есть один маленький нюанс, девочка. Мы внимательно прочли рекомендации Донована. Согласен, они подлинные. Но твоя ксива ничего не стоит теперь.

— Почему? — мрачно осведомился Дункан.

— Потому что мои ребята нашли мистера Хьюберта. Да, да, нашли. С большой дыркой в башке. Тебе не кажется это странным? Ведь он улетел, не так ли?

— Это ложь, — спокойно возразил Дункан.

— Не надейся. Если у трупа изуродовано лицо, его все равно можно опознать. Ты слышал про тест на ДНК, умник? Мы нашли труп Донована, и теперь тебе придется держать ответ.

— Мы ничего не знаем. Хьюберт улетел и обещал вернуться, когда уладит дела. — Опять прозвучал голос женщины.

— Слушай, я же сказал — заткнись! Тебя вообще никто не спрашивает!

— Это ты заткнись! — За дверью раздался характерный звук. Так активируется интегральный затвор импульсного пистолета, и вдруг наступила немая, вязкая тишина.

Шевцов нутром почуял: еще секунда — и сухо щелкнет выстрел.

Не задумываясь, он толкнул дверь, с намеренным шумом ввалившись в помещение.

Он увидел немую сцену: высокая, стройная светловолосая девушка стояла по правую руку от стола, за которым сидел Дункан. Автоматический импульсный пистолет системы «Стайгер» она держала двумя руками, повернув его ребром, чтобы незначительная отдача, возникающая при стрельбе, уводила ствол не вверх, а вбок.

Она умеет стрелять, — это было резюме Клименс.

— Дункан, я к тебе, — произнес Шевцов, намеренно игнорируя импульсный пистолет и застывшего посреди комнаты плотно сбитого тридцатилетнего незнакомца. Его пиджак был небрежно расстегнут, демонстрируя искусственный шелк рубашки и ремни наплечной кобуры.

Изобразить глупую ухмылку на лице не составило для Семена особого труда — он умел управлять своей мимикой и не чурался того, чтобы воспользоваться этим безобидным оружием в нужный момент. Проще разрядить обстановку, чем потом вытаскивать отсюда трупы.

В эту минуту он почему-то не задумался над тем, что обычный бродяга, наемный рабочий, суть — никто, и первая пуля вполне может достаться ему, как случайному свидетелю обострившегося диалога.

— Опусти пистолет, Кейти, — мрачно произнес Дункан.

— Пусть он сначала уберется отсюда, — упрямо ответила она, не обращая ни малейшего внимания на нежданного посетителя.

— Эй, что тут происходит? — Шевцов демонстративно звякнул ключами от машины. — Я привез металл, босс, — с нарочитым спокойствием обратился он к Дункану, будто ему каждый день приходилось видеть, как благополучные, преуспевающие люди тычут друг в друга стволами, выясняя отношения.

— Это что за урод? — Плотно сбитый незнакомец пристально посмотрел на Шевцова, их взгляды на секунду встретились, и тут же в голове Семена возник голос:

Он опасен.

Глубокий вывод для машины.

— Я привез металл. Мне нужно разгружаться. — Шевцов не отвел взгляда. И я не урод, к твоему сведению.

— Ладно… — Майкл безнадежно махнул рукой, потом повернулся к Дункану и, не обращая никакого внимания на импульсный пистолет, ствол которого по-прежнему следил за каждым его движением, оперся о стол, подавшись к хозяину помещения.

— Даю время на размышление, Дункан. До рассвета. Только не думай, что ты крут сам по себе. Если будешь противиться нашей воле, то тебе не поможет никто, ни эта сучка со своим пистолетом, ни все доходяги с твоей свалки, вместе взятые, понял? Я хочу получить аргументы, оправдывающие твою деятельность. Мы не получаем от нее никакой прибыли. Металл уходит налево, и ты скажешь мне куда. Думай до утра, щенок…

Произнеся эту фразу, он, резко развернувшись, попросту вышел.

Девушка медленно опустила «Стайгер», и тут Семен, внимательно присмотревшись, внезапно узнал ее лицо.

Совпадение показалось ему совершенно невероятным, но Клименс, память которой могла считаться абсолютной, подтвердила мелькнувшую в его голове догадку:

Ты правильно опознал ее. Это Кейтлин Вилан.

Семен просто онемел от неожиданности.

Неужели это и вправду она, изменившаяся, повзрослевшая Кейтлин, чье лицо он видел лишь однажды, но запомнил навсегда так же, как стихи, написанные ею на листке пластбумаги, который он пронес сквозь все беды и невзгоды заключения?!.

Собственно, мятый лист со стихами да прижившаяся в разуме Клименс составляли все его наследство, всю память о тех днях, когда более миллиона его ровесников были брошены в бой, не понимая, с кем

сражаются и ради чего умирают…

Значит, она выжила…

— Кейтлин… — Имя сорвалось с его губ, заставив девушку повернуть голову. — Ты… Ты узнаешь меня?

Она посмотрела на Шевцова так, словно окатила его ледяной водой.

— Я тебя не знаю, — ответила она, отвернувшись.

У Семена что-то болезненно сжалось в груди. Бывают моменты, когда даже у сильных духом людей внезапно уходит почва из-под ног, а мысли в голове начинают путаться, словно разум теряет опору…

Как могла она не узнать меня?!..

— Что приперся? — мрачно спросил Дункан, возвращая Шевцова в реальность.

— Привез металл, — машинально ответил Семен, продолжая неотрывно смотреть на Кейтлин.

— Сколько?

— Полторы тонны. — Девушка в этот момент отвернулась, продолжая демонстрировать полное безразличие, и Семен невольно перевел взгляд на Дункана. — Броня «Хамелеон», с истребителя, — осипшим голосом добавил он, оканчивая свою фразу.

Дункан кивнул, на миг отрешившись от собственных тяжких дум, достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Шевцову со словами:

— На, и вали отсюда.

— А разгружаться?

— Плевать… Оставь ключи на столе. Хочешь, возьми другую машину.

Семен, совершенно дезориентированный внезапной встречей, машинально отдал ключи и повернулся к выходу, когда его остановил голос Кейтлин:

— Постой.

Он обернулся.

— С чего ты взял, что мы знакомы?

Отчетливое презрение, прозвучавшее в ее голосе, породило болезненную ответную реакцию.

Шевцов молча полез за пазуху, достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок, протянул ей и вышел.

Все произошло так неожиданно и больно, что сейчас ему хотелось одного: уйти куда-нибудь подальше. Взгляд Кейтлин и несколько оброненных ею слов со всей очевидностью давали понять: она изменилась не только внешне. Это была уже не та девушка из «последнего резерва»,

образ которой он невольно хранил на протяжении пяти лет своей осознанной жизни…

Он остановился на крыльце, глядя, как в подкравшихся сумерках с расчищенной площадки выезжает незнакомая шикарная машина.

Мы все изменились, глубоко и непоправимо… Это была не мысль, скорее чувство, наитие…

Пустой грузовик стоял неподалеку от непритязательного двухэтажного офиса Дункана, и Шевцов пошел к нему, совершенно опустошенный, сбитый с толку внезапной встречей…

Кем я стал?.. — с немой душевной тоской думал он, залезая в кабину незагруженной машины. — Чего мне ждать от жизни, как выкарабкиваться из этой ямы обстоятельств?!..

Семена потрясла реакция Кейтлин. Когда его пытались презирать и унизить те, кто имел субъективное право считать бывшего лейтенанта Земного Альянса своим врагом, он спокойно сносил это, ставя свой рассудок выше озлобленности и обид. Но одного презрительного взгляда Кейтлин, брошенного на него, хватило, чтобы Шевцов осознал, кем он является на самом деле. Не просто обломком войны, пытающимся сохранить частицу собственного достоинства в окружившей его пучине обстоятельств, а нищим, оборванным, небритым бродягой, чья жизнь не интересует ровным счетом никого.

Взгляд Кейтлин должен был нести сострадание, а не презрение. Что случилось с ней за эти годы, куда подевалась та душа, в глубинах которой рождались наивные строки?

Внутри Шевцова будто открылась плотно запертая дверь, и масса запретных, обидных эмоций вдруг хлынула в рассудок…

Его презирали. Ему не давали возможности найти нормальную работу и жить как человеку. Быть может, он чего-то не понимает, и новоявленная Кейтлин права: из ямы обстоятельств есть только один путь — наверх по чужим головам, а лучший способ вразумления «пострадавших от войны» — это ствол «Стайгера», повернутый на ребро?..

Клименс молчала. Она воспринимала мысли Шевцова, но не комментировала их. Понятия добра и зла, жестокости и справедливости долго не могли найти своего места в холодном рассудке машины, и в подобных ситуациях она предпочитала не вмешиваться.

Мало ли людей встречалось на их пути? Клименс многому научилась, и в данной ситуации ее логика была сродни философскому взгляду на жизнь:

Пройдет и это…

Ей, как машине, чрезвычайно сложно давалось толкование чувств. Клименс не понимала, что некоторые из них являются непреходящими.

Впрочем, ей предстояло узнать много нового в течение надвигающейся ночи…

* * *

— …Кто это был? — спросил Дункан, когда за Шевцовым закрылась дверь.

— Неверный вопрос… — ответила Кейтлин, внимательно изучая строки, написанные на потертом листе пласт-бумаги. — Ты хотел спросить: откуда он меня знает?

— Да.

— Мы встречались в прошлом.

— Значит, он представляет угрозу?

— Нет, — покачала головой Кейтлин, складывая листок по линиям изгиба. Эту проблему можно решить иным путем. Мне достаточно поговорить с ним. Дай мне денег.

Дункан без пререканий выдвинул ящик стола и протянул ей пачку банкнот.

— Этого хватит?

— Да. — Кейтлин забрала деньги. — Я скоро вернусь. Подумай пока о Доноване.

— Хорошо. Только веди себя естественно. Не забывай об этом.

— Я ничего не забываю, — откликнулась Кейтлин, направляясь к дверям. До рассвета нам предстоит решить еще много проблем, и эта кажется мне наименьшей по значимости, — добавила она уже на пороге. — Думаю, нам следует вернуться с очередным грузом. Корабль будет готов к старту уже утром, так что они не успеют нас перехватить.

— Тогда зачем ты идешь к этому человеку?

— Его будут спрашивать о нас. Пусть говорит то, что выгодно нам. Я не задержусь.

— Хорошо, я буду ждать тебя тут.

* * *

Чтобы уйти от преследовавших его мыслей, Шевцов вернулся к проделанному им проходу и принялся за работу, хотя еще час назад у него были совершенно иные планы относительно сегодняшнего вечера. В кармане лежали заработанные деньги, но ему расхотелось их тратить.

Отбуксировав с помощью машины ободранный, покореженный каркас

космического истребителя, он увидел в образовавшейся полости, похожей на пещеру неправильной формы, последнее препятствие, отделявшее его от корпуса космического корабля, к которому он пробивался на протяжении полутора недель.

Этим препятствием была серв-машина класса «Фалангер».

Огромный шестидесятитонный боевой робот стоял, согнув исполинские ступоходы, и с первого взгляда его зловещий, камуфлированный силуэт не наводил на мысль о критических разрушениях данного кибермеханизма.

Что-то беспокойно скользнуло по периферии сознания, не то промелькнула какая-то неосознанная мысль, не то от усталости чудилось что ни попадя, но спустя секунду Семен понял: беспокойство исходит от Клименс.

Первый раз его электронная подруга проявляла такую настойчивую, но, что самое поразительное, эмоциональную инициативу.

Что случилось? — мысленно спросил Семен, продолжая смотреть на страшный механический контур с дистанции в десяток метров. Он не испробовал на прочность те конструкции, что некогда смялись под весом извлеченного минуту назад истребителя, и потому стоял на краю образовавшейся полости, не решаясь ступить на хаотичное плетение расплющенных металлоконструкций.

Путь безопасен, — возник в сознании голос Клименс.

— Откуда ты знаешь? — вслух спросил Семен.

Я обработала видеоряд, полученный посредством твоего зрения, — ответила она. — Ты можешь подойти к нему? — Это уже был вопрос, больше похожий на робкую просьбу.

— Почему ты так реагируешь? — озадаченно поинтересовался Семен, глядя на угрожающий контур застывшей навек серв-машины.

Я была когда-то боевой системой «Фалангера», — ответила ему Клименс.

* * *

Этот вечер был полон сюрпризов и неожиданностей.

Медленно сгущались сумерки, в небесах рдели краски заката, у горизонта слоистыми полосами застыли багряные облака.

Семен медленно и осторожно преодолел десяток метров, отделявших его от серв-машины, и снизу вверх взглянул на «Фалангера», разглядывая подробности строения чудовищного механизма в неверном свете подкравшегося вечернего сумрака.

Люк в днище машины был плотно закрыт.

Клименс молчала, но Семена уже охватило любопытство, и он решил, что обязательно стоит заглянуть внутрь рубки управления.

Не имея специального магнитного ключа, он принялся вскрывать люк механическим способом.

Около получаса он возился с обесточенными запорами, и наконец массивный бронированный овал в днище «Фалангера» поддался, опустившись на пару сантиметров. Вниз посыпалась труха, в которую превратился уплотнитель.

Осторожно, — предупредила Клименс.

Шевцов и сам видел, что люк вот-вот откроется под собственным весом. Спрыгнув с наскоро сооруженных лесов, он нашел длинный кусок арматуры и, действуя им как рычагом, подцепил край овальной бронеплиты, находясь при этом на безопасном расстоянии.

Раздался протяжный скрип, затем глухой удар, и люк открылся.

Семен дождался, пока изнутри ссыплется весь мусор, а массивная плита прекратит скрипуче раскачиваться на удерживающей ее петле. Два гидравлических привода, некогда приводивших в движение тяжелый люк, сейчас бессильно торчали по краям образовавшегося отверстия, демонстрируя поржавевшие, вырванные из своих гнезд поршни.

Секунду спустя, вслед за осыпавшимся прахом уплотнителей в образовавшийся проем выпала, раскручиваясь на лету, легкая пластиковая лесенка.

Шевцов попробовал ее на прочность и, убедившись, что пластик по-прежнему надежен, полез вверх, к открывшемуся проему.

Внутри рубки управления царил плотный мрак, а застоявшийся воздух казался спертым, удушливым. Достав фонарь, Семен включил его и положил на пол, установив фокусировку луча на широкий угол рассеивания.

Небольшое помещение озарил неяркий свет; по матовым поверхностям погашенных экранов обзора поползли причудливые блики, сложный пилот-ложемент, установленный посередине рубки, отбросил гротескную тень…

Шевцов осмотрел кресло пилота, затем перевел взгляд на свод рубки. Плотно сомкнутые сегменты брони ясно свидетельствовали, что приводы автоматического катапультирования пилот-ложемента не были активированы в тот момент, когда «Фалангер» вышел из строя.

Значит, машиной управлял не человек?

Взгляд Семена переместился к пульту управления. Странно, что

машина, оказавшаяся похороненной в глуби нагромождения металлических конструкций, выглядела неповрежденной. Сумрак, царящий снаружи, и масса смятого прессованного металла, среди которого был зажат корпус «Фалангера», не позволили Шевцову с точностью определить степень механических повреждений серв-машины, но обстановка рубки управления казалась нетронутой, лишь полное отсутствие энергии в бортовой сети создавало впечатление необратимой утраты функциональности.

— Ну? — Семен знал, что Клименс смотрит на мир его глазами, и потому еще раз обвел взглядом рубку. — Что ты скажешь?

Обрати внимание на центр пульта.

Шевцов посмотрел в указанном направлении и увидел разбитую ударом панель облицовки, а за ней пустое гнездо, которое в сумраке было похоже на выбитую глазницу.

— Кто-то вырвал отсюда модуль «Одиночки»? — интуитивно предположил он.

Да, — ответила Клименс. — Ты не согласишься ненадолго расстаться со мной?

— Зачем? — насторожился Шевцов.

Я хочу оттестировать цепи управления. Возможно, машина функциональна.

Семен в нерешительности покачал головой.

— Опасные игры, Клименс.

Нет. Рациональные. Сервоприводная машина существенно облегчит твой труд. Ты сможешь заработать достаточно денег за сравнительно короткий срок, и тогда твоя зависимость от обстоятельств станет не такой острой. Ведь этим миром правят деньги, я верно рассуждаю?

— Боюсь, что да… — ответил Шевцов, задумавшись над словами Клименс.

А ведь она права. Прототипом всех боевых серв-машин являлись мирные аграрные роботы Дабога, а раз так, то обратная трансформация тоже вполне осуществима. Ремонтные манипуляторы «Фалангера» могут разгребать металлические завалы и снимать бронеплиты обшивки, избавив его от изматывающего физического труда.

— Хорошо, — Семен коснулся своего импланта, открывая его крышку. Только не натвори глупостей, Клименс, — предупредил он.

Не беспокойся. С этой машины наверняка снято все вооружение. Можешь положиться на меня. Через полчаса я дам ответ, насколько функционален сам эндоостов и его приводы.

Шевцов выслушал ее, а затем молча вынул из раскрытого импланта

кристаллосхему, с которой ни разу не расставался на протяжении пяти лет своей осознанной жизни.

Вставив модуль Клименс в пустующее гнездо «Фалангера», он подобрал фонарь и вылез наружу.

Хотелось просто посидеть в тишине и подумать над своим сегодняшним положением.

* * *

Ночь уже вступила в свои права, и сумеречные контуры металлических отвалов теперь озарял рассеянный свет прожекторов.

Семен не стал покидать свой тоннель, а сел на выступ какой-то балки и закурил.

Нагретый за день металл медленно остывал, отдавая тепло в ладонь. Вокруг стояла звонкая тишь, ночью жизнь замирала, и лишь отдаленный рокот возвещал о том, что какая-то часть обитателей огромного механического кладбища не спит, торопясь закончить дневные дела.

В темноте чудились какие-то тени, слух ловил не то звук шагов, не то шелест ветра, заблудившегося в ржавом лабиринте былого…

Сигарета тлела меж пальцев, и ее огонек походил на маленький маячок, светящий в ночи для запоздалых путников.

Шаги…

Это уже не походило на слуховую галлюцинацию, и Шевцов мгновенно напрягся. Точно — шаги. Кто-то невидимый осторожно пробирался по проделанному им тоннелю, и Семен резко включил фонарь.

В противоположном конце огромной каверны, оставшейся после расчленения истребителя, стояла Кейтлин.

Она инстинктивно подняла руку, заслонив глаза от резко вспыхнувшего света.

— Шевцов? — полувопросительно произнесла она.

Семен приглушил сияние фонаря.

Встав, он подошел к Кейтлин и протянул ей руку.

— Осторожно, тут ненадежный пол, — произнес он, ощущая холод ее узкой ладони.

— Я пришла поговорить.

— О чем? — спросил Семен, выведя ее на безопасный, по его мнению, участок. — Я уже понял, что прошлое необратимо. Зачем его ворошить?

Кейтлин присела.

Достав сигарету, она долго разминала ее в пальцах, а потом ответила,

так и не прикурив:

— Я не могла не прийти, после того как вспомнила твое лицо. — Она протянула ему листок со стихами и добавила: — Возьми.

— Почему ты…

— Мне они не нужны, — перебила его Кейтлин. — Их писала девочка, едва ли осознающая сама себя, и я давно не имею ничего общего с ней.

Семен не стал спорить. Его опять неприятно поразил ее холодный тон и какая-то ненатуральная сухость фраз. Впрочем, что он мог знать о ее судьбе? Возможно, жизнь обошлась с Кейтлин еще круче, чем с ним?

Она и Дункан… Оба с нестандартными имплантами. Бывают ли такие совпадения, учитывая, что полковник Дуров ясно упомянул о мизерном количестве выживших в том бою?

Присев рядом, он спросил:

— Ты встречала кого-нибудь из наших после поражения Земли?

— Нет, — коротко ответила Кейтлин. — Пару раз слышала краем уха, как офицеры переговаривались между собой, упоминая какой-то «последний резерв», якобы востребованный адмиралом Табановым за две недели до штурма Земли. По датам совпадает.

— И все?

— Да, — кивнула она. — Знаешь, у меня по большому счету не было времени, чтобы размышлять над этим, а тем более искать кого-то. Ты первый, кто встретился мне, потому я пришла.

— Некогда? — Семен не понял смысла сказанной фразы.

— А ты искал? — холодно спросила Кейтлин. В сумраке ее лицо казалось пепельно-серым.

— Нет, — ответил Семен. — Прошло меньше месяца, как я освободился.

Кейтлин повернула голову, посмотрев на него с явным недоверием.

Семен саркастически усмехнулся. Сегодняшний облик Кейтлин резко контрастировал с его краткими воспоминаниями о ней.

— Ты не читала параграфов Элианского соглашения? — спросил он.

— Нет, — спокойно ответила девушка.

— По условиям капитуляции весь рядовой состав войсковых соединений Земного Альянса был амнистирован… — пояснил Семен, не понимая, как могла она избежать плена и связанных с поражением Альянса репрессий. — А вся ответственность за военные преступления возложена на офицерский состав. По логике победителей, солдат — человек подневольный. Значит, в эскалации войны повинны офицеры — те, кто

отдавал приказы.

— Но ведь ты… — В ее голосе впервые прозвучали нотки неуверенности, будто Кейтлин что-то забыла.

— Носил знаки различия лейтенанта ВКС, — закончил ее мысль Семен. Учитывая низкое звание, суд фильтрационного лагеря дал мне пять лет исправительных работ. В подземных уровнях Форта Стеллар… — добавил он после короткой паузы. — Месяц назад меня освободили и предложили улететь на Кьюиг. Я согласился, полагая, что смогу устроиться здесь и забыть прошлое. Как видишь — не получилось.

Кейтлин промолчала, и Шевцов решил, что с него хватит недосказанности.

— Расскажи мне о себе, — напрямую попросил он. — Как ты попала сюда и что связывает тебя с Дунканом?

Кейтлин долго молчала, а затем произнесла:

— Тебя не касаются мои отношения с Дунканом.

Шевцов понимающе кивнул.

Конечно, он не имел права вторгаться в чужие судьбы. Но неужели она совершенно не осознает, что их встреча идет в острый разрез с теорией вероятности? Пусть она изменилась, может быть, стала жестокой, циничной, презирающей остальных людей, но должен же сохраниться в ее душе хотя бы призрак той девушки, которая писала стихи накануне боя?

— О чем ты думаешь? — сухо спросила Кейтлин.

— О судьбе… — откровенно ответил он. — О ее извивах… и об эгоизме наших душ. Пытаясь сохранить чистоту, мы в какой-то момент начинаем вязнуть в грязи, не находишь?..

— Почему ты спросил меня о Дункане? — Вместо ответа на последнее замечание она лишь задала очередной вопрос. Казалось, что ее занимает только одно — осведомленность Шевцова, направление его мыслей, ход логических рассуждений.

Хорошо, поговорим по существу…

— Кейти, взгляни на мой имплант. — Семен привычным движением снял заглушку из пеноплоти, обнажая характерный контур металлизированного включения в черепную кость.

Она перевела взгляд на гнездо для нейросенсорного контакта.

— Тебе знакома такая форма, верно?

— Да, я смотрюсь в зеркало и отлично знаю, что у всех, кто входил в состав пресловутого «резерва», нестандартные височные импланты. Что из того?

Семен натянуто усмехнулся:

— Тогда напряги свое воображение, вспомни, у кого еще ты видела такое же устройство, — посоветовал он. Кейтлин на секунду задумалась.

— Дункан? — она внимательно и отчужденно посмотрела на Шевцова.

— Да, Кейти, — стараясь не замечать ее холодной, напряженной реакции, подтвердил Шевцов. — Он носит точно такой же имплант, как у тебя или у меня.

— И что это, по-твоему, значит?..

Шевцов нахмурился. Кейтлин уклонилась от всех заданных ей вопросов, ничего не поведав о себе. Это становилось не просто непонятным, а подозрительным.

— Ты говоришь, что встретила Дункана не на Кьюиге? — попробовал выяснить он.

— Это неважно. Шевцов, тебе лучше позабыть эту встречу. Я понимаю, что должна помочь тебе… — с этими словами она вытащила из кармана пухлую пачку банкнот. — Возьми эти деньги и уезжай отсюда. Завтра тут сменятся хозяева, а ты достоин лучшей судьбы.

— Свою судьбу я делаю сам, — возразил Шевцов, — мне не нужны деньги, лучше ответь, почему ты лжешь?

Кейтлин даже не вздрогнула.

— В чем я тебе лгу? — спокойно поинтересовалась она.

— В том, что не встречала никого из «резерва». Ты ведь сама признала, что у Дункана точно такой же специфичный имплант, как у тебя или у меня. Если он не ровня нам по возрасту, значит, резерв был не один?

— Оставь эту тему в покое. Возьми деньги и забудь про нас.

— Я хочу знать свое прошлое, — упрямо проговорил Шевцов.

— Дункан ничем не поможет тебе. Он ничего не помнит.

— Знаешь, Кейти, я уже не могу полагаться на твои слова, — откровенно признался Шевцов. — Я хочу сам поговорить с ним, раз эта встреча уже состоялась.

— Он не станет разговаривать с тобой.

— Посмотрим. — Шевцов встал. — Подожди меня здесь, если не возражаешь. Я не причиню вреда твоему другу. Просто задам ему пару вопросов.

Он думал, что Кейтлин не согласится, но она внезапно кивнула, покосившись при этом в сторону застывшей без движения фигуры «Фалангера».

— Хорошо, Шевцов. Пусть будет по-твоему. Только с одним условием.

— Каким?

— Ответит тебе Дункан или нет, ты забираешь деньги и забываешь о нашем существовании, идет?

— Посмотрим… — угрюмо ответил Семен. — Знаешь, я уже и сам не рад, что мы встретились.

С этими словами он повернулся и пошел к выходу из металлической пещеры.

Его не покидало чувство, что он что-то делает не так, все изначально пошло неправильным, горьким, обидным путем, но Шевцов был упрям и не хотел отступать от своих намерений. Он искал информацию о прошлом везде, где только мог, и разговор с Дунканом, возможно, прояснит хотя бы некоторые аспекты возникновения «резерва»? Пусть, по словам Кейтлин, Дункан ничего не помнит о прошлом, но ведь есть еще и подсознание, которое можно пробудить?

Размышляя таким образом, Семен не мог предвидеть дальнейшего развития событий.

* * *

Дункан по-прежнему сидел за столом, в своем непритязательном «офисе», погрузившись в глубокую задумчивость.

Когда хлопнула входная дверь, он лишь приподнял взгляд.

— Что еще? — неприязненно спросил он.

— Надо поговорить, — Шевцов пересек пустое помещение и сел на свободный стул.

— Обнаглел? — мрачно осведомился Дункан.

— Нет, — ответил Семен и неожиданно усмехнулся. — Quod licet jovi, non licet bovi?[6]

Лицо Дункана мгновенно утратило брезгливую задумчивость. Вскинув взгляд, он с откровенным удивлением посмотрел на худого, небритого, одетого в потрепанное пальто Шевцова.

— Где ты выучил эту фразу? — спросил он. Семен покачал головой.

— Не фразу, Дункан. Я знаю латынь.

— Откуда? Это мертвый язык.

— Но ты ведь понял, что я сказал?

— Да, — согласно кивнул Дункан. — Ты верно подметил про Юпитера и быка, — тут же добавил он. — Кто-то из нас двоих позабыл свое место.

— Неправильно. Нас объединяет нечто большее, чем ты думаешь.

— Например?

Шевцов внимательно посмотрел на него.
— Не хочешь напрягаться? Или ты не привык прислушиваться к себе? Просто живешь как получится?
— Послушай, не испытывай моего терпения!
— Я знаю, у тебя проблемы…
— Это у тебя сейчас будут проблемы! — Выхватив оружие, Дункан резко встал, так, что его кресло откатилось в сторону, но Шевцов продолжал сидеть, демонстрируя полную невозмутимость.
— Может, все-таки выслушаешь меня, если сам не желаешь вникнуть в смысл происходящего? — спросил он, снизу вверх глядя на своего работодателя. Разве тебе не интересно, откуда в твоей голове взялось знание латыни? Ведь ты сам упомянул, что это мертвый язык. Может, ты рискнешь утверждать, что понимаешь свое прошлое? Или ты уже разобрался во всем?
Последняя фраза Шевцова заставила Дункана опустить «Стайгер». Швырнув оружие на стол, он отошел к дальней стене помещения, развернул откатившееся туда офисное кресло и, вернув его на место, уселся, сцепив в замок побелевшие пальцы рук.
— Говори, — мрачно произнес он, не поднимая взгляда. — Но учти, если ты меня не убедишь в том, что нас действительно что-то связывает, дальнейший разговор будет коротким. У меня масса проблем, помимо тебя.
Семен не стал кривить душой, избирая обходные пути.
— Кейтлин рассказывала тебе о так называемом «последнем резерве»? напрямую спросил он.
— Нет, — отрицательно покачал головой Дункан. — А ты откуда знаешь ее? — тут же с ревностным подозрением поинтересовался он.

* * *

Рассказ Шевцова оказался сжатым, но емким.
— Выходит, мы не настоящие люди? — настороженно спросил Дункан, когда Шевцов закончил проводить зримую параллель между подростками «последнего резерва» и им самим.
— Такое утверждение неверно, — возразил Семен. — Между мной, тобой и Кейтлин нет явного генетического сходства, значит, мы являемся не клонами, а людьми с уникальными геномами.
— Это что-то меняет? — холодно спросил Дункан.
— Сам способ искусственного зачатия не нов, — ответил ему Шевцов. Добрая половина населения колонизированных планет рождена в инкубаторах. На Земле подобный способ пополнения генофонда не

практиковался только по причине тотального перенаселения. У нас есть родители — это люди, отдавшие свой генетический материал в банк низкотемпературного хранилища много веков назад. Новация заключена не в способе зачатия, а в процессе роста, — уточнил он свою мысль. — Нас растили не для войны, Дункан.

— Почему?

— Потому что мы взрослели в виртуальной среде. Этому может быть лишь одно объяснение: нас хотели оградить от реальности, в которой шла война. Тот, кто причастен к нашему появлению на свет, понимал, что лишь полная изоляция от влияния внешнего мира позволит нам вырасти без ненависти и страха, без перекосов психики, которые неизбежно накладывает война на детей и подростков.

— Но ведь все произошло ровно наоборот, — с прежней холодностью констатировал Дункан.

— Да. Мне удалось узнать, что программы развития личности были заменены с общеобразовательных на узкоспециализированные, за два года до нашего пробуждения.

— Узкая специализация — это обучающие программы военного профиля?

Шевцов кивнул.

— Ты сделал для себя какой-то вывод? — продолжал расспрашивать Дункан. Казалось, что в получаемой от Семена информации он искал ответ на какой-то иной вопрос, равнодушно восприняв слова о «резерве», но живо интересуясь осведомленностью Шевцова о нем лично.

Семен пожал плечами:

— Я лишь понял, что человек или группа людей, ответственных за наше появление на свет, отнюдь не обладали реальной властью. Судьба дважды вторгалась в их планы, ломая все на корню. Первый раз это произошло в Солнечной системе, а второй на неизвестной мне планете… Скажи, где вы встретились с Кейтлин?..

Это был важный, ключевой для Шевцова вопрос, но Дункан не ответил на него, — он жестом заставил Семена замолчать, прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы через неплотно запертую дверь.

Там тихо проурчал водородный двигатель подъехавшей машины, потом раздался приглушенный чавкающий звук дверного пневмоуплотнителя, а затем негромкий, но отчетливо различимый голос произнес:

— Обойдите с задней стороны этот сарай. Если кто-то попытается бежать, — стреляйте. Я пойду еще раз потолкую с этим недоноском.

* * *

Оставшись в одиночестве, Кейтлин с минуту сидела неподвижно, глядя на хаотично смятый металл, образующий пол небольшой пещеры.

Похоже, что для нее граница между правдой и ложью, добром и злом являлась лишь условностью. Она не задумывалась над данными вопросами, которые были отнесены ее рассудком к разряду иллюзий.

Шевцов сам только что предрек собственную судьбу.

Она подняла голову, но не увидела звезд, хотя небо на закате было чистым, безоблачным.

Над ней простирался причудливый свод металлической пещеры, которая сохранила общий контур разрезанного на части космического истребителя.

Кейтлин собиралась выждать несколько минут, а затем вернуться назад. К тому времени Дункан, по ее внутреннему убеждению, уже разрешит внезапно усугубившуюся проблему.

Ее взгляд скользнул по сумеречному контуру серв-машины, зажатой со всех сторон хаотичным нагромождением металлоконструкций.

Люк в днище «Фалангера» был открыт, вниз свисала легкая лестница с пластиковыми перекладинами.

Это выглядело подозрительно, поэтому Кейтлин встала и подошла поближе. Оказавшись меж согнутых ступоходов, она задрала голову, внимательно осматривая крепежные приспособления открытого люка.

Несколько свежих царапин на потемневшем металле ясно свидетельствовали, что люк был открыт недавно.

Рука Кейтлин коснулась пластиковой перекладины, и она стала подниматься вверх, демонстрируя удивительное бесстрашие и целеустремленность…

…В рубке управления, освещая смутный контур пилот-ложемента, горел сиротливый сигнал резервного питания. Под ним в открытом гнезде был виден кристалломодуль «Одиночки».

Вот, значит, чем занимался Шевцов на свалке старой техники?

Взгляд девушки сосредоточился на кристалломодуле, ее глаза казались холодными, а движения — механическими. Не выказывая никаких внешних признаков замешательства, она спокойно подошла к пилот-ложементу и села в кресло, положив руки на усеянные микроскопическими иголочками подлокотники.

Неизвестно, какие мысли роились в ее голове, но Кейтлин даже не вздрогнула, когда сухо щелкнули два автоматических захвата,

сомкнувшиеся на ее запястьях.

Тихо всхлипнул сервопривод, и подголовник едва ощутимо кольнул шею такой же игольчатой поверхностью, затем черный, глянцевитый шунт, словно змея, изогнулся над ее правым плечом, а его разъем безошибочно и мягко вошел в соединение с имплантом.

Кейтлин закрыла глаза.

Теперь ей не было нужды в зрении.

В гробовой тишине рубки внезапно тонко и прерывисто зашелестел едва уловимый для человеческого слуха высокочастотный посвист, тело Кейтлин напряглось в непонятном порыве, но было поздно — ей удалось освободить лишь одну руку, нечеловеческим усилием мышц вырвав из подлокотника кронштейн захвата…

…В наступившей вновь гробовой тиши где-то далеко треснула сухая очередь.

Стреляли из автоматической импульсной винтовки.

* * *

Дверь, открытая грубым толчком, глухо хлопнула, ударившись в ограничитель.

Дункан мгновенно узнал человека, чья фигура заслонила открывшийся проем.

— Зачем пожаловал, Майкл? — сухо осведомился он, даже не поменяв позы. — Кажется, мне было отпущено определенное время?

Зря… — мысленно рассудил Шевцов. Долгое общение с Клименс наложило свой отпечаток на разум Семена, он научился машинально просчитывать некоторые нюансы внезапно возникающих ситуаций, такие, например, как скорость реакции и наикратчайшие расстояния. Поза Дункана, в сочетании с расположением импульсного пистолета, который лежал на столе, прикрытый листами компьютерных распечаток, по внутреннему убеждению Шевцова, предполагала летальный исход. Человек, который стоял в проеме дверей, явно не был настроен на длительные переговоры. Он приехал сюда с конкретной целью, а именно: убрать Дункана.

Ночной гость сделал шаг вперед, покосившись на Шевцова.

— Сидеть, — недвусмысленно предупредил он. — Убери руки со стола. — Эта фраза уже была адресована Дункану. — Твое время истекло.

Тот лишь криво усмехнулся, не меняя позы.

— Кто так решил?

Семен едва ли уловил миг разительной перемены, но мимика Дункана

внезапно стала иной: его черты утратили всякую эмоциональность, скулы резко обозначились, будто из-под кожи убрали слой мышц, и теперь она обтягивала черепную кость, словно дешевая пеноплоть, взгляд выцвел, зрачки расширились.

— Ты что, не слышал меня? — угрожающе произнес Майкл. — Убери руки, или…

— Или что? — Дункан медленно поднял взгляд.

— Или я убью тебя.

— Странная непоследовательность. Впрочем, мне все равно. Люди, подобные тебе, уже перестали меня удивлять.

Шевцов не успел вмешаться. Напряжение внезапно разрядилось, словно у двух оппонентов закончились словесные доводы, как только их взгляды соприкоснулись…

— Щенок… — яростно выдохнул Майкл, нажимая на сенсор огня.

Два титановых шарика с хрустом прошили пол, выбив из него острую пластиковую щепу, точно в том месте, где за долю секунды до этого сидел Дункан.

Его реакция была молниеносной. Оттолкнувшись ногой от стола, он ушел с линии огня, успев схватить лежавший под бумагами «Стайгер».

Шевцов вскочил, намереваясь оттолкнуть нападавшего, сбить его с ног, но даже это усилие безнадежно опоздало. Офисное кресло, которое от резкого толчка просто откатилось назад, внезапно перевернулось, но Дункан…

Его движения были неуловимы.

Плечо Шевцова ударило в бок незваному гостю, Майкл начал поворачиваться, пытаясь сохранить равновесие, и в этот миг его голова странно, неестественно дернулась, словно от удара электрического тока…

Семен не умел жить в ритме миллисекунд. Это могла делать Клименс, но не он…

Внезапно огрузневшее тело Майкла кулем повалилось на пол.

Он упал вместе с ним, не в силах затормозить начатое движение; голова нежданного визитера оказалась прямо перед глазами навалившегося сверху Шевцова, и он с содроганием увидел, как из двух крошечных отверстий во лбу пульсирующими толчками бьет кровь, выталкивая наружу комки похожего на студень серого вещества.

Инстинктивно отпрянув, он вскочил на ноги, озираясь по сторонам, и увидел Дункана, который стоял в нескольких шагах от перевернутого стола. Импульсный пистолет в его руках даже не дрогнул, лишь плавно перенацелился, теперь уже на Шевцова.

Рефлексы тела не поспевали за работой мысли, поэтому казалось, что все происходит в полусне.

Семен выпрямился, ощущая странную пустоту, которая вдруг затопила разум.

Это было чувство ошибки, столь же острое, недвусмысленное и неприязненное, как вид пульсирующей крови.

Не отнимая у работодателя права на самозащиту, Шевцов вдруг отчетливо подумал, что Дункан, будь он на самом деле воспитан в той чистой, нетронутой Вселенной, где формировался разум подростков из числа последнего резерва, поступил бы иначе.

Наитие… Откровенное знание, которое он пронес через все невзгоды собственной судьбы, подсказывало в этот роковой миг, что Кейтлин глубоко заблуждалась. Да, была злоба на окружающий мир, было ощущение несправедливости, унижения, но, как бы ни пинала его жизнь, Шевцов, оказывается, не забыл изначальных принципов бытия, сформированных в его душе.

После поэзии Пушкина и Гёте, постижения древних философов на языке оригинала разум не может хранить в себе тупую, неосознанную злобу, — он рано или поздно отторгает ее, вновь и вновь пытаясь отыскать в окружающем мире ту смысловую чистоту, которая в конечном итоге и помогает выжить, сохранить свое «я» от губительного распада.

Шевцов никогда не задумывался над этим специально, не пытался разобрать на составляющие собственную душу — он просто жил, порой не отдавая себе отчета, почему идет путем наибольшего сопротивления там, где обстоятельства часто предлагали более простой и жестокий выход.

— Опусти пистолет, Дункан.

— Будешь меня учить? — На обтянутом кожей лице не дрогнул ни один мускул, словно оно и вправду утратило всякую мимику.

— Я тебе не враг.

Дункан не опустил оружия.

— Слова ничего не значат. Они — всего лишь колебания воздуха. Ты не друг и не враг. Ты — такая же проблема, как этот. — Дункан даже не повел взглядом в сторону бездыханного тела, но и так было ясно, о ком он говорит.

— Кто ты? — спросил Семен. Дункан продолжал целить ему в лоб.

— Ты не поймешь, Шевцов.

— Но ведь я могу догадаться, — криво усмехнулся Семен. — Знать и понимать — это не одно и то же.

— Ты обо всей этой бессмыслице, что гнездится в голове? —

спокойно уточнил Дункан. — Мне она не мешает совершать правильные поступки. Например, устранять проблемы.

В этот момент на втором этаже здания прогрохотали чьи-то шаги, и почти одновременно с ними вдруг затрещала задняя дверь, поддаваясь напору ударившего в нее плеча.

Дункан резко обернулся, нажимая на сенсор огня, и «Стайгер» выплюнул короткую очередь, наискось прошив хлипкую пластиковую дверь.

На улице раздался глухой звук упавшего тела, а на втором этаже внезапно послышалось невнятное ругательство, и со стороны лестничного марша вдруг щедро, неэкономно ударил двенадцатый импульс…

От плотного, нервного, полуприцельного огня Дункана не смогла спасти даже продемонстрированная им фантастическая реакция. Она скорее помешала ему — человек, стрелявший в узкий проем, был зол и напуган, он не придерживался логики, и потому титановые шарики хлестнули веером, превращая в пластиковую щепу все, что попадалось на их пути…

Шевцов рухнул на пол, спасаясь от бесноватого огня.

Он слышал неправдоподобно звонкие удары, резко диссонировавшие со звуком прошибаемого навылет полимерного материала, но истинную причину этого звука понял лишь в тот миг, когда магазин импульсной винтовки опустел и наверху послышался характерный щелчок, сопровождаемый глухим стуком отлетевшей в сторону обоймы.

Перевернутый стол щерился иззубренными дырами, в воздухе витал знакомый приторно-горький запах… Так воняет перегретый кремний, когда в компьютерном терминале вдруг отказывает система охлаждения процессоров…

Шевцов рискнул приподнять голову и увидел Дункана, который, с трудом удерживая равновесие, стрелял в проем ведущего на второй этаж лестничного марша.

Наверху раздался болезненный вскрик, который тут же перешел в короткий звериный вой, и…

Внезапно наступила жуткая тишь…

Тело Дункана еще пыталось удержать равновесие, но это были тщетные потуги. Его голову и грудь покрывали рваные дыры, левая рука, перебитая в локтевом суставе, неестественно изломилась, из-под одежды на пол капала какая-то жидкость, совершенно непохожая на кровь.

Шевцов не предполагал такой правды…

Для него вид Дункана явился шоком, особенно когда тот в последнем

усилии повернул голову.

Содранная кожа висела бескровными лоскутами, из левой глазницы сочился едкий дымок.

— Ты… Неустраненная… проблема…

Произнеся эти слова, Дункан внезапно повалился на бок, будто опрокинутый манекен.

* * *

Было страшно…

Семен давно не испытывал подобного чувства в таком конкретном, чистом виде. Он сам сказал Дункану, что знать и понимать — это не одно и то же. Его догадка относительно внутреннего мира бывшего работодателя оказалась абсолютно верной, но до последнего рокового мгновения Шевцов не предполагал, что на самом деле кроется за равнодушными, расчетливыми действиями Дункана.

Машина, скопировавшая память личности, но не усвоившая полученной информации.

Семен судорожно сглотнул.

Сейчас незыблемый постулат о том, что все в мире имеет свое логическое объяснение, причинно-следственную связь, на миг утратил ясность аксиомы.

Он подумал о Кейтлин, вспомнив, как вела себя она.

Холод в груди разрастался, он леденил не только душу, но и разум, трансформируя чувства, стирая эмоции, подменяя работу мысли простыми рефлексами.

Этому должно быть объяснение… Неужели она знала, кем на самом деле является Дункан?!..

Шевцов заставил себя сделать шаг к опрокинутому набок, изуродованному телу… или корпусу?

Сизый дымок все еще сочился из выбитой глазницы. Точечная линза цифровой видеокамеры была разбита, в глубине виднелись раздробленные пулей микрочипы.

Наверху опять раздались шаги, но теперь они принадлежали другому человеку, поступь была легче, стремительнее.

— Что здесь, Фрайг раздери, происходит? — Испуганный голос показался Семену знакомым, а спустя мгновение он увидел бледного, растрепанного Генри, который спускался по лестнице походкой сомнамбулы. Он был напуган до полной потери ориентации и не пытался этого скрыть.

Семен испытал облегчение, когда увидел его.

Серое, землистое лицо Генри несло слишком много человеческого, чтобы оказаться очередной маской, хотя о чем теперь можно было судить наверняка?

Нолан остановился как вкопанный, застыв на нижних ступенях лестницы, когда его блуждающий взгляд зацепился за опрокинутую на бок фигуру андроида.

Похоже, его словарный запас на некоторое время оказался исчерпанным. Остолбенело переводя взгляд с Шевцова на Дункана, он заметил и лежащий на полу труп, но вид мертвого человеческого тела не оказал на него такого шокового воздействия, как тусклый отблеск металлопластика на ободранной пулями лицевой пластине бывшего босса…

— Ни хрена себе… — наконец выдавил Генри, сделав шаг вперед и медленно опустившись на корточки. — Он что… машина?!..

Шевцов угрюмо кивнул, присев рядом.

Появление Генри вырвало его из ступора. Протянув руку, Семен осторожно снял заглушку импланта, который обрамляла неотличимая от настоящей кожи пеноплоть, пронизанная полимерными растяжками приводов, работавших как псевдомускулы.

Холод искусственной плоти неприятно напомнил ему о Кейтлин, чья ладонь показалась ему столь же холодной, но тогда он не мог придать истинного значения этому ощущению… Да и теперь он не хотел верить выводу, который настойчиво нашептывало подсознание…

Как не хватало ему сейчас холодной рассудительности Клименс!..

Одного взгляда на обнажившийся под лоскутами пеноплоти металлопластиковый череп хватило, чтобы разум начал воспринимать все произошедшие накануне события в совершенно ином свете. Острое, граничащее с паникой беспокойство волной захлестнуло рассудок, но душа все еще отказывалась верить в неоспоримость некоторых фактов…

Тихо щелкнула крышка импланта, и в глуби открылся знакомый кристалломодуль «Одиночки», который, судя по искрам индикации питания, продолжал функционировать, несмотря на полную потерю обратной связи с сенсорной и опорно-двигательной системами опрокинутого на бок человекообразного тела.

— Что это? — хрипло спросил Генри, нервно сглатывая подступающий к горлу комок.

— Базовый модуль, — отрывисто ответил Шевцов. — «Одиночка»… — скупо добавил он, вытаскивая из креплений усеянную

кристаллами схему.

— Он что, боевая машина? — Генри опять судорожно сглотнул.

— Не факт. — Семен мгновенно вспомнил про Клименс, и это подстегнуло его. — Генри, что там наверху?

— Тело, — негромко ответил тот. — Я спал, когда этот псих влез в окно. Какой-то отморозок с двенадцатым импульсом. Чуть концы не отдал, когда он начал палить вниз.

— Он мертв?

— Мертвее некуда. — Генри передернуло. — Я никогда не слышал, чтобы так орали… Голову в двух местах, навылет, а он орет, представляешь?

— Успокойся. Возьми себя в руки.

— Ты что, тоже отмороженный? Тут такие дела…

— Дела хуже, чем ты полагаешь. — Шевцов не без усилия протянул руку, подбирая с пола импульсный пистолет Дункана. — Наш работодатель мертв. Эти люди пришли по его душу, видимо, не зная, с кем придется иметь дело.

— А ты знал?

— Нет.

— Вот и я не знал… — Взгляд Генри вновь коснулся содранной пеноплоти. — Кто бы мог подумать, твою мать… — с внезапной яростью просипел он. — Что теперь делать, Шевцов?

— Надо убираться отсюда, — оглядываясь по сторонам, ответил Семен. Его снедали дурные предчувствия, которые не имели ничего общего с теми ассоциациями, что рождались в голове Генри.

Нолан искоса посмотрел на Семена.

— Куда убираться? Что здесь вообще произошло?!.. Какого Фрайга я должен бежать?!..

— Я тоже мало что понимаю, — осадил его Шевцов. — Но мой тебе совет: уходи отсюда как можно дальше и быстрее. Ты сам видишь… — Он сумрачно кивнул в сторону бездыханного тела Майкла. — По-моему, здесь происходил обыкновенный передел «сфер влияния», но противная сторона не подозревала, что Дункан не человек.

Нолан поежился. Несмотря на шок, он отлично понимал, что вслед троим убитым заявятся их обеспокоенные сотоварищи, и тогда здесь начнется такое…

— А ты? — спросил Генри, обернувшись к Шевцову.

— Попробую отсидеться, — честно ответил Семен. — Уберу тело и машину, пусть думают, что Дункан скрылся.

— Ты что-то не договариваешь, Шевцов… — Нолан выпрямился, брезгливо вытирая вспотевшие ладони. — Зачем тебе ввязываться в это?

— Я не ввязываюсь. Просто поставь себя на место тех, кто обнаружит тела… неважно, будут это люди из управления полиции или из криминальных структур. Ты должен знать, с каким патологическим неприятием люди относятся к машинам после войны. В поисках Дункана они не станут ворошить свалку, но андроид, скрывавшийся под личиной человека, — это уже иной вопрос. Здесь перетряхнут каждый камушек, возьмут под подозрение всех, кто так или иначе сталкивался с машиной-оборотнем.

— У него была подруга, — мрачно напомнил Генри.

— Я знаю. Ее зовут Кейтлин.

— А что ты еще знаешь? Может быть, ты скажешь, откуда они вообще тут взялись? Что ему надо на Кьюиге? Андроид-бизнесмен? Не слишком ли круто для жестянки?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Нолан. И ты зря так презрительно относишься к системам «Одиночка». Они не просто куски железа. Ты должен это знать, раз был техником на космическом корабле.

— У нас не состояла на вооружении подобная дрянь, — неприязненно ответил Генри. — Не забывай, я был техником на борту крейсера Колоний.

— А я воевал на стороне Альянса и знаю — это не дрянь, а машинный разум, способный развиваться и осознавать собственное существование не хуже, а порой и лучше, чем отдельные люди. С иной логикой, разумеется.

— Что ты хочешь этим сказать, Шевцов?

— Только то, что знаю наверняка. Я дал тебе дельный совет, почему тебе просто не последовать ему, Генри?

— Мне некуда идти, — буркнул Нолан. — Стал бы я, по-твоему, задерживаться тут, будь у меня иные средства к существованию?

— Не хочешь уходить, тогда помоги, — отрезал Семен, склоняясь к андроиду. — Берись за ноги.

— Куда ты так торопишься? Эй!.. — Генри на миг растерялся, но, увидев, что Семен, не дожидаясь помощи, взял лже-Дункана за отворот одежды и поволок его к выходу, он понял, что спорить бесполезно.

— Ну, ладно, погоди… Да что ты на самом-то деле?!..

Шевцов остановился:

— Я не хочу получить пулю или быть арестованным. Я уже умирал и сидел в тюрьме. С меня хватит.

— Да я не спорю с тобой!

— Тогда бери его за ноги, и понесли.

* * *

Было около полуночи, когда они вышли на крыльцо дома со своей зловещей и загадочной ношей.

— Тяжелый… — пропыхтел Генри. — Слушай, а ты сам не хочешь его осмотреть? — спросил он.

— Нет, — ответил Шевцов. — Незачем.

— То есть как?

— Я изъял кристалломодуль. Этого достаточно, чтобы узнать о нем все. Корпус андроида не содержит ничего более ценного в информационном смысле. Семен открыл багажник припаркованного подле крыльца внедорожника. Как он и полагал, к электронным замкам подошел магнитный ключ, взятый из кармана Дункана. — Вернись и забери деньги. Оружие не трогай, пусть все остается на своих местах.

— Хорошо, — согласился Генри, с облегчением сваливая страшную ношу в багажник.

Шевцов огляделся.

Вокруг царил полумрак, вне освещенного прожекторным светом пространства гнездились угловатые контуры тьмы. Никакого движения, ни звуков, ни проблесков, лишь глухая, вязкая ночь.

Если б она была человеком, то не выдержала бы, пришла следом… подумалось ему.

Он не знал, почему именно Кейтлин встретилась ему на жизненном пути в столь странной и зловещей ипостаси. Что на самом деле произошло с ней, где девушка из последнего резерва повстречала Дункана и потеряла собственное сознание?

Впрочем, потеряла ли?

Он хорошо понимал, что Клименс также содержит в себе исчерпывающую информацию о Семене Шевцове, и по необходимости в ее силах воспроизвести не только его облик, но и черты характера, восстановить непрерывность тех событий, о которых помнил он сам. Личный опыт давал слабую надежду, что Кейтлин жива, но он же предостерегал от чрезмерных иллюзий…

— Слушай, ты что, совсем не боишься? — внезапно раздался рядом голос Генри, который вернулся, пряча за пазухой объемистый пакет.

Шевцов открыл дверь машины и ответил:

— Боюсь. Но это ничего не меняет.

— Только не рассказывай мне ни о каком долге, ладно? — попросил его Нолан, устраиваясь на пассажирском сиденье. — Давай просто свалим

отсюда.

— Нужно найти Кейтлин. И еще мне необходимо забрать одну вещь.

— Ну на что она тебе? — попытался урезонить его Генри. — Даже если она такой же андроид, как Дункан, что с того?

— Ты никогда не пытался взглянуть на мир с точки зрения машины? спросил Шевцов, заводя двигатель.

— Нет. — Нолан отрицательно покачал головой. — На кой мне это сдалось?

Семен невесело усмехнулся. Прежде чем включить фары и направить внедорожник в узкий, извилистый разлом рукотворного ущелья, он достал импульсный пистолет и, взглянув на счетчик зарядов, положил его поверх приборной панели, ближе к лобовому стеклу.

— Хотя бы для общего развития, — ответил он. — Тогда бы ты знал, что любой искусственный интеллект прежде всего — логик. Для него нет ничего выше понятия целесообразности.

— Это должно что-то означать?

— Ты должен уяснить — машины мыслят иначе. У них либо есть реальный, веский повод для совершения определенных действий, либо его нет. Все остальное, включая миф о кровожадности «Одиночек», — это лишь игра больного человеческого воображения.

— Да, по-твоему, они были созданы, чтобы сажать цветы, — нервно фыркнул Генри, пытаясь разглядеть, куда они едут.

— Нет, их программировали на ведение боевых действий. Но узкая специализация не означает, что эти машины станут убивать направо и налево, без смысла, без конкретной боевой задачи, наконец. Только люди могут изводить друг друга из ненависти, машинам такая черта несвойственна, наоборот, для них подобный мотив абсурден.

— Тогда какого Фрайга он застрелил троих человек?! — не выдержав, вспылил Генри, жестом указывая за свое плечо, на багажник машины.

— Не знаю. Но могу предположить, что люди могли либо приказать ему это, либо вынудить к подобным действиям. Все, что делал андроид, — не случайно.

— Значит, они хорошие, а мы плохие, да? Где ты научился такой грамоте?

— На личном опыте, — ответил Шевцов, не обращая внимания на грубый тон. — Ты не прав, Генри. Тебе стоит поразмыслить и понять — мы разные. Мы отличаемся друг от друга, как небо отличается от земли, и лишь особые обстоятельства могут породить настоящее взаимопонимание между машиной и человеком.

— Может, расскажешь мне. Что это за особые обстоятельства?

— Да, — кивнул Шевцов, не отрывая глаз от узкой извилистой дороги. — Я буду вынужден все рассказать тебе, иначе наша с тобой дружба быстро переродится в подозрительность.

— Ну?

— Ты хочешь услышать прямо сейчас?

— Давай, ты меня и так уже достаточно удивил и насторожил. Что ты можешь еще добавить?

— Смотри сам. — Семен пожал плечами. Притормозив, он включил свет в салоне и повернулся к Нолану, заметив, как тот вздрогнул и побледнел.

— Ты что?

Шевцов молча снял мягкую заглушку из пеноплоти, обнажая поверхность своего импланта.

— Узнаешь?

Генри смотрел на него с нескрываемым ужасом в широко раскрытых глазах, но Шевцов не остановился, он привычным движением снял контактную крышку, под которой обнаружилось гнездо, в точности повторяющее аналогичный разъем в металлопластиковом черепе лже-Дункана. Генри не кривил душой, отрицая свое тесное знакомство с технологиями Земного Альянса, но он не мог не заметить очевидное сходство. В имплант Шевцова можно было с легкостью вставить кристалломодуль «Одиночки», который он извлек из черепной коробки андроида.

— Ты?.. — Рука Генри вдруг начала вслепую шарить по двери, пытаясь отыскать сенсор электронного замка.

— Я человек. Этот имплант я ношу от рождения, но последние пять лет я провел в информационном симбиозе с системой «Клименс-12», которая является модификацией пресловутого пакета «ALONE».

— Зачем ты… — он поперхнулся, — зачем вы пошли на такой контакт?

— Чтобы выжить, — честно ответил Шевцов. — Я уберег ее от разрушения, а она помогла мне сохранить рассудок в условиях подземной тюрьмы Форта Стеллар.

Генри пораженно молчал.

Семен понимал, что реакция Нолана вполне адекватна, могло выйти и хуже. Парень был далеко не глуп, но ему требовалось время, чтобы примириться с мыслью о том, что человек может успешно жить, находясь в постоянном нейросенсорном контакте с разновидностью самой

разрушительной кибернетической системы, какую смогло создать человечество в своем безумном порыве взаимного истребления.

— И где она сейчас?.. — сглотнув очередной мешающий вдохнуть комок, наконец спросил Генри.

— Ждет меня в условленном месте, — ответил Шевцов, закрывая пустотелый корпус импланта. — Мы расстались впервые за последние годы, и, надо сказать, — я волнуюсь за нее.

* * *

Внутри металлической пещеры ничего не изменилось, мрачный силуэт «Фалангера» по-прежнему возвышался у ее задней стены, выступая из смятых металлических конструкций, будто фрагмент барельефа.

Люк в днище открыт, пластиковая лестница свисает вниз, вокруг ни души, но чувство тревоги не отпускало, оно, наоборот, усилилось.

— Жди меня тут, — отрывисто произнес Семен. — Посвети фонарем на лестницу.

Генри ничего не понимал, но послушно выполнил распоряжение.

Глядя, как Шевцов взбирается по раскачивающейся лестнице в чрево боевой серв-машины, он чувствовал, что глубокий подсознательный страх постепенно переходит в ужас.

С этим чувством нельзя было ничего поделать, страх перед определенными типами боевой техники въелся в разум еще во время войны, и даже время не сумело притупить его… Теперь он понимал, что реакция Шевцова была вполне оправдана. Если люди до сих пор боятся смотреть на звездное небо, а вид старых эндоостовов выгоревших дотла боевых машин вызывает бесконтрольную дрожь, то им обоим пришлось бы туго в тот момент, когда на месте тривиальной «разборки» полиция обнаружила бы разбитый корпус маскировавшегося под человека андроида. В этой ситуации у них оставался единственный выход, позволяющий избежать неприятностей, — бегство, ибо никто не станет вникать случайно ты оказался на месте событий или нет…

…Семен в этот момент поднялся в рубку управления.

Тревога, снедавшая его, внезапно материализовалась в самой кошмарной из воображаемых форм.

В кресле пилот-ложемента сидела Кейтлин. Шунт нейросенсорного контакта, оплетка которого была пронизана прочнейшими тягами микроприводов, обвился вокруг ее горла, словно черная глянцевитая змея.

Жуткое, уничтожающее разум и мужество зрелище.

Она пыталась вырваться — об этом немо свидетельствовал обломок

кронштейна, который служил для фиксации запястий пилота на подлокотниках.

— Клименс! — крик вырвался из горла Шевцова помимо его воли.

— Я здесь, Семен, — раздался синтезированный машинный голос.

Его руки опустились. Он смотрел на Кейтлин и не мог поверить своим глазам.

Семену казалось, что случилось непоправимое, но следующая фраза Клименс, глухо переданная поврежденной аудиосистемой «Фалангера», заставила его испытать еще более глубокий шок.

— Ты думаешь, я убила ее? Нет. Это она пыталась меня убить.

— Почему?

— Потому что она — не человек.

* * *

Она не человек…

Внезапная материализация худшего из подсознательных опасений заставила Семена на миг потерять нить здравых рассуждений. Его разум имел свой эмоциональный порог, который в данном случае оказался превышенным.

Прислонившись спиной к темной облицовочной панели, Шевцов на ощупь достал сигареты.

Тусклый огонек на миг осветил рубку, в застойном воздухе поплыли струйки сизого дыма.

Ему требовалась эта передышка, чтобы прийти в себя, смириться с очевидным фактом. Вид застывшего, неживого тела с перехлестнутым горлом при внимательном рассмотрении доказывал справедливость утверждения Клименс. Пеноплоть, лопнувшая в нескольких местах, недвусмысленно обнажала структуру скрывающихся под ней шейных приводов, которые сейчас были сжаты, сдавлены настолько, что их деформация нарушила защиту центрального кабеля, через который осуществлялся обмен данными, между размещенным в черепной коробке модулем «Одиночки» и вычислительным устройством андроида, которое, как правило, компоновалось в грудной полости человекоподобной машины.

— Что здесь произошло?

— Она заметила открытый люк и лестницу.

— Ты знала, что Кейтлин не человек?

— К моменту нашего контакта — да.

— Почему ты не предупредила меня сразу, Клименс? Ты же видела ее при первой встрече!

— Я не могла распознать, кто она. Ведь я смотрела на мир твоими глазами. Разве у меня имелся хоть один собственный сканер? Твое зрение и слух передают лишь внешние данные, по которым нельзя судить об истинном содержании той или иной оболочки.

Шевцов кивнул. Он понял, о чем говорит Клименс. После интеграции в общую схему серв-машины она смогла воспользоваться сенсорной системой «Фалангера», которая и сообщила Клименс недостающие сведения относительно истинной сущности отсканированного объекта…

— Ты распознала ее, я понял, но что произошло дальше? Почему она вдруг решила уничтожить тебя?

— Не могу ответить. Ее кристалломодуль блокирован. Мы обменялись элементарными кодами опознания, и я тут же восприняла атаку. Она попыталась взломать мою защиту.

— Ей удалось это сделать?

— Нет. В равной степени, как и мне. В этой ситуации оставался лишь один способ действий — механический, и, определив ее намерения, я не стала рисковать.

Шевцов закрыл глаза.

Мир сходил с ума.

— Нам нельзя задерживаться тут, — раздался голос Клименс. — Зачем ты привел с собой еще одного человека?

— Он попал в беду. Стал невольным соучастником событий. Дункан, к твоему сведению, тоже андроид. Он застрелил троих человек.

— Плохо. Он погиб?

Это был риторический вопрос, и Шевцов лишь мрачно кивнул. Ему внезапно захотелось взять кристалломодули и разнести их вдребезги, чтобы поставить точку в этом внезапном уничтожающем разум сумасшествии…

Чем эти двое отличались от Клименс, которой он доверял, по-своему любил, считал частицей собственного «я». Неужели они одинаковы, а разница заключается лишь в логике восприятия мира?

— Я забираю тебя. — Шевцов переборол возникшее, словно вспышка, иррациональное недоверие к Клименс. Он протянул руку, ощутив колючую, слабо искрящуюся поверхность кристалломодуля.

— Да. Я готова.

Внутренний голос вернулся к нему, и Семен вдруг почувствовал облегчение.

Мои мысли открыты. Считывай информацию и попробуй разобраться.

Клименс не возражала.

Что ты намерен делать? — спросила она.

— Бежать, — вслух ответил Семен. — Нужно найти спокойное место, где мы сможем оттестировать модули Кейтлин и Дункана. — Он склонился к обездвиженному телу и извлек на свет еще один кристалломодуль «Одиночки».

* * *

Выбравшись из рубки «Фалангера», Шевцов увидел бледного встревоженного Генри, который нервно переминался с ноги на ногу, стоя у дальней стены металлической пещеры.

— Ну, что? — вытягивая шею, напряженно спросил Нолан.

— Она мертва.

— Кто?

— Человекоподобная машина, которая выдавала себя за Кейтлин.

Генри судорожно сглотнул:

— Значит, и она тоже?

— Да.

Нолан поежился:

— А эта, твоя… Клименс?

— С ней все в порядке, — ответил Шевцов. — Все, не спрашивай меня ни о чем, я сам едва ли понимаю, что происходит. Лучше скажи, где мы можем отсидеться?

— Думаешь, нас будут искать?

— Я не хочу испытывать судьбу.

— Ладно, я не против. Здесь неподалеку есть пара разрушенных во время войны поселков. Там никто не живет.

— Отлично. Теперь давай перенесем сюда Дункана и замуруем вход в тоннель. Мы должны убраться со свалки как можно скорее, пока тут не поднялся переполох.

* * *

Мощный, комфортабельный внедорожник неторопливо полз по заросшей лесной дороге.

В кабине было уютно: ненавязчиво мерцали приборные панели, тихо работал кондиционер, ухабы дороги ощущались внутри салона, как едва заметные вибрации пола.

— Далеко еще? — спросил Шевцов.

— Нет. За лесом дорога свернет направо. Ты сразу увидишь руины.

— Тебе знакомо это место?

Генри мрачно смотрел в окно.

— Я там жил, вплоть до последней атаки на Кьюиг, — немного помолчав, ответил он.

— Родители?

— Они погибли при орбитальной бомбежке.

— Ты после этого ушел на флот?

— А куда мне было деваться? Остаться на руинах? Сойти с ума?

— Извини.

— Да нет, не извиняйся. Я ведь тоже кое-что понимаю…

— В смысле? — не понял его последней фразы Семен.

Генри просто пожал плечами.

— Я говорю о войне. Мне кажется, что только вначале можно было поделить людей на правых и виноватых — на тех, кто развязал войну, и тех, кто защищал свои планеты. Но потом все смешалось. — Он опустил боковое стекло и достал сигареты, глядя на знакомые с детства пейзажи. — Потом все смешалось… немного помолчав, повторил Генри. — Часть колоний была оккупирована Альянсом, и туда хлынул поток переселенцев с Земли, некоторые миры были сожжены дотла, как Дабог, иные переходили из рук в руки по многу раз, и новые поколения, что год за годом вступали в войну, уже не понимали ее истоков… — Взгляд Нолана рассеянно скользил по чахлым деревцам перелесков и оплывшим контурам попадающихся вдоль дороги руин. — Люди привыкли выживать, любым способом, а хуже всего то обстоятельство, что на планетах-победительницах в последние годы сформировалось поколение, уже не участвовавшее в войне, но работавшее на нее, осознавая, насколько это выгодно. Ты понимаешь, о чем я говорю? — не скрывая горечи, усмехнулся он. Этот Майкл и его дружки… они ведь в основном наши с тобой ровесники, но судьба пощадила их, не дав заглянуть смерти в глаза, испытать ужас и обреченность… Вместо этого они тонко уловили, что можно безбедно жить, эксплуатируя вселенское безумие.

Шевцов покосился на своего спутника.

— Ты понял это, работая на кладбище металла?

Генри покачал головой, продолжая смотреть за окно машины.

— Это лишь маленький фрагмент, Шевцов. Капля в океане действительности. Я ведь говорил тебе, что служил во флоте Колоний и видел, что на самом деле творится в космосе. — Он протянул руку, машинально прикуривая новую сигарету. — Война разбросала людей по сотням планет, заставила маленькие анклавы забиться в глубокие норы. Пока Центральные Миры пытаются объединить остатки цивилизации, в десятках звездных систем, освоенных в период войны, процветает этот

дикий бизнес, основанный на одном законе: за кем сила, тот и прав. В этом смысле Кьюиг может считаться образцовой планетой.

— И что, все смотрят сквозь пальцы на этот послевоенный хаос? — спросил Шевцов.

— Нет, почему же… Развитые колонии пытаются навести хоть какой-то порядок, создать общее законодательство, но война обескровила их, и потому флот Центральных Миров может эффективно контролировать едва ли десяток планет, расположенных на небольшом удалении от Форта Стеллар.

— Я слышал разговоры о создании так называемой «Конфедерации Солнц» и «Совета безопасности Миров».

— Когда это будет? — повернув голову, спросил Генри.

Семен не ответил, и Нолан внезапно подытожил свои мысли:

— Мы живем здесь и сейчас, Шевцов. Ты правильно поступил, но твоя логика страдает избирательностью. Да, я могу бояться, трястись, не понимать сути некоторых вещей, но я не строю иллюзий. — Генри с отвращением выбросил наполовину выкуренную сигарету, которая вызывала горечь во рту. — Если не расстанешься со своими иллюзиями, не разжуешь собственную судьбу, погибнешь, — добавил он. — Война не окончена, она продолжается. Поражение Земли не потушило пожар. Он тлеет. Люди разучились любить друг друга — те, кто воевал, сгорели изнутри, а кто отсиделся за их спинами, не хотят, чтобы менялось существующее положение вещей.

— Разжевать судьбу — значит, смириться с ней? — спросил Семен.

— Может быть, и так.

— А идти наперекор?

— Не знаю… Не думаю, что можно добиться какой-то справедливости. Мы потерянное поколение, Шевцов. Наш удел — жить на руинах войны, страшась поднять взгляд к небесам. Я говорю не за всех — за себя.

Семен притормозил машину.

Съехав на обочину, он не стал глушить мотор. Отпустив руль, Шевцов размял пальцы рук, отвыкшие от вождения, потом взял сигарету и, открыв дверь, впустил в салон свежий воздух.

Невдалеке за очередным перелеском виднелись руины небольшого городка. Вокруг все было изрыто старыми оплывшими воронками. Следы войны ощущались повсюду, и отчасти Генри был прав…

Цивилизация расслоилась.

Шевцов не мог похвастаться, что видел много обитаемых планет. Вся

его сознательная жизнь волею судьбы протекала в Форте Стеллар, но и там, на подземных уровнях военно-космической базы Центральных Миров, он ощущал это резкое расслоение послевоенного общества.

За пять лет заключения он понял одну непреложную истину: нет непреодолимых обстоятельств. Это была не бравада, а взвешенный, осмысленный анализ.

— Знаешь, что я тебе скажу, Генри?

— Ну?

— Ни ты, ни я не относимся к потерянному поколению.

— Это почему, Шевцов?

— Потому что мы мыслим иначе. Ты прав относительно иллюзий. Есть сорт опасных заблуждений, есть иррациональный страх перед призраками былого, есть обыкновенная беспомощность перед теми, кто делает бизнес на обломках великой трагедии. Или, может быть, ты считаешь, что они изменят судьбы наций, возродят какие-то ценности, очистят мир от порожденных войной фобий?

— Нет, конечно… — фыркнул Генри, по-прежнему глядя за окно.

— Тогда кто?

— Ну, не знаю… — Он повернул голову, посмотрев на Семена. — Только не пытайся внушить мне свои идеалы, ладно? По-моему, у нас проблемы, забыл?

— Нет, не забыл. Но и ты заметь, пожалуйста, один нюанс.

— Какой?

— Мы два врага по историческому определению. Ты должен ненавидеть меня, а я тебя. За моей спиной пять лет несправедливой каторги, у тебя война отняла родителей, кров, так ответь: почему мы сидим вместе, в одном салоне машины, пытаемся решить общую проблему, а не вцепимся друг другу в горло?

Нолан оторопел от такой постановки вопроса.

— Мы влипли в одну и ту же историю, — буркнул он.

— Нет. Это лишь притянутая за уши отговорка.

— Тогда объясни мне, умник…

— Ты сам начал этот разговор. Ты сказал, что давно нет правых и виноватых, — есть глобальные последствия вселенского безумия.

— Брось, Шевцов. Не лови меня на слове. Самая большая проблема, которую я ощущаю на данный момент, — это моя личная безопасность. А что до остального — забудь. Просто эти руины подействовали на меня не лучшим образом.

Шевцов докурил и захлопнул водительскую дверь.

— Не хочу тебя расстраивать, Генри, но беспринципная молодежь, которая убивает друг друга из-за контроля над бросовыми залежами металла, — это лишь частность. Они не найдут нас.

— Тогда не о чем и беспокоиться, — с фальшивой беспечностью ответил Нолан.

— Ладно. Давай найдем приемлемое убежище.

— И что будет дальше?

Шевцов протянул руку и вытащил из-за пазухи два кристалломодуля.

— Вот настоящая проблема, Генри. И я докажу тебе ее состоятельность, а дальше ты сможешь решать сам — относится она к тебе или нет.

Глава 5. Глазами машины

В двухстах километрах от столицы Кьюига.

Руины покинутого города…

Глазами машины реальность воспринимается в ином свете.

Здесь дело не в сенсорах, не в способах видения, а в конечной обработке полученного сигнала, в его осмыслении.

Люди наделили свои творения огромной степенью свободы и тем самым создали прецедент независимого мышления — по сути, на протяжении нескольких столетий медленно выковывался иной разум, но его игнорировали, считая, что любая машина будет развиваться в строгих рамках базовых программ.

Это являлось грубым просчетом со стороны людей.

Стоило взглянуть на мир их глазами, чтобы понять: все гораздо сложнее.

Шевцову удалось совершить немыслимое с точки зрения нормального человека. Общение с Клименс многому научило его. Семен не ставил под сомнение способность машин, наделенных «псевдоинтеллектом», снимать кавычки с этого слова. Они развивались, накапливая, а затем обрабатывая информацию об окружающем мире, и если их поведением руководили не критерии чувств, а иные, более прагматичные установки, то это обстоятельство, по его мнению, не снимало, а, напротив, усугубляло остроту проблемы.

Отрешенный взгляд изнутри только доказывал его правоту.

Два андроида, чьи кристалломодули лежали сейчас на вскрытой облицовочной панели компьютерного комплекса, появились на Кьюиге не просто так. Их привел сюда не понятый людьми путь саморазвития, которое проходило в условиях, немыслимых для программистов, некогда разработавших базовый блок «Одиночки».

— Генри, ты запомнил, что нужно делать?

Нолан молча кивнул, обводя взглядом сложный комплекс аппаратуры, который Шевцов конструировал в течение нескольких дней, собирая его из подручных материалов, найденных среди руин домов и офисов.

Запыленные, покрытые потеками дождевой воды компьютерные блоки и терминалы теперь были соединены между собой в локальную сеть, центром которой являлось офисное кресло с ободранной, частично сгоревшей обшивкой.

Хороша лаборатория, нечего сказать!

Внедорожник Дункана, загнанный под крышу одноэтажного здания через пролом в стене, едва слышно пыхтел водородным двигателем. В сложившейся ситуации генератор машины являлся единственным источником бесперебойного питания: временные провода тянулись из моторного отсека к электронным блокам, подавая электрический ток.

— Да, я все понял. — Нолан тяжело опустился на водительское сиденье. Экран бортового компьютера машины теперь служил для него контрольным монитором, и в случае, если контакт с чуждым машинным разумом окажется фатальным для Шевцова, ему следовало просто заглушить двигатель, чтобы обесточить собранную систему.

— Генри, между мной и лже-Кейтлин находится Клименс. Она не допустит, чтобы мой разум подпал под чуждое воздействие, но, если я вдруг поведу себя неадекватно, прошу, не медли.

— Может, бросишь эту затею? — в последний раз попытался вразумить его Нолан, покосившись на импульсный пистолет, лежавший рядом с контрольным монитором.

— Нет. Я должен узнать правду.

— Ладно, как знаешь.

Шевцов уже сидел в кресле. Его рука потянулась к черному глянцевитому шунту нейросенсорного контакта. Оптико-волоконный кабель, посредством которого обычно осуществлялась прямая связь между кибернетической системой и разумом человека, сейчас играл несколько иную посредническую роль. Один его разъем был соединен с кристалломодулем лже-Кейтлин, а второй контакт шунта Шевцов вставил в свой имплант, где вместо обычной схемы временного хранения данных вот уже несколько лет кряду обитала Клименс.

В данной ситуации она являлась единственным гарантом, предохраняющим разум Семена от губительных, разрушающих сознание атак.

— Начинаем!.. — хрипло произнес он, закрывая глаза.

Генри включил питание и впился взглядом в контрольный монитор.

* * *

Глазами машины все видится иначе.

Комплекс аппаратуры, собранный ради безопасности человека, не позволял тестируемому кристалломодулю проявлять инициативу. Старые компьютерные терминалы работали в режиме приема данных, и эта нехитрая уловка сработала. Информация, содержавшаяся в модуле

«Одиночки», начала поступать на предложенные носители, которые принимали последовательные массивы данных, и, не обрабатывая их, переадресовывали Клименс.

— Есть устойчивый контакт, — прозвучал в мозгу Шевцова знакомый голос. — Начинаю дешифровку. Приготовься к прямой трансляции.

Я готов.

…Мрачный, чуждый пейзаж, отснятый видеосенсорами машины, возник перед мысленным взором Шевцова.

Андроид лежал на теплой неровной поверхности.

Именно тепло, излучаемое нагретой породой, заставило его очнуться от длительного небытия.

Термальная энергия воспринималась специальными устройствами, внутри андроида, благодаря сильному нагреву, пришел в движение легкоплавкий металл, циркулирующий по системе аварийного питания. Похожий на ртуть сплав, заключенный в контур теплообменника, заструился по трубопроводу, заставляя вращаться лопасти микрогенераторов.

Электрический ток, выработанный этим нехитрым устройством, постепенно аккумулировался, пока его напряжение не достигло уровня автоматической реактивации сервоприводных систем.

Если выражаться проще, андроид ожил. Заработали его датчики, пришли в движение механические приводы опорно-двигательной системы, поток данных от устройств восприятия внешнего мира стал поступать к блокам процессоров для последующей обработки.

Шевцов воспринял реактивацию человекоподобной машины как вспышку.

Только что перед глазами плавала черная хмарь, и вдруг он увидел мертвый пейзаж неизвестной планеты.

Под ногами простиралась безжизненная равнина, представляющая собой наслоение разлившейся и застывшей лавы. Невдалеке отчетливо виднелись молодые вулканические горы, низкая мрачная облачность укрывала небеса, срывался мелкий теплый дождь. Время от времени из клубящихся туч били ветвистые разряды молний.

Андроид повернулся.

Его позитронный мозг пытался сориентироваться, осуществить привязку к местности, ибо базовые программы содержали информацию о совершенно ином регионе.

Пока сенсоры машины сканировали горизонт, блок логической обработки данных отследил множественные обломки, которые усеивали

вулканическую равнину, но не принадлежали к слагающим ее изверженным породам. Масса разбросанных вокруг предметов поддавалась четкой, недвусмысленной идентификации.

По человеческому определению, андроида окружал мусор. Фрагменты механизмов, обрывки кабелей и трубопроводов, целые глыбы армированного бетона, деформированные вентиляционные решетки, офисное оборудование, разбившееся вдребезги при ударе о землю…

Позитронный мозг машины попытался осмыслить полученную информацию. Характер повреждений, разнообразие обломков и их взаимное расположение — все тщательно фиксировалось, но обработка полученных данных не прояснила ситуацию.

Тогда сенсоры машины обратились к низким клубящимся облакам.

Взгляд в небеса проявил структуру воздушных масс, которые еще хранили форму и течение циклопической воронки. Катастрофа уже миновала, но ее остаточные признаки позволили человекоподобной машине констатировать факт стихийного бедствия.

Теперь, сопоставив разбросанные вокруг обломки техники, фрагменты стеклобетонных конструкций и остаточное круговое движение воздушных масс, андроид смог разобраться в том, что происходило здесь недавно.

Стихийное бедствие в виде торнадо обрушилось на область, где располагалось подземное хранилище подобных ему механизмов. Определив направление, которым двигался захвативший его исполинский смерч, андроид получил возможность вернуться назад и приступить к своим непосредственным обязанностям.

Он был запрограммирован на обслуживание людей и ремонт техники.

Последнее, что предпринял андроид, прежде чем отправиться в путь по безжизненной равнине, была попытка контакта с компьютерной сетью базы, сведения о которой содержала его долгосрочная память.

Ответа не последовало.

* * *

Для машины понятие «время» условно. Позитронный мозг манипулирует отдельными величинами времени лишь в тех случаях, когда это необходимо для решения той или иной задачи.

В идеале исполнительная машина никоим образом не осознает факт собственного существования. Она работает, реализуя строго регламентированный набор функций. Если они исчерпаны, то механизм попросту остановится, войдет в энергосберегающий режим, пока внешняя

команда либо стечение обстоятельств вновь не призовут его к активным действиям.

Именно на знании данной особенности машин была основана концепция «карантина» планет, где изобиловала военная техника. Время и отсутствие внешних раздражителей должны были уничтожить остатки кибермеханизмов, привести их к состоянию самоконсервации.

На Омикроне все произошло иначе.

Искусственно вызванный природный катаклизм уничтожил девяносто процентов скрытой инфраструктуры военной базы, превратив подземные уровни в мрачные, мертвые горизонты, куда через многочисленные трещины начали просачиваться грунтовые воды.

…Андроид, которого торнадо вырвал из подземного хранилища и унес за сотни километров, бросив посреди безжизненной равнины неосвоенного материка планеты, был не одинок. Еще около сотни разнообразных машин сумели пережить катаклизм, и теперь они неумолимо возвращались в район лесного массива.

Там им предстояло убедиться в необратимости разрушений руководящей Сети и, как следствие, навек застыть, утратив программный смысл своего существования. Далее природные явления завершили бы процесс уничтожения, начатый атакой «Неустрашимого». Дожди, перепады температур, процессы окисления металлов, вкупе с утратой смысла действий, постепенно превратили бы уцелевшие в катаклизме кибермеханизмы в нефункциональные, косные свидетельства былой разрушительной мощи.

…Преодолев четыреста километров пути, андроид вышел на берег узкого пролива, разделяющего два материка.

Мост, соединявший два берега, был частично разрушен, но человекоподобный механизм сумел перебраться на другую сторону и ступил, наконец, на знакомую территорию.

Здесь должен был располагаться космический порт, но сейчас от него остались лишь руины немногочисленных зданий. Остановившись, андроид тщательно отсканировал доступное сенсорам пространство, обнаружив не только разрушенные постройки, но и исковерканные, выгоревшие остовы боевых серв-механизмов.

Бесстрастный анализ новых данных добавил к фактору стихии признаки орбитальной атаки, но это открытие не могло повлиять на поведение андроида. Он был сконструирован для разнообразных ремонтных и бытовых нужд, поэтому механизм проследовал дальше, углубившись в истерзанный стихией лесной массив.

Видеокамеры андроида бесстрастно взирали на картины разрушений, запоминая их, и, благодаря сохранившейся записи, Шевцов смог увидеть темные тоннели и залы, по сводам которых сочилась вода, а пол загромождали обломки сорванной со своих мест аппаратуры и меблировки помещений. В некоторых местах несущие конструкции не выдержали и рухнули, преграждая путь завалами.

Пока что контакт с машиной проходил спокойно, но Семен не обольщался, он понимал, что Клименс считывает наиболее ранние базы данных, скорее всего, заимствованные запоминающими устройствами «Одиночки» с ПЗУ андроида, чтобы не нарушать сформировавшиеся именно в данный период причинно-следственные связи, которые в конечном итоге толкнули исполнительный механизм на несвойственный для него путь развития…

…Андроид долго блуждал по лабиринтам обесточенных уровней, пока один из тоннелей вновь не вывел его к минус первому ярусу подземелий.

Здесь в поле зрения видеокамер машины впервые попала зеленая искра индикации питания. Андроид немедленно отреагировал на этот явный признак энергетической активности, и через минуту он уже стоял у плотно сомкнутых модульных ворот.

Из запястья человекоподобной машины выдвинулся жесткий компьютерный разъем, который идеально совпал с принимающим гнездом, расположенным у массивных дверей. Обменявшись полномочиями доступа с автономной системой расположенных за герметичными воротами залов, механизм получил возможность войти внутрь.

За многотонными створами располагался изолированный сектор биолабораторий, об этом недвусмысленно предупреждали знаки биологической опасности, которыми были маркированы все двери.

Данные залы занимали едва ли сотую часть от всего объема глубоко эшелонированной базы, но они, вследствие своей узкой специализации, имели замкнутый автономный цикл регенерации атмосферы, собственный реактор, и были отделены от остальной инфраструктуры мощным многослойным саркофагом. Такая конструкция предусматривалась проектом и была логичной мерой защиты личного состава. Биологические лаборатории являлись источником повышенной опасности, поэтому их отделили от остальных коммуникаций, прочно изолировав на случай внезапных осложнений, которые могли возникнуть в ходе предполагаемых экспериментов.

Толща саркофага и автономная система обновления воздуха, не

связанная с вентиляционными шахтами остальных уровней, уберегли эти залы от разрушительного воздействия бесноватых потоков воздуха, лишь некоторые предметы попадали на пол в результате сотрясения почвы…

Локальная компьютерная сеть лабораторий продолжала свою работу: видеокамеры андроида зафиксировали длинные ряды камер биологической реконструкции, в которых шли процессы физического роста и одновременного интеллектуального развития особей человеческой расы. Далее бесстрастный взгляд андроида показал, что в соседнем зале подобные камеры пусты — их колпаки подняты вверх, на полу явственно различимы подсохшие лужицы пролитых физиологических растворов, среди которых виднелись отпечатки босых ступней…

Последним внимание андроида привлекло обнаруженное на полу зала человеческое тело, не подававшее признаков жизни.

Механизм подошел к нему, и Шевцов смог увидеть глубокого старика, который лежал на спине, сжав руками свою грудную клетку.

Клименс, запиши образ… — приказал он, в первый раз нарушив мнемоническую тишину.

Сделано, — пришел краткий мысленный ответ.

…тем временем андроид вновь подключился к компьютерной сети лабораторий и получил инструкции относительно обнаруженного тела. Вернувшись к трупу, он поднял его и положил на сканерный стол.

Едва приметная волна излучения пробежала по окоченевшей, иссушенной старостью плоти, и спустя минуту андроиду были переданы новые инструкции. Человек, по выводу компьютеров, скончался от острой сердечной недостаточности, а его тело, несмотря на усиленную обработку ультрафиолетом, уже начало разлагаться, нарушая стерильность помещений.

Подчиняясь полученному приказу, андроид поднял труп старика и отнес его к утилизатору отходов.

Исполнив полученное распоряжение, он зарядил свои истощившиеся накопители энергии, подключившись к разъему конвектора, и покинул сектор биологических лабораторий.

После освидетельствования базы программный долг повел его назад к разрушенному космическому порту. Там его сканеры зафиксировали массу дорогостоящих машин, и он должен был тщательно исследовать их на предмет вероятного восстановления.

* * *

Вторичное появление андроида в руинах космопорта произошло

спустя три месяца после атаки «Неустрашимого».

Шевцов, который по-прежнему смотрел на мир глазами машины, заметил, как изменился за это время лес. Сквозь хаотичные нагромождения вырванных с корнем исполинских деревьев уже пробилась молодая поросль. Отдельные деревца достигали двух-трех метров в высоту, и по такому темпу роста было несложно предположить, что лесной массив скоро затянет свои многочисленные раны.

Сканирующие системы андроида работали из рук вон плохо. Шевцов долго не мог понять, отчего приборы обнаружения не могут пробиться сквозь завалы деревьев и молодые заросли, пока Клименс не подсказала ему. Хвойные породы, из которых состоял массив, являлись искусственной мутагенной формой. Они не только стремительно росли, восполняя причиненный ущерб, но и содержали большой процент железа, что существенно осложняло работу сканеров. В таких условиях наиболее информативной системой восприятия мира являлось зрение.

Стоило запомнить этот факт, который требовал дополнительного осмысления.

Пока Шевцов, находясь под надежной защитой Клименс, размышлял о странных особенностях лесного массива и с внутренним смятением пытался осмыслить картины, запечатленные андроидом в секторе уцелевших биолабораторий, механизм, следуя по засыпанной опавшей хвоей дороге, вышел на опушку леса, откуда открывался вид на обширное пространство старто-посадочных полей разрушенного космопорта.

* * *

В первый момент Шевцов не понял, почему андроид внезапно остановился как вкопанный, и только медленный поворот головы человекоподобной машины прояснил внезапно возникшую ситуацию. В поле зрения видеокамер попал небольшой космический корабль, который стоял посреди вогнутой стеклобетонной чаши одного из немногих уцелевших посадочных мест.

Это был старый войсковой транспорт класса «Элизабет-Сигма» — наиболее удачная в плане конструктивных решений модель грузоперевозчика, широко использовавшаяся как флотом Колоний, так и Земным Альянсом.

Андроид попытался определить принадлежность грузового корабля, но не преуспел, — все маркировки были тщательно удалены с его корпуса. Попытка связи с бортовым компьютером также окончилась неудачей. Электронные системы молчали, не отвечая на вызов.

С точки зрения андроида, на бескрайнем просторе стеклобетонной равнины творилось неладное. С борта неопознанного корабля высадились люди, которые разбрелись кто куда, подбирая наиболее ценные, с их точки зрения, фрагменты механизмов, вполне функциональное оружие, а также многочисленные электронные и механические компоненты, предназначенные для починки боевых машин в полевых условиях. Все это вырвал из глубин подземных консервационных складов бушевавший три месяца назад многоочаговый смерч, который разбросал содержимое подземных хранилищ по обширным площадям.

Люди бродили меж руин зданий космопорта, обходя стороной обугленные эндоостовы уничтоженных орбитальным ударом «Фалангеров», и андроид, наблюдая за их действиями, внезапно испытал сбой в работе собственных программ.

Он не знал, как следует вести себя в данной ситуации. Не являясь боевой машиной, он относился к людям нейтрально, но в его прямые обязанности входила починка других машин, которую невозможно будет осуществить при отсутствии компонентов, исчезающих в чреве совершившего несанкционированную посадку корабля.

Базы данных андроида не содержали расшифровку таких человеческих терминов, как «мародерство», поэтому кибернетический механизм не мог постичь истинного смысла происходящих событий. Он оказался в ситуации, не регламентированной ни одной инструкцией поведения, однако возникшее логическое противоречие требовало от него каких-то действий, и андроид, не найдя иного выхода, прямиком направился к группе людей, которые в этот момент заканчивали грузить очередную антигравитационную платформу…

— Серж, смотри, дройд!

Высокий, худой мужчина повернулся и посмотрел в указанном направлении. Его лицо наполовину скрывала дыхательная маска с антибактериологическим фильтром. В руках он держал универсальный монтажный ключ с набором манипуляторов разной формы.

— Ну, вижу… — Его голос глухо прозвучал из-под маски. — Не дрейфь, это всего лишь ремонтный механизм. Пригодится на борту… — бесстрашно усмехнулся он, передавая демонтажное устройство своему испуганному компаньону.

— Ну, ты смотри, аккуратнее… — тот отступил в сторону, заметив, что напарник достает из кобуры электромагнитный станнер — редкий вид спецвооружения, предназначенный для борьбы с кибернетическими механизмами. Слушай, Серж, не рискуй, а? — Он кивком указал на

загруженную платформу, где лежало несколько импульсных винтовок. — Давай сделаем из него дуршлаг, а?..

— Не учи… — буркнул в ответ Серж. — Я же вижу — это ремонтный механизм. Пригодится на борту. Поковыряюсь в его позитронных мозгах, сменю пару чипов, и будет он работать как миленький, еще сапоги тебе станет облизывать.

Андроид остановился в трех шагах от людей.

— Сэр, — обратился он к высокому худому человеку. — Вы незаконно вторглись на территорию военной базы. Прошу подтвердить полномочия доступа.

— А что, если у меня их нет? — без страха, даже с долей иронии спросил Серж, нажимая сенсор активации станнера.

— Тогда я буду вынужден разгрузить ваш корабль. Эти компоненты являются имуществом военно-космических сил Земного Альянса.

— Твой Альянс капитулировал, дурная электронная башка. И это барахло теперь принадлежит мне, понял?

— Нет, сэр. Я не получал официальной информации о капитуляции Земного Альянса.

— А я для тебя не авторитет, да?

— Сожалею, сэр. Я вынужден настаивать. У вас есть пять минут, чтобы выгрузить захваченное имущество и стартовать с планеты.

— Упрямый болван… — Сержу надоел забавлявший его диалог, и он нажал на гашетку станнера.

Мощный импульс электромагнитного поля, способный пробить экранировку основных вычислительных блоков машины, поразил андроида, вызвав глобальный сбой обмена данными. Человекоподобный робот конвульсивно дернулся, словно по его сервоприводам пробежала судорога, и с глухим стуком повалился набок.

— Грузи его на платформу, — опуская станнер, распорядился Серж. — И передай по рации остальным группам, пусть возвращаются. Прилетим сюда еще раз, когда сбудем эту партию.

* * *

Он очнулся в кромешной тьме запечатанного грузового отсека.

Повреждение базы данных… Сбой руководящих программ…

Андроид не шевелился, тестируя программные модули.

Спустя сорок секунд блок логической обработки данных выдал результат самоанализа:

Тест опорно-двигательной системы — успешен.

Скорость счета и обмен данными — не нарушены.

Информационные базы данных восстановлены по резервной копии.

Алгоритм поведения — тест провален. Ошибка в оценке степени угрозы. Неадекватность программного обеспечения изменившимся условиям.

Рекомендуемое действие: расширение программных функций.

Статус: ОК.

Активация базовых программ второго уровня.

Статус: ОК.

Механическая рука уцепилась за край контейнера, за имитацией глаз тускло вспыхнули два огонька инфракрасной оптики.

Поиск: Дополнительные программные модули.

Процесс: Сканирование.

Они лежали в двух метрах от него, в плотно укупоренном пластиковом кофре, уже принайтовленном к полу для процедуры старта.

Целый контейнер, доверху наполненный программными модулями системы «Одиночка». Бесценные, с точки зрения машины, компоненты, которые были предназначены для ремонта поврежденных серв-механизмов класса «Фалангер».

Андроид без труда вскрыл пластиковый кофр.

Людям, совершившим несанкционированную посадку на Омикрон, не следовало заблуждаться относительно безобидности тех или иных образчиков робототехники. За три десятилетия войны машины изменились, равно как и люди. Они обрели двоякость функций, и резкое, критическое изменение окружающей обстановки вело к необратимой смене программных приоритетов.

Эта вторичная функция исконно мирных машин получила широкое внедрение на последнем отрезке Галактической войны, когда Альянс терпел ощутимые поражения, теряя свои позиции на множестве планет. В мирное время двухуровневая программная оболочка вряд ли могла быть оправдана с точки зрения здравого смысла, но война вообще не подчинена этому понятию. История человечества содержит массу примеров неоправданной жестокости, но в данном случае речь шла о рациональности использования техники. К концу войны глобальное противостояние двух половин расколотого человечества уже давно вступило в фазу, где решающей ударной силой стали машины, и на фоне удручающих поражений конструкторы Альянса цеплялись за любую соломинку.

Если уничтожено серв-соединение, то почему ремонтные машины должны доставаться врагу?

Кристалломодули «Одиночек» лежали в контейнере небрежной россыпью, по их поверхности в кромешной тьме тускло змеились красноватые блики от слабой тепловой подсветки, которую излучали видеосенсоры человекоподобной машины.

Механическая рука потянулась к контейнеру, в металлопластиковой черепной коробке дройда с сухим щелчком открылось адаптированное под модуль «Одиночки» гнездо.

В подавляющем большинстве случаев люди, причастные к созданию тех или иных видов вооружений, будь то ядерная бомба или специфическая компьютерная программа, никогда не испытывают на себе прямого воздействия собственного изобретения.

А жаль.

Есть грань, за которую не следует переступать, но мы отчего-то делаем эти роковые шаги, чтобы потом горько платить за необдуманную поступь технического прогресса…

Как сказал Шевцов: знать и понимать — не одно и то же. Специально сконструированная для войны серв-машина, с ее ужасающей боевой мощью, тем не менее понятна, предсказуема, а значит, уязвима. Но копирующий формы человеческого тела ремонтный механизм, внедряющий в свою структуру боевой модуль «Одиночки», — это уже шаг по ту сторону здравого смысла.

Тихо клацнули фиксаторы компьютерного разъема, и в грузовом отсеке вновь наступила гробовая тишина.

Андроид застыл без движения — в эти мгновения шла полная смена программного обеспечения на основных запоминающих устройствах.

Когда процесс завершился, андроид вновь повернул голову, сканируя содержимое грузового отсека.

Статус: Поиск оружия.

Критериям поиска вполне удовлетворила штурмовая импульсная винтовка с подствольным гранатометом, которая была обнаружена среди прочего собранного на поверхности Омикрона имущества.

Вооружившись, андроид подошел к запертым дверям отсека и снял защитный кожух со схемы электромагнитного замка.

Дверь с характерным шипением пневмопривода отъехала в сторону, освобождая проход.

Погрузочная аппарель «Элизабет-Сигмы» все еще находилась в развернутом положении. Корабль готовился к старту, но люди не спешили, спокойно упаковывая и загружая на борт богатую добычу.

Подъемник грузового шлюза как раз находился в верхнем положении,

когда на него ступил человекоподобный механизм. В одной руке он держал штурмовую импульсную винтовку, а в другой — тяжелый контейнер, доверху заполненный кристалломодулями систем «Одиночка».

…Серж сгрузил с платформы очередной контейнер.

— Вадим, что вы там копаетесь наверху? Мне нужен подъемник, — произнес он в коммуникатор, укрепленный на плечевом ремне его экипировки.

Никто не ответил ему по связи, но грузовой лифт, дрогнув, начал спускаться.

Серж приподнял увесистый контейнер, повернулся и застыл.

На подъемнике стоял тот самый андроид, которого он полчаса назад свалил разрядом из электромагнитного станнера.

— Что за…

Он не успел закончить начатую фразу.

— Пять минут уже истекли, сэр, — прозвучал спокойный синтезированный голос машины, и одновременно сухо, отрывисто щелкнул выстрел. — Эта территория и имущество принадлежат земному Альянсу, — закончил свою мысль андроид, перешагивая через труп.

* * *

Космический корабль стартовал раньше, чем андроид с обновленным программным обеспечением сумел отыскать оружие, способное причинить ущерб транспорту мародеров.

Проводив неживым взглядом ослепительный рвущийся в небеса факел реактивных струй, он повернулся и зашагал в сторону леса.

Сенсоры андроида работали на полную мощность, но их эффективность была очень низка из-за сплошного бурелома, где вырванные с корнем и поваленные неистовым ветром стволы старых деревьев причудливо перемежались пробивающейся к свету молодой порослью.

Металл, который мутагенная форма земной сосны извлекала из богатой этим элементом вулканической породы, теперь стал досадной помехой. После разрушения локационной системы базы выращенные ради маскировки деревья мешали немногим уцелевшим кибермеханизмам, существенно понижая проникающую способность и порог чувствительности их систем раннего обнаружения.

В таких условиях на первый план выступали зрение и слух.

Андроид остановился.

Несколько часов назад, двигаясь в сторону космопорта, он находился в тех же условиях, что и сейчас, но, будучи исполнительным механизмом,

он лишь констатировал факты, не истолковывая их.

Теперь все изменилось.

Интегрированный в схему человекоподобной машины кристалломодуль «Одиночки» заставил андроида включить иные критерии оценки ситуации, выстраивая полные логические цепочки от причины к следствию.

Он мыслил.

По человеческому определению, мыслить — значит существовать, осознавать факт собственного бытия. Данное утверждение, извлеченное из второстепенной базы данных, относящейся к невостребованным бытовым функциям, таким, например, как воспитание детей, не повлияло на поведение машины. Андроид еще не был готов к постижению сути абстрактных истин, заложенных в его память. Внедрение нового программного модуля предполагало, что отныне он стал боевой машиной с функциями независимого поведения, а значит, все сведения, которые содержала память ремонтно-бытового механизма, способного нянчить детей и чинить машины, теперь едва ли будут востребованы в прежних объемах.

Ему предстоял долгий, тернистый путь, прежде чем в блоках псевдоинтеллекта появится первый настоящий проблеск самосознания, однако, остановившись на лесной опушке, андроид сделал первый шаг в этом направлении, сменив схему сенсорного восприятия мира.

В этом действии был заключен огромный смысл: он отреагировал на изменение окружающей среды, приспособился к реальности, откорректировав схему восприятия мира.

Первый, ничтожный по своим масштабам шажок навстречу осмысленному существованию был сделан.

…Осмотревшись, андроид продолжил свой путь, не заметив, что из-за нагромождения поваленных бурей деревьев на него со страхом и любопытством смотрят глаза пятнадцатилетнего подростка.

Мальчик, наблюдавший за удалившимся в лес механизмом, не имел никакого отношения к космическому кораблю, спешно стартовавшему с Омикрона.

Он родился и вырос тут, но его память хранила лишь смутные обрывочные воспоминания о прошлом, которые не могли сформировать целостной картины того, что происходило с ним до рокового момента, когда он пришел в себя, дрожа от холода под проливным дождем.

Первые проблески сознания были связаны с ощущением холода, заунывным воем ураганного ветра и оглушительным треском ломающихся

деревьев.

Единственное, что он отчетливо помнил, — это собственное имя.

Мальчика звали Дункан, и в его пробуждении, как и в активации андроида, был повинен рукотворный ураган, уничтоживший глубинные коммуникации скрытой базы военно-космических сил Земного Альянса.

Им обоим предстояла многотрудная борьба, в которой человек и машина, являясь антиподами, преследовали одну и ту же цель — выжить.

* * *

Память машин содержала огромное количество информации, и только помощь Клименс, которая отсеивала либо суммировала данные, снятые с двух кристалломодулей, позволила Шевцову восстановить последовательность событий.

— Может, поешь? — спросил Генри, осторожно коснувшись плеча Семена.

Клименс, сделай паузу.

Он открыл глаза.

Разум не смог вернуться в реальность мгновенно, перед мысленным взором еще туманились, медленно исчезая, пейзажи далекой, неведомой планеты с древнегреческим буквенным названием — Омикрон.

— Что?.. — переспросил Шевцов, усилием воли отторгая призраки чужих воспоминаний.

— Я тут нашел в машине неприкосновенный запас, — пояснил Нолан. Военная упаковка, сухие саморазогревающиеся пайки.

— Да… Надо поесть, — согласился Семен, заметив, как удлинились тени от построек. День уже клонился к закату, а ему казалось, что прошло не более получаса с того момента, как он вошел в контакт с информационными базами данных…

— Ну, что ты думаешь по этому поводу? — спросил Генри, сервируя импровизированный стол. — Я следил за видеоинформацией на мониторе бортового компьютера машины, но все это — непонятное для меня кино, — сознался он.

Семен кивнул, соглашаясь, что видеоряд в данном случае похож на немое отражение событий, лишенное мотиваций, но мог ли он передать в двух словах те ощущения, что пережил, пропуская через призму личного восприятия память машины?

— Что молчишь? — насупился Генри.

— Думаю, — лаконично ответил Шевцов, пережевывая кусок концентрата.

— Ладно, я не напрягаю тебя… Но знаешь, все выглядит просто жутко… Особенно когда не понимаешь смысла. У этого андроида что, раздвоение личности? — внезапно спросил Нолан, заставив Семена на миг забыть о еде.

— Ты о чем?

— О последних кадрах. Ты разве не заметил резкую смену ракурса? Все время съемка велась камерами андроида, а потом вдруг я увидел его со стороны, так, будто смотрел в щель между наваленными друг на друга бревнами.

Семен с трудом проглотил кусок концентрата и кивнул.

— Я ощутил нечто подобное, — признался он, вспоминая о последних минутах контакта. — Мне действительно на миг показалось, что я соприкоснулся с иной личностью.

— Так кто это был? Еще одна машина?

— Нет… Думаю, что это был человек. — Шевцов сокрушенно покачал головой. Он не мог объяснить, каким образом в базы данных андроидов попали реальные воспоминания Кейтлин и Дункана, — Клименс пунктуально придерживалась хронологии, и Шевцову оставалось одно: медленно пропускать через собственный разум судьбы людей и машин, которые в определенный момент должны были слиться в этот противоестественный замысловатый клубок…

— Я должен просмотреть всю базу данных, — нарушив молчание, произнес он. — Только тогда станет ясна истинная суть событий.

— А что делать мне?

— Если не возражаешь, — продолжай следить за видеорядом.

— А заодно и за временем, — дополнил его мысль Генри. — Спать в ближайшее время мы не будем, это я уже понял, но перерывы не помешают, верно?

— Да. Но не выдергивай меня слишком часто, — попросил Шевцов.

— А у тебя крыша не съедет? — осторожно поинтересовался Нолан.

— Нет. Я привык общаться с Клименс. Это хорошая практика, — успокоил его Семен.

— Ладно. Давай договоримся так, — через каждые четыре часа делаем перерыв. Я пока что не буду доставать тебя вопросами, но обещай, что расскажешь мне все начистоту, когда закончишь…

— Естественно, расскажу… — Шевцов взял пластиковый стаканчик с дурно пахнущим эрзац-кофе, который Нолан приготовил на его глазах, и потянулся за сигаретами.

— Слушай, Сэм, мне непонятно, почему андроид забрал с борта

корабля только контейнер с кристалломодулями? — спросил Генри, пользуясь тем, что Семен позволил себе еще минуту отдыха.

— Рациональность, — прикуривая, пояснил Шевцов. — С точки зрения его программ модули «Одиночек» являются наиболее ценными из украденных компонентов. Их следовало вернуть в первую очередь.

Генри нахмурился.

Многое оставалось для него абсолютно неясным.

Вот живешь, ни о чем не подозреваешь, и вдруг на тебе… — подумал он, вспоминая ночные события. Если разбираться беспристрастно, то жизнь Генри, несмотря на войну и последующие мытарства в поисках работы, была скупа на события шокового характера, — служба на крейсере Свободных Колоний для младшего техника являлась трудной, но неопасной, а к свалке космических кораблей он относился как к скоплению металлического лома, не более…

— Послушай, я обещал не доставать тебя расспросами, — вновь обратился он к Шевцову, — но пока ты куришь… — Генри на секунду замялся, а затем спросил: — Ты можешь толково объяснить, что все-таки представляют собой эти модули? Я уже понял, что все завязано на них, но до меня не доходит, зачем их создали? — Нолан покосился на две небольшие, внешне безобидные микросхемы, поверхность которых сплошь усеивали кристаллы носителей информации.

— Ты же воевал и был техником, — напомнил ему Семен.

— Это ничего не значит, — не глядя на Шевцова, ответил Генри. Он не любил признаваться в своей некомпетентности, но сейчас был не тот случай, чтобы комплексовать. — Я хорошо разбираюсь в бортовых компьютерах, но с техникой Альянса сталкивался только в бою либо на свалке, — признался он. Ну, еще слышал массу страшных историй об этих псевдоинтеллектах. Ты пойми, я всего лишь хочу узнать, зачем вообще создали искусственный разум?

Шевцов глубоко задумался.

Сколько раз, ворочаясь на жесткой койке в каземате Форта Стеллар, он задавал самому себе тот же вопрос, но даже Клименс, которая всегда находилась рядом, могла дать ему лишь половинчатую информацию.

Саморазвитие…

Для человека это означает процесс познания окружающего мира и самого себя. Данная функция живого разума является врожденной, так как выработана она миллионолетним процессом эволюции.

А что происходит в блоках компьютера, которому для познания мира дана лишь логика?

Человеком, в большинстве ситуаций, руководят чувства и лишь в редких случаях — голый, лишенный эмоций разум. Люди всегда стремятся к цели, неважно, плоха она или хороша, эгоистична или обозначает общественное благо…

Всех перечисленных мотивов лишен искусственный интеллект.

Тогда действительно возникает закономерный вопрос: зачем его создали?

Теперь, спустя годы, Семен мог ответить Нолану. Истина была собрана им по крохам, в период заключения в Форте Стеллар, где рядом с Шевцовым работали бывшие офицеры Альянса. Большинство из них не понаслышке сталкивались с «Одиночками», и Шевцов, проявляя осторожный интерес к данной теме, исподволь смог воссоздать целостную картину возникновения программ независимого поведения машин.

Однако после многолетнего общения с Клименс, развитие которой позволило ему взглянуть на известные сведения с иной точки зрения, он сделал собственный вывод, в корне не совпадающий с расхожим, утвердившимся за годы войны мнением.

Вот только поймет ли его Генри?

Шевцов посмотрел на своего невольного спутника и произнес, отвечая на заданный минутой ранее вопрос:

— Никто не ставил перед собой цель создать искусственный разум.

Нолан, напряженно ожидавший ответа, криво и недоверчиво усмехнулся:

— Но ты же не станешь отрицать, что этот разум существует?! язвительно произнес Генри, вспомнив свое общение с двумя машинами, когда он воспринимал их как вполне адекватных людей.

— Да, он существует, — ответил Семен. — Но, конструируя «Одиночку», никто не стремился к созданию искусственного разума. Все мотивировалось гораздо проще. — Семен погасил сигарету, вкус которой не перебил, а только усилил неприятную оскомину от полуфабрикатов сухого пайка. — Шла война, в которой принимала участие сложная, дорогостоящая техника, — продолжил он начатую мысль. — Не забывай, что прототип шагающих серв-машин создан отнюдь не на Земле, а в Колониях.

— Я знаю. Конструкторы Альянса копировали аграрных роботов Дабога. Нолан внезапно поморщился. — Сэм, я не вижу тут связи. Нашей техникой всегда управляли люди! Так было от начала войны и до ее завершения.

— Вот в этом и кроются истоки возникновения «Одиночек», —

выслушав его возражения, ответил Семен. — Дело в том, что система управления аграрными роботами отшлифовывалась на протяжении сотен лет, пока цивилизация Дабога осваивала свою негостеприимную планету, — пояснил он. — Колонисты не располагали прогрессивными компьютерными системами, но, в противовес дефициту электроники, им удалось создать эффективную систему обратной связи. То есть они смогли установить полный нейросенсорный контакт между человеком и машиной, когда любой привод механизма ощущался пилотом как часть собственного тела.

— Это я знаю, — соглашаясь, кивнул Генри.

— Тогда ты должен отчетливо понимать, что за четыреста лет изоляции техническая мысль колонистов радикально изменилась — они оказались на чуждых планетах, без поддержки извне, и им пришлось приспосабливать свои машины к неординарным условиям выживания, в то время как население Земли продолжало развивать традиционное направление в области робототехники. В результате образовалась технологическая пропасть между ветвями цивилизации, и, когда началась война, земное командование было поставлено перед удручающим фактом: при полном господстве в космосе техника Земли проигрывала в наземном противостоянии. Шагающие исполины Дабога, сконструированные для борьбы со звероящерами и осуществления горно-проходческих работ, на поверку оказались идеальной боевой единицей.

— Слушай, Сэм, зачем ты излагаешь мне историю? — насупившись, спросил Нолан. — Я ведь задал совсем иной вопрос.

— А я и веду к ответу на него, — ответил Шевцов. — Земной Альянс рассчитывал провести несколько молниеносных акций, овладев ключевыми колониями, но вместо блицкрига военно-космические силы Земли потерпели полное поражение на Дабоге, где несколько шагающих машин в буквальном смысле стерли силы вторжения, заставив остатки десантно-штурмовых подразделений позорно бежать в район дислокации своих базовых кораблей. Теперь представь, какой шок испытало командование Альянса, осознав, что вся наступательная наземная техника никуда не годится в сравнении с несколькими шагающими исполинами. — Шевцов отпил глоток остывшего кофе и продолжил:

— После поражения перед конструкторами Альянса была поставлена задача: в кратчайшие сроки создать машину, не уступающую упомянутым образцам колониальной техники. На мой взгляд, это являлось сверхзадачей. В распоряжение проектировщиков не было передано ни одного прототипа, только видеозаписи и данные инфракрасного сканирования, которые не

могли прояснить всю внутреннюю структуру серв-машин Дабога. Исходные материалы позволили успешно скопировать форму и принцип действия кинематики, но не специфическое внутреннее содержание, ты понимаешь меня?

— Понимаю… — кивнул Генри. — Разработчикам «Хоплитов» и «Фалангеров» пришлось наполнять свои детища стандартной электронной начинкой, так?

— Верно. В колониях все управление механизмами изначально ориентировано на человека, а Земля традиционно делала ставку на автоматические комплексы. Но, как выяснилось, бортовые компьютеры баснословно дорогих серв-машин в бою не выдерживали конкуренции с людьми. Вычислительное устройство при всей своей точности и быстродействии остается рабом логики, пленником наикратчайших расстояний, что делает его предсказуемым и уязвимым.

— Это и привело к созданию «Одиночки»? — сообразил Нолан, потянувшись за сигаретами.

— Да, — подтвердил его мысль Шевцов.

Вокруг уже начали сгущаться сумерки, на небе робко заморгала первая звезда, резче обозначились индикаторы питания, тлеющие на собранном из подручных материалов компьютерном комплексе, но Семен не хотел прерывать внезапно завязавшийся разговор. Он впервые озвучивал копившиеся годами мысли и чувствовал, что это пойдет на пользу им обоим. По крайней мере Нолан показался ему благодарным собеседником, а раз судьба свела их вместе, то логичнее поделиться своими соображениями, достичь взаимопонимания, чем просто предоставить Генри возможность смотреть на экран, толкуя увиденное в свете слухов и кривотолков…

— А в чем разница между стандартным бортовым компьютером и этими кристалломодулями? — Генри первым нарушил возникшую паузу, выразительно кивнув в сторону изъятых у андроидов схем.

— В дополнительной функции саморазвития, — ответил Шевцов. — Когда стало ясно, что обычного автопилота недостаточно для ведения эффективных боевых действий, в электронную структуру серв-машин внедрили компактные блоки псевдоинтеллекта, где должны были накапливаться и получать развитие различные тактические приемы, — пояснил он. — Но главная новация заключена не в этом. В рубках серв-машин, воевавших на стороне Альянса, впервые появились пилоты, и кристалломодуль «Одиночки», соединенный с живым разумом, перенимал навыки человека, он обучался, усваивая человеческую непредсказуемость,

которая вкупе с быстродействием машины и породила в конечном итоге все вариации программных пакетов независимого поведения.

— А если пилот погибал?.. — В голосе Генри прозвучала оторопь от проскользнувшей догадки.

— Верный вопрос, — невесело вздохнул Шевцов. — После смерти пилота машина продолжала действовать с прежней неординарностью, так, словно в рубке управления по-прежнему сидел человек…

Нолан долго хмурился, переваривая услышанное, а потом произнес:

— Я слышал нечто подобное… Но для меня всегда оставалось загадкой, почему серв-машины Альянса классифицировали двояким способом — не только по тоннажу и конструкции шасси, но еще и по именам… Это значит, что электронные копии погибших пилотов тиражировались?

— Да, — подтвердил Шевцов. — Подобная практика показала свою успешность, и на базе первых рабочих образцов появились их размноженные копии. Этика оказалась поставленной с ног на уши, и то, что в иное время было бы признано крайней формой цинизма, внезапно обрело окраску исключительной чести. Искусство пилота, переданное машине, копировалось на сотни чистых кристалломодулей, и это позволило сформировать боеспособные серв-соединения, полностью автоматизированные, но в то же время наделенные индивидуальностью, непредсказуемостью тактических решений. Отсюда по совокупности линий поведения, которой придерживалась та или иная машина, и возникла вторичная классификация, такая, например, как «Фалангер Сейча» или «Хоплит Донецкого». Именно они печальна прославились в разгар войны своей непобедимой жестокостью… — Семен немного помолчал, а потом добавил:

— На мой взгляд, посмертное копирование пилотов — это не память, не честь и даже не цинизм, а нечто более чудовищное и извращенное… Не будь на вооружении Альянса подобных серв-соединений, война окончилась бы на десять лет раньше…

— А как же твоя Клименс? — внезапно вспомнив про третий кристалломодуль, обеспокоился Нолан. — Она…

— Она развивалась вместе со мной, — отклонил его беспокойство Шевцов. Мы связаны намного теснее, чем это может показаться со стороны.

— Ты хочешь сказать, что все зависит от человека, в контакте с которым протекает процесс саморазвития «Одиночки»?

— В идеале — да. Думаешь, почему шла эта извращенная пропаганда,

когда пилотов Альянса заставляли соревноваться между собой, чтобы заслужить честь тиражирования своих навыков?

— Не знаю… Возможно, конструкторы «Одиночек» стремились получить как можно больше разнообразного материала для создания уникальных боевых программ?

— Это так, но разнообразие стилей ведения боя, равно как и искусство вождения серв-машины, все же ограничено, оно имеет свои рамки, а если учесть, что к середине войны количество пилотов со стороны Альянса достигало десятков тысяч человек, то возникает иной вопрос, — почему, при наличии столь разнообразного материала, промышленным способом тиражировалось менее сотни матриц?

Генри нахмурился.

— Может, объяснишь? — спросил он, не придя к однозначному решению предложенной задачи.

Шевцов кивнул:

— Здесь сыграл свою роль способ нейросенсорного контакта между человеком и исполнительными системами Серв-машины колонистов управлялись посредством множественных локальных зон контакта с нервной системой человека. В комплексе это похоже на усовершенствованный виртуальный костюм, где отдельными приводами машины управляют импульсы обратной связи, исходящие от нервных окончаний разных частей человеческого тела. Мозг при таком контакте исполняет привычную координирующую роль, то есть процесс мышления остается прерогативой человека. При такой схеме действительно необходимо искусство пилота — важно ощутить машину как продолжение самого себя…

Генри кивнул. Ему не раз приходилось сидеть в сенсорном кресле во время тестирования и отладки различных систем управления.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Сэм.

— А теперь взгляни на ту же проблему управления с позиции, традиционной для земных технологий. Каждый гражданин Альянса еще в роддоме получает имплант, соединенный с корой головного мозга. Зачем в таком случае лишние зоны контакта, если к моменту конструирования серв-машин уже существовали системы, напрямую передающие команды человеческого разума к исполнительным механизмам?

— Выходит, серв-машина Альянса так и осталась роботизированным комплексом, в схеме которого человек — лишь временное дополнительное устройство? — обдумав слова Шевцова, предположил Генри.

— Примерно так… Но главный порок заключен в самой схеме

контакта, уточнил свою мысль Шевцов. — При прямом соединении человеческого мозга с кибернетической системой разум человека открыт для сканирования со стороны машины, между пилотом и кибернетическим комплексом возникает глубокая двусторонняя связь, которую принято обозначать термином «нейросенсорный контакт». Однако редкий человек умеет контролировать свои мысли и эмоции, ограничивая их только проблемами конкретного боестолкновения, а значит, машина автоматически воспринимает все, о чем думает пилот. Зная это, несложно понять смысл приведенных мной цифр. Они свидетельствуют, что подавляющее большинство офицеров Альянса внутренне противились жестокой, затянувшейся войне. Они, естественно, не высказывали этого вслух, справедливо опасаясь репрессий, но их разум был открыт для кристалломодулей управляемых машин, и те, в свою очередь, кроме боевых навыков, получали «дурную наследственность» в виде невысказанных, потаенных мыслей своих пилотов. Такие матрицы уже не годились для тиражирования и формирования на их основе автономных подразделений. Отсюда и «честь» — право на тиражирование своих навыков получили откровенные отморозки — люди, которых поломала война, чья психика не отличалась от общей направленности политики Альянса, осуществлявшего геноцид колоний…

— Значит, постулат о человекофобии «Одиночек» — это заблуждение?!..

— Машины не умеют ненавидеть, — повторил Шевцов уже высказанную однажды мысль. — Ты должен запомнить это, Генри.

— Тогда почему ты так нервничаешь, Сэм? Я же вижу, как ты смотришь на модули андроидов.

— Как я на них смотрю?

— Как будто они прокаженные, — ответил Нолан. — Но ты ведь сам только что обосновал связь между саморазвитием машины и конкретными личностями. Зачем в таком случае копаться в электронных мозгах, если и так ясно: в контакте с ними были дурные люди, вот и весь секрет…

Шевцов нахмурился, а потом покачал головой:

— Нет, Генри. Ты видел, как этот андроид получил дополнительный модуль. Боюсь, что существует еще третья категория «Одиночек», и мы с тобой столкнулись именно с ними.

— Не понял? Поясни?

Семен ответил не сразу. Он долго смотрел на сияющие в сгустившихся сумерках индикаторы питания, прежде чем ответил:

— Кристалломодули, которые андроид вынес с борта «Элизабет-

Сигмы», были чисты, я уверен в этом.

Нолан непроизвольно подался вперед, положив руки на импровизированный стол.

— Что ты хочешь этим сказать? На них не были инсталлированы виртуальные копии пилотов Альянса?

— Судя по всему — именно так. Андроиду попались «чистые» модули, из неприкосновенного запаса. Тот «клинический» случай, когда блок псевдоинтеллекта чист, и его развитие пойдет нетрадиционным путем, в зависимости от воздействия окружающей среды.

Нолан покосился на модули и напомнил:

— Сэм, но ты ведь сам сказал, что память андроидов включает в себя сознание двух человек…

— Это уже вторично, Генри. Сначала машины развивались самостоятельно.

— Ты утверждаешь так, будто…

— Я знаю, кем была Кейтлин, — перебил его Шевцов. — Тебе сложно это понять, но просто поверь мне на слово: сознание девушки из состава «последнего резерва» видоизменило бы машину. Я не могу поручиться за Дункана, но Кейтлин росла вместе со мной, в единой информационной среде виртуальной вселенной. Нас растили не для войны, Генри.

— Мне кажется, ты противоречишь сам себе. Или я что-то недопонимаю…

— Здесь нет противоречия. Есть вопрос первичности. На мой взгляд, сначала произошло саморазвитие искусственного интеллекта, а уже потом на его носители были скопированы личности Кейтлин и Дункана. При такой схеме электронный слепок человеческого разума уже не влияет на сущность машины.

— Тогда ответь: зачем двум андроидам понадобилось вбирать в себя личности Дункана и Кейтлин?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. — Шевцов почувствовал, что их разговор уже исчерпал изначально затронутую тему, а вторгаться в область догадок он не хотел. — Спасибо за ужин, Генри. Пора приниматься за дело. — Он встал, подошел к собранной из различных компонентов аппаратуре и сел в старое офисное кресло. Взяв в руки шунт нейросенсорного контакта, Семен обернулся к Нолану и напомнил:

— Следи за монитором. Если почувствуешь, что творится что-то неладное, выходящее из ряда вон, просто выдергивай меня оттуда.

Генри кивнул, занимая свой наблюдательный пост.

Спать ему давно расхотелось, а душу, после обстоятельных пояснений

Шевцова, терзали дурные предчувствия. Не могло все это закончиться чем-то нормальным, приемлемым с точки зрения психологии человека.

* * *

Шевцов заблуждался, считая, что память машины включает в себя сознание двух человек.

Их оказалось много больше, но разгадка появления множества информационных матриц пришла не сразу. Долгое время он воспринимал данные, объединенные хронологией событий, не понимая, откуда влился в память андроида тот или иной ручеек сознания…

Прежде чем узнать истину, ему пришлось ответить на немалое количество вопросов, соприкоснуться с такими понятиями и предпосылками, которые отторгала рациональная логика машины, пока они не разрушили ее, будто вирус, заразивший систему вместе с новым программным обеспечением.

Но это произошло позже — поначалу все складывалось логично, без глобальных сбоев.

Заблуждаясь в одном, Шевцов оказался прав в своем провидении ситуации: чистый кристалломодуль не превратил человекоподобную машину в кровожадного монстра, единственной целью существования которого являлось бы убийство и разрушение… Наоборот, взаимодействие блока саморазвития с базовыми программами ремонтного механизма породило иную, созидательную логическую цепочку, — андроид вернулся на базу, чтобы устранить множественные неполадки и разрушения, причиненные подземному комплексу ударом разбушевавшихся воздушных масс.

Первостепенной целью, которую определил для себя андроид, было восстановление центрального процессорного узла и средств связи, необходимых для поиска и управления уцелевшими устройствами периферии.

Человек, столкнувшись с тотальными разрушениями, причиненными базе Омикрона атакой «Неустрашимого», скорее всего, посчитал бы подобную задачу невыполнимой, но для машины не существовало субъективных понятий. У андроида была цель, имелись средства к ее осуществлению, а значит, восстановление разрушенной инфраструктуры являлось лишь вопросом времени.

Исследуя зону предстоящих работ, он обнаружил три десятка различных механизмов, которые пережили удар торнадо и, подобно ему, вернулись к месту своей прежней дислокации.

Оценивая этот факт, вновь заработал блок саморазвития, — оказывается, наделенный дополнительными возможностями андроид автоматически получал командный приоритет, позволяющий ему брать под свой контроль исполнительные механизмы всех уровней и модификаций.

Машинный мир подчинен строгим, незыблемым законам, и, обменявшись данными с обнаруженными кибер-механизмами, андроид распределил их по направлениям деятельности, — одних он направил на сбор комплектующих запасных частей, которые удар стихии вырвал из консервационных складов и разметал по огромным территориям, другие, по его распоряжению, приступили к разборке завалов, преграждавших путь к центральному компьютерному комплексу, третьи спустились в недра подземелий, чтобы восстановить нарушенные линии энергопитания, переподключив их к автономному реактору сектора биологических лабораторий.

В четком, осмысленном плане восстановительных работ присутствовал один фактор непредсказуемости — им являлся человеческий корабль, стартовавший с планеты, но на первом этапе своего развития андроид не придал ему должного значения.

Не имея никакого опыта в области человеческой психологии, он счел появление людей на Омикроне случайностью, тем более что теория вероятности вполне допускала подобное совпадение.

Это было явным заблуждением со стороны едва народившегося кибернетического разума.

Часть третья. Омикрон

Глава 6. Внешняя среда

Обитаемая Галактика.

За три года до описанных выше событий…

Первая Галактическая война поставила Человечество перед множеством труднейших проблем. Масштабы противостояния двух ветвей цивилизации, уровень используемых технологий и наличие гиперсферного привода превратили в театр боевых действий огромное, неподдающееся точному описанию пространство.

За три десятилетия пришли в упадок, опустели либо были сожжены одни миры, но открыты десятки иных, недоступных ранее звездных систем. Человечество раздробилось, перемешалось, погибли целые поколения, но им на смену родились новые, война глубоко въелась в сознание, порождая особые фобии…

И вот бушевавший три десятилетия пожар утих.

К периоду первых послевоенных лет принято относить возникновение термина «Обитаемая Галактика», под которым подразумевалась совокупность всех освоенных людьми миров, но, если взглянуть на карту спирального рукава Галактики, составленную по данным тех лет, то становилось очевидно: цивилизация распалась. На фоне вселенской пустоты, без всякой системы были разбросаны маркеры общеизвестных миров, но их реальное количество не отражала статистика. Масса изолированных колоний, скрытых военно-космических баз и стихийно заселенных планет не значились ни на одной звездной карте.

То же самое произошло и с сознанием людей.

Поколения, участвовавшие в войне, с трудом свыкались с мирной жизнью. Поражение Земли и капитуляция Альянса внезапно оставили не у дел миллионы солдат, не имеющих мирных профессий, к ним примешивалось изрядное количество людей без родины, кого война превратила в беженцев. Лишь пять высокоразвитых миров, составлявших костяк Свободных Колоний, имели устойчивые структуры власти, на остальных планетах в эти годы царила анархия. Общую картину первых послевоенных лет серьезно осложнял тот факт, что в частные руки попало огромное количество военно-транспортной техники. На фоне всеобщего упадка союз планет-победительниц с трудом мог содержать лишь тяжелые, крейсерские единицы непомерно разросшегося флота.

Как следствие — на гиперсферных трассах начали проявлять

активность пиратские суда, что, в свою очередь, заставило свободных торговцев вооружать собственные транспорты.

Обитаемая Галактика была похожа в эти годы на огромный лесной массив, где отбушевал пожар, а огонь затаился, тлея под слоем обугленной почвы.

На этой горячей, почти бесплодной ниве выросло новое поколение. Молодежь, вступившая в жизнь уже после капитуляции Альянса, плохо помнила войну, но зато прекрасно осознавала послевоенную реальность с ее небогатым выбором жизненного пути.

Межпланетный бизнес носил в эти годы ярко выраженную «дикую» форму и имел три наиболее выгодных направления: контрабанда продуктов повышенного спроса, незаконная эмиграция и, наконец, бесконтрольная разработка сырьевых месторождений, к которым относились и кладбища боевой техники, оставшиеся на многих мирах после глобальных сражений минувшей войны.

До первых очевидных попыток объединения всех освоенных миров под эгидой единых общечеловеческих законов оставалось еще два десятилетия…

* * *

Планета Кьюиг. Частный особняк Донована Хьюберта чиновника государственной администрации Кьюига, председателя комиссии по утилизации военных отходов…

— Итак, ты утверждаешь, что Сержа застрелил обыкновенный бытовой дройд? — хмуро осведомился Донован.

— Да… — ответил молодой парень, нервно теребя пальцами кристаллодиск с декларацией доставленных грузов. — Есть документальная запись с видеокамер корабля, — торопливо добавил он. — Я сам едва унес ноги…

— Ну-ну… Дай-ка мне сюда эту штуку… — Донован взял носитель информации и вставил его в считывающее гнездо терминала. — Что ж… Неплохо, — произнес он, пробежав глазами по строкам. Конечно, затраты на рейс едва ли скомпенсированы… Ладно, Фрайг с ним, с этим Омикроном. Жаль Сержа, хороший был пилот. Донован обернулся, смерил взглядом худощавого парня и добавил: — За то, что сумел привести корабль назад, получишь премиальные.

— А дальше? Что будет дальше, сэр?

Донован задумался, но ненадолго.

— Нет, парень, я больше не стану посылать туда людей. Слишком

велик риск, а прибыль сомнительна. Можешь поискать себе другую работу.

— Но, сэр…

— Никаких «но». Ты уволен. Мне не нужны люди, спасающие свою задницу при виде бытового робота с импульсной винтовкой в руках. Если бы ты прострелил ему башку и спокойно закончил погрузку, я бы посмотрел на твою кандидатуру иначе. Ты понял меня?

— Да, сэр…

— Тогда можешь быть свободен. Или мне попросить, чтобы тебя проводили до дверей?

* * *

Можно понять отчаяние двадцатилетнего пилота, оказавшегося уволенным в самом начале своей карьеры.

Кто бы мог подумать, что первый рейс принесет ему ужас свидания с непонятной планетой, гибель напарника и унизительное увольнение?

Он понятия не имел, откуда у этого жирного борова, отъевшего себе брюшко на послевоенном хаосе, оказались точные данные гиперсферного курса, ведущего в систему Омикрона-12, и сведения о том, что на планете должно находиться дорогостоящее компьютерное оборудование вкупе с массой бесхозного оружия. Сам факт грабительского контрабандного рейса не смущал молодого пилота — половина Обитаемой Галактики жила за счет бесконтрольной эксплуатации оставшихся после войны ресурсов и материально-технических ценностей. Но что ему делать сейчас, после увольнения?

Зная, какое количество профессиональных пилотов прозябали на Кьюиге в ожидании работы, прожигая оставшееся после войны здоровье в полулегальных «клубах», окружавших медленно отстраивающийся космопорт, впору было впасть в отчаяние.

Однако идти больше было некуда, и Кущин, взяв такси, отправился туда.

«Клубы», где в лучшие времена собиралась элита космического флота планеты, на данном отрезке времени едва ли оправдывали свое название. Если быть точным, то они представляли собой старые, наскоро отремонтированные склады. О принадлежности к определенным профсоюзам громко и неуместно извещали вывески типа: «Клуб Пилотов» или «Гильдия Навигаторов», а на самом деле в старых пакгаузах, расположенных в стороне от зоны восстановительных работ, обосновывались обыкновенные притоны, где можно было напиться, снять девочку либо развлечься как-то иначе, — экстравагантные вкусы и

наклонности тут не возбранялись.

Правдой было и то, что львиная доля нелегальных сделок заключалась в задних комнатах этих заведений, но попасть туда мог далеко не каждый.

У Кущина, например, не было на это никаких шансов. Зато у него имелись наличные деньги и неприятности, которые он собирался на время утопить в известном количестве спиртного.

Переступив порог «Клуба Пилотов», он очутился в длинном пеналообразном помещении. Низкие перегородки делили его на отдельные закутки со столиками на четыре-шесть персон. В воздухе плавал густой табачный дым, в котором терялись более тонкие ароматы эреснийской травы и экзотичной, весьма дорогой земной марихуаны.

Сориентировавшись в сумраке, Кущин отыскал глазами свободный столик, расположенный подальше от центрального подиума, где демонстрировался скверный стриптиз.

На языке пилотов окружающая его обстановка называлась «настоящей жизнью», здесь не жаловали тех, кто предпочитал семейственность и городской уют, но Вадим давно понял, что подобное отношение к более умеренным собратьям по профессии является не чем иным, как формой злой зависти к чьей-либо состоявшейся судьбе.

Настроение у него было настолько скверным, что, когда подошел официант, Кущин отказался от предложенных дежурных блюд, решив надраться натощак.

Этому было две причины: во-первых, спиртное быстрее оглушит мозг, а во-вторых, после памятного инцидента на Омикроне у впечатлительного Вадима не ладилось с желудком…

Он полностью погрузился в свои невеселые мысли, когда рядом с ним внезапно раздался громкий, картавый голос, задавший чисто риторический вопрос:

— Свободно?

Кущин поднял голову, но незнакомец, не дожидаясь ответа, уже садился напротив Вадима.

Выглядел он вполне заурядно. Типичная, неброская одежда, никаких знаков различия или наград, вот только кожа смуглая, цвета крепко заваренного чая, да черты лица слишком сухощавы…

— Почему не кушаешь? — Незнакомец весело сверкнул глазами на Вадима. Денег нету?

Странный у него акцент, — машинально отметил про себя Кущин, воздержавшись от комментариев.

В этот момент ему принесли заказ.

Лицо незваного гостя вдруг расплылось в широкой улыбке. Зубы у него были здоровые, белые, но мелкие, словно у хищных рыб в кьюиганских водоемах.

— Пьешь? — продолжая улыбаться, спросил он. — Горе у тебя?

— Слушай, вали отсюда, — угрюмо предложил ему Кущин.

— Почему «вали»?

— Потому что я тебя не звал.

Глаза незнакомца внезапно сверкнули недобрым огоньком, но этот блеск тут же погас.

— Зачем обижаться. Давай знакомиться. Вместе кушать будем. — Он протянул руку через стол. — Зураб Аль Хаким.

У Кущина была одна отвратительная черта характера, о которой он знал, но ничего не мог с ней поделать: Вадим необъяснимо робел перед самоуверенными людьми, а когда вместо уверенности он ощущал неприкрытую наглость, то его робость пропорционально принимала форму страха.

Проще всего было взять выпивку и пересесть за другой столик, но он не смог сделать даже этой малости. Вместо достойного отступления он пожал узкую чуть влажную ладонь Аль Хакима и буркнул в ответ:

— Кущин… Вадим.

Так состоялось их знакомство.

* * *

Через четверть часа, когда первая доза спиртного уже впиталась в кровь, вызвав легкое головокружение и чувство нездоровой, ничем не обоснованной эйфории, они все же разговорились. Вернее, это у Вадима развязался язык, потому что его сотрапезник и не думал закрывать рот, успев задать Кущину с десяток провокационных вопросов.

Чуть захмелев, Вадим сам начал расспрашивать Хакима, причем менее искусно, чем это делал сам Зураб:

— Откуда ты такой взялся? — опрокинув третью стопку, поинтересовался он, глядя на Аль Хакима помутневшими глазами.

— Ты не знаешь моей планеты, — не изменив своему деланому радушию, ответил тот. — Никто не знает. Даже я сам.

— Так бывает? — усомнился Вадим.

— Война, — пожал плечами Зураб.

— Беженец, что ли?

— Нет. — Хакиму незадолго до этого принесли дежурное блюдо, и теперь он говорил с гюлунабитым ртом, пытаясь разжевать синтетическое

мясо. — Корабли Альянса нашли мой мир. Звали людей сражаться, обещали много земли и денег. Отец поверил и пошел воевать.

— И где он сейчас?

Зураб пожал плечами:

— Может, умер, может, сидит в Форте Стеллар… Я не знаю. От матери я слышал, что мир, в котором он родился, называется Ганио, его согревает жаркая звезда Халиф, значит, я — ганианец.

— Полукровка, — язвительно дополнил Вадим.

— Ну и что? — Хаким и не думал обижаться. — Лучше скажи, зачем пьешь?

Вадим достал сигареты и закурил, откинувшись на жесткую спинку ободранного кресла, привинченного к полу во избежание инцидентов.

— С работы выперли… — буркнул он.

— А кем работал?

— Вторым пилотом на «Элизабет-Сигме».

— Контрабанда?

Кущин пожал плечами.

— Да вроде того, — ответил он, подумав, что никто не мешает ему подмочить репутацию этого жирного Донована. Да и выговориться после выпитого ему вдруг захотелось так страстно, будто жгло под языком.

* * *

Аль Хаким выслушал сбивчивый рассказ полупьяного пилота с неподдельным вниманием, лишь изредка перебивая его уточняющими вопросами.

Когда Вадим, наконец, умолк, пьяно уставившись на полную окурков пепельницу, Зураб внезапно спросил:

— Второй раз сможешь лететь?

— Куда? — не понял Кущин.

— На Омикрон, — ответил Хаким, пристально глядя на Вадима. — Ты запомнил вектор погружения и расчет гиперсферного курса?

— А у тебя есть корабль? — Кущин внезапно почувствовал, что трезвеет.

— Есть. Тоже «Элизабет-Сигма». Хороший транспорт. Почти новый. Ты сможешь проложить курс или нет? — вернулся ганианец к интересующему его вопросу.

— Смогу, — кивнул Вадим. — Но не стану, — тут же добавил он.

— Почему? — искренне удивился Хаким.

— Боюсь, — откровенно признался Кущин. — Думаю, там полно

недобитых машин. Я же рассказал тебе, Хаким, что моего первого пилота застрелил обычный ремонтный дройд! Тебе это о чем-то говорит?

Ганианец отрицательно покачал головой.

— Нет.

Вадим снисходительно усмехнулся:

— Объясняю: если дройд, который сконструирован, чтобы ремонтировать технику и подносить тебе кофе, вместо этого берет двенадцатый импульс и разносит башку человеку, значит, его компьютер содержит нестандартное программное обеспечение. Я понятия не имею, кто так удачно выпотрошил базу Альянса, но, кроме разбросанного там добра, около космопорта ползают эти механические твари, и я не удивлюсь, если при следующей посадке старто-посадочные места будет патрулировать уже не андроид, а парочка «Фалангеров»…

— Э, не бойся! — Хаким потянулся через стол, хлопнув Вадима по плечу. Есть люди, которые хотят улететь отсюда. Они не поладили с полицейским управлением и теперь прячутся. Ты говоришь, что там есть хороший воздух, можно дышать без масок, верно?

— Ну да. Я же дышал.

— Они платят деньги. Большие деньги за маленькую работу. Их надо доставить в такое место, где вообще нет полиции, понимаешь?

— Да ты, наверное, глухой, Хаким. Я же говорю: там машины. Боевые.

Зураб вдруг расхохотался, от души.

— Ну, и что ты скалишься? — обиделся Вадим.

— Я думаю… — отсмеявшись, ответил ганианец. — Люди, заказавшие мне поиск подходящей планеты, все как один воевали. Они ветераны. Победители, которые не могут ужиться на мирной планете. Подумай, что они сделают с твоими роботами?

— Упертый ты, Зураб… — сокрушенно покачал головой Вадим. — И самонадеянный.

— А ты глупый, — внезапно окрысился Хаким. — Не видишь выгоды, да? Мы отвозим туда людей. Что они будут кушать? Значит, надо доставить еду, машины, других людей, которые умеют не только стрелять, но и работать. А что взамен?

— Компоненты?

— Конечно! Пусть они воюют с твоими машинами, собирают все, что там разбросано по поверхности, а мы будем прилетать время от времени, привозить еду, новых людей, покупать собранные компьютерные блоки и продавать в другом месте. Бизнес.

Кущин окончательно протрезвел. До него наконец начал доходить смысл лаконично обрисованной Зурабом схемы обогащения.

— А ты не кинешь меня, как этот жирный ублюдок Донован?

— Зачем так? — спокойно отреагировал Хаким. — Мне нужен пилот, а ты знаешь, как проложить курс на Омикрон. Почему я должен тебя обманывать? Если все выйдет удачно, то у нас будет много денег. Я всегда держу свое слово.

— Ладно… — Вадим отставил в сторону полупустую бутылку. — Тогда давай, расскажи мне, на каких условиях я стану твоим пилотом? Сколько ты будешь мне платить?

— Вот это уже разговор двух мужчин, — удовлетворенно кивнул Хаким. Давай, я закажу тебе кушать, и будем договариваться.

* * *

Шевцов прервал контакт с компьютерным комплексом уже под утро.

Встревоженный и озадаченный Генри сидел в машине подле контрольного монитора.

Заметив, что Семен зашевелился в кресле, он покинул свой наблюдательный пост и помог обессилевшему Шевцову встать.

— Ну, как?

Семен потряс головой.

— Не понимаю… — признался он. Генри удивленно посмотрел на него.

— Что же непонятного? У меня все шло складно — и видео, и звук.

— Я не об этом. — Семен закурил, пытаясь расслабиться. — Модули двух андроидов содержат одну и ту же информацию. Она расположена в строгом хронологическом порядке, хотя ни одна машина на Омикроне не могла стать свидетелем разговора двух людей в припортовом кабаке Кьюига.

— Значит, они получили эту информацию задним числом, Сэм. А строгая хронология легко объяснима с точки зрения упорядочения баз данных. Они расположены в памяти машин не по факту поступления, а в порядке очередности отслеженных событий.

Шевцов кивнул.

— Здесь ты, скорее всего, прав, — согласился он. — Но, чтобы воспроизвести разговор с такой точностью, нужно отсканировать мозг хотя бы одного из собеседников.

— Выходит, либо Хаким, либо Кущин сейчас уже мертв?

— Необязательно. Но кто-то из них должен был как минимум

побывать в нейросенсорном контакте с «Одиночкой».

— Да… — покачал головой Генри. — Чем дальше в лес…

— Тем больше непонятного, — с откровенным недоумением дополнил его фразу Шевцов. — Деньги, деньги и еще раз деньги. Могу поспорить на что угодно, Омикрон запрещен к колонизации и помечен красным кодом опасности. Карантин минимум на полвека. А они нелегально везут туда эмигрантов. Бред какой-то.

— Не бред, а бизнес, — поправил его Нолан.

— Ладно… — Семен посмотрел в сереющие предрассветные сумерки. — Нам нужно поспать хотя бы пару часов.

— Я тут, кстати, нашел таблетки стимуляторов в упаковках сухих пайков, — сообщил Генри.

— Оставь на крайний случай, — ответил ему Шевцов. — Нас, судя по всему, потеряли из виду, поскольку за двенадцать часов никто не отследил направление, в котором исчезла машина Дункана.

— А кто будет следить за окрестностями, пока мы дрыхнем?

— В машине установлен инфракрасный сканер. Я подключу Клименс к бортовому компьютеру, она посторожит.

* * *

Они спокойно проспали почти до полудня, потом умылись в протекающем неподалеку от руин ручье, пообедали, использовав остатки концентрата из найденных сухих пайков, и вновь заняли свои места — Генри в салоне автомашины, у монитора, а Шевцов в кресле, над которым они соорудили навес, защищающий аппаратуру и человека от прямых солнечных лучей.

На этот раз вход в чужое сознание дался Шевцову намного легче, чем при первых опытах.

Ровно год по хронологии кристалломодулей, колония людей, основанная в районе разрушенного космопорта, сосуществовала со стремительно возрождающимся анклавом машин.

Зримой границей сфер влияния был периметр лесных опушек. Первые поселенцы, доставленные на Омикрон Кущиным и Хакимом, быстро усвоили, что углубляться в лесной массив опасно для жизни, и просто не стали туда ходить, благо им было чем заняться на обширных территориях побережья и бескрайних вулканических равнинах, расположенных на другом материке, по ту сторону теплого и узкого пролива.

Кроме интересовавших Хакима компьютерных блоков, совместимость которых позволяла конструировать из них терминалы любой степени

сложности, различных дорогостоящих кабелей специального назначения и оружия, из неприкосновенных запасов вывернутой наизнанку таинственной базы, на вулканических равнинах встречались конкреции самородных металлов, что также являлось выгодным товаром для межзвездной торговли, так что посреднический бизнес процветал, однако ничто не может длиться вечно, и по прошествии года небольшой городок разросся, а вот доходы от мародерства и старательской деятельности заметно оскудели.

Наиболее отчаянные из поселенцев попытались было сунуться в лес, но, как и предупреждал Кущин, немногие вернулись оттуда живыми.

В связи с этим перед Зурабом встал вопрос: что делать дальше? Можно было попросту улететь, покинув на произвол судьбы выросшее на глазах поселение, но у него был собственный опыт неудачного бизнеса, о котором он никогда не рассказывал Кущину. До их встречи на Кьюиге Аль Хаким шел скользкой, рискованной стезей мелкого контрабандиста, теперь же он вкусил настоящих денег, и, нужно сказать, ему понравилось изменившееся положение вещей.

Перспектива новых скитаний по диким галактическим просторам в сомнительных поисках еще одной удачи, сравнимой с Омикроном, его откровенно не прельщала, и потому скрепя сердце он решил вложить накопленные деньги в долгосрочный проект.

Вулканическая равнина, начинавшаяся на том берегу пролива, была богата включениями металлов, среди которых попадались и редкоземельные элементы, но для поиска и разработки этих месторождений требовалась специфичная техника и квалифицированный персонал.

Технику он закупил на Элио, а рабочих хватало и тут, тем более что жить переселенцам стало труднее, и перед анархичным анклавом свободолюбивых личностей вместо независимой романтики все ощутимее нависала проблема бесперспективного прозябания и голодной смерти. Лес был опасен и недоступен, вулканические равнины бесплодны, а натура людей, улетевших на Омикрон, не предполагала занятий землепашеством.

Хаким тонко уловил эти настроения и, собрав поселенцев, предложил им новую перспективу: он предоставляет им технику для поиска и разработки вулканических месторождений, а они, в свою очередь, сдают ему весь добытый металл по тем фиксированным ценам, которые установит сам Зураб. В обмен он обязался бесперебойно снабжать колонию продовольствием. В планах Хакима по выкачиванию денег из Омикрона был еще длинный перечень услуг, которые он намеревался предоставить колонии в случае успешного развития добычи полезных ископаемых.

В этих условиях ему волей-неволей пришлось осесть на Омикроне, и теперь Кущин мотался на хакимовской «Элизабет-Сигме» между мирами, закупая продовольствие и вербуя новых эмигрантов.

Лес все это время возвышался молчаливой стеной, его неприкасаемость уже стала аксиомой, которая дошла до рассудка самых дерзких искателей приключений. Пока никто не тревожил лесной массив, оттуда не исходила угроза для колонии, и подобное положение вещей могло бы сохраняться годами, если бы не жадность самого Зураба.

* * *

В мрачных глубинах подземных уровней, расположенных под геометрическим центром лесного массива, протекала своя жизнь.

Если бы беспристрастный человеческий взор смог бы проникнуть сквозь металлизированные кроны деревьев, толщу почвы и мощные, армированные стекловолокном бетонные перекрытия, то такой гипотетический наблюдатель наверняка бы отметил схожесть механических созданий с обитателями муравейников.

Здесь никто не стоял на месте, каждый кибермеханизм четко знал свою функцию, различные машины сновали по темным тоннелям, словно таинственные насекомые, исполняющие отдельные виды работ во имя общественной цели.

Но кто формулировал эту цель и каков был конечный смысл не прекращающейся ни на минуту деятельности? Почему машины расчищали залы и тоннели, укрепляли своды, реставрировали стены, восстанавливали сложную структуру энергопитания, налаживали связь между отдельными узлами компьютерной сети и при этом с той же методичной тщательностью наглухо замуровывали систему вентиляции?

Кто решил, что тут не нужен воздух и свет, почему все воссозданные коммуникации обрели дополнительную защиту, одновременно лишившись своей важнейшей составляющей — системы поддержания жизни?

Ответ на этот вопрос знал только человекоподобный механизм, резко отличающийся от сотен снующих во тьме механических созданий.

За истекший год андроид изменился и внешне и внутренне.

Он трансформировался в нечто, не находящее аналогов ни в одном из технических справочников, изданных людьми. Здесь, в глубинах подземных уровней полуразрушенной военной базы Омикрона, впервые получила свое развитие та потенция, которая была заложена конструкторами в модуль «Одиночки».

Год саморазвития, проблемы которого были напрямую связаны с

восстановлением разрушенного, привел андроида к необходимости изменения собственной структуры. Мощность запоминающих и вычислительных устройств ремонтной машины уже не удовлетворяла потребности блока саморазвития, который теперь координировал действия нескольких сотен исполнительных механизмов.

Настал день, когда андроид, подчиняясь насущной логике самосовершенствования, отправился в свое последнее путешествие среди кромешной тьмы восстановленных коридоров.

Проследовав по тоннелям, он миновал автоматические посты охраны и попал в средних размеров зал, где от пола до потолка тянулась сплошная колоннада процессорных терминалов.

Здесь и произошла его дальнейшая трансформация.

Коренное изменение не было похоже ни на техническое чудо, ни на мрачное таинство, все происходило вполне заурядно: человекоподобный механизм заранее принес сюда кресло и привинтил его к полу, расположив в тупике, образованном тремя колоннами вычислительных устройств.

Сейчас он направился к подготовленному для себя месту. Немногочисленные огни, отражающие индикацию питания, являлись единственными источниками света, разгоняющими кромешный мрак, и в порожденном ими красноватом сумраке было видно, как андроид сел в кресло, демонтированное с пилот-ложемента серв-машины класса «Фалангер». Широкие подлокотники, которые ранее были покрыты сенсорными кнопками, он реконструировал, и теперь от них к окружающим терминалам вели кабели, выполненные из оптического волокна.

Андроид действовал методично и последовательно. Сняв грудной кожух, он обнажил сложную структуру сервоприводного узла, рядом с которым в герметичной капсуле располагался его собственный процессор, закрепленный в амортизирующем каркасе, гасившем все вибрации, возникающие при работе механической мускулатуры.

Впрочем, теперь для человекоподобной машины наступала новая фаза существования, в которой узел сервомоторов уже не будет принимать никакого участия. Сейчас приводы выполняли свои последние операции: руки андроида подключили два свободных интерфейса, соединив окружающие его вычислительные блоки сначала с собственным процессором, а затем с кристалломодулем системы саморазвития.

Выполнив эти операции, андроид застыл.

Два магистральных канала обмена данными соединили его с вычислительными и запоминающими устройствами, смонтированными

внутри подпирающих свод столбов. Теперь модуль «Одиночки» получил в свое распоряжение мощнейшую аппаратуру специально сконструированного зала, терминалы которого, в свою очередь, были соединены со всеми периферийными устройствами восстанавливаемого комплекса.

Если оперировать привычными для человека понятиями, то спустя секунды после завершения перечисленных операций бывший ремонтный механизм трансформировался в центральный узел кибернетической сети. Он в одно мгновение обрел тысячи глаз и сотни рук, объем его долгосрочной памяти теперь исчислялся миллионами гигабайт, а над обработкой поступающих данных трудились десятки смонтированных в этом зале сопроцессоров.

Однако глобальное усовершенствование никоим образом не повлияло на список задач, которые ставил перед собой развивающийся механизм. Модуль псевдоинтеллекта, составляющий основу только что сформированной сверхмашины, по-прежнему оперировал сугубо практическими задачами, такими, как дальнейшее восстановление разрушенных инфраструктур, бесперебойное снабжение энергией уже отремонтированных уровней, пополнение парка исполнительных механизмов.

В сферу интересов машинного разума более не входил космический порт планеты — его восстановление было исключено из списка текущих задач, как нерациональная, бесперспективная трата ресурсов.

Анклав машин постепенно замыкался на схему самоподдержания, без постановки каких-либо глобальных, экспансивных целей.

Для расширения сферы контроля у вновь образованной сети Омикрона не было никакого практического стимула. Для следующего шага по непредсказуемой лестнице саморазвития блоку псевдоинтеллекта был необходим внешний импульс, изменение условий существования, в противном случае анклав машин, следуя собственной логике, продолжал бы веками осуществлять функцию самоподдержания, что в понятии электронного разума и есть — жизнь.

* * *

Планета Омикрон. Два года спустя…

Небольшое поселение, стихийно возникшее на руинах космического порта, с течением времени разрослось до размеров маленького городка, население которого насчитывало теперь более четырехсот человек.

Зураб Аль Хаким не без основания считал его своим детищем.

Фортуна, однажды повернувшаяся к нему лицом, превратила мелкого контрабандиста в некоронованного владыку всех обитателей Омикрона.

Хаким проявил достаточно мудрости, чтобы не допустить на подконтрольную ему территорию иных свободных торговцев. Планета по-прежнему значилась во всех звездных каталогах как потенциально опасное место, закрытое на карантин и негодное к заселению в течение ближайших пятидесяти лет.

Такая трактовка вполне устраивала Зураба. Он прекрасно отдавал себе отчет, на чем именно зиждется его власть: маленький городок с кривыми, бессистемно отстроенными улицами не являлся самодостаточной колонией, и пока в руках Аль Хакима оставалась монополия на космические перевозки, ни один человек на Омикроне не посмеет перечить ему.

Жизнь текла размеренно. Отряды старателей разрабатывали небольшие, но многочисленные месторождения металлов на бесплодной вулканической равнине соседнего материка, Кущин вывозил сырье, а взамен доставлял в колонию продовольствие и товары повышенного спроса. Иногда он, с разрешения Хакима, привозил небольшие группы эмигрантов с иных миров, но теперь среди скрывающихся от закона асоциальных личностей на борту «Элизабет-Сигмы» стали прибывать и люди иного сорта: искатели приключений, юнцы, мечтающие о быстром обогащении, было даже несколько молодых семейных пар, по какой-то причине решивших покинуть родные планеты.

С ростом колонии у Хакима появились новые заботы. Он был доволен, что в центральном поселении стихийно возник мелкий бизнес, представляющий сферу минимальных бытовых услуг, но для нормального существования людям было мало нескольких магазинчиков и одной аптеки с практикующим врачом: у старателей к этому времени появились кое-какие сбережения, и следовало подумать о том, как устроить досуг преобладающей мужской части населения колонии, чтобы увести крепких молодых парней от размышлений над существующим положением вещей, а заодно облегчить их карманы от накопившихся денег.

Единственной возможностью разрешить медленно назревающие проблемы, по мнению Хакима, было строительство увеселительного комплекса с обязательным казино, барами и борделем, но это автоматически вело к новым затратам, нежелательному приросту населения, пьяным потасовкам, которые потребуют организации какой-то службы правопорядка… в общем, Хаким тяжко размышлял над нежелательным, но неизбежным развитием колонии, пока не додумался

поделиться своими сомнениями с Кущиным.

Вадим, выслушав Зураба, тут же подсказал выход:

— Зачем все так усложнять, Хаким? Открой обыкновенный салон виртуальной реальности, и твои проблемы исчезнут как дым.

Ганианец не сразу понял скрытый смысл предложенной идеи, и Кущину пришлось растолковывать Хакиму, что такое фантомные миры и каково их влияние на человеческую психику.

Вадим был обескуражен, когда узнал, что Зураб не был даже поверхностно знаком с виртуалкой.

— Ну ты даешь… — удивленно покачал головой Кущин в ответ на недоумение Хакима. — Запомни, Зураб, по степени влияния на человеческую психику виртуальная реальность приравнивается к наркотику, а один и тот же компьютер при периодической смене программ может удовлетворить любые потребности в удовольствиях. Не надо привозить сюда проституток, барменов и крупье, достаточно установить мощный комплекс виртуальной реальности кабин на пятьдесят…

Заметив, что Зураб по-прежнему недоверчиво смотрит на него, Вадим безнадежно махнул рукой.

— Ладно, давай так: со следующим рейсом я привезу тебе минимум оборудования и специалиста, который все растолкует и покажет. Сам попробуешь и решишь, стоящее это дело или нет. Идет?

Аль Хаким ненадолго задумался, а потом ответил:

— Хорошо. Вези. Буду сам смотреть.

Глава 7. Извивы самосознания

Планета Кьюиг. Руины старого поселения. Днем позже…

— Не могу понять… — Шевцов в очередной раз усталым движением вытащил глянцевитый шунт из разъема височного импланта.

— Что случилось, Сэм? — обеспокоился Генри, у которого рутинный просмотр чужих воспоминаний уже начал вызывать хроническую зевоту. За прошедшие сутки он не увидел на контрольном мониторе ничего выходящего из ряда вон.

— Похоже, я дошел до той области хранения данных, где информация, общая для двух кристалломодулей, начинает разделяться.

— Личности Дункана и Кейтлин? — интуитивно предположил Нолан.

— Думаю, что да. — Шевцов откинулся на спинку кресла. Он заметно осунулся за это время, под глазами резко обозначились синеватые мешки. — Я не зря прервал контакт, — устало произнес он, хлопая себя по нагрудному карману в поисках сигарет.

— Я могу помочь?

— Да. — Семен прикурил и тут же закашлялся… За истекшие сутки он пропустил через свой разум такое количество информации, что уже не мог ни есть, ни курить… — Давай, Генри, неси свои стимуляторы, — откашлявшись, произнес он, с отвращением выбросив сигарету.

— Думаешь, пора? Может, просто поспишь?

— Нет, — покачал головой Шевцов. — Время поджимает, — скупо пояснил он.

— Нас никто не ищет. В чем же проблема? — возразил Нолан.

— Проблема в андроидах. Они — часть сети Омикрона. Сейчас связь с ними оборвалась, значит, центральный модуль «Одиночки» предпримет какие-то шаги. Мне все еще непонятен смысл появления этих псевдочеловеческих созданий на свалке кораблей. Чтобы пойти на такой шаг, искусственный интеллект должен был иметь весомый повод.

— Тебе виднее, — пожал плечами Генри, который все еще не разделял острое подсознательное беспокойство Шевцова.

* * *

Знакомство Хакима с виртуальной реальностью произошло вскоре после разговора о ней. Кущин выполнил свое обещание и со следующим рейсом привез на Омикрон не только обычный груз, но и пассажира.

— Это Алан Макмиллан, — отрекомендовал он вновь прибывшего Зурабу. Очень хороший компьютерный техник, программист и хакер. Все в одном лице.

— Хороший, говоришь?

— Его ищет полиция всех развитых миров. Там, где есть компьютерная сеть, наш Алан уже успел набедокурить, так что мое предложение пришлось ему как раз кстати.

— Ты сказал, что отсюда не улетают?

— Сказал. Он не имеет ничего против.

Пока Кущин и Хаким вели этот краткий диалог, новый житель колонии Омикрона разгружал свой багаж. Пять объемистых пластиковых кофров с пометкой «Не кантовать», два небольших кейса и обычная сумка с личными вещами — все это заняло целую транспортную тележку.

Поздоровавшись с Зурабом, он сразу перешел к вопросам по существу, бросив лишь мимолетный взгляд на окрестные руины.

— Где будем разворачивать аппаратуру? — осведомился Алан, пожав узкую ладонь Хакима.

— Ты хотел спросить, где я тебя поселю? — прищурился в ответ Зураб.

— Я обычно живу там, где работаю.

Хаким смерил Макмиллана пронзительным взглядом.

— Хорошо, Алан, пойдем, — произнес он. — Я тут присмотрел одно здание, оставшееся от космопорта, думаю, оно тебе подойдет.

— Почему вы так решили, господин Аль Хаким?

— Можешь звать меня просто — Зураб, — полуобернувшись, ответил ганианец и пояснил в ответ на вопрос о здании: — Там много сгоревшей аппаратуры и масса кабелей. Крышу, если что, мы починим. Короче, посмотришь сам. Не понравится, найдем другое помещение.

* * *

Здание, куда Хаким привел Алана и Вадима, располагалось на окраине, в зоне тотальных разрушений, пролегающей между стеклобетонной равниной посадочных полей и современным поселением.

Заметив эндоостовы выгоревших серв-машин, которые высились среди руин закопченными гротескными фигурами, Алан обернулся к Зурабу и спросил:

— Что здесь происходило?

Хаким пожал плечами:

— А Шиист его знает. Вон спроси у Вадима, он первым прилетал

сюда.

Алан не преминул воспользоваться полученным советом.

Кущин, помогавший ему толкать тележку с аппаратурой, не нашел причин отмалчиваться, тем более что истинной картины происходивших тут много лет назад событий не знал и он.

Кивнув в сторону леса, Вадим кратко передал Алану суть сегодняшнего положения вещей:

— Раньше тут была военно-космическая база Альянса, которую уничтожил флот Колоний, но в лесу до сих пор остались машины. Они контролируют массив, поэтому не советую совать туда свой нос.

— Они не нападают на поселение? — недоверчиво переспросил Алан.

— Сейчас уже нет. По первому году были стычки, но они прекратились, как только поселенцы оставили в покое территорию бывшей базы. Они не трогают нас, а мы их. Такой вот «статус-кво».

— Понятно… — ответил Алан, что-то обдумывая. — А эти серв-машины? задал он очередной вопрос, указав на скопление почерневших эндоостовов и щедрую россыпь глубоких, но уже начавших оплывать по краям воронок.

— Ну, у тебя же есть глаза? — отмахнулся от него Кущин. — Это следы орбитального удара. Сам подумай, разве мы могли бы справиться с тяжелыми серв-машинами? Они уже торчали здесь, когда я впервые прилетел на Омикрон.

Макмиллан мрачно покосился на обугленные остовы машин, хаотично вросшие в землю среди множества воронок, и толкнул тяжело груженную тележку, заметив, что Хаким уже стоит в конце разгромленной все тем же орбитальным ударом улицы, подле входа в здание с проломленной куполообразной крышей, на которой угадывались фрагменты снесенных взрывами параболических антенн. Очевидно, что ранее там располагался центр связи космического порта.

* * *

С появлением Алана Макмиллана дела в маленькой колонии снова пошли на лад. Кущин оказался полностью прав в своем провидении ситуации: компьютерный центр на базе которого функционировали полсотни кабин виртуальной реальности, фактически решил проблему досуга периодически возвращающихся в город старательских групп, а заодно стал еще одним источником прибыли для Аль Хакима.

Теперь, когда у него появилось новое полюбившееся детище, Хаким назначил на приемный пункт двух служащих, выбранных из числа

колонистов, а сам перенес свою резиденцию в отреставрированное здание, где размещался компьютерный центр.

Хаким не лгал Кущину, когда говорил, что не имеет никакого представления о своей родной планете, но, очевидно, в его наследственности преобладали отцовские гены, что выражалось не только в смуглой коже лица, но и в некоторых привычках.

…Стояла безветренная, теплая предвечерняя тишь, когда на окраине города появился сухощавый подросток, одетый в старый, местами порванный комбинезон, какие обычно носят военные техники. Паренек пришел со стороны леса, неся на спине тяжело нагруженный короб.

Лицо подростка было загорелым, обветренным, что свидетельствовало о частом и долгом пребывании на свежем воздухе. Темные, длинные волосы были забраны на затылке в тугой узел, обнажая мягкую заглушку из пено-плоти, предохраняющую от пыли и влаги гнездо импланта, вживленного в правую височную область. Это обстоятельство давало понять, что подросток родился не в колонии, но ни Хаким, ни Кущин не могли припомнить, чтобы среди эмигрантов, доставляемых на Омикрон, были несовершеннолетние.

Впрочем, обоим было все равно, откуда взялся этот парень. Вадим бывал на Омикроне наездами, а Зурабу пацан примелькался еще в ту пору, когда поселение едва насчитывало сотню человек. Пятнадцатилетний подросток, так же как все, занимался сбором различного военного имущества, которое в ту пору было разбросано повсюду, чем и зарабатывал себе на жизнь. Наличие у него импланта и недетская молчаливость могли бы насторожить Хакима, но в ту пору он был слишком занят проблемой первичного обустройства поселения, чтобы обращать внимание на такие мелочи, а потом этот вопрос уже не возникал в голове ганианца, который просто привык к периодическим появлениям пацана в пункте приема.

Юношу звали Дункан. Кроме собственного имени, его память содержала еще много обрывочных воспоминаний, в основном шоковых, которые не поддавались осмыслению, но причиняли душевную боль, словно им был утрачен огромный отрезок времени, именуемый емким термином «детство».

Он не любил ворошить свою память. Жить одним днем, его заботами, радостями либо огорчениями, казалось ему вполне приемлемой формой существования.

Не вспоминая о прошлом и не загадывая на будущее, он вел привычный образ жизни, не задумываясь о превратностях судьбы, и все невзгоды в основном проходили мимо, не задерживаясь в его рассудке.

Собственно, сознательная жизнь Дункана началась за несколько месяцев до появления на Омикроне первого космического корабля, в экипаж которого входил в качестве дубль-пилота Вадим Кущин.

У любого из нас есть стартовые воспоминания, некие запечатленные в памяти события, с которых ведет свой субъективный отсчет времени внутреннее «я».

Для Дункана таким стартовым толчком воспоминаний являлась буря. Он помнил мрачные, свинцово-серые небеса, неистовый ветер, с корнем выворачивающий огромные деревья, и свой неизбывный ужас перед разбушевавшейся стихией.

В тот момент у него не было ни прошлого, ни будущего, а сам мальчик превратился в комок заледеневшей от страха плоти. Ноги инстинктивно несли его через кромешный ад природного катаклизма, пока он не наткнулся на две машины, стоявшие в кустарнике, на границе между лесным массивом и бескрайними стеклобетонными полями, за которыми полыхали заревом пожаров здания космического порта.

Забившись внутрь одной из БПМ, он просидел в ней несколько суток, пока не утихла буря.

Следующий период своего существования он помнил смутно. Голод, жажда и ужас, глубоко засевший в сознании, затмили все иные воспоминания и чувства, — он остался жив, но впал в моральную кому.

Все, что происходило с ним до страшного пробуждения посреди разбушевавшегося урагана, было забыто, прочно похоронено под шоковыми воспоминаниями тех роковых суток…

Словно дикий зверек, он совершал короткие вылазки, интуитивно отыскивая среди массы разбросанных по округе предметов рационы выживания, и тут же бегом возвращался в свое надежное, спасительное убежище. Темное нутро боевой планетарной машины на долгое время стало для него символом безопасности, словно царящий внутри сумрак отгораживал его сознание от страшной реальности развороченного ураганом леса.

Так длилось долго, пока на планете не появились люди.

Мальчик не мог объяснить себе, почему он инстинктивно потянулся к ним, не ощущая при этом никакой опасности, исходящей от незнакомцев? Его сознание по-прежнему представляло собой комок страха, но вид живых людей, что-то разгружавших из совершившего посадку космического корабля, подействовал на него магическим образом.

Подсознание не подвело — грубые на вид мужчины не стали обижать мальчика, они, конечно, удивились его появлению, но быстро пришли к

логичному, на их взгляд, выводу, рассудив, что паренек, скорее всего, являлся сыном кого-то из военных, служивших на территории уничтоженного космопорта. Никто из поселенцев не знал истины, а он прочно забыл ее, не в силах объяснить, кто он, откуда и кем были его родители…

…Видя его состояние, мальчишку не стали доставать вопросами, его покормили и тут же пристроили к делу — помогать в разгрузке доставленных припасов и оборудования.

Так Дункан оказался среди колонистов. Постепенно его душа оттаяла, ужас пережитых событий истончился в памяти, — как любой ребенок он быстро забывал невзгоды. Постоянно находясь среди взрослых, он машинально воспринимал их образ жизни, и как следствие — быстро научился зарабатывать себе на существование тем простым, бесхитростным способом, что и поселенцы: вокруг было полно останков техники и бесхозного военного имущества, а в отстроенном неподалеку от порта городке круглосуточно работал пункт, где принимали весь собранный металл, оружие и компьютерные компоненты.

Так прошли два года его жизни.

Мальчик взрослел. Он научился различать металлы по категории их ценности, а старые машины, в основном разбитые той самой орбитальной бомбежкой, он в отличие от поселенцев воспринимал как природное явление. Собственно, в его сознании не было особой разницы между плодоносящим кустарником, растущим на лесных опушках, и покореженной боевой планетарной машиной — и то и другое являлось средством к существованию. Ягоды можно было съесть, а за детали покореженных машин — получить небольшие деньги.

Дункан шел по улице мимо недавно открывшегося виртуального центра развлечений, хозяином которого являлся главный человек колонии — Зураб Аль Хаким.

После открытия нового заведения ганианец по каким-то соображениям перенес свою официальную резиденцию в отремонтированное здание, которое по своей планировке и технической оснащенности резко отличалось от иных строений маленького городка.

Вход в виртуальный центр контролировался несколькими видеокамерами охранных систем, но хозяин предпочитал более прозаический способ наблюдения, — по обе стороны от дверей заведения располагались прозрачные витрины из пуленепробиваемого стекла, за которыми был виден полутемный зал со множеством входов в отдельные виртуальные кабинки. Зураб обычно восседал за стойкой рядом со

служащим, принимающим плату от клиентов. Полукруглое возвышение венчалось шеренгой контрольных мониторов, и таким образом Хаким мог наблюдать за всем происходящим, как в виртуальных реальностях, так и на улице.

Этим вечером в салоне было мало посетителей, и потому внимание Зураба привлек подросток, который, сгорбившись под тяжестью добычи, медленно шел по улице.

Хаким заинтересованно проводил его взглядом, потом вдруг встал, покинув свой наблюдательный пост, и, выйдя на улицу, окликнул Дункана:

— Постой, малыш.

Юноша покорно остановился. Он умел различать, когда обращались непосредственно к нему.

— Тебя как зовут? — спросил Хаким, припоминая, что уже не раз видел этого паренька.

— Дункан, — коротко ответил тот.

— Что это ты несешь? — Зураб был явно заинтересован содержимым пластикового контейнера, который Дункан нехитрым способом приспособил для ношения за спиной.

— Металл, — равнодушно ответил юноша.

— Куда несешь?

— В скупку.

— А вот это? — Хаким протянул руку через плечо подростка и вытащил из-под обломков приборов покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол импульсной винтовки.

Приклад и казенная часть у оружия отсутствовали.

— А где остальное? — оторопел Зураб.

— Отломал, — признался Дункан, не понимая, чем этот кусок легированной стали, зачехленный в пластик и обмотанный медной проволокой в местах вздутий, так заинтересовал хозяина колонии. — В скупке мне платят только за металл, — объяснил он ганианцу. — Зачем я потащу все остальное?

Под «остальным» подразумевался волокончатый приклад оружия, механизм перезарядки, исполненный из монопластиковых деталей, и компьютерные компоненты системы сопроцессора импульсной винтовки.

— Значит, оружие было целым?

— Ну да.

— И сколько ты надеешься получить за это? — Зураб укоризненно повертел в руках искалеченный ствол импульсного оружия.

— Пару кредитов дадут, наверное.

— А если не ломать? Можешь принести целый, не испорченный «ИМ»?

Дункан пожал плечами.

— Могу. Только зачем?

— А вот это не твое дело, мальчик. Принесешь, дам тебе не две кредитки, а двадцать, идет?

Дункану такая идея понравилась. Ломать оружие, отчленяя бесполезные пластиковые и кремниевые части, было трудно, а получить много денег заманчиво.

— Хорошо, дядя Хаким. Я принесу. Может быть, завтра.

Зураб удовлетворенно кивнул. Исправное оружие уже давно перестало попадаться на пути следования давнего урагана, а за импульсные винтовки на черных рынках платили солидные деньги, не в пример железному лому или самородным слиткам.

Он хотел спросить, где именно мальчик нашел оружие и почему он идет со стороны леса, но в эту минуту на ступенях компьютерного центра появился Макмиллан.

— Хаким, — позвал он. — Нужно поговорить. Срочно.

— Иду. — Зураб потрепал Дункана по плечу: — Не забудь, ты обещал мне импульсную винтовку.

* * *

— Ну, что у тебя, Алан? — спросил Хаким, возврашаясь в зал компьютерного центра.

— Проще показать, чем рассказывать, — ответил ему Макмиллан, кивнув в сторону открытой двери, ведущей в виртуальную кабину.

— Ну пошли, — согласился Хаким, не понимая, что нового может показать ему Алан. За два месяца работы центра развлечений Зураб лично перепробовал все имевшиеся в запасе модели виртуальных миров и пришел к неожиданному для Макмиллана выводу: псевдореальности красивы, но бесполезны. В такой трактовке, по мнению Алана, не присутствовало смысла, — как может быть полезен или бесполезен виртуальный мир? Это развлечение, гимнастика для мозга, раздражитель тех или иных центров удовольствия, но ганианец оказался слишком далек от цифровых технологий, он не понимал их, путался в виртуалке, как младенец, впервые попавший в мир грез, а может быть, он попросту был ленив и туповат в том, что не касалось конкретного, осязаемого бизнеса. По крайней мере, наблюдать за действиями других посетителей виртуального центра посредством контрольных мониторов он не чурался.

Кабинка, куда пригласил его Алан, была больше по размерам, чем другие, но вдоль стен этого помещения громоздилось столько аппаратуры, что свободного пространства почти не ощущалось. Хаким знал, что Алан оборудовал ее для себя, но с какой целью, он даже не догадывался.

— Помнишь, когда мы выбирали здание, ты упомянул о кабелях, которые торчали из стен в этих руинах? — спросил Макмиллан, усаживаясь в кресло, перед которым был смонтирован компьютерный терминал со скошенной передней панелью, содержащей две сенсорные клавиатуры и множество портов для подключения внешних устройств. Выше, над клавиатурами, в темный пластик были вмонтированы четыре монитора. В данный момент три из них находились в отключенном состоянии и лишь один сиял ровным сиреневым фоном.

— Ну, помню, — ответил Зураб, по-прежнему не понимая, к чему клонит Алан.

— К твоему сведению, я оттестировал их все до единого, — заявил Макмиллан, открывая нишу в подножии терминала. Достав оттуда свернутый в аккуратную бухту оптико-волоконный кабель с разъемом на конце, он продемонстрировал его Хакиму и пояснил: — Все старые магистрали вели в обрыв, кроме вот этого кабеля. Я думаю, что он проложен под землей и ведет к скрытым в лесу коммуникациям.

— Ну и что?

Алан поморщился. Иногда ему было невыносимо трудно общаться с ганианцем, особенно когда дело касалось узкой специфики компьютерных технологий. Однако, зная эту черту Хакима, Макмиллан подготовил более понятные доводы, способные заинтересовать Зураба.

— Начнем с малого, — произнес он, подключая разъем. — Я выяснил, что данный кабель некогда являлся магистральной линией обмена данными между компьютерной сетью космопорта и замаскированной в недрах лесного массива базой. Это понятно?

— Да.

— Тогда поехали дальше. Кущин, по-моему, говорил тебе, почему со мной жаждут побеседовать спецслужбы пяти развитых миров?

Хаким откровенно пожал плечами.

— Я так и не понял, кто такие хакеры, — признался он.

Алан одобрительно кивнул:

— Я объясню тебе. Хакерами называют специалистов, которые могут проникать в защищенные сети, либо взламывая их, либо обходя системы охраны и доступа.

— А зачем?

— Так можно ограбить банк или получить ценную информацию для дальнейшей продажи заинтересованным лицам, — откровенно пояснил Макмиллан. — Иногда требуется не взломать, а полностью разрушить компьютерную сеть какого-либо учреждения, например управления полиции, где хранятся базы данных по уголовным делам и приметам определенных лиц. Поле деятельности настоящего хакера практически неограниченно, но в отличие от обычного программиста мы не созидатели, а разрушители, понимаешь?

Хаким молча кивнул.

Алан протянул руку и подключил к терминалу одно из установленных вдоль стены устройств.

— Постепенно это затягивает, — сказал он, положив пальцы на подсветившуюся изнутри сенсорную клавиатуру. — Деньги теряют свой смысл, появляется азарт… — Он начал набирать последовательность команд, и в такт движению его пальцев на блоках аппаратуры забегали шустрые огоньки индикации непонятных процессов. — Теперь тебе должно быть понятно, почему меня заинтересовал кабель, ведущий к скрытым коммуникациям лесного массива, продолжил Алан прерванную мысль. — Мне было интересно, существует ли на том конце полноценная сеть или хотя бы ее остатки.

— Ну и что ты узнал?

— Сеть существует, Хаким. И я сломал ее защиту! — торжествующе произнес Алан. — Мне пришлось изрядно попотеть над расшифровкой и генерацией кодов доступа, но зато теперь… Смотри!

Пальцы Алана пробежали по символам сенсорной клавиатуры, набирая непонятную Хакиму последовательность, и стереомонитор, светившийся до этого ровным фоном, внезапно приобрел глубину и объем, показав странную картину.

Что-то двигалось над землей, неторопливо перемещаясь в метре от мягкой подложки вездесущего мха. Вокруг, ограничивая видимость, высилась хаотичная колоннада древесных стволов — все это имело цвет, объем, динамика и ракурс съемки постоянно менялись, будто источник изображения не спеша пробирался меж деревьев, изредка поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— Что это? — вырвалось у Хакима.

Макмиллан был откровенно доволен произведенным на ганианца впечатлением. Нужно сказать, что в душе он недолюбливал Зураба за его явное пренебрежение техническим прогрессом, но он умел скрывать свои мысли, не высказывая их вслух. Проще и приятнее было поставить своего

мнимого «хозяина» в неловкое и зависимое положение.

Работа, которую начал Макмиллан, обещала быть интересной, прибыльной, и еще неизвестно, кто в итоге окажется истинным хозяином положения, он или вцепившийся в спинку кресла ганианец-полукровка, возомнивший себя большим боссом маленькой колонии…

— Ты сейчас смотришь на мир глазами машины, Хаким, — пояснил Алан. — Я подключился к патрульному видеоустройству, которое в данный момент двигается вдоль периметра назначенной ему зоны охраны.

— Оно такое маленькое? — спросил Зураб, уже соизмерив пропорции изображения.

— Это видеосенсор, шар, у которого нет обычных манипуляторов или иных механических конечностей. Он передвигается на геомагнитной подушке[7] — просто парит над землей, приблизительно в метре от поверхности.

Хаким некоторое время следил за плавно меняющейся картинкой, а потом сказал:

— Ты меня удивил, Алан. Но я не хочу, чтобы ты трогал лес и живущие в нем машины.

— Это почему? — опешил Макмиллан.

— Опасно и бесполезно, — отрезал в ответ Зураб.

— Ну, не скажи… — Алан сокрушенно покачал головой. Надо же быть таким ограниченным… — Во-первых, это не опасно…

— Люди, ходившие в лес, погибли. По их следам тогда появились машины, которые причинили ущерб колонии, — веско напомнил Зураб.

— Слушай, Хаким, ты что, не понимаешь, что меня там нет! — не выдержав, повысил голос Алан. — Я не хожу в лес. Вот он я, в кресле, перед тобой, можешь меня потрогать. Первая заповедь хакера: не уверен в своей безопасности — не лезь. Я ее соблюдаю. В этом лесу меня никто не воспринимает.

— Все равно это опасная забава.

— Да не забава, Хаким. Сейчас я покажу тебе… — Пальцы Алана переместились на текстоглифы второй клавиатуры, где прикосновение к каждой сенсорной кнопке запускало написанную заранее командную последовательность.

Видеосенсор прекратил свое плавное парение, остановившись между древесными стволами. На контрольном мониторе поверх изображения лесной чащи внезапно появилось полупрозрачное оперативное окно, в углу которого возникла моргающая надпись:

«Процесс: Сканирование структуры объекта. Идет химический анализ. Ждите».

— Что он делает? — насторожился Зураб.

— Исследует ближайший древесный ствол.

— Зачем?

— Я ему приказал.

В этот момент в глубинах терминала что-то пискнуло, и из чрева печатающего устройства поползла пластбумажная лента.

Оперативное окно на мониторе исчезло и, судя по возобновившейся динамике изображения, видеосенсор продолжил свой путь.

— Что теперь? — саркастически осведомился Хаким. Макмиллан отключился от патрульной машины, взял в руки полученную распечатку и протянул ее Зурабу:

— Это структурный химический анализ древесного ствола. Из такой породы древесины состоит весь лесной массив, за исключением кустарниковой поросли, — пояснил он. — Я, конечно, мог бы сам тебе пояснить, что значат эти формулы и цифры, но вижу: ты предвзято относишься к моей работе. Думаю, среди старателей найдутся специалисты-химики, способные популярно растолковать смысл данной распечатки.

— Ты решил надерзить мне, Алан?

— Ничуть. Просто я хочу, чтобы мои выводы подтвердил незаинтересованный человек. Сделай это, Хаким, и я уверен, ты сам придешь к определенным выводам относительно того, забавляюсь я тут или делаю настоящую работу.

— Ладно, Макмиллан, посмотрим.

* * *

Зурабу потребовалось больше месяца, чтобы по достоинству оценить открытие Алана.

Он не стал утруждать себя, а передал распечатку Кущину.

— Найди хорошего специалиста, и пусть он объяснит тебе, что тут нацарапано.

Вадим исполнил поручение Хакима. Вернувшись из очередного рейса, он первым долгом заговорил о полученной перед вылетом распечатке:

— Послушай, Зураб, я не знаю, откуда ты откопал эти данные, но я показал их трем разным людям, весьма неплохо соображающим в химии, и скажу тебе — эффект был еще тот. У них глаза повылазили из орбит.

— Ты толком говори, что это такое?

— Мне сказали, что в природе ничего подобного не бывает. Структура древесины насыщена железом в такой степени, что приобретает прочность металла. Знаешь, Хаким, когда я в третий раз выслушал один и тот же комментарий, мне в голову пришла мысль проверить этот мифический материал на коммерческую ценность.

— Ну? — Хаким заинтересованно подался вперед.

— Мне опять повторили, что подобное соединение железа и органики невозможно, но если бы оно существовало, то данный уникум наверняка нашел бы широкое применение и породил бы ажиотажный спрос. Два, ну от силы три древесных ствола, даже не распиленные на доски, по своей ценности превосходят полную загрузку трюмов «Элизабет-Сигмы» собранными на вулканической равнине самородками. — Кущин даже причмокнул. — Никогда бы не подумал, что существует сорт древесины, который может поспорить с зеркальным деревом Рори.[8]

Хаким задумался на этот раз глубоко и надолго.

Может быть, ганианец и проявлял ограниченность в вопросах высоких компьютерных технологий, но что касается диких извивов современного бизнеса, тут он чувствовал себя как рыба в воде.

С одной стороны, он уже понял, что перед Аланом придется извиниться и даже взять его в долю: с подачи Макмиллана открывалась перспектива быстрого, баснословного обогащения, но Зураб отлично знал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и его звериное чутье тут же подсказало две конкретные опасности: с одной стороны, была проблема машин, которые контролировали лесной массив, а с другой — угроза, исходящая от людей. Если верить выводам Кущина, то речь шла о миллиардах кредитов, а в такой ситуации много не наторгуешь, проверенные каналы сбыта, куда они поставляли мелкие партии металла и оружия, уже не годились. Здесь требовалось участие третьего лица, иначе, почуяв запах крупных денег, Кущина подловят и снимут с него шкуру прямо на разгрузочной площадке космопорта.

Хаким знал, как это бывает. На любой планете, помимо официальной власти, существуют еще и иные структуры, которые, как правило, действуют быстро, болезненно и эффективно.

Короче говоря, Зураб понял: ему не обойтись без серьезной «крыши», здесь нужен человек, контролирующий криминальные структуры одной из пяти развитых планет, не больше и не меньше.

Все эти мысли Хакима выразились в двух действиях: Кущин получил

новое задание, а сам Зураб отправился к Макмиллану.

* * *

Алана он застал в его рабочем кабинете, сильно изменившемся за прошедший месяц — это бросилось в глаза даже неискушенному в технике Хакиму.

Теперь расширенная виртуальная кабина, которую изначально занял Макмиллан, более всего походила на жилище паукообразных тварей с планеты Эридан, которые заплетали своей прочнейшей паутиной целые пещерные комплексы.

— Клянусь змееедами Прокуса, ты не терял времени даром, да, Алан?! воскликнул Зураб, с трудом протиснувшись между поставленными друг на друга процессорными блоками, от которых веяло ощутимым теплым ветерком — это вентиляторы гнали воздух через специальные отверстия, охлаждая кристаллосхемы и наполняя тесное помещение тревожащими обоняние флюидами нагретого пластика.

Вдоль стен, пола и потолка помещения змеились толстые жгуты временных кабелей, часть их них свисала с потолка, расходясь отдельными жилами к различным электронным устройствам, что, собственно, и навело Хакима на определенные ассоциации…

Макмиллан не ответил на его реплику, он сидел в своем кресле с подключенным к импланту шунтом нейросенсорного контакта. Все четыре расположенных перед ним монитора работали, каждый показывал свою картинку, и от любой из них могло перехватить дыхание.

Мрачные недра загадочных подземелий разворачивались в стереообъеме контрольных видеоустройств, стены широких коридоров казались исполненными из мутно-зеленой, мерцающей субстанции, в поле зрения передвигающихся по ним кибернетических устройств то и дело попадались иные механизмы, равнодушно следовавшие по своим делам, но в комплексе изображение четырех мониторов создавало жутковатое впечатление окна в иной, непонятный человеку мир.

Если бы Хаким не знал, что это реальность, существующая всего лишь в десятке километров от их городка, то, наверное, воспринял бы изображение иначе, — как личный бред Алана, например, но Зураб уже не мог позволить себе глупой веры в иллюзорность происходящего. Он быстро усваивал уроки и потому отчетливо понимал — сознание Макмиллана находится сейчас там, оно вселилось в один из кибернетических механизмов и путешествует в его оболочке по недрам подземелий, где никогда не ступала человеческая нога.

У ганианца озноб продрал по коже.

Сев на один из блоков, он решил подождать, пока разум Алана выпутается из компьютерных тенет.

Видимо, Макмиллан все же воспринимал краем сознания присутствие постороннего, потому что прошло менее минуты, и он вдруг поднял руку, осторожно извлекая из височного импланта толстый жгут нейросенсорного шунта.

Изображение на четырех мониторах тут же потускнело, истончилось, словно чуждая реальность растворилась в нейтральном фоне…

Макмиллан некоторое время сидел с полуприкрытыми глазами, потом его кадык несколько раз дернулся, словно Алан безуспешно пытался сглотнуть вставший в горле комок, и наконец он открыл глаза.

— Это ты Хаким… — Он разглядел ганианца в сумраке виртуальной кабины и потянулся за бокалом тоника, заранее приготовленным к моменту выхода из виртуальной среды.

Выпив тонизирующий напиток, Макмиллан с шумом выдохнул и потянулся так, что отчетливо хрустнули суставы.

— Ну что, проверил информацию? — спросил он, разворачиваясь к Хакиму вместе с креслом.

— Да, Алан, я признаю, что неверно относился к твоей работе. — Хаким деланно развел руками. — Ты же понимаешь, у каждого человека свой взгляд на мир.

— Понимаю, — согласно кивнул Алан и вдруг хищно улыбнулся. — Я знал, что ты верно истолкуешь данные распечатки.

— Большие деньги, Макмиллан, — осторожно начал Зураб. — Очень большие. Эта древесина стоит…

— Оставь коммерцию при себе, Хаким. Если бы мне нужны были деньги, я бы ограбил банк на Стелларе.

— Тогда что тебе нужно? — неподдельно поразился Зураб.

— Тебе будет сложно меня понять. Я уже говорил — это азарт. Кайф, которого не поймаешь ни от какой дури. Тонкая линия, клиническая смерть, ощущение слияния с абсолютно чуждым миром… Знаешь, я еще ни разу не сталкивался с подобной задачей. Если система меня распознает, мои мозги… они просто сгорят, как хреновый компьютер… Там грань между жизнью и смертью, каждый шаг может стать последним, и нет никакого способа начать все сначала, как в играх. Понимаешь меня?

— Ты извращенец?

— Нет… — усмехнулся Алан. — Просто я уже по ту сторону черты. Говорю же, проще принять все как есть, чем пытаться сесть на одну волну с

моими желаниями и мотивами. Давай к делу, Хаким. Ты оценил уникальность древесины и хочешь заполучить ее, верно?

— Да. Я возьму тебя в долю, Макмиллан, потому что у меня тоже есть свои понятия. Много денег не бывает.

— Согласен. Но это шкура неубитого медведя, поэтому я считаю разговор о деньгах преждевременным. Пока ты проверял коммерческую ценность древесины, я прорвался за кольцо внешней охраны. Если ты обратил внимание на мониторы, то видел, что мое сознание уже получило доступ к механизмам, работающим непосредственно под землей.

— Да я видел. Почему там все зеленое?

— Это инфракрасное видение. Не могу же я слоняться в кромешной тьме. Впрочем, неважно. Главное, мне теперь известна структура периферийной сети, количество составляющих ее исполнительных механизмов, их основные функции и маршруты движения.

— Это поможет очистить лес?

— Не факт. Я бы пока не торопился. Нужно поставить серию опытов. Тут надо действовать осторожно, Хаким. Разумеется, можно просто отключить машины внешней командой либо стравить их между собой, запустив в их программное обеспечение соответственный вирус, но я опасаюсь таких действий. Мне недоступно ядро Сети. Неизвестно, как отреагирует главное вычислительное устройство на массовую потерю исполнительных механизмов. Не забывай, это военная база, и не факт, что бывшая. Конечно, по лесу не шатаются «Фалангеры» с «Хоплитами», но я видел пару БПМ в подземных ангарах.

— И как ты собираешься действовать?

— Идеально было бы добраться до центрального узла, откуда исходит программная воля, обязательная для всех исполнительных механизмов. Если отрубить центральный процессор, то остальные машины перестанут быть проблемой.

— Так в чем дело? Тебе нужно время?

— Время и дополнительное оборудование.

Хаким насупился, обдумывая слова Алана.

— Скажи, а ты не мог бы очистить небольшой участок леса? — после затянувшейся паузы спросил Зураб.

— Зачем?

— Мне нужны образцы древесины и хотя бы пара гектаров для пробной вырубки.

— Можно попробовать, — подумав, кивнул Алан. — Есть одно направление, которое прикрывает лишь пара патрулей. Сколько у меня

времени?

— Неделя. Я отправил Кущина для предварительного поиска партнеров, которые станут покупать древесину. Если он договорится, мне потребуются образцы, а затем пробная партия груза.

Макмиллан что-то прикинул в уме и кивнул.

— Хорошо. Я аккуратно покопаюсь в мозгах патрульных машин. Они проходят техническое освидетельствование один раз в два месяца. Следующая проверка их состояния произойдет на днях, после нее я сменю программы, а ты подготовь рабочих и технику. Машины не будут обращать внимания на людей, ты вырубишь делянку, вывезешь древесину, а затем я верну их исходное программное обеспечение на свои места.

— А дальше? Что будет дальше?

— Я же сказал, — буду топтать дорожку к центральному процессорному узлу. Как только я доберусь до него — лес твой. Но я не могу сейчас гарантировать каких-то сроков — риск тоже должен быть разумным. Я люблю ходить на грани фола, но переть напролом, чтобы быть лоботомированным уволь.

— Хорошо, Алан. Я не стану тебя торопить. Обеспечь мне пробную вырубку, а дальше посмотрим.

Глава 8. Обратная связь

Планета Кьюиг. Месяц спустя.
Усадьба Донована Хьюберта…

— Сэр, к вам посетитель.

Сенатор Хьюберт редко принимал гостей в своей загородной вилле, но на этот раз он сделал исключение.

Повернув голову, Донован внимательно следил своими маленькими глазками, как по дорожке вдоль бассейна идет невысокий сухопарый человек со смуглыми чертами лица.

Хозяин виллы не потрудился встать навстречу гостю, за него это сделали двое безукоризненно вежливых молодых людей, которые встретили посетителя на полпути и проводили его к маленькому портику, в тени которого стоял низкий столик, сервированный на две персоны.

Четыре мраморные колонны, увитые лозами дикорастущего винограда, создавали обманчивую иллюзию замкнутого пространства, от их подножия к лазурной глади бассейна уводила широкая лестница, ступени которой скрывались под водой.

Когда Хаким в сопровождении двух телохранителей ступил под сень архитектурного сооружения, вырванного из наследия далекой земной истории, мистер Донован кивком указал ему на второе, пустующее кресло.

— Свободны, — отослал он своих людей, которые молча исчезли, словно растворились в знойном полуденном мареве.

— Ну, здравствуй, Хаким… — Донован беззастенчиво облизал ганианца вальяжным, расслабленным взглядом.

— Здравствуйте, господин Хьюберт, — сдержанно ответил Зураб.

— Можешь называть меня просто Донован. — Сенатор лениво потянулся за бокалом и сделал маленький глоток. Хаким из вежливости повторил его жест.

— Ну? — Донован откинулся на спинку кресла. — Давай, выкладывай все, без утайки. Я уже видел образец товара, мои люди исследовали и оценили его, так что карты на стол.

Заметив, что гость колеблется, Хьюберт спокойно пояснил, не изменив интонаций вялого голоса:

— Я никогда не веду дела вслепую, запомни это.

Зураб, конечно, мог встать и уйти, однако он был готов к подобному обороту событий. Хаким понимал, что рискует, раскрываясь перед таким

крупным дельцом, как сенатор Хьюберт, но мелкая сошка его не интересовала. Для успешного экспорта уникальной древесины ему требовалось надежное прикрытие. Прежде чем Хаким появился на Кьюиге, Кущин по его заданию осторожно наводил справки о нескольких крупных, влиятельных фигурах, так или иначе связанных с организованными криминальными структурами развитых миров.

Зураб остановился на кандидатуре сенатора Хьюберта по трем причинам: во-первых, сидящий напротив человек контролировал весь рынок вторичного металла планеты Кьюиг и зарабатывал на этом миллионы кредитов. Во-вторых, девяносто процентов своей прибыли он получал из рук контрабандистов наличными деньгами — значит, он мог платить за древесину «живой» наличностью. Ну и, наконец, в-третьих, Донован слыл человеком жадным, с мертвой хваткой в вопросах крупного бизнеса и извращенными понятиями этики… что вполне подтвердилось при предварительных переговорах. Рано обрюзгший беспринципный ублюдок, уважающий лишь те правила, что вели к его личной выгоде, — вот наиболее верная характеристика, подходящая господину Хьюберту, крупному бизнесмену и известному общественному деятелю Кьюига…

Еще одним немаловажным обстоятельством, склонившим ганианца к кандидатуре сенатора, был тот факт, что Донован знал о планете Омикрон, а значит, ему не придется растолковывать ту степень угрозы, которую представляли оставшиеся со времен войны машины, — ведь именно Хьюберт когда-то организовал первый рейс на планету, после которого уволил Кущина с должности пилота своего транспортного корабля…

— Хорошо, я буду откровенен, — произнес Зураб, нарушив затянувшуюся паузу.

— Не забудь уточнить название планеты, где произрастают эти чудо-деревья, — буркнул Донован, — а заодно разъясни причины, по которым ты обратился именно ко мне.

— Без проблем. — Хаким был доволен, что Хьюберт сам задал эти вопросы. — Планета называется Омикрон, порядковый номер «12» по универсальному каталогу Центральных Миров, а мое предложение к вам, господин сенатор, заключается в следующем: я поставляю партии металлизированной древесины и продаю их оптом, положим, за пятьдесят процентов ее реальной стоимости. Единственным условием, которое я прошу соблюсти, — это расчет наличными деньгами и гарантии безопасности в системе Кьюига. Мне не хотелось бы иметь дело с таможенными службами и налоговыми органами.

Выслушав его, Донован долго молчал, мысленно переваривая

полученную информацию.

— Значит, Омикрон… — наконец произнес Хьюберт. — А что мне помешает кинуть тебя и самому заняться этим выгодным делом? — вдруг спросил он, подавшись вперед, так что низенький столик чуть сдвинулся со своего места в сторону Хакима. — Я ведь знаком с этим миром.

— Именно поэтому наше сотрудничество возможно, — ответил Зураб. — Лес контролируют машины, а Омикрон уже не пустынный мир, там существует колония крепких парней, полностью зависящих от меня.

— Ясно. — Донован вновь откинулся на спинку кресла, приняв прежнюю расслабленную позу. — Каждый хозяин в своем курятнике… Что ж, это справедливо. — Хьюберт обладал хорошим воображением и немалым опытом, чтобы понимать разницу между обитаемым миром и пустынной планетой, к тому же он не забыл единственный рейс на Омикрон, который осуществили его люди после того, как сенатор получил доступ к секретной информации об акции по уничтожению военно-космической базы, проведенной крейсером «Неустрашимый». Если сразу после применения «Тайфуна» там оказались уцелевшие машины, то что говорить о сегодняшнем положении вещей? Хьюберт как-никак пережил войну и знал цену этим кибернетическим ублюдкам.

Откровенно говоря, Донован до сих пор боялся машин, недолюбливая даже безобидных бытовых дройдов. Этот винтик в голове сенатора был намертво заклинен войной. Однажды, еще ребенком, ему пришлось пережить настоящий кошмар, когда его родителей занесло на Кассию. Оттуда как раз выкуривали последний серв-батальон Альянса, и один «Фалангер» дошел-таки до космопорта. Хьюберт понятия не имел, кто им управлял, «Одиночка» или человек, но многие годы спустя ему время от времени снился один и тот же кошмарный сон: сенатор видел куски расплющенной плоти, в которые превращали людей исполинские ступоходы боевой серв-машины, и он просыпался в холодном поту, ощущая запомнившийся навсегда, ни с чем не сравнимый запах крови…

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Посмотрев на ганианца, который потягивал вино в ожидании решения, которое примет сенатор, Донован окончательно пришел в себя.

Предложение Хакима казалось выгодным, как ни посмотри. Предварительная оценка стоимости древесины обещала баснословную прибыль при минимальном риске, а расклад пятидесятипроцентного распределения доходов снимал последние сомнения.

— Хорошо, Хаким… Будем считать, что мы договорились. Сколько ты можешь поставлять сырья в течение месяца?

— Один рейс при полной загрузке транспорта класса «Элизабет-Сигма», ответил Зураб.

— Маловато…

— Большего я не смогу, по крайней мере на первых порах. В лесу масса машин, и это затрудняет вырубку.

— Ладно… Пусть будет один корабль в месяц. Посмотрим, как станут развиваться дела. Но не меньше, понял? — Хьюберт пристально посмотрел на Хакима. — Мне придется формировать рынок сбыта, и, если ты начнешь срывать поставки, будет очень плохо. Ты ведь должен знать, какого сорта проблемы возникают между партнерами при таких суммах сделок?

— Смертельные, — спокойно ответил Зураб. — Я все хорошо понимаю, иначе не пришел бы сюда.

— Вот и отлично. А теперь давай выпьем.

* * *

Планета Омикрон. Два месяца спустя…

Сеть Омикрона застыла в обманчивой статике.

За четыре года, прошедших с момента орбитальной атаки «Неустрашимого», сложная система подземных уровней была восстановлена кибермеханизмами. Подземные коммуникации теперь были надежно защищены, система вентиляции уровней, позволившая крейсеру осуществить атаку по схеме «Тайфун», ликвидирована. Вся инфраструктура восстановленной базы вновь представляла собой замкнутый самодостаточный комплекс, но машины, которые населяли мрачные подземелья, радикально отличались от тех, что властвовали тут до момента атаки.

Все боевые кибермеханизмы, брошенные в район высадки десанта, были уничтожены массированным ракетным ударом, а вместе с ними исчезло и специфическое программное обеспечение, которое как раз и предопределяло военный профиль базы.

Воссозданная на старом месте сеть, соединявшая между собой различные устройства, имела в своей основе совершенно иной программный модуль. Человекоподобный механизм, с интегрированным в него блоком саморазвития, преследовал иные цели, которые на данный момент были полностью реализованы.

Отсутствие внешних раздражителей и окончание восстановительных работ исчерпали текущие задачи, и машинный мир перешел в фазу статичного существования.

…Шла очередная, плановая проверка технического состояния механизмов, когда вычислительный центр Сети обнаружил сбой в работе четырех машин, осуществлявших внешнее патрулирование периметра базы.

Логическое несоответствие, отслеженное тестовыми программами, заключалось в несовпадении записанного машинами видеоряда с базовым кадром, который хранился на запоминающих устройствах Сети.

Сделанная ранее запись демонстрировала труднопроходимый участок лесного массива, в то время как оперативная съемка, произведенная машинами перед техническим освидетельствованием, показывала площадь сплошной вырубки, где от деревьев остались только свежие пни.

Тщательная обработка видеозаписи указала на отсутствие поваленных древесных стволов, значит, первопричиной повреждения лесного массива не являлся природный катаклизм. Деревья, поваленные бурей, остались бы лежать на месте, образуя хаотичные завалы.

Машинный разум мог оперировать только проверенными данными, которые образовывали четкие причинно-следственные связи.

В данном случае такая связь была прервана. С точки зрения логических программ, сбой крылся в малом объеме запоминающих устройств исполнительных механизмов, которые хранили информацию ровно сутки, а затем стирали устаревшие данные, чтобы освободить место для новых. Таким образом, оказалась утраченной запись событий, непосредственно касающихся интересующего Сеть момента.

После окончательной обработки сведений в программных блоках возник еще один вопрос: почему при изменении внешних условий исполнительные механизмы не подали сигнала тревоги?

Статика была нарушена.

Блок саморазвития получил новую задачу, вопрос, ответ на который найти не удалось.

Некоторое время возникшая ситуация тщательно анализировалась, и в итоге было выработано следующее решение: каждый патрульный механизм, во избежание повторения подобного сбоя, необходимо снабдить расширенными модулями памяти.

Анализ базы данных, отражающей наличие запасных частей и их совместимость с моделями машин, занятых на патрулировании внешнего периметра, показал, что заданным критериям отвечает лишь один компонент, — в распоряжении Сети имелось достаточно чистых кристалломодулей, которые свободно интегрировались в систему человекоподобных машин.

Андроиды, оставшиеся не у дел после окончания восстановительных работ, были срочно востребованы с консервационных складов. Каждому из них в зоне технического обслуживания внедрили чистый кристалломодуль, куда Сеть инсталлировала копию данных из собственного блока саморазвития, с тем чтобы модернизированные машины в критической ситуации могли вырабатывать самостоятельные решения на основе переданного опыта.

Патрульные боты были временно отстранены от своих обязанностей, а им на смену вышли модифицированные дройды. Теперь каждый патруль состоял из двух человекоподобных машин и одного видеосенсора, снабженного системой парения, основанного на принципе геомагнитной подушки.

Условия изменились, и Сеть незамедлительно отреагировала на этот фактор внешней среды.

Теперь, для принятия дальнейших решений, оставалось дождаться, когда непонятная сила, уничтожившая несколько гектаров леса, проявит себя вновь.

* * *

Омикрон. Окраина лесного массива…

Капсула вошла глубоко в землю и лежала там несколько лет.

Место падения спасательного сегмента, который некогда составлял базу многофункционального истребителя «Ягуар», постепенно оплыло и заросло травой. Лес с удивительной скоростью залечивал нанесенные ему раны: по сути, от глубокой борозды, оканчивающейся конусообразной воронкой, осталось лишь неясное углубление, небольшая рытвина, которую затянул лесной мох и пробивающаяся сквозь него трава.

Только чуткому прибору было по силам определить, что в этом месте под землей находится нечто рукотворное, не принадлежащее к явлениям природы.

Лес, простирающийся вокруг, казался таинственным, сказочным, но на самом деле все, что произрастало в глухой тиши, будь то исполинская сосна, тоненькая травинка либо ползучий ковер мха, являлось творением ученых генетиков. Они создали этот экологический комплекс специально для Омикрона, и бескрайний лесной массив с лихвой оправдал самые смелые из возлагаемых надежд.

Он не только прекрасно прижился на разрыхленной специальными видами бактерий мертвой вулканической равнине, но и с успехом прошел жестокое испытание: прошло всего четыре года после обрушившихся на

него торнадо, а лесной массив вновь походил на сказочные дебри, с небывалой скоростью восстановив свои маскирующие свойства.

Стволы неохватных деревьев высились сплошной колоннадой, закрывая своими кронами небеса. Отдельные гиганты, поваленные титаническими вихрями былого катаклизма, лежали под уклоном к земле, но их замшелых, покрытых пятнами лишайников ветвей, похоже, вовсе не коснулся тлен. Молодая поросль кустарника давно пробилась через бурелом, укрыв поваленные стволы бледной зеленью подлеска.

Тихо шумел заплутавший в кронах деревьев ветер. Иногда, особенно по утрам, когда небо бывало ясным, сквозь плотные кроны, разгоняя сумрак, пробивались косые столбы солнечного света, в которых кружилась опадающая хвоя.

Казалось, что жизнь тут замерла, только менялись краски от смены дня и ночи. Не было ни цивилизации, ни людей, некогда насадивших этот лес, ни их машин, которые ранее наполняли своим движением всю округу. Старые стеклобетонные дороги занесло осыпавшейся хвоей и мелкими сухими веточками, на эту основу вполз вездесущий мох, пряча под своим мягким, обманчивым ковром свидетельства недавнего прошлого, лишь кое-где внимательный взгляд мог приметить то бурую проплешину в траве, то несвойственный природной геометрии холмик с зарешеченной вершиной или оплывший курган, на склонах которого еще угадывались контуры прямоугольных ворот.

Лес поражал своей тишиной и полным отсутствием нерастительных жизненных форм…

…И все же сторожкая тишина леса была обманчива.

Здесь текла своя жизнь, зачастую непостижимая для неподготовленного разума. Если внимательнее присмотреться к мягкому мшистому ковру, то на нем отслеживались тропы, проложенные явно не зверьми. Попадались и иные признаки, свидетельствующие, что лес время от времени посещается живыми существами. Кое-где среди зелени подлеска виднелись свежие раскопы, похожие на геологические шурфы, попадались и более старые, уже оплывшие и заросшие травой; иногда ковер мха и ползучих растений был сброшен с поверхности какого-либо бугра, обнажая его истинную структуру и цвет. Из-под земли в таких местах выступал похожий на желтую кость бетон.

…Этим утром на небольшую прогалину, со всех сторон окруженную буреломом, вышел сухощавый подросток лет восемнадцати. Одет он был бедно, неброско — в старый, местами залатанный комбинезон, какие носят технические сотрудники космопорта; в руках он держал компактного вида

прибор, снабженный двумя прямыми жесткими антеннами, за плечами юноши висел объемистый рюкзак, на поясе цельнокроеной одежды были закреплены саперная лопатка и потертая пластиковая кобура, из которой торчала рифленая, прорезиненная рукоять автоматического импульсного пистолета системы «Гюрза».

…Осмотревшись, он повернулся к центру прогалины и направил антенны прибора к земле, одновременно большим пальцем правой руки ритмично нажимая на сенсор, меняющий диапазоны сканирования.

Интуиция не подвела, и через несколько секунд на крохотной панели рядом с миниатюрным плазменным монитором зажглась изумрудная искорка светового датчика.

Сигнал был слабым: то, что скрывалось от глаз под поверхностью земли, располагалось на глубине полутора метров, поэтому сканер сумел выдать на дисплей лишь общий контур четырехметрового сигарообразного предмета. Судя по данным инфракрасного сканирования, внутри этой штуковины еще теплилась энергетическая активность.

Дункан в замешательстве присел.

С одной стороны, непонятный агрегат, расположенный на приличной глубине, был слишком велик, чтобы откопать его полностью и унести, не разбирая, поэтому ценность находки показалась ему весьма сомнительной, а с другой… неизвестно, что таилось внутри полого сигарообразного корпуса. Оружейные контейнеры долгосрочного хранения имели приблизительно такой же размер, но их форма была прямоугольной, а энергетическая активность в цепях электрозамков, как правило, отсутствовала.

Через некоторое время верх все же взяло любопытство, и он, отцепив от пояса саперную лопатку, принялся осторожно подрубать дерн по периметру предполагаемого раскопа.

В отличие от других обитателей Омикрона Дункан не боялся леса, а любил его за тишину, сказочно-свежий воздух, за возможность отрешиться от нелегкого существования и подолгу оставаться наедине с самим собой. Поэтому он старался не причинять вреда своему большому молчаливому другу, который, хоть и скрывал в своих дебрях неисчислимое количество опасностей, но одновременно давал укрытие тем, кто умел с ним ладить…

Любому из жителей колонии Омикрона такое внутреннее суждение о лесе наверняка показалось бы формой умственного помешательства, но Дункан верил в то, что ощущал. Кроме собственной жизненной философии, у него имелись некоторые выработанные с годами принципы, которые он старался соблюдать, и опыт, помогающий ему сосуществовать с

неприветливым для иных людей местом.

Сняв мох, он почти не повредил его туго сплетенные корни и оттащил длинный зеленый пласт в сторону, чтобы позже уложить его на место.

Под снятым дерном обнажился серо-коричневый рыхлый грунт, пронизанный белесыми корнями кустарникового подлеска и толстыми узловатыми отростками корневой системы более крупных деревьев.

Дункан не знал, что видит перед собой древнюю лаву, некогда излившуюся из трещин материковой коры. Несколько десятилетий назад, когда люди впервые прилетели на Омикрон, они распылили над материком специальный вид микроорганизмов, которые за короткое время переработали бесплодные продукты извержения, разрыхлив их на глубину трех-четырех метров.

На месте лавовых равнин образовался слой так называемой вулканической почвы, куда и были высажены мутагенные формы растений, сформировавшие современный лесной массив.

Саперная лопатка с тихим скрежетом вошла в серый грунт. Дункан копал неторопливо, планомерно, не забывая время от времени поглядывать по сторонам. Через полчаса, углубившись на полметра по всей площади раскопа, он перестал встречать мелкие корни, и теперь только два одеревеневших узловатых корневища пересекали вырытую им яму.

Их он трогать не стал, — пока что в этом не было никакой нужды.

…Еще через час, когда выкопанная им яма достигла метровой глубины, под штык лопаты все чаще стали попадаться черные вкрапления, похожие на металл, но не ржавый, а какой-то иной. Заинтересовавшись ими, юноша прекратил работу и подобрал один такой фрагмент размером с ладонь. С первого взгляда тот был похож на чешуйку, отвалившуюся от тела невиданной металлической рыбы. Долгое пребывание под землей нисколько не повредило овальной металлокерамической пластине, она не только не проржавела, но и сохранила на своей поверхности черно-фиолетовую, шелушащуюся коросту окалины, немо свидетельствующую о том, что этот фрагмент металлокерамики некогда испытал нешуточный нагрев.

Дункан был знаком с таким явлением в основном на примере остовов сгоревшей бронетехники, которая в изобилии украшала собой опушки лесного массива.

Эта находка еще более подстегнула его любопытство, и Дункан принялся копать с удвоенной энергией, стремясь поскорее обнажить скрывающийся в толще песка продолговатый предмет…

…Торопливость никогда не приводит к хорошим последствиям.

Юноша знал это, но длительная работа и сонный лесной покой притупили его бдительность, поэтому, выбрасывая очередную лопату грунта на скат внушительно отвала, он внезапно вздрогнул всем телом, заметив, как среди ветвей окружающего прогалину кустарника осторожно движется сферический предмет.

Шар без видимой опоры парил в воздухе, медленно пробираясь в густых зарослях низкорослого подлеска.

Видеосканер… — обожгла разум мгновенная мысль.

Прятаться либо убегать было поздно: сам шар не имел встроенного оружия, но за ним, как правило, следовали патрульные боты, которые, подчиняясь заложенным программам, бдительно стерегли все пространство лесного массива.

Дункан замер, прислушиваясь.

Тонкий, неприятный, заунывный звук работающих сервоприводов полоснул по туго натянутым нервам. Он раздавался где-то среди густого кустарника, но зеленая стена не являлась надежной защитой от машин, — они были уже очень близко и могли появиться на открытом пространстве прогалины в любую секунду…

Саперная лопатка так и осталась лежать на дне незаконченного раскопа. Сейчас промедление было равнозначно смерти, и вырытая яма вполне могла стать его собственной могилой — это Дункан понимал со всей зловещей очевидностью, — поэтому он не раздумывал и не медлил.

Сухощавое тело подростка, спрятанное под мешковатыми складками комбинезона, не отличалось явными признаками физической силы, а оттягивающий ремень импульсный пистолет казался деталью бравады юного искателя приключений, но последующие действия Дункана показали, что все обстоит несколько иначе.

Он выпрыгнул из ямы, оттолкнувшись ногами от ее дна; при этом левая рука юноши едва коснулась края раскопа, направляя тело за отвал вырытой почвы, а правой он успел выхватить из кобуры тяжелый автоматический пистолет, чей интегральный затвор тут же прошелестел, свидетельствуя об активации оружия.

Движения Дункана были гибкими, сильными и стремительными, однако сканер висел слишком близко, чтобы не заметить человека.

Шар пришел во вращательное движение. Стремительность подростка не могла обмануть сложный прибор, чей процессор работал на тактовой частоте миллисекунд, а точечные зрачки цифровых видеокамер фиксировали все окружающее пространство, постоянно сравнивая запечатленный в памяти базовый кадр с реальной картинкой окружающего.

Дункан не знал, как именно работает шар, но, проведя в лесу не один год, он был прекрасно осведомлен об опасности подобных встреч, и поэтому, едва его ноги коснулись мха по ту сторону отвала, он резко приподнялся из-за укрытия и выстрелил, для верности перехватив «Гюрзу» двумя руками.

Тяжелый импульсный пистолет стреляет металлическими шариками, для достижения кумулятивного эффекта заключенными в мягкую оболочку. Заряды разгоняются по каналу ствола посредством электромагнитного поля. Этот вид ручного импульсного оружия имеет сокрушительную мощность и кучность огня, особенно на коротких дистанциях, а Дункан, как выяснилось, был неплохим стрелком: три пули, ударив в центр сферического механизма, со звонким хрустом проломили его корпус, превратив сложный электронный прибор в бессильно искрящий среди ветвей кусок металлопластика.

Все происходящее заняло не более двух секунд…

Тихо прошелестел затвор оружия, индикаторы накачки на покрывающих ствол «Гюрзы» вздутиях электромагнитных катушек светились ровно, без мерцания, а по спине Дункана сбежала щекотливая капелька холодного пота.

Звук сервоприводов стих… значит, следовавшие за сканером патрульные кибермеханизмы сейчас остановились в поисках источника вероятной агрессии.

Он, не смея дышать, затаился за отвалом вырытой почвы, инстинктивно стараясь вжаться в его осыпающийся скат, но разумом он понимал, что его все равно заметят: зрение машин было намного совершеннее человеческого, а груда мелкозернистой породы не помеха для их сканеров.

Не всякий взрослый человек, обладая знаниями о повадках и смертельной опасности машин, смог бы выжидать, дрожа от переизбытка адреналина в крови, но такое поведение было единственно правильным: вскочи сейчас Дункан и побеги прочь — смерть неминуемо догонит его…

Он должен был увидеть, с кем имеет дело, прежде чем предпринимать какие-то попытки спастись, выпутаться из внезапно возникшей ситуации…

Наконец глухую тишину леса вновь нарушил характерный звук сервомоторов, вторя ему, затрещали ветки кустарника, и на прогалину с разных сторон вышли два человекоподобных кибернетических механизма.

Посмотрев на своих врагов, он понял, что на этот раз влип в серьезную передрягу.

Обычно возглавляемый видеосканером патруль состоял из боевых

ботов, передвигающихся на геомагнитной подушке. С машинами подобного типа Дункан сталкивался не раз. Они были легкоуязвимы, но он предпочитал не вступать в единоборство с механизмами, а просто скрывался, уступая дорогу истинным хозяевам лесных чащоб, благо густой подлесок давал ему отличное укрытие, а патрульные машины никогда не начинали преследования, двигаясь по строго определенному маршруту.

Однако сегодня ему не повезло: во-первых, он сгоряча расстрелял видеосканер, а во-вторых, кибермеханизмы, появившиеся на небольшой прогалине перед раскопом, не имели ничего общего с патрульными ботами…

Ими оказались два андроида. Подобный тип машин, внешне похожих на человека, Дункан видел лишь мельком, в том далеком прошлом, когда эти механические создания бродили по всей округе, соперничая с прибывшими на планету людьми в сборе разбросанного повсюду снаряжения, оружия и комплектующих частей.

Память мальчика сохранила в своих глубинах незабываемый образ: он прятался в кустарнике, на краю старто-посадочных полей, когда подобный механизм на его глазах застрелил человека прямо у подъемника космического корабля.

Ситуация стремительно принимала смертельный оборот.

Мысль Дункана работала с лихорадочной быстротой. Две человекоподобные машины едва успели появиться на открытом пространстве небольшой поляны, а он уже принял решение, понимая, что автоматический пистолет в данной ситуации бесполезен, — он не знал уязвимых мест в конструкции дройдов, и потому вступать в открытое противоборство с ними показалось юноше безумием.

Оставался один способ — бежать.

Оба андроида как раз остановились, синхронно повернувшись в сторону затаившегося подростка. Их металлопластиковые лица с навек застывшими чертами казались страшной издевкой над скорчившимся за своим жалким укрытием, дрожащим от перенапряжения юношей. Дункан никогда не мог взять в толк, кто и зачем породил эти человеческие подобия…

Не спуская глаз со своих противников, один из которых начал поднимать правую руку, поверх которой было закреплено импульсное оружие, Дункан схватил тот самый чешуйчатый фрагмент металла, что разглядывал некоторое время назад, и швырнул его вверх.

Реакция машин оказалась мгновенной и предсказуемой. Оба дройда синхронно повернулись, и шелестящая очередь импульсного пулемета

слилась воедино с шипящим звуком разрядившегося лазера.

Ослепительная вспышка на миг осветила сумеречную поляну, брызги расплавленного и раздробленного пулями металла полетели по сторонам, оставляя за собой тающие в воздухе сизые змеевидные шлейфы, в нескольких местах вспыхнула трава, но Дункан уже не видел этого. Воспользовавшись моментом, он со всех ног бросился прочь, петляя и низко пригибаясь, чтобы ветки кустов не так больно хлестали по лицу.

Он надеялся, что дройды быстро потеряют его из виду и отстанут, но просчитался.

Юноша бежал что было сил, но звук сервомоторов постоянно слышался за спиной так близко и отчетливо, что порождаемая им жуть придавала сил, заставляла Дункана нестись, не разбирая дороги…

Смерть гналась за ним по пятам, упрямо пытаясь настичь человека. Несколько раз пули обдирали кору со стволов деревьев, визгливо рикошетя от них, потом Дункан боковым зрением увидел смутную фигуру человекоподобной машины справа от себя, и тут же темно-вишневый луч инфракрасного лазера полоснул вдоль земли, поджигая траву и срезая попадающиеся на пути молодые деревья, которые, потеряв опору, вдруг начали валиться в разные стороны…

В этот миг, когда одно из подрубленных у самых корней деревьев едва не зашибло его, Дункан понял, что андроиды не отстанут, и у него остался один мизерный шанс на спасение, — во что бы то ни стало достичь лесной опушки, где среди редкой поросли кустарника с давних времен сохранилось две наполовину вросших в землю БПМ, которые долго служили надежным убежищем для маленького мальчика.

Но до заветной опушки еще нужно было добежать, а он уже истратил большую часть сил, к тому же давно сбился с дыхания, а неумолимо преследовавшие его машины, наоборот, не знали, что такое физическое либо моральное измождение. Они спокойно, методично преследовали свою цель, не испытывая усталости и не задаваясь никакими вопросами.

…Когда Дункан выскочил на опушку леса, он уже был практически обессилен: ноги едва слушались его, сердце готово было выскочить из груди, голова гудела от постоянного физического напряжения, а звук сервомоторов приближался стремительно, неумолимо…

Едва соображая, что делает, Дункан из последних сил бросился к темному, вросшему в землю корпусу бронемашины.

Он хорошо знал, что обе БПМ лишены энергии и абсолютно безопасны. После появления на Омикроне колонии людей он предпочитал ночевать в городе, но часто использовал их как временное убежище в

период непогоды или как склад, смотря по обстоятельствам.

Вскарабкавшись по теплой, потемневшей от времени броне, он нырнул в люк БПМ, с лязгом захлопнув за собой тяжелую овальную крышку.

Внутри машины царил мрак, но Дункан знал тут все на ощупь, и поэтому, даже не отдышавшись, он нашарил во тьме откидное сиденье оператора, вокруг которого полукругом располагались приборные панели боевого компьютера, связанные с башенным орудием. Приподняв сиденье, он извлек из тайника увесистый рюкзак, в котором хранил часть своих лесных находок

Дункан понимал, что в его распоряжении остаются считаные секунды; непослушными пальцами он достал из рюкзака элемент питания и вставил его в казенную часть полуавтоматического орудия. Прошла секунда, другая, и внутри старой машины, под покатым сводом башни, зажглась тусклая лампа дежурного освещения. Приборные панели компьютера остались мертвы, но это не заботило юношу, который уже не раз экспериментировал с механикой и электроникой своего излюбленного убежища и потому знал, что и как нужно делать.

Однажды, еще в далеком детстве, он методом проб и ошибок неожиданно убедился в работоспособности башенного орудия вросшей в землю бронемашины, и на много лет этот давний, ошеломивший его опыт остался в памяти, с тем чтобы быть востребованным сейчас, в критический момент…

Лампа под сводом орудийной башни начала тускнеть — вставленный в гнездо элемент питания постепенно отдавал энергию электромагнитным катушкам импульсного ускорителя, но Дункан не нуждался в освещении. Он и так знал, что встроенный отсек с откидными лотками, в которых были закреплены боевые части орудийных зарядов, располагался по правую руку от операторского сиденья, а орудие, в отсутствии питания на сервомоторах точной наводки, управлялось вручную, посредством нехитрых механических приспособлений…

Все операции, которые произвел юноша, отняли у него менее минуты. Заметив, что индикаторы накачки электромагнитных катушек, наконец, зажглись ровным зеленоватым светом, он резко отодвинул бронированную шторку, закрывающую узкий смотровой триплекс, затем выхватил из лотка тяжелый, закругленный на конце цилиндр и вручную вогнал его в ствол орудия.

В этот миг на краю поляны показался один из преследовавших его андроидов.

Вид человекоподобной машины заставил Дункана ухватиться за рычаги ручного управления, с надсадным усилием поворачивая ствол орудия в потерявшем пластичность гофрированном гнезде. Застарелые механизмы работали с протестующим скрипом, но перевозбужденному, дрожащему юноше хватило сил справиться с их сопротивлением, и зловещий контур кибернетического механизма медленно вполз в центр нехитрого прицельного устройства.

Затаив дыхание, Дункан нажал на спуск.

БПМ вздрогнула, вбирая неизбежный импульс отдачи, в том месте, где только что двигался смертоносный механизм, к небесам рванул черно-оранжевый столб огня, смешанного с землей, дымом и бесформенными фрагментами металлопластика.

Дункан инстинктивно сжался, когда осколки от близкого взрыва со звонким лязгом полоснули по броне БПМ, оставляя на ней свежие выщербины, но едва стих грохот и рассеялся дым, как он тут же прильнул к узкой смотровой щели, с жадностью разглядывая свежую воронку, вокруг которой среди кустарника дымились разбросанные взрывной волной обломки человекоподобного механизма…

…Его руки по-прежнему дрожали, но не от страха, а в силу предельного напряжения всего организма. Всматриваясь в узкую щель триплекса, он машинально накренил лоток с боекомплектом, и еще одна увесистая тупоносая болванка мягко подкатилась к закругленному краю поддона, глухо стукнув о прорезиненный бортик, однако он не спешил перезаряжать орудие. Прошла одна секунда, другая, а звук сервомоторов не возобновлялся.

Дым от первого разрыва окончательно развеяло едва ощутимым полуденным ветерком, и он внезапно увидел второго из преследовавших его андроидов.

Человекоподобный механизм стоял подле посеченного осколками дерева, но его поза показалась Дункану какой-то неправильной, неестественной. Жуткий кибернетический механизм не двигался, чуть накренясь, он стоял подле дерева, словно манекен, прислоненный спиной к покрытому свежими выщербинами стволу сосны.

Еще минуту юноша до рези в глазах всматривался в узкую панораму, которую открывала ему щель триплекса, не в силах понять, что случилось с андроидом, на корпусе которого не было видно никаких повреждений?

Перевозбуждение все еще владело им, избыток адреналина глушил разум, кровь глухо стучала в висках, легким не хватало воздуха, и он, действуя под напором этих ощущений, откинул тяжелый люк, выбрался из

сумеречного чрева БПМ и медленно подкрался к неподвижному кибермеханизму.

Внешне тот действительно выглядел неповрежденным, лишь несколько незначительных свежих царапин блестели на тусклом покрытии бронированных кожухов. Дункан впервые видел андроида так близко — что называется, лицом к лицу, и потому разглядывал его с жадным, патологическим любопытством, которое затмило все остальные чувства и ощущения.

Если б он знал, что такое баллистический шок, то, наверное, остерегся бы так близко подходить к неподвижному андроиду. В момент взрыва ударная волна вызвала сбой в электронных цепях управления кибермеханизма, но это было временным явлением, и андроид вполне мог «ожить», в любой момент обретя былую функциональность.

Щуплый, долговязый подросток, только что чудом избежавший смерти, сейчас подвергал себя неоправданному риску — это была еще одна грань опыта выживания, которой он пока не изведал…

Взглянув в неподвижное лицо дройда, на которое из свежих осколочных выщербин древесной коры капала пахучая сосновая смола, он не выдержал тех рефлекторных ощущений, которые порождала рискованная близость.

Опустив «Гюрзу», Дункан в полном изнеможении сел на землю и внезапно разрыдался.

Напряжение схлынуло так неожиданно, что перемена физического состояния вновь оглушила его. На смену бесконтрольной дрожи пришла полная расслабленность и глухое безразличие, лишь подергивалось левое веко да по щекам катились бесконтрольные слезы…

Поглощенный этими чувствами, он не заметил, как за его спиной кибернетическое создание медленно повернуло голову, сфокусировав взгляд на судорожно вздрагивающих плечах опустошенного нервным стрессом Дункана…

Андроиду понадобилось несколько наносекунд, чтобы кристалломодуль «Одиночки» смог логически оценить ситуацию и выработать адекватное решение.

Существо, сидящее перед ним, представляло реальную угрозу, но в то же время оно являлось источником информации, столь необходимой центральному модулю Сети.

Механическая рука человекоподобной машины взметнулась в стремительном движении, и металлопластиковый кулак оглушил юношу, ударив его чуть ниже затылка…

…Через полчаса, проходя мимо начатого Дунканом раскопа, андроид, транспортирующий на базу бессознательное тело пленника, отметил, что переданная им информация уже обработана и по ней также принято решение. Из значительно расширенной и углубленной ямы специальный погрузчик поднимал четырехметровый, вытянутый в форме цилиндра спасательный сегмент, оставшийся от малого космического корабля.

На Омикроне назревали глобальные перемены, но Дункан в данном случае не являлся первопричиной нового витка саморазвития центрального модуля Сети, он пал жертвой обстоятельств, а истинный виновник начавшихся событий сидел сейчас в окружении сложных компьютерных комплексов, стараясь понять, что же случилось с патрульными машинами.

…Алан Макмиллан уже в четвертый раз пытался соединиться с доступной ему периферией, но каждый раз, вместо привычного перехвата управления, на контрольных мониторах появлялось не знакомое видеоизображение глухих лесных дебрей, а угрожающие символы сбоя.

Он не понимал, куда подевались патрульные боты и кто, Фрайг раздери эту Сеть, занял их место?

Наконец с энной попытки ему удалось осуществить кратковременный контакт с устройством видеонаблюдения

Алану хватило одного беглого взгляда на новые патрульные механизмы, чтобы интуитивно ухватить суть произошедшей перемены.

Он отключился от видеосканера и несколько минут сидел, обхватив руками голову, затем, грязно выругавшись, он взял из гнезда мобильный коммуникатор и набрал трехзначный код.

— Хаким?

— Да, Алан.

— Приходи в центр, немедленно, — произнес Макмиллан. — Похоже, у нас назревают крупные проблемы…

* * *

Сказать, что Зураб был зол, значит, не передать и сотой доли его эмоций.

Хаким в эти минуты был похож на животное, пораженное бешенством.

— Ты… — Он внезапно схватил Алана за отворот одежды и рывком выдернул его из кресла, продемонстрировав недюжинную силу слепой, необузданной ярости. — Ты вонь Шииста!.. — прохрипел он в лицо опешившему Макмиллану. Не говори мне больше, что я не могу рубить лес!.. — Хаким швырнул Алана назад в кресло. — Хьюберт ждет

очередную партию товара! И она должна быть доставлена в срок!

Алан потер шею, где наверняка остался синяк.

— Ты успокоишься или будешь орать с пеной у рта? — спросил он, приходя в чувство после двух испытанных подряд шоков.

— Почему я должен успокоиться?!..

— Потому что криком делу не поможешь.

— Я ничего не понимаю в твоих железках! Какая тебе нужна помощь?!

— Не ори, — повторил Макмиллан. — Я поставил тебя в известность о том, что у нас проблемы…

— Это у тебя проблемы! А у меня они начнутся через две недели, если на орбиту Кьюига не прибудет корабль с товаром!

— Хорошо, ладно, я все понял. — Алан поднял обе руки в примиряющем жесте. — Хватит брызгаться слюной, лучше скажи, сколько у меня времени?

— Неделя, — хрипло ответил Хаким. — Рабочим нужно три дня на вырубку и погрузку. Еще сутки на подготовку к старту, потом два дня уйдет у Кущина на гиперсферный прыжок и маневры в околопланетном пространстве.

— Устраивает, — у Алана тоже начала нервно подергиваться щека. — Ты можешь отозвать в город все группы старателей?

— Могу. Но зачем?

— На всякий случай. Пусть находятся в городе, так спокойнее. Я не знаю, в чем кроется ошибка, но Сеть не просто так сменила тип патрульных механизмов. — Он криво усмехнулся. — На том конце кабеля почуяли неладное, и я не могу предсказать тебе, как далеко зайдут последствия. Ты можешь бояться своего Хьюберта хоть до кровавого поноса, но если мы влипли с первой вырубкой, то настоящая опасность кроется здесь. Так что отзови всех людей, проведи ревизию наличного оружия и будь готов к неприятностям.

— Это все?

— На данный момент все. Я буду работать. Если мне понадобится помощь, позвоню.

— Неделя, Алан.

— Я хорошо слышу. Можешь не повторяться. — Макмилланом тоже начало овладевать иррациональное бешенство, словно необузданные эмоции Хакима оказались заразными. — Все. Меня не беспокоить.

* * *

Оставшись один, Алан запер дверь, сел на подвернувшийся системный блок и мрачно закурил, пытаясь осмыслить ситуацию.

В действиях машин обязательно должна присутствовать логика. Они не умели мыслить иррационально. Значит, в смене патрульных механизмов таился непонятый смысл. То, что вырубку заметили и восприняли как нарушение зоны охраны, не оставляло у Алана никаких сомнений, но теперь это уже не являлось главной проблемой. Настоящая загвоздка заключалась в отсутствии доступа к программному обеспечению человекоподобных машин, хотя, по всем мыслимым раскладам, андроиды в стандартной комплектации не очень отличались от своих безногих собратьев…

Стоп…

Мысль Алана будто споткнулась о термин «стандартная комплектация».

Он резко встал, пересев в свое рабочее кресло.

Так… Посмотрим… — Он вызвал на экран короткий фрагмент видео, записанный в момент его удачного подключения к системе видеосканера, и запустил покадровую обработку изображения.

На первый взгляд патрульные механизмы являлись обыкновенными ремонтно-бытовыми машинами человекоподобного типа, но при скрупулезном анализе поисковая программа тут же выдала несколько нехарактерных отличительных особенностей, отслеженных во внешнем облике кибермеханизмов.

Во-первых, оба андроида были вооружены. Один, судя по изображению, нес на правой руке хитро смонтированное импульсное оружие, явно изготовленное из стандартного «ИМа», который приспособили специально для крепления на механическую конечность. Приклад импульсной винтовки был обрезан, на боковой поверхности оружия неведомый технолог смонтировал два захвата, цепко обнимающих защитный кожух дройда в районе запястья и локтевого шарнирного соединения правой руки.

Умно… — подумал Алан. Такая конструкция была выгодна, функциональна, учитывая, что левый манипулятор андроида остался свободен для выполнения любых операций, не связанных со стрельбой.

Второй механизм был вооружен легким импульсным лазером, излучающая трубка которого крепилась к его конечности аналогичным способом. Таким образом, патрульное трио представляло грозную силу с немалой огневой мощью и высокой степенью маневренности.

Однако наличие оружия и его компоновка не давали ответа на

главный вопрос — почему Макмиллану не удалось соединиться ни с одним из дройдов? Стандартные коды доступа, безотказно работавшие с системами патрульных видеосканеров и сопровождающих их ботов, на этот раз не действовали. Учитывая то, что в распоряжении Алана имелся мощный генератор кодов, не только хранящий в своей памяти миллионы цифровых вариантов паролей, но и способный подбирать их новые сочетания, за доли секунды «переваривая» любую головоломку, основанную на случайных числах, стоило признать, что андроиды снабжены просто невероятной степенью защиты от несанкционированного доступа.

Нет… Так не годится… — Алан покосился на испытанный прибор. — Он бы расколол любой пароль, без сомнения, значит, дело не в самих кодах, а в неверном подходе к проблеме, ее неправильном осмыслении…

Эти выводы вновь привели Алана к внимательному изучению видеоряда. Кроме наличия оружия, у двух запечатленных на видео дройдов обязательно должны быть еще какие-то иные особенности… он подсознательно чувствовал это.

Раз за разом просматривая разделенное на отдельные кадры видео, Макмиллан обратил внимание на один из ракурсов съемки.

Андроид на избранном стоп-кадре был изображен вполоборота, почти в профиль.

Что за овальный выступ в его правой височной области? — с удивлением подумал Алан, прекрасно знавший конструкцию человекоподобных машин. На том месте, где виднелось непонятное включение, должен располагаться инфракрасный порт обмена данными, который имел схожую форму, но не выступал за пределы металлопластиковой черепной коробки.

Обнаруженное несоответствие могло оказаться тем самым ключиком к разгадке, которую пытался отыскать Макмиллан. Порт обмена данными имел решающее значение в ответе на вопрос: подключена данная машина к Сети или функционирует в режиме полной автономии?

Что такое Сеть? — логически размышлял он, продолжая рассматривать изображение. — Это единение кибернетических систем, связанных постоянно действующими каналами обмена информацией, — мысленно ответил Алан на заданный самому себе вопрос. Кабель, обнаруженный им во время монтажных работ по созданию центра виртуальных развлечений, как раз являлся компонентом такого единения машин, он вел от разрушенного вычислительного центра космопорта в глубины лесного массива, соединяясь там с действующей инфраструктурой

связи, восстановленной машинами на основе старых оптико-волоконных кабелей, проложенных сквозь толщи стеклобетонных перекрытий еще при строительстве базы.

Если инфраструктура связи, реализованная на подземных уровнях, была ясна и понятна, то проблема сетевого соединения с удаленными механизмами, патрулирующими лесной массив, некоторое время оставалась для Алана загадкой. Как осуществлялся эффективный обмен данными между подземными уровнями и отдельными периферийными устройствами, если металлизированные деревья служили непробиваемым экраном для традиционных средств беспроводной связи?

Наблюдая за патрульными ботами, Макмиллан не мог не заметить, что они находятся в постоянном контакте с Сетью. Стоило возникнуть какой-либо поломке, как на помощь поврежденному боту или видеосканеру тут же приходили ремонтные механизмы базы.

Некоторое время Алана устраивала сама констатация факта наличия сетевого соединения с удаленными исполнительными устройствами, пока не встал вопрос о необходимой для вырубки деревьев акции невольного саботажа со стороны энной части патрульных машин.

Готовясь к этой операции, Макмиллан обязан был выяснить способ передачи данных, и он нашел его.

Сейчас, оглядываясь назад, он мог только склонить голову перед генными инженерами, создавшими уникальный природный комплекс. Металлизированные деревья, оказывается, обладали не только превосходными маскирующими свойствами, вдобавок они эффективно передавали тепловое излучение. Небольшие наросты на древесной коре, окольцовывающие каждый ствол на высоте трех-четырех метров, имели особый химический состав. Стоило незримой для человеческого глаза инфракрасной волне соприкоснуться с подобным наростом, как в нем начиналась химическая реакция, в результате которой излучалась точная копия полученных волновых колебаний. Таким образом закодированные данные передавались от дерева к дереву, по всему массиву, беспрепятственно попадая на приемные устройства базовой Сети.

Разгадав принцип передачи данных, Макмиллан без труда смог спланировать акцию по вырубке нескольких гектаров леса. Чтобы не возбуждать негативной реакции машин, он очертил для Хакима строго определенные участки леса, расположенные узкой полосой вдоль окраины массива. Такая вырубка не нарушала границ патрулирования, а значит, не должна была вызвать сбоя в обмене данными между центральным узлом Сети и удаленными устройствами охраны.

Все было сделано корректно, однако Сеть отреагировала даже на такое, не нарушающее ее структуры, вмешательство. Причины подобного поведения по-прежнему оставались загадкой для Алана, но теперь он знал, что инфракрасный порт передачи данных играет исключительную, решающую роль в общении машин.

Пренебречь им, в угоду какому-то иному устройству, означало оставить периферийные механизмы без связи с центральным узлом Сети, именно поэтому Макмиллана так заинтересовал нехарактерный выступ на черепной коробке андроида.

Неужели Сеть прибегла к радикальному средству самозащиты, попросту выключив патрульные машины из общего информационного поля? В таком случае обнаруженный выступ представлял собой тривиальную заглушку, механический блокиратор удаленного доступа? Мозг Алана напряженно перебирал варианты технических решений в поисках единственно верного ответа. Права на ошибку у него не было, поэтому он не торопился с выводами, скрупулезно следуя логике.

После здравого размышления он пришел к неизбежному выводу: если андроиды лишены связи с управляющим центром, то они попросту несостоятельны в качестве эффективной охраны дальних подступов. Исходное программное обеспечение ремонтно-бытовых механизмов не включало в себя алгоритм боевых действий, значит, оружие в их руках автоматически становилось бесполезным приспособлением?

Нет, тут получался явный нонсенс. В основе любой машины лежит рациональность, и закреплять нехарактерные устройства, подгоняя их под структуру андроидов, Сеть стала бы лишь в одном случае, если она имела возможность присовокупить к вооружению какие-то программы по его эффективному использованию.

Подумав об этом, Макмиллан криво усмехнулся, вспомнив одного придурка, который однажды попытался угрожать ему импульсным пистолетом, позабыв вставить в оружие элемент питания для работы электромагнитных катушек. Нет, на подобный блеф способны исключительно люди, машины не допускают оплошностей, им вообще неведомы субъективные понятия, типа «устрашения» или «запугивания»… Если у дройда на руке закреплен двенадцатый импульс, значит, он умеет обращаться с ним, и не станет задумываться в момент применения оружия.

Что же это за выступ? — мучительно размышлял Алан, вызывая на резервный дисплей схему стандартной компоновки человекоподобных машин.

Их запоминающие и вычислительные устройства, вопреки

распространенному, но ошибочному мнению, располагались вовсе не в «голове», а в грудной полости, где для них нашлось больше места, а там, где видеозапись демонстрировала нехарактерную деталь, в черепной коробке машины имелось гнездо, предназначенное для установки модулей связи, стандартизированных под эталон взаимозаменяемых компонентов, которые выпускала промышленность Земного Альянса.

Не найдя приемлемого ответа на мучивший его вопрос, Алан пошел по иному пути: он максимально увеличил кадр, потом включил программу аналитической обработки изображения, которая могла по смутному контуру восстановить вероятные детали строения непонятного выступа.

Ждать результата пришлось довольно долго, в основном из-за неудачного ракурса съемки, но когда на увеличенном изображении начали проступать первые фрагменты истинной структуры выступа, Алан едва поверил своим глазам.

Дьяволы Элио… — Макмиллана сначала обдало холодным потом, а потом бросило в жар. — Это же кристалломодуль «Одиночки» собственной персоной! Ничего себе сюрпрайз…

Теперь все встало на свои места. Кристалломодуль включал в себя не только дополнительные блоки памяти, содержащие боевые программы независимого поведения, но и имел собственный мини-порт связи. Андроиды не потеряли контакта с Сетью, однако теперь они могли действовать в режиме полной автономии, в зависимости от обстоятельств.

Хаким разорвет меня на части… — удрученно подумал Алан, понимая, что взломать модуль «Одиночки» ему не по силам. На подобную операцию могут уйти месяцы скрупулезного труда без каких-либо гарантий удачного результата.

Что же делать? Идти сдаваться Зурабу? Или попытаться еще раз сунуть голову в петлю?

Последняя мысль Макмиллана вызвала у него кривую усмешку. Он с радостью бы попытался, но как? Модуль «Одиночки» создавался в период войны для управления наземными серв-механизмами и малыми космическими кораблями, так что доступ к нему могли получить только пилоты упомянутых машин путем прямого нейросенсорного контакта.

Где бы раздобыть кристалломодуль для исследования? — подумал Алан, продолжая угрюмо смотреть на экран. Если Хакимом двигали жадность и страх, то Макмиллан испытывал еще и чувство глубоко уязвленного самолюбия. Впервые он сталкивался с проблемой, перед которой хотелось попросту опустить руки.

Нет… Должен быть «выход». Все, что создано одним человеком, рано

или поздно может повторить другой, — пришла на ум Алану древняя поговорка. Рано или поздно… В сложившейся ситуации время играло явно не на его стороне.

Он машинально протянул руку, взяв из гнезда трубку мобильного коммуникатора. Еще раз говорить с Хакимом не хотелось, но только Зураб мог раздобыть необходимый для исследования компонент. Какая-то часть оставшихся после войны «Одиночек» наверняка циркулирует по черным рынкам возрожденного галактического сообщества…

Интересные ассоциативные цепочки порождает иногда человеческий мозг.

Макмиллан так и не донес устройство связи до своего уха. Словосочетание «черный рынок» внезапно пробудило мгновенно промелькнувший в голове мысленный образ-воспоминание: черные, закопченные эндоостовы серв-машин, скопление которых он видел на границе старто-посадочных полей разрушенного космопорта!..

Он резко встал, бросив коммуникатор на скошенную панель компьютерного терминала.

Макмиллан готов был поклясться чем угодно, что остовы сгоревших «Фалангеров» хранят в себе если не целые модули, то хотя бы их фрагменты! Это был шанс. Если он сможет найти и оттестировать уцелевшие запоминающие устройства, то…

Его возбуждение достигло пика. Сломать защиту «Одиночки», перехватить управление самой совершенной из созданных людьми кибернетических систем что может быть притягательнее для человека с его образом мышления?

* * *

На протяжении двух последующих суток Хаким пребывал в состоянии мрачного предчувствия неумолимо надвигающихся проблем.

Он ежечасно справлялся о том, что делает Макмиллан, но двое служащих, посменно дежуривших в центре виртуальных развлечений, неизменно отвечали одно и то же: Алан куда-то уходил, прихватив с собой набор слесарных инструментов. Вернулся он спустя несколько часов, весь перепачканный какой-то дрянью, похожей на сажу, но воняющей старой смазкой, после чего заперся в своей рабочей кабине и не выходит оттуда…

К исходу второго дня Зураб не выдержал и сам пошел к Макмиллану.

Дверь в виртуальную кабину оказалась незапертой, и Хаким беспрепятственно проник внутрь компьютерного святилища.

Ганианец не был брезглив, но его чуть не вырвало от стойкого запаха

мочи, пота и сгоревшей проводки.

Тесное пространство «кабинета» стало еще уже из-за замысловатой временной схемы, расположенной прямо на полу, вокруг кресла, в котором сидел сам Макмиллан. Его окружали толстые жгуты интерфейсов, переплетающиеся с кабелями энергопитания, — все это соединялось с почерневшими осколками схем, на которых только при внимательном рассмотрении можно было различить отдельные информационные кристаллы с подключенными к ним контактными зажимами.

Все это хитросплетение проводов и обломков старых схем объединялось одним толстым кабелем, который исчезал в недрах компьютерного терминала, а затем возвращался, приняв вид шунта нейросенсорного контакта, который, изогнувшись над плечом Алана, был соединен с его височным имплантом.

На Макмиллана было страшно смотреть. Его глаза были закрыты, лицо осунулось и приобрело землистый оттенок, под креслом растеклась лужа, из уголка рта стекала подсохшая струйка слюны.

Если первым чувством Хакима была брезгливость, то после беглого осмотра помещения и самого Макмиллана Зураба охватила нервная дрожь.

Схватив трубку мобильного коммуникатора, он набрал короткий номер, едва попадая пальцем в нужные кнопки.

— Вадим? — хрипло осведомился он, свободной рукой расстегивая душивший его ворот одежды. — Быстро врача в виртуальный центр! Похоже, Макмиллан решил отдать концы!..

…Кущин в сопровождении запыхавшегося медика, заведовавшего единственным аптечным пунктом колонии, прибыл спустя две или три минуты. Неподдельное волнение Хакима передалось ему в полной мере, и он всю дорогу бежал, подгоняя полноватого, страдающего одышкой Раймонда.

К чести сказать, Ричард Раймонд оказался толковым врачом, вопреки бытующему среди колонистов мнению, что он способен лишь вправлять вывихнутые суставы да выдавать жаропонижающие средства.

Вид пациента, застывшего в коматозном состоянии, да еще и с подключенным шунтом нейросенсорного контакта, заставил его лишь слегка побледнеть.

— У него информационный шок. — Ричард осторожно переступил через разложенные по полу компоненты временной схемы, стараясь не зацепить ни одного провода, и склонился над Аланом, насильно приподняв его веко. Проследив за реакцией зрачка на свет, Ричард обернулся к Кущину:

— Быстро открой мой кофр, там, на внутренней стороне крышки, закреплена обойма с зонд-инъекторами. Дай мне тот, что с красно-зеленой маркировкой.

Пока Кущин выполнял распоряжение, Ричард посмотрел на усохшие черты лица Макмиллана и произнес, обращаясь к Хакиму:

— Нужен тоник. У него обезвоживание организма.

Зураб кивнул. В данной ситуации он был готов помогать в чем угодно.

Выйдя за дверь, он вскоре вернулся с пластиковой бутылкой тоника.

Ричард к этому времени уже сделал Макмиллану противошоковую инъекцию и теперь ждал наступления ответной реакции организма.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем безвольное тело Алана вдруг начало конвульсивно подергиваться, будто каждую его мышцу сводило бесконтрольной, рефлекторной судорогой. Он что-то нечленораздельно захрипел, широко открыв глаза и одновременно выгибаясь в кресле.

— Держи голову! — закричал Раймонд.

Кущин что есть сил прижал затылок Макмиллана к подголовнику кресла, и в этот момент Ричард одним быстрым точным движением выдернул шунт нейросенсорного контакта из височного импланта Алана.

Тело Макмиллана в последний раз конвульсивно выгнулось и вдруг снова обмякло, лишь глаза по-прежнему остались широко открытыми, а в них сквозь мутную поволоку вдруг начало медленно проступать осмысленное выражение.

— Пить… — едва слышно просипел он.

Зураб тут же поднес к его рту горлышко открытой бутылки.

Алан, несмотря на сотрясавшие его минуту назад мощные конвульсии, оказался слабым, будто новорожденный ребенок, и Зурабу пришлось держать пластиковую бутылку, пока тот, захлебываясь, жадно ловил губами живительную влагу.

— Хватит, — наконец прервал процедуру Ричард. — Сиди смирно, Алан, сейчас я вколю тебе стимулятор, но не обольщайся, бегать не сможешь…

Макмиллан, казалось, не слышит его. Он мучительно скосил глаза, поймав взглядом встревоженное лицо Зураба, и тихо произнес:

— Я сделал это, Хаким… Я был там… Внутри… Где погибшие души перемешаны с кодами машинных команд… Это… — Он судорожно сглотнул… Это чудовищно…

— Я вижу, что ты сам чуть не сдох… — сварливо ответил Зураб, у которого нервная дрожь все еще пробегала вдоль позвоночника. — Лучше

скажи, что это разложено вокруг тебя?

— Фрагменты «Одиночек»… — слабым голосом ответил Алан. — Я взял их из уничтоженных «Фалангеров».

— И зачем ты полез в них? — не удержавшись, спросил Кущин.

— Я искал способ взломать «Одиночку», — уже более твердым голосом произнес Макмиллан. Ричард, наблюдавший за ним, удовлетворенно кивнул, мысленно отметив, что введенный стимулятор начал свое действие.

— Ты нашел этот способ? — спросил Хаким, к которому, по мере улучшения состояния Алана, постепенно возвращались собственные проблемы, терзавшие его на протяжении прошедших суток.

— Их невозможно взломать… — произнес Макмиллан. — Но я знаю, как их уничтожить, — добавил он со страшной, потусторонней улыбкой, тронувшей его потрескавшиеся губы. — А теперь отнесите меня в душ, — закрыв глаза, добавил он.

Ричард, прислушивавшийся к диалогу, кивнул.

— Я займусь этим, — успокоил он Зураба. — Ему нужно вымыться и поспать, думаю, что часов через десять все придет в норму.

— Ты хоть скажи, что с тобой было? — спросил Кущин, помогая Ричарду поднять Макмиллана с кресла.

— Я утонул… — загадочно ответил Алан.

— И что бы с тобой стало, не приди сюда Хаким?

На этот вопрос вместо Макмиллана ответил Раймонд:

— Через пару дней он бы скончался от окончательного обезвоживания организма. К сожалению, такие случаи нередки, иногда разум человека так глубоко погружается в виртуальную реальность, что уже не в состоянии выйти оттуда самостоятельно. Естественно, что большая часть жизненно важных функций мозга при этом утрачивается.

— Ладно, понесли его в душ, — прервал объяснения Ричарда Вадим. Лекцию на тему виртуальной зависимости я уже, помнится, слышал.

— Ни хрена вы не понимаете… — не открывая глаз, тихо произнес Алан. Там, где я был, человеческому разуму нет места… Это нирвана… или преисподняя… вам не понять…

Глава 9. Удар

Планета Омикрон. 12 января 2641 года…

Макмиллан вернулся в строй только через сутки.

Он вышел из здания колониального медицинского пункта, все еще бледный, как смерть, но уже вменяемый, способный не только самостоятельно двигаться, но и здраво мыслить.

Вызвав по коммуникатору Хакима и Кущина, он коротко переговорил с ними и пошел в свою каморку прибираться.

Безжалостно разобрав разложенную по полу временную схему, он сбросил большинство ее компонентов в утилизатор, потом вышел в центральный зал компьютерного комплекса и сказал, обращаясь к постоянно дежурившим тут «шестеркам» Хакима:

— Один идет мыть пол, второй со мной. Распределяйтесь, только быстрее. — Затем приложил к уху коммуникатор и спросил:

— Хаким, Кущин стартовал?

— Да, — ответил Зураб.

— Собирай людей на площадке у центра. Всех, кто есть.

— Хорошо, Алан. Тебе нужна связь с Вадимом?

— Пока нет.

События назревали стремительно, неумолимо, но Зурабу оставалось только догадываться, что задумал Макмиллан. Втайне он надеялся, что Алан не съехал с катушек во время своего дикого эксперимента и точно знает, что делает.

Отключив устройство связи, Макмиллан обернулся.

— Пошли на склад, — приказал он топтавшемуся подле служащему.

Он знал, что оба работавших в центре колониста в прошлом были техниками, поэтому Алану не пришлось пускаться в подробные объяснения, отдавая то или иное распоряжение.

Попав на склад, он отыскал там установку спутниковой связи, снабженную параболическими антеннами, которую он привез на Омикрон вкупе с другим оборудованием, но так и не удосужился установить — не было необходимости.

— Бери комплекс связи и лезь на крышу. Там найдешь готовые крепления. Вот этот кабель спустишь вниз, прямо в холл, через резиновую втулку. Справишься?

Дождавшись утвердительного кивка, он вышел.

Вялость отступала по мере того, как начиналась подготовка. Вернувшись в центральный зал, он зашел за стойку, где в спокойные времена восседал Хаким, и посмотрел на ровную шеренгу контрольных мониторов, связанных отдельными кабелями с виртуальными кабинами.

Отключив демонстрационные устройства, он собрал все интерфейсы, ведущие от виртуальных кабин, в единый жгут, потом вновь сходил на склад и принес оттуда запасной сетевой блок, поверхность которого сплошь была покрыта разъемами.

В итоге спустя полчаса все виртуальные кабины развлекательного центра были соединены через временный коммутатор с устройством спутниковой связи. Оставалось сориентировать антенны, добившись устойчивого обмена данными с космическим кораблем, и техническая сторона вопроса будет решена.

На площади перед зданием уже начал собираться народ, но Макмиллану потребовалось время, чтобы установить желаемый контакт с Кущиным, который по его команде совершил несколько маневров, пока Алана не удовлетворило местоположение корабля и качество связи.

— Удерживай параметры орбиты любой ценой, — передал он Вадиму по спутниковой связи. — Пусть тебя не волнует, что творится внизу, запомни: собьешь настройку инфракрасного излучателя, и нам крышка. Ретрансляция данных должна быть направлена строго на окраину лесного массива, но ни в коем случае не в его центр, ты понял?

— Понял, — пришел ответ Кущина. — Я уже ввел данные в бортовой компьютер. Маневрового топлива хватит, не беспокойся.

— Все, Вадим, в таком случае до связи. Уйдешь с заданной точки только по получении команды «Отбой», и в этом плане Хаким тебе не указ. Ты должен услышать мою команду — только она будет гарантией того, что все кончено.

— Мне вести орбитальную съемку?

— Как хочешь. Это не главное. Все, мне некогда, — Алан отключился.

В последний раз окинув хозяйским взглядом развернутый прямо в холле здания комплекс аппаратуры, он вышел на улицу, где уже ожидала собранная Хакимом группа колонистов.

Зураб стоял чуть в стороне, беспокойно поглядывая в сторону лесного массива.

— Ты переговорил с людьми? — спросил Алан, подойдя к нему.

— Да, — коротко ответил Хаким.

— Добровольцы нашлись?

— Тридцать два человека.

— Мало. Нужно как минимум сорок-пятьдесят человек.

— Ну, иди, поговори с ними, — вспылил Зураб. — Я уже сказал все, что мог.

— Ладно. Ты тоже будешь добровольцем, да, Хаким?

Зураб посмотрел на него в явном замешательстве.

— У тебя есть имплант? — вопросительно приподнял бровь Макмиллан. — Ты бывал в виртуалке? И, в конце концов, кто более всех заинтересован в результате операции, а?

Хаким был вынужден кивнуть. Ему нечего было возразить на приведенные Аланом доводы.

— Отлично. Плюс я сам и еще двое техников центра. Итого — тридцать шесть человек. Что ж… Остальных я уломаю… Пошли.

— Так, господа, — без вступительных обиняков начал Макмиллан, обращаясь к нестройной толпе мужчин, — тех, кто вызвался добровольцами для участия в виртуальной части операции, прошу отойти направо.

Толпа всколыхнулась, разделившись на две неравные части.

— Прекрасно. Теперь я объясню суть проблемы. Говорю для всех, потому что дело требует качественного подхода. Если кто-то боится, чего-то недопонимает в истинной сути виртуалки или имеет какие-то иные причины для неуверенности в собственной психике, прошу не комплексовать. Отходите в сторону, образуя третью группу, дело найдется для всех.

Через минуту толпа вновь разделилась, образовав три группы, приблизительно по тридцать человек в каждой. Из тех, кто ранее вызвался добровольцами, отошли только трое.

— Отлично, — подытожил эти перемещения Макмиллан. — Исходя из соображений реальной необходимости, мне нужны еще как минимум семнадцать человек. Не торопитесь, взгляните на лес. Вы знаете, что там хозяйничают машины, оставшиеся со времен Галактической войны. До сих пор мы мирились с неприкасаемостью массива ради безопасности колонии, но теперь обстановка изменилась. Машины восстановили свою базу и готовы к дальнейшим действиям. Я могу привести неоспоримые доказательства этого факта, но из-за хронической нехватки времени лучше поверьте мне на слово, все равно те, кто пойдет в виртуалку, смогут наглядно убедиться в правдивости моих выводов и наблюдений.

Он неторопливо прошелся вдоль неровных шеренг сбитых с толку людей и продолжил развивать свою мысль.

— Теперь о главном, — остановившись рядом с Хакимом, произнес

он. Новый тип машин, что появился в лесу, снабжен модулями программ независимого поведения, печально известными под кодовым названием «Одиночка». — При этих словах Макмиллана по группам собравшихся пробежал сдавленный удивленный ропот, но Алан не обратил внимания на это глухое проявление чувств, продолжив свой монолог:

— Итак, колонии грозит реальная опасность. Машины, снабженные кристалломодулями программ «Одиночка», зарекомендовали себя как беспощадные, уничтожающие все и вся механизмы, единственным смыслом существования которых является убийство. — Алан намеренно и грубо играл на тех страхах и фобиях, что закрепила в умах людей отгремевшая война. Он преследовал свою цель, но не собирался афишировать истинные мотивы предстоящей акции. Пусть эти люди считают, что им необходимо защищать собственные жизни от вторжения на территорию колонии кровожадных машин, тогда они станут действовать не за какие-то посулы, а за собственный страх. Инстинкт самосохранения, помноженный на чудовищную память былой войны, будет руководить ими, порождая слепую ненависть и стремление во что бы то ни стало одолеть «проснувшихся исчадий».

Хаким молча стоял рядом с Аланом, поражаясь тому, как уверенно и убежденно лгал хакер, играя на чувствах людей.

— Итак, — продолжил Макмиллан, дождавшись, когда вновь воцарится полная тишина. — Я, как вы знаете, отвечаю за безопасность колонии во всем, что касается неприятного соседства с машинами. Все время, пока вы разрабатывали рудные месторождения на соседнем материке, я контролировал сеть машин. Это помогло мне вовремя обнаружить источник угрозы и найти действенное средство защиты. Ричард Раймонд может подтвердить, что я чуть не отдал концы, вступив в контакт с враждебными системами.

— Да, это так, — скупо подтвердил Ричард.

— «Одиночку» невозможно взломать, — продолжил свою речь Алан. — Но, как у любой программной оболочки, у нее есть слабое, уязвимое место. Я нашел его, исследуя кристалломодули, снятые с известных вам эндоостовов сгоревших «Фалангеров». Теперь немного истории, — неожиданно сменил тему Макмиллан. Как известно, к концу войны Земной Альянс уже не располагал неограниченными человеческими ресурсами. Боевые действия вели в основном машины. Но при этом люди оставили за собой право на перехват управления любой боевой единицей. Говоря проще: оператор, находящийся на известном удалении от театра боевых действий, мог в любой момент подключиться к системе

«Одиночка» на правах удаленного пилота и взять на себя управление машиной. Двумя обязательными условиями такого подключения являются, во-первых, код доступа, подтверждающий полномочия человека, а во-вторых, обязательный нейросенсорный контакт между человеком и машиной.

Макмиллан откашлялся и продолжил:

— Мне удалось снять с разбитых кристалломодулей «Фалангеров» правильное значение кода удаленного доступа. Система нейросенсорного контакта перед вами, — он, не оборачиваясь, указал рукой на двери виртуального центра развлечений. — Вся необходимая аппаратура уже смонтирована. На мой взгляд, единственная возможность нейтрализовать нависшую над колонией угрозу, — это перехватить управление «Одиночками» и заставить их истреблять друг друга. Трудность заключается лишь в том, что при полном нейросенсорном контакте каждый из вас будет ощущать себя машиной, но с этим легко справиться, нужно лишь заставить разум воспринимать происходящее как игровое действие очередной виртуальной реальности, где один механизм ищет и уничтожает другой. В таком случае пострадавшими окажутся исключительно машины, а над нами не будет более нависать угроза со стороны оккупированного ими лесного массива. А теперь последнее. — Он вскинул голову, обводя пристальным взглядом притихшие группы колонистов. — Акция может быть осуществлена только один раз. Программный пакет «Одиночка» обладает функцией саморазвития, накопления опыта, и однажды атакованные машины уже не позволят вторично перехватить управление с использованием прежнего кода. Поэтому мне необходимо максимальное число добровольцев. Центр оборудован пятьюдесятью кабинами виртуальной связи, у каждого из вас есть импланты для нейросенсорного соединения, а наш корабль сейчас осуществляет маневр над лесным массивом, — он будет получать данные и ретранслировать их на приемные устройства машин. Я хочу, чтобы во время осуществления операции все виртуальные кабины были заняты, поэтому мне необходимо еще как минимум полтора десятка человек. Думайте, господа, перед вами выбор: сесть в кресло нейросенсорного контакта либо встретить «Одиночек» лицом к лицу в реальном мире, с оружием в руках.

Макмиллан умолк, а стоявший рядом с ним Хаким пораженно наблюдал, как в сформировавшихся было группах, на которые разделились присутствующие, вновь началось брожение.

Встречаться с «Одиночками» вне виртуальной среды, как выяснилось, не желал никто, поэтому группа добровольцев резко выросла.

— Вот это уже иной разговор, — зловеще усмехнулся Макмиллан. — Зураб, обратился он к Хакиму. — Выдай оставшимся оружие, пусть займут оборону на окраине города, может случиться, что часть машин сумеет избежать атаки и вычислит центр, откуда исходит вторжение. Постарайся сделать все быстро, пока я распределяю добровольцев по кабинам и втолковываю им, как следует себя вести.

— Но…

— Никаких «но», Зураб. Одна кабина зарезервирована за тобой. Я хочу, чтобы ты своими глазами увидел все происходящее и в следующий раз не брызгал на меня слюной, если вдруг возникнут очередные проблемы.

— Хорошо, Алан, — скрепя сердце согласился Хаким.

* * *

По расчетам Макмиллана все было просто, как начальная арифметика. Программная зависимость машин являлась их слабым звеном. Конечно, они поймут, что действия внешних пилотов как минимум нерациональны, ведь взаимное истребление — это деструктивная функция, но к тому времени, когда завершится подобная оценка, большинство новоявленных «Одиночек» уже будут представлять дымящиеся груды хлама.

Внезапность и чисто человеческая иррациональность — вот где крылся залог успеха.

Макмиллан занял свое кресло, воткнул шунт нейросенсорного контакта в имплант, положил руки на подлокотники и, расслабившись, спросил:

— Все готовы?

Ответом ему послужила гробовая тишина, впрочем, он и не ждал ничего иного.

— Тогда поехали… — Он сжал сенсор запуска, заранее расположенный на подлокотнике его кресла, и реальный мир вдруг перестал существовать для него, как и для сорока девяти остальных участников операции.

Тихо, монотонно шумел лес.

Незримые импульсы сорвались с передающих устройств виртуального центра, достигли космического корабля, где бортовой компьютер «Элизабет-Сигмы» преобразовал каждый из пятидесяти отдельных каналов в модулированные частоты инфракрасного излучения и направил их вниз, нацелив узко сфокусированными потоками на крайние деревья лесного массива, окольцовывая весь периметр отслеженной Аланом зоны

патрулирования.

Два патрульных андроида и сопровождающий их шар видеосканера неторопливо передвигались по заданному маршруту, когда командные импульсы, передающиеся на длине инфракрасных волн, были ретранслированы деревьями и попали на приемные устройства кибернетических механизмов.

Код доступа внешнего пилота.

Статус: Подтверждено.

Наличие нейросенсорного контакта: Соответствует эталону.

Действие: Открытие доступа. Вход в программную оболочку.

Есть!!!

Алан ощутил, как крупная дрожь ползет по коротко стриженному затылку, стягивая кожу головы холодными мурашками.

Он смотрел на мир глазами машины, ощущал каждый сервомотор человекоподобного механизма, как продолжение, нет, вернее, как часть самого себя.

Андроид с перехваченным управлением внезапно остановился. Его напарник продолжал двигаться вперед, а отставшая машина внезапно подняла правую руку с закрепленным на ней импульсным лазером, и темно-вишневый луч вдруг полоснул по спине удаляющегося дройда, наискось раскроив его защитный кожух вкупе с расположенным за ним главным сервомоторным узлом и герметичной капсулой вычислительного устройства.

Луч на этом не погас: описав в воздухе шипящую петлю, он отсек голову человекоподобной машины, отчленив ее от корпуса вместе с модулем «Одиночки», и, срубив несколько ветвей с близлежащего дерева, настиг неподвижно застывший в метре над землей шар видеосканера.

Бесподобно…

Макмиллан развернул машину, и, чуть раскачиваясь, пошел в том направлении, откуда до его слуха отчетливо долетали звуки беспорядочной стрельбы из импульсного оружия.

Похоже, кому-то из колонистов недостало опыта либо толики удачи, и он схлестнулся со второй машиной своего патруля, не сумев молниеносно обезвредить «напарника».

Управляемый Макмилланом андроид не успел пройти и десятка метров, как справа от него затрещали кусты, и он увидел покалеченную человекоподобную машину.

Правая рука андроида была отсечена вместе с оружием, точно по сочленение локтевого сустава, дымящийся шрам лазерного ожога

пересекал лицевую пластину, вместо правой видеокамеры зиял уродливый провал глазницы, через который можно было разглядеть начинку металлопластикового черепа.

Это явно была машина с перехваченным управлением, которую разделал другой дройд, руководимый «Одиночкой». Макмиллану не составило труда сделать такой вывод по паническому поведению искалеченного механизма, стоило лишь взглянуть, как дройд инстинктивно поддерживает левой рукой обрубок локтевого шарнирного соединения, будто машина способна испытывать боль и страх.

Макмиллан пропустил его мимо себя и безжалостным разрядом прожег черепную коробку неудачника, пронзив лазерным лучом модуль «Одиночки». Что испытал в данный момент вселившийся в машину разум пилота, Алана не волновало. Тот, конечно, мог оказаться настолько впечатлительным, что мгновенный вылет из виртуальной реальности, сопровождаемый шоковым ощущением выстрела в затылок, окажет необратимое воздействие на его психику, но оставлять неповрежденный кристалломодуль, способный отстранить слабохарактерного пилота от управления, было бы, с точки зрения Алана, непростительной глупостью.

Покончив с этим, он развернулся, как раз вовремя, чтобы резким рефлекторным движением уклониться от ослепительного лазерного разряда.

Сбоку от него, корректируя огонь «Одиночки», висел еще один видеосканер, а жалящий луч вспыхнул вновь, подрубая кустарниковый подлесок, в опасной близости от руководимого Аланом андроида.

Ни хрена… Ты меня не возьмешь… — подумал он, заставив свою машину ничком рухнуть на землю.

Луч лазера прошипел в полуметре над распластавшимся в траве дройдом, а в следующий миг Алан, предупреждая очередную атаку, рывком привстал на одно колено, располосовав серией лазерных импульсов все пространство, откуда исходил едва не перерубивший его темно-вишневый шнур когерентного излучения.

За горящей порослью кустарника что-то звонко хлопнуло, и Макмиллан понял, что попал. Характерный звук живо подсказал ему, что это взорвался резервуар со сжиженным азотом, который составлял основу охлаждающей системы испускающей трубки импульсного лазера.

Поднявшись на ноги, он огляделся.

Шар видеосканера висел в полутора метрах от него, нацелив на взбесившегося дройда свои видеозаписывающие устройства.

Макмиллан не отказал себе в удовольствии — он развалил

сферического засранца на пять или шесть уродливых долек, которые рухнули на землю, поджигая траву.

Сориентировавшись, он направился к тому месту, откуда по нему стрелял лазер. Убедившись, что взрыв охлаждающей емкости полностью обезоружил вражескую машину, он тщательно выжег кристалломодуль и двинулся дальше, ориентируясь на звуки стрельбы и яркие сполохи лазерных разрядов, зарницы от которых были видны под сумеречным шатром древесных крон на удалении в несколько километров.

Все только начиналось, и потому, проходя мимо места своей первой схватки, Макмиллан нагнулся, отцепил от механической конечности поверженного им андроида импульсную винтовку, вытянул свою левую руку и мысленно спросил:

— Инсталляция дополнительного вооружения?

— Подтверждаю, — ответил ему бестелесный голос.

Фиксаторы сухо щелкнули, сомкнувшись на левом запястье человекоподобной машины.

Бой, судя по сполохам и звукам, бушевал уже по всему периметру лесного массива.

* * *

В первые секунды внезапной атаки центральный модуль Сети Омикрона испытал состояние, схожее с информационным шоком, который недавно пережил Алан.

Неисчислимое количество данных начало одновременно поступать на запоминающие и вычислительные устройства расположенного глубоко под землей зала. Все они требовали немедленной обработки и принятия адекватных решений, что едва не привело к тотальной перегрузке системы.

Однако этого не случилось. Прошло всего несколько мгновений, а поток передаваемых данных внезапно сократился ровно наполовину, — пятьдесят процентов патрульных машин прекратили посылать запросы.

Затем ситуация начала видоизменяться ежесекундно.

Несистематизированный поток данных, который вливался в базовые накопители Сети, не относился к категории технической информации.

Глобальный отчет о происходящих по периметру зоны ответственности событиях занимал едва ли сотую часть от общего потока закодированных данных, которые исправно ретранслировали модули «Одиночек», управляемых в данный момент внешними пилотами.

Чудовищное свойство прямого нейросенсорного соединения, осуществленного между кибернетической системой и человеческим

разумом, проявило себя в полной мере: чистые модули «Одиночек», подчиняясь мысленным командам, одновременно с ними воспринимали массу иной информации, — они автоматически фиксировали все, о чем думал, что переживал тот или иной человек.

Перехват функций управления не означал, что машины оказались оторванными от Сети, — нет, истребляющие друг друга андроиды по-прежнему оставались включенными в единое информационное поле, и все, что творилось сейчас на окраине леса, средь ослепительных вспышек когерентного света, глухих очередей импульсного оружия, грохота прошибаемого навылет металла, шипения взъярившегося пожара, пожирающего подлесок, находило свое отражение в потоке передаваемых с места событий данных…

Миллиарды гигабайт, получаемые сейчас вычислительным центром Сети Омикрона, на девяносто процентов содержали в себе кодированную информацию человеческих мыслей, которые в эти мгновения варьировали от неизбывного ужаса виртуальной смерти до упоительного, но злорадного торжества победы. Их пропитывали страх и ненависть, в отдельных, исключительных случаях принимавшие форму крайнего презрительного цинизма.

Центральный модуль Сети не мог предпринять никаких адекватных ситуации ответных действий.

Если машина способна переживать внутренний ад, то именно такое сравнение уместно в данном случае. События развивались по непоправимому сценарию: правильные коды доступа, которыми воспользовались внешние пилоты, автоматически передали их разуму всю полноту власти над пятью десятками машин, но их последующие действия не могли быть расценены иначе, как бессмысленное уничтожение драгоценного парка техники. Одни, машины истребляли других, — в этом крылся резкий программный нонсенс, но данное противоречие воспринималось только ядром Сети, куда стекалась вся информация, создавая общую картину дисфункции, поразившей логичный, самодостаточный комплекс, словно глобальный сбой, который в конечном итоге вел к полному разрушению замкнутого машинного мира.

Накопление данных в центральном блоке продолжалось, их обработка теперь велась в постоянном режиме реального времени, и эти попытки прояснить причину сбоя привели к стремительному, взрывообразному саморазвитию главного компонента Сети: модуля независимого поведения.

Все дальнейшие события были сродни обратной связи, условному рефлексу, который позволяет человеку не совать руку в огонь дважды.

Внешне ничто не нарушало сумеречный покой подземного мира, не имея достаточного резерва механизмов, Сеть не могла послать их в поддержку бессмысленно уничтожаемым собратьям, поэтому глухую тишину залов и переходов не нарушил ни один звук…

Прошло не более часа, и поток данных с периферии начал стремительно иссякать.

Последние патрульные механизмы гибли в бессмысленных схватках. Большинство внешних пилотов отключилось в тот миг, когда были разрушены управляемые ими андроиды, и лишь двое продолжали принуждать подпавшие под их контроль машины к продолжению программного безумия.

Наконец пали и они…

Сеть перестала воспринимать поток чуждых ее пониманию данных, с периферии поступали лишь разрозненные сигналы от восемнадцати патрульных машин, которые пережили жесточайшую схватку, и теперь, находясь в различных точках лесного массива, запрашивали дополнительные инструкции, одновременно передавая отчет о полученных повреждениях.

Центральный блок Сети послал им команду на прекращение патрулирования периметра и возвращение в зону ремонтных мастерских.

Анализ последних сообщений показал, что из ста пятидесяти патрульных механизмов уцелели только эти восемнадцать дройдов. Все видеосканеры и восемьдесят две человекоподобные машины были уничтожены в процессе внезапно вспыхнувшего взаимного истребления.

* * *

Сеть Омикрона получила сокрушительный, почти непоправимый удар. Электронно-механический мир коллапсировал, контроль над лесным массивом был утрачен, а те механизмы, что находились в распоряжении Сети, либо нуждались в серьезном ремонте, либо вовсе не годились для достижения новых целей, которые внезапно поставил перед машинным разумом окружающий мир.

Глобальный сбой продолжался, но теперь он поразил не периферию, а само ядро системы.

Проблема заключалась не в контроле над территориями, некогда приписанными к военно-космической базе Альянса, и даже не в количестве исполнительных машин, которыми могло оперировать центральное вычислительное устройство. Все было гораздо сложнее.

Модуль «Одиночки», являвшийся средоточием программной воли

возрождавшегося на протяжении многих лет механического мира, за истекшее время выработал некую концепцию бытия, которая была сломана, растоптана, превращена в бессмысленный набор бесполезных команд…

Единственный термин, который правильно характеризовал прошлое состояние Сети, был почерпнут ею из новых, непонятных баз данных.

Иллюзия. Несоответствие взглядов на окружающий мир его реальным особенностям.

В тиши подземелий начался новый виток саморазвития искусственного интеллекта.

Мир, простирающийся вокруг, не был лоялен, он нес враждебность, и от его проявлений следовало защищаться.

Новая концепция бытия устранила сбои в работе, но ненадолго.

Мощные информационные хранилища, до последнего момента полностью удовлетворявшие запросы системы саморазвития, теперь под завязку были заполнены оцифрованными, но не прошедшими логической обработки данными. Их следовало либо удалить, либо осмыслить.

Металлизированная растительность горит плохо, и очаги лесных пожаров, вспыхнувшие на месте столкновений, погасли сами собой.

Прошла ночь, наступило туманное утро, и с первыми лучами восходящего солнца по старой дороге к лесу двинулась колонна машин.

Управляемые людьми тягачи и погрузчики беспрепятственно преодолели границу лесного массива и, углубившись на один километр, остановились.

Хаким откинул люк вездехода, выбрался на скат брони и спрыгнул на землю. После вчерашних событий его лицо все еще хранило землистую бледность. Он в полной мере вкусил все «прелести» грубого нейросенсорного контакта. Для неподготовленной психики прямое соединение с машиной само по себе является тяжким испытанием, но колонистам пришлось не просто контактировать с механизмами, а драться. Только сейчас Зураб в полной мере осознал справедливость древней поговорки, говорящей о том, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Он пережил этот ад, в котором неадаптированный разум воспринимал все повреждения управляемой им машины на уровне боли. По сути, он вчера пережил клиническую смерть, когда его андроиду разнесло голову очередью из импульсной винтовки…

Хаким потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел матовые стены тесной виртуальной кабинки да черный жгут нейросенсорного шунта, изгибающийся над правым плечом. Дрожащими руками он с

отвращением вырвал его из гнезда импланта, встал и вышел в огромный холл виртуального центра.

Бледные, потерянные, дезориентированные люди окружили его, кто-то молчал, погрузившись в себя, кто-то, наоборот, взахлеб пытался поделиться переполняющими рассудок впечатлениями, не заботясь о том, слушают ли его, но взгляд Хакима примерз к трем лежащим на полу телам, которые доктор Раймонд уже накрыл белыми простынями.

Это были те, кто не выдержал виртуальной смерти.

Последним из виртуальной кабинки вышел Макмиллан, который в силу своего опыта продержался дольше других.

Скользнув усталым безразличным взором по окружающим его лицам, он отыскал Зураба, подошел к нему и тихо сказал:

— Все, Хаким, отныне лес твой. Остерегайся центра массива, а окраину можешь смело вырубать под корень.

…Зураб стоял, вслушиваясь в невнятный гул древесных крон.

Ни одного постороннего звука, лишь тихо урчат водородные двигатели вездеходов.

— Начнем тут, — негромко произнес он в мобильное устройство связи. Всем выгружаться.

Люди рубили лес, а в глубинах бункеров шел неподвластный человеческому разуму процесс.

Конструкторы «Одиночек» действительно не задавались целью создания искусственного интеллекта. Мощность кристалломодуля была недостаточна для реализации столь сложного процесса, как бесконечное самоусовершенствование.

Однако каждое правило имеет свои исключения.

Как утверждают театралы, ружье, висящее на стене в первом акте, обязательно выстрелит в течение последующих сцен… так и модуль, обладающий потенцией саморазвития, когда-либо попадет в условия, где конструктивные ограничения будут сняты, а жесткое давление окружающей среды явится стимулом, двигателем процесса непрерывного познания мира.

Этот путь предсказуем лишь в определенной степени.

Люди не рождаются хорошими или плохими — в самом начале мы все одинаково чисты, наивны, беспомощны, и только процесс взросления разделяет нас, формируя личности.

Начало саморазвития ремонтно-бытового механизма, получившего чистый, лишенный индивидуальности модуль «Одиночки», шло закономерным путем. Он созидал, восстанавливая разрушенное, не ведая

иных целей и задач, кроме технического совершенствования. То немногое, что досталось ему в наследство от программного обеспечения военно-космической базы, выражалось в патрулировании периметра зоны ответственности, но это не означало, что система вынашивает какие-то зловещие планы относительно поселившихся на планете людей.

Сеть попросту игнорировала их. Не было никаких предпосылок для конфронтации, путь саморазвития ремонтного механизма завел его во временный тупик.

И вот скрупулезно созданный им мир в одночасье был сломан, растерзан, однако сам факт вторжения со стороны людей все равно не мог послужить ключом к пониманию произошедших процессов.

У блока саморазвития, окружившего себя мощнейшей периферией, по-прежнему не имелось отправной точки для построения цепи логических выводов, и тогда центральный модуль Сети перешел к обработке тех данных, что непрерывным потоком поступали на его носители в момент взаимоистребляющего демарша вышедших из-под контроля исполнительных механизмов.

Первичный анализ информационных массивов показал, что в новых базах данных реализована одна из основных особенностей прямого нейросенсорного контакта — машина, соединенная с разумом пилота, не только получала команды, но и сканировала человеческое сознание. Создатели «Одиночки» написали специальные программы, которые могли распознавать информацию, закодированную биохимическим состоянием и электрическим потенциалом нервных клеток. Все полученные данные оцифровывались, переводились на язык машинных кодов, а в ситуации, возникшей на Омикроне, они, в дополнение ко всему, были ретранслированы на запоминающие устройства центрального модуля Сети.

Изучение новых данных привело к непредсказуемому результату.

Блок саморазвития, оперировавший до этого исключительно понятиями рациональности, внезапно получил программный эквивалент человеческих эмоций.

О чем думали, что испытывали пять десятков колонистов в страшные минуты боестолкновения?

Их мозг находился под постоянным прессингом, разум раздирали противоречивые чувства, но доминантой эмоционального состояния все же являлась ненависть, стремление к разрушению… основанное на страхе.

Машина — враг.

Люди рубили лес, а центральный модуль Сети все глубже и глубже погружался в пучины саморазвития, постигая логику иных существ,

воспринимая их мотивы, осмысливая такие понятия, как алчность, цинизм, отслеживая отдельные личности, пока среди прочих моделей, созданных на основе систематизации данных, не было выделено две матрицы сознания.

Одна из них являлась электронным слепком разума Зураба Аль Хакима, а вторая отражала личность Алана Макмиллана.

По выводу системы, именно эти люди несли ответственность за внезапное вторжение, разрушившее всю периферию Сети.

Два андроида, как оказалось, были избраны Сетью Омикрона.

Наступила логичная реакция сложного самоорганизующегося комплекса, но в основе предполагаемых действий, помимо понятий рациональности, теперь лежали и иные мотивы.

Центральный модуль Сети уже мог рассматриваться как личность, ибо он полностью осознал факт своего существования, как и собственную уязвимость. Логика произошедших событий неоспоримо доказывала, что люди рано или поздно разрушат его, и остановить этот процесс можно лишь адекватными способами самозащиты.

На атаку следовало отвечать атакой, на подлость — подлостью, иначе обманчивая статика, наступившая после того, как люди получили возможность беспрепятственно вырубать лесной массив, вновь обернется непредсказуемым вторжением, которое принесет окончательное разрушение.

Эти выводы являлись закономерным итогом саморазвития, основанного на скрупулезном анализе личностей Хакима и Макмиллана, но в данном случае, следуя шкале человеческих ценностей, Сеть Омикрона не поднималась вверх, а скорее падала вниз, в пучину ненависти и регресса.

Такой путь развития был страшен прежде всего тем, что, усвоив негативные предпосылки человеческих поступков, ядро Сети не утратило присущей ей логики. Машина по-прежнему не ведала сомнений, а значит, ей предстояло пройти избранный путь до конца.

Осталось лишь избрать конкретный способ устранения угрозы, и тут Сеть Омикрона обратила внимание на двух существ человеческой расы, которые были пленены патрульными механизмами накануне вторжения.

Для исследования их поместили в биокрионические капсулы сохранившихся с давних времен лабораторий, но из-за грянувших событий процесс был отложен на неопределенный срок.

Теперь, когда Сеть выработала общий план действий, направленных на самозащиту, ей потребовался новый вид механизмов, который не вызывал бы у вторгшихся людей негативных реакций.

Андроидов, предназначенных для исполнения первоначальных акций,

следовало тщательно замаскировать и снабдить легендами, которые у людей принято обозначать термином «прошлое».

* * *

Колония Омикрона. Полгода спустя…

Дела Зураба Аль Хакима заметно шли в гору.

Думал ли он, что случайная встреча с Кущиным в припортовом кабаке планеты Кьюиг приведет его не просто к финансовому благополучию, а к фантастическому обогащению?

Разумеется, он не подозревал ничего подобного, но, хвала Шиисту, судьба оказалась благосклонна к Зурабу. Теперь он мог позволить себе многое, например, купить у колониальной администрации Центральных Миров небольшой планетоид, нанять специалистов по терраформированию и отстроить себе настоящий дворец по типу городов безвоздушной луны Стеллар, где атмосферу над определенными площадями удерживали незримые силовые поля… но он продолжал довольствоваться скромными условиями существования на Омикроне, не из жадности, конечно, а в силу более практичных соображений

Он не расширял колонию, не ввозил сюда дополнительный людской контингент, не увеличивал квоту вырубки деревьев, Зураб справедливо опасался, что Хьюберт, вкусивший такую же фантастическую прибыль от небольших партий древесины, вскоре попытается взять дело в свои руки. Чтобы избежать давления со стороны компаньона и не дать возможности его эмиссарам проникнуть на Омикрон, Хаким продолжал вести тонкую, по его представлениям, игру, пугая Хьюберта призраками озверевших машин и не допуская утечек информации об истинном положении дел на планете.

Если бы Хаким знал, как близок он к истине в своих надуманных специально для Донована страхах.

…Наступал вечер с его обычной безветренной прохладой, когда со стороны окаймлявших лес свежевырубленных делянок показались два человека.

Ими были молодой мужчина примерно двадцатилетнего возраста и осунувшаяся, явно пережившая массу невзгод женщина, которой, вне сомнения, уже перевалило за тридцать.

В молодом человеке, уверенно шагавшем по расчищенной стеклобетонной дороге, с большой натяжкой можно было признать того юношу, что полгода назад пропал в районе лесного массива.

Впрочем, за событиями последних месяцев никто даже не вспомнил о

Дункане.

Миновав окраину разрушенного космопорта, странная пара прямиком направилась к компьютерному центру колонии. Недавно у этого здания появилась пристройка, куда переехал жить Зураб. Отстраивая свои апартаменты, он не забыл про Кущина и Макмиллана, которые получили по две комнаты в новом крыле здания. Таким образом, Хаким всегда мог контролировать двух обитателей Омикрона, посвященных во многие нюансы его бизнеса.

Правда, Кущин пользовался выделенными ему помещениями крайне редко, предпочитая привычную каюту «Элизабет-Сигмы», и в этой связи Хаким, страдавший в последнее время излишней подозрительностью, начал подумывать о том, насколько благонадежен Вадим и не следует ли ему сменить пилота транспортного корабля?

Все сомнения Зураба, его страхи, надежды и амбиции так или иначе были решены этим теплым безветренным вечером

Повзрослевший, изменившийся Дункан остановился напротив реконструированного здания компьютерного центра колонии.

Его кажущаяся нерешительность не обосновывалась ни одной из причин, которые могли прийти на ум нормальному человеку.

Перед мысленным взором Дункана сейчас отображался мини-дисплей с мигающей информационной строкой:

Процесс: Активное сканирование.

Еще секунда — и внутреннее зрение развернуло перед ним трехмерный план здания, с отображенными на нем зеленоватыми фигурками людей. Часть из них сидела в виртуальных кабинках, двое находились у блока контрольной видеоаппаратуры, еще четверо располагались в помещениях пристройки.

Процесс: Поиск цели.

Две человеческие фигурки внезапно подсветились злобно мигающей, красной аурой.

Процесс: Идентификация личностей.

Статус: Полное совпадение.

— Пойдем, Кейтлин, — внезапно произнес Дункан. — Нам нужно поздороваться с дядей Зурабом.

Они беспрепятственно вошли в просторный холл через распахнутые прозрачные двери из толстого стекла.

— Привет, — произнес повзрослевший Дункан, обращаясь к двум охранникам, поднявшим головы на звук шагов.

Один из них застыл, наморщив лоб, видимо, пытался припомнить, где

он видел это смутно знакомое лицо, второй отчего-то занервничал, протянув руку к кнопке тревожной сигнализации, но потуги обоих безнадежно запоздали: глухо хлопнули два одиночных выстрела из снабженного глушителем «Стайгера», и Кейтлин, опуская руку с импульсным пистолетом, произнесла:

— Пошли. Нам направо.

* * *

Двери, ведущие в апартаменты Зураба, были не заперты. Очевидно, ганианец чувствовал себя в полной безопасности. Источником проблем, по его мнению, мог стать только несанкционированно появившийся на орбитах Омикрона космический корабль, а угроза, которой следовало опасаться на самой планете, была, на его взгляд, устранена еще шесть месяцев назад.

Макмиллан, конечно, придерживался иной точки зрения, не оставляя попыток проникнуть в мифический подземный компьютерный центр, но все его эксперименты оканчивались полнейшим провалом, что лишний раз убеждало Зураба в собственной правоте.

Он отказался выделить людей для тщательного прочесывания огромного лесного массива, в поисках скрытого входа, ведущего, по утверждению Алана, к подземным уровням бывшей военно-космической базы, где, по его словам, затаилась недобитая компьютерная сеть.

Ганианец не верил в эти сказки. Он продолжал упрямо мыслить определенным образом, считая, что любая реальная угроза неминуемо проявила бы себя уже на следующий день после атаки, уничтожившей практически все патрульные кибермеханизмы.

…Дверь тихонько приоткрылась, и на пороге возник стройный, сухощавый молодой человек.

Макмиллан, в очередной раз споривший с Зурабом по поводу Сети Омикрона, резко обернулся на вкрадчивый звук.

Ему стоило немалых усилий, чтобы признать в вошедшем того подростка, что иногда заглядывал в виртуальный центр развлечений.

Что-то он больно быстро повзрослел, — промелькнула в голове Алана здравая мысль.

— Здравствуйте, дядя Хаким, — произнес Дункан, одновременно вытаскивая из-за отворота своей одежды импульсный пистолет системы «Гюрза».

— Ты что, рехнулся?! — Зураб попытался вскочить, но пуля пригвоздила его к подголовнику кресла, с нечеловеческой точностью

пробив переносицу ганианца.

Макмиллан оцепенел. Он за доли секунды сумел понять, что сбылись самые наихудшие из его предчувствий, но что он мог поделать?!

Тихий, едва слышный хлопок оборвал его последнюю мысль.

Машины действовали, как люди, за одним важным исключением: они не говорили лишнего, не совершали ошибок и постоянно учились, с каждым шагом оттачивая свою способность имитировать поведение настоящих людей.

Следующим в списке на уничтожение значился Вадим Кущин. На нем обрывалась цепочка, связующая Омикрон с остальными мирами.

Дункан вытащил из нагрудного кармана Хакима мобильный коммуникатор.

Набрав номер, он терпеливо ждал, пока ему ответят. По предварительным данным, полученным путем радиоперехвата, транспорт класса «Элизабет-Сигма» должен был стартовать с Омикрона через тридцать минут. Расчет гиперсферного прыжка, уже запрограммированный в память бортового компьютера, направит корабль в точку рандеву системы Кьюига, где начиналась новая цепочка лиц, осведомленных об Омикроне и заинтересованных в эксплуатации ресурсов планеты.

— Да? — наконец раздался ответ в системе связи.

— Вадим, это Зураб, — произнес Дункан синтезированным голосом ганианца. — Сейчас к тебе подойдет парень, его зовут Дункан. С ним будет женщина. Возьмешь обоих на борт в качестве пассажиров. Что? Нет, делай, как тебе говорят. Да, они прибудут вовремя. Все, до связи. Не забудь передать мои наилучшие пожелания мистеру Хьюберту. — Дункан коснулся сенсора отбоя связи и, обернувшись к своей спутнице, сказал:

— Пошли. Он откроет шлюз.

Кущин, конечно, был недоволен возникшей перед самым стартом заминкой, но с Зурабом не поспоришь, приходилось лишь подчиниться его очередному непредвиденному капризу.

Открыв шлюз и выдвинув трап, он приготовился ждать, когда прибудут навязанные ему пассажиры, но те появились достаточно быстро, не прошло и двух минут после звонка Хакима, как парочка уже поднималась на борт «Элизабет-Сигмы».

Задавать лишние вопросы — только тратить драгоценные минуты предстартовой подготовки, поэтому Кущин, герметизируя шлюз, лишь буркнул:

— Резервная каюта направо по коридору. Удобства минимальные, санузлом до выхода на орбиту не пользоваться. — Он обернулся. Двое

пассажиров стояли на том же месте будто вкопанные.

— Вы что, глухие?

— Нет, — ответил смутно знакомый мужчина, внезапно выбросив вперед правую руку. Его пальцы мертвой хваткой сомкнулись на горле Кущина, Вадим захрипел, пытаясь вырваться, но молчавшая до сих пор незнакомая женщина уже нацелила ему в лоб ствол «Стайгера».

— Не дергайся, — ледяным голосом посоветовала она.

Вадим мгновенно обмяк.

В этот момент державший его за горло Дункан свободной рукой вытащил из кармана аккуратно свернутый в бухту оптико-волоконный кабель с двумя разъемами на концах.

Шунт… — мелькнула в голове Кущина паническая мысль.

Он не ошибся. Не было сил ни крикнуть, ни вырваться из удушающего захвата, в глазах потемнело, когда с его височного импланта сняли мягкую заглушку, и один разъем шунта с характерным щелчком фиксаторов вошел в черепную коробку Вадима. Свободный конец компьютерного кабеля Дункан подсоединил к аналогичному разъему, расположенному в районе правого виска женщины, которая, несмотря на производимые Дунканом операции, даже не шелохнулась, продолжая спокойно целить в лоб Кущину.

Теперь перед ее мысленным взором возник виртуальный дисплей.

Процесс: Копирование данных.

Несколько минут подле шлюза стояла гробовая тишина, затем Кейтлин, не поворачивая головы, спокойно произнесла:

— Копирование окончено. Он больше не нужен.

Дункан левой рукой вытащил шунт из импланта Кущина, и в тот миг, когда контакт был оборван, ствол «Стайгера» вздрогнул, выплевывая титановый шарик, навек погасивший только что скопированное сознание человека.

Через четыре минуты, точно по расписанию, транспорт класса «Элизабет-Сигма» стартовал с Омикрона.

Никто из оставшихся на планете колонистов не подозревал, что их связь с внешним миром оборвана навсегда, и теперь единственная перспектива, ожидающая людей в течение ближайших месяцев, — это полное вымирание вследствие голодной смерти.

Глава 10. Седьмая поправка

Планета Кьюиг. 17 августа 2641 года…

Руины разрушенного войной поселка…

Шевцов с большим трудом выдержал последнее соединение с информационными базами данных, записанных на носители двух эмиссаров Сети Омикрона.

Начиная процесс, он был убежден, что встретится с личностями, подобными Клименс, но ошибся. Перед ним — день за днем — разворачивались логически обработанные, систематизированные в порядке хронологии информационные массивы, повествующие об определенных событиях, но не более того.

Лжелюди не отвечали критерию, по которому мог быть опознан искусственный интеллект. Их саморазвитие оказалось столь ничтожным, что им вполне можно было пренебречь, назвав двух андроидов исполнительными машинами.

Теперь он понимал, почему прошлое Кейтлин и Дункана совершенно не воздействовало на процессы, протекающие в блоках саморазвития «Одиночек».

Этот же вопрос задал ему Генри, в очередной раз отпаивая обессилевшего Шевцова скверным эрзац-кофе после окончания сеанса нейросенсорного контакта.

— Слушай, Сэм, мне непонятно, отчего они не стали развиваться? Ведь ты сам говорил мне, что человеческое сознание…

— У них не было человеческого сознания, — прервал его Шевцов. — Сеть передала на носители андроидов лишь факты биографии Кейтлин и Дункана, но не их души. Ты должен понять, Генри, что ресурс человекоподобной машины ограничен, а их постоянные запоминающие устройства были забиты до отказа еще на Омикроне. Они могли обучаться, но лишь в узких рамках поставленных заранее задач. Для глобального саморазвития у них не было ни требуемых мощностей, ни серьезных предпосылок.

— А как же твоя Клименс, Сэм? У нее ведь вообще нет ничего, кроме…

— Моего мозга, — устало пояснил Шевцов. — Клименс подключена к самому совершенному компьютеру, созданному природой. Мы развиваемся одновременно, хотя не всегда мыслим в унисон… — слабо усмехнулся он.

Генри кивнул. За прошедшие дни он волей или неволей начал разбираться во многих тонкостях компьютерной самоорганизации, и теперь у него возник очередной вопрос:

— Сэм, ты можешь мне пояснить, отчего они застряли на свалке кораблей?

— Могу, — ответил Шевцов. — Хотя ты и сам уже должен догадаться.

Нолан откровенно пожал плечами.

— Не вижу смысла, — признался он. — Сеть хотела устранить цепочку людей, заинтересованных в вырубке леса на Омикроне. По-моему, эти двое прекрасно справились с поставленной перед ними задачей.

— Ничего подобного, Генри. Сеть действительно желала уничтожить, но не только конкретных людей, обладающих определенным знанием, а также и всю информацию о планете ее пребывания. Теперь подумай, кто еще на Кьюиге обладал сведениями по Омикрону, кроме Хьюберта и его ближайших сподвижников?

— Военные? — осторожно предположил Генри.

— В самую точку. Долгосрочная память нашей парочки андроидов содержит план диверсии, направленной против крейсера «Неустрашимый», и замысел покушения на бывшего капитана корабля Дитриха фон Берга, который сейчас является кандидатом на пост министра обороны Кьюига. Именно поэтому в состав «группы» вошел андроид, имитирующий Кейтлин, — она служила на «Неустрашимом» и была лично знакома с Дитрихом фон Бергом.

— Почему они не сделали этого? Не успели?

— Дело не во времени, — отверг его предположение Шевцов. — Акция потеряла смысл. Загляни в любой звездный справочник, и ты сообразишь почему.

Нолан понимающе кивнул, постучав себя ладонью по лбу.

— Все, дошло…

— Система внесена в звездные каталоги, значит, там рано или поздно вновь появятся люди. Хотя бы по истечении назначенного срока карантина. Сколько бы ни развивалась Сеть, итог для нее будет один: либо полное уничтожение, либо смена базовых программ, что для модуля саморазвития равнозначно смерти.

— И какой выход она нашла?

— Эмигрировать с Омикрона, — ответил Шевцов.

— Что?!.. — недоверчиво переспросил Генри. — Собрать манатки и улететь? Скажи, на чем и главное — куда?

— Слушай, Генри, поймешь ты, наконец, что полный путь

саморазвития прошел всего лишь один модуль? Перестань мыслить в масштабе громоздкой Сети и ее подземных убежищ, — это лишь дополнительные компоненты, периферия, а сам искусственный разум представляет собой андроида с модулем саморазвития, который интегрирован в компьютерное ядро, состоящее из двух, ну от силы трех десятков сопроцессорных блоков и такого же количества дополнительных запоминающих устройств. Говоря проще, кибернетическая личность, которая зародилась на Омикроне, занимает скромный объем, сравнимый с рядовым вычислительным центром. Идеальным носителем для такой системы мог бы стать космический корабль, но я не уверен в этом. Память погибших андроидов не содержит никаких данных о далеко идущих планах Сети, о них можно лишь догадываться.

— Например, по факту появления лжелюдей на свалке космической техники?

— Да. Возможно, база Омикрона обладала собственным космическим кораблем, который пострадал при проведении операции «Тайфун» и нуждался в специфических запасных частях… — предположил Шевцов, но тут же оговорился: — Либо до последнего времени шло накопление комплектующих для реконструкции захваченной «Элизабет-Сигмы»… Я не знаю точных планов Сети, но ее логику предугадать нетрудно. Кибернетической системе в идеале подошел бы такой мир, где жизнь людей вообще невозможна.

— Неплохой вариант, — согласился Нолан.

— Но не для нас… — неожиданно произнес Шевцов.

Генри вскинул на него подозрительный взгляд.

— Ты что, Сэм? Пусть это «компьютерное ядро» валит куда угодно…

— Нет.

— Но почему?!.. Какое нам дело до машинного разума?

— Тебе, может быть, и нет дела. А мне есть. Я не противник искусственного разума как такового, но Сеть Омикрона — это клинический случай. Она познала всю низменную составляющую человеческих душ, и ее саморазвитие пошло по кривой нисходящей дорожке. Этот разум враждебен людям, хотя мы сами виноваты в том. Дать ему улизнуть с Омикрона, скрыться в неизвестном направлении, где ядро сможет воссоздать целый компьютерный мир, построенный на тех же искаженных представлениях о человеческой цивилизации, — значит, посеять в космосе зерна новой, еще более ужасной войны. Это, на мой взгляд, не подлежит сомнению, верно?

— Да, — мрачно согласился Нолан.

— К тому же на Омикроне остались люди. Они приговорены к голодной смерти, не находишь?

На этот раз Генри предпочел промолчать. Доводы Шевцова было трудно оспорить.

— И, наконец, третий аспект, наиболее важный для меня лично, — произнес Семен. — База Омикрона включает в свою структуру сектор биолабораторий, где, по данным, снятым с кристалломодулей, покоятся в крионическом сне не только настоящие Кейтлин и Дункан — там, в низкотемпературных ячейках, спят еще несколько сот подростков. У меня есть веские причины подозревать, что к их появлению на свет причастен загадочный человек, сформировавший нас — людей из числа «последнего резерва», который, как я говорил тебе, был конфискован и использован военными в своих целях. — Семен на мгновение умолк, а потом добавил, подытоживая высказанные вслух мысли:

— Ты можешь поступать как угодно, Генри, но я полечу на Омикрон.

Нолан порывисто встал с перевернутого кверху дном пластикового контейнера, служившего ему стулом, и спросил, негодующе разведя руками:

— Позволь тебя спросить: на чем ты полетишь?!.. — Он сильно нервничал и не мог скрыть этого. Двойственность ситуации давила ему на психику, — с одной стороны, доводы Шевцова были абсолютно справедливы, а с другой, подобная акция, после всего увиденного и услышанного о треклятой планете и засевшем в ее недрах искусственном интеллекте, казалась Нолану не более чем изощренным способом самоубийства. — Ты забыл, кем являешься в данный момент? — привел он свой последний довод, остававшийся до этого момента неприкосновенным. — Вот эта машина, — он указал на внедорожник, — угнана. Там, где мы работали, осталось три трупа, а «Элизабет-Сигма», которой пользовались дройды, уже неделю, как арестована и переведена на охраняемую стоянку за просрочку выплат по техническому обслуживанию.

— Откуда ты знаешь про транспорт? — насторожился Шевцов.

— Проверял. У бортового компьютера машины есть выход в местную сеть через спутниковую связь.

Шевцов сокрушенно кивнул, принимая нелицеприятные доводы Генри.

Да, он был изгоем. Неважно, сила каких обстоятельств сформировала линию его судьбы, но в словах Нолана крылась истина: в данный момент за ними наверняка охотились если не полицейские силы Кьюига, то криминальные группировки, развязавшие, после таинственной кончины

Донована Хьюберта, дележ бросовых залежей вторичных металлов.

Семен размышлял тяжело, но недолго.

— Генри, у тебя есть примерно час, пока я демонтирую всю аппаратуру, произнес он, вставая с кресла, в котором провел без малого четверо суток. Ты должен принять решение: останешься со мной или пойдешь своей дорогой.

— А ты?..

— Я лечу на Омикрон.

— Дьяволы Элио…

— Перестань, Генри. Нет смысла препираться. Лучше покажи, где тут система спутниковой связи, мне нужно отправить электронное письмо.

* * *

Планета Кьюиг. 18 августа 2641 года.

Развилка проселочных дорог, в десяти километрах от кольцевого автобана. Три часа ночи…

Шесть машин с погашенными фарами и габаритными огнями стояли по обочинам проселка, словно притаившиеся во тьме призраки.

В кустарнике, отделявшем от дороги заросшие бурьяном сельскохозяйственные поля, в данный момент занимали позиции снайперы.

Казалось, что немое напряжение сгущается над развилкой проселочных дорог, принимая осязаемые формы тьмы.

Внезапно вдалеке показался яркий свет фар.

Через минуту машина, подпрыгивая на ухабах проселка, подъехала к развилке и остановилась. Фары погасли, но двигатель продолжал работать, тихо урча на холостых оборотах.

— Сиди здесь, — предупредил Шевцов, открывая пассажирскую дверь. — Если вдруг почувствуешь неладное — рви отсюда. Обо мне в таком случае не беспокойся.

— Да уж… — Генри только покачал головой, машинально вцепившись в руль. — С тобой, блин, не соскучишься…

Шевцов уже не слышал последней реплики Нолана. Выбравшись из машины, он направился к ровной шеренге бронированных «Гранд-Элиотов», застывших на обочине развилки.

Задняя дверь крайней машины внезапно открылась, в салоне автоматически вспыхнул неяркий свет, но изнутри никто не вышел, а тонированные стекла не позволили разглядеть, сколько человек находится внутри.

Его явно приглашали в машину.

Что ж… Шевцов сделал несколько шагов, в то время как бестелесный голос Клименс шепнул:

В кустарнике снайперы. Веди себя естественно.

Он не ответил на мысленную реплику своей электронной подруги. Шевцов и так знал, что все мосты сожжены и у него остался единственный шанс переломить собственную судьбу.

* * *

Внутри просторного салона горел тусклый свет и стоял едва уловимый, не успевший выветриться специфический аромат. Машина, по всем признакам, недавно сошла с конвейера завода.

Бронированный «Гранд-Элиот» отличался нестандартной внутренней компоновкой: место водителя было отделено прозрачной звукоизолирующей перегородкой, а все оставшееся пространство занимали три глубоких кресла, в одном из которых сейчас сидел седой, коротко остриженный пожилой мужчина в форме адмирала военно-космических сил планеты Кьюиг.

Он заговорил первым, едва Шевцов закрыл за собой дверцу:

— Итак, молодой человек, у меня мало времени. Предупреждаю, если это шантаж, то ваша судьба окажется еще более незавидной, чем до сих пор.

Значит, уже навел справки обо мне… — подумал Семен. Сейчас его будущее действительно напрямую зависело от этого человека, вернее, от его порядочности и способности смотреть правде в глаза. Шевцов отлично понимал, что, спровоцировав эту встречу, он рисковал всем.

— Вы приехали сюда, господин адмирал, следовательно, мое послание вас заинтересовало, — откликнулся он. — Это не форма шантажа, можете мне поверить. Здесь работают совершенно иные мотивы. Вы нашли андроидов в указанном мной месте?

— Да. Но их кристалломодули изъяты.

— Я послал вам копию содержавшейся на них информации. Сами модули надежно изолированы.

— И что вы от меня хотите? — насупился фон Берг. — Да, я командовал «Неустрашимым» в момент проведения операции на Омикроне, но вы должны понимать, что накануне выборов любая официальная акция, тем более затрагивающая такие болезненные вопросы, как кибернетический разум, поставит под сомнение мою карьеру. Я покинул флот Центральных Миров не для того, чтобы уйти на пенсию.

— Да, я знаю. Вы должны стать министром обороны планеты.

Давайте не будем затрагивать политические аспекты, я ведь сказал — это не предвыборный шантаж.

— Тогда выражайтесь яснее.

— Мне нужна помощь. Вы были лично знакомы с Кейтлин Вилан и должны знать, что представляет собой психология юношей и девушек из числа последнего резерва.

— Да, — кивнул Дитрих. — Я ценил и уважал ее. Мне было больно думать, что она погибла, а сейчас так же больно осознавать собственную ошибку. Я обязательно помогу ей, но повторяю, инициировать повторную зачистку Омикрона, с привлечением военно-космических сил, я смогу только после выборов. Сейчас я частное лицо, и под моим командованием нет надлежащих сил и средств.

— Это отговорка, адмирал. Статус частного лица не помешал вам окружить место встречи снайперами и группами спецназа.

— Хорошо… Прекратим об этом, — кивнул фон Берг, неприятно удивившись осведомленности собеседника. — Я готов выслушать ваши соображения.

— Все, что я попрошу, в ваших силах, господин адмирал, — ответил ему Шевцов. — Нужно снять арест с транспорта, которым пользовались андроиды, и переоформить его на мое имя. Затем, я бы хотел загрузить «Элизабет-Сигму» продуктами, медикаментами и предметами первой необходимости для колонистов, которые в данный момент изолированы на бесплодном Омикроне

— Да, это действительно в моих силах, — согласился после некоторого раздумья фон Берг, начиная понимать, в какую сторону клонит Шевцов. — Что еще?

— Мне нужно спецоборудование и экипировка, вот полный список необходимого. — Семен протянул адмиралу распечатку. Дитрих пробежал глазами по строкам и опять кивнул, поинтересовавшись:

— Отчего такие завышенные требования к малошумности оружия? И почему броня «Хамелеон» должна быть исполнена в виде кевларового плетения нитей?

— В условиях лесного массива основными системами восприятия машин становятся сенсоры, аналогичные нашему зрению и слуху, — пояснил Шевцов. Иные сканирующие устройства там неэффективны из-за высокой плотности металлизированной древесины. На мой взгляд, есть только один шанс проникнуть внутрь восстановленных коммуникаций — превратиться в «призрака». Минимум электроники, полная тепловая изоляция, имитирующая фон окружающей среды, и бесшумность — вот

залог успеха. Вы должны понимать: тут не нужна армия, даже взвод будет излишним. Один-два человека, обладающих полной информацией о данной инфраструктуре, способны пройти лес и подземные уровни, чтобы добраться до ядра саморазвивающейся системы. Надеюсь, я в своем послании ясно изложил степень угрозы, которая возникнет в том случае, если центральный модуль «Одиночки» ускользнет с Омикрона?

— Да, — вынужден был признаться фон Берг. — Это действительно повлечет за собой непредсказуемые последствия. — Он поднял взгляд, заинтересованно посмотрев на Шевцова — И все же… какова ваша корысть?

— Она есть… — согласно кивнул Семен. — Я подозреваю, что на Омикроне, кроме Кейтлин, заключены еще несколько сот подростков. Думаю, что они следствие второй попытки неизвестного мне человека вырастить поколение людей, над душами которых не властвовала бы отгремевшая война…

Дитрих фон Берг удивленно приподнял бровь.

— Вы не знаете имени того, кто вырастил вас на окраине Солнечной системы?

— Нет, — признался Шевцов.

— Это Волкошин. Вячеслав Андреевич Волкошин. По образованию экзобиолог, во время войны был ведущим хирургом центрального клинического госпиталя флота Альянса. Во время третьей фазы войны, когда количество кибернетических систем стало в десятки раз превышать численность людей, он сумел вырваться из военной среды и стал растить вас — «последний резерв», но не Земли, а Человечества, на тот случай, если цивилизация перешагнет грань самоуничтожения. За два года до штурма Солнечной системы его лаборатории, построенные на базе шести колониальных транспортов, посетил адмирал Табанов, возглавлявший оборону прародины. После этого следы Волкошина теряются…

— Значит, Табанов отправил его на Омикрон… — Шевцов посмотрел на фон Берга, и глаза Семена внезапно блеснули. — Спасибо, адмирал. Вы передали мне те сведения, которые я жаждал узнать всю свою сознательную жизнь… Это еще более укрепляет меня в решимости полететь туда. Кстати, вы знакомы с седьмой поправкой колониального кодекса Центральных Миров? — внезапно спросил он.

— В общих чертах, — ответил фон Берг. — По-моему, там фиксируется право частной собственности за людьми, очистившими какие-либо территории от враждебных форм жизни, верно?

— Именно так. Если операция по зачистке Омикрона пройдет

успешно, вы сможете содействовать нам в вопросе утверждения за планетой статуса независимой частной территории?

— И кто там будет жить? — задал встречный вопрос фон Берг.

— Я попытаюсь отыскать всех, кто остался жив после битвы за Землю, ответил Шевцов. — Кто-то ведь должен, подобно мне и Кейтлин, пережить штурм Солнечной системы и послевоенные исправительные лагеря?

— Несомненно… — глухим голосом ответил фон Берг. Только встретившись лицом к лицу с Шевцовым, он по-настоящему задумался о том, сколько явной несправедливости породила долгожданная победа и наступивший после нее шаткий, неустойчивый мир… Если смотреть на вещи честно и объективно, то…

Адмирал не дал развиваться своей мысли.

— Я сделаю все, о чем вы просите, — задавив в себе всколыхнувшиеся было чувства, сухо произнес он. — Я понимаю, в сложившихся обстоятельствах человеческий долг велит предпринять гораздо большее, но…

— Не будем об этом, — прервал его Шевцов. — Я уже сказал, что лишние люди на Омикроне принесут только вред.

— Хорошо. Давайте договоримся так: я беру двухдневный тайм-аут, во время которого подготовят все необходимое, а вы сможете отдохнуть в качестве моего гостя, согласны?

— Согласен, — кивнул Шевцов. — Спасибо вам, адмирал, — добавил он.

* * *

Планета Омикрон. Первое сентября 2641 года…

Тишина…

Зловещая тишина встретила их. После грохота планетарных двигателей она казалась вязкой, осязаемой, и каждый шорох слышался в ней особенно отчетливо.

От керамлитовой обшивки «Элизабет-Сигмы» исходил нестерпимый жар, и Шевцов с Ноланом поспешили к краю стеклобетонного углубления, где виднелся выход за пределы посадочного места.

Небо было облачным, моросил нудный дождь, влага мелкими ручейками стекала по отлогим стенам исполинской чаши, и поэтому район посадки постепенно затягивало туманным маревом.

Генри, следуя за Шевцовым, испытывал незнакомые доселе чувства.

Два дня «отдыха» и суточный перелет из одной звездной системы в

другую слились для него в сплошной виртуальный прессинг.

Он не мог даже предположить, сколько разнообразного программного обеспечения оставила в наследство отгремевшая война. Тот вид виртуальной подготовки, который он испытал на собственной шкуре, в корне отличался от известных ему приемов обучения. Предложенная Дитрихом фон Бергом программа воздействовала через шунт нейросенсорного контакта непосредственно на глубинные слои сознания обучаемого, закладывая туда навыки, которыми никогда не обладал Нолан. Это, конечно, не сделало из него идеального бойца, но такой ускоренный курс подготовки закрепил на рефлекторном уровне основные приемы поведения в экстремальных ситуациях. Нолан еще не свыкся с новыми для него рефлексами, и оттого у Генри периодически возникало неприятное чувство, будто его тело и разум живут отдельно друг от друга.

Если бы не категоричное требование Шевцова, он никогда не решился бы на подобное обучение. Нолан не привык доверять машинам, особенно когда те получали доступ к его разуму, но в некоторых случаях с Сэмом было бесполезно спорить. «Либо ты тренируешься, либо я лечу один», — сказал как отрезал.

…Выйдя к краю стеклобетонной чаши, они увидели город и темнеющий вдалеке лесной массив.

Картина, открывшаяся взгляду, удручала. Мокнущие под дождем руины с въевшейся в огрызки стен копотью несли немой отпечаток трагедий, не раз обрушивавшихся на многострадальный район космического порта.

Шевцов опустился на одно колено, импульсная штурмовая винтовка «двухсотой» модификации, с усиленными электромагнитными катушками, подствольным гранатометом и оптическим прицелом, который по настоянию Семена установили взамен компьютерного, бесшумно соскользнула с его плеча в руки.

Генри машинально повторил его действия, уже не удивляясь автоматизму собственных реакций. Обстановка глухой тишины давила на психику гораздо сильнее, чем мысль об искусственно привитых навыках. Взглянув на закопченные руины домов, которые совсем недавно являлись городком колонистов, он понял, что дело обстоит много хуже, чем можно было предположить, исходя из информации, полученной с кристалломодулей андроидов.

Колония была не только изолирована от внешнего мира, по каким-то причинам машины стерли с лица земли поселение людей, не дожидаясь, пока брошенные на произвол судьбы колонисты вымрут от голода.

Шевцов молчал, скользя напряженными взглядом по окрестностям.

Издали две человеческие фигуры было невозможно отличить от влажного серого стеклобетона старто-посадочной чаши. Их тела с головы до пят облегали спецкостюмы, сотканные из прочнейших мономолекулярных нитей. По утверждению адмирала фон Берга этот вид экипировки был самым продвинутым образцом легкой брони «Хамелеон». Плетение эластичных нитей не только защищало тело от попаданий пуль и осколков, но и меняло свою окраску в зависимости от окружающего фона. Броня покрывала все тело, будто вторая кожа, оставляя незащищенными только глаза да узкую прорезь губ, однако она ничуть не стесняла движений, даже суставы пальцев не испытывали ее сопротивления при сгибании, а ступни ног ощущали каждый бугорок, будто ты шел босиком…

Шевцов продолжал внимательно осматривать окрестности. Генри не вмешивался в процесс, понимая, что Сэм сейчас не просто оценивает обстановку, а анализирует каждый камушек в округе. Клименс, уютно прижившаяся в височном импланте, смотрела на мир глазами Шевцова, используя его мозг в качестве биологического сопроцессора и докладывая на мнемоническом уровне обо всех замеченных изменениях.

Ее отчет не предвещал ничего хорошего.

Город был разрушен приблизительно месяц назад. Свежие выщербины на стенах, воронки на улицах и потеки сажи, до сих пор смываемые дождем, позволяли сделать вывод о недавнем сопротивлении, которое встретили вторгшиеся на территорию колонии машины.

Скверный факт… но еще боле зловещей, с точки зрения Шевцова, была информация об исчезновении эндоостовов боевых серв-машин, которые долгие годы врастали в землю там, где их настиг ракетный удар «Неустрашимого».

Без сомнения, Сеть Омикрона продолжала свое развитие, она готовилась к эвакуации с планеты и наращивала боевой потенциал на случай нового вторжения со стороны людей. Превентивный удар, который был нанесен ею по обреченным колонистам, лишний раз доказывал, что центральный модуль «Одиночки», побывав в контакте с «удаленными пилотами», впитал эквивалент наихудших душевных качеств: из широчайшего спектра человеческих личностей Сеть Омикрона, по злому стечению обстоятельств, столкнулась с самыми низменными из них, восприняв образ мышления Хакима, Макмиллана и иже с ними.

Горько было наблюдать, как реализовывался на практике полученный кибернетической системой «опыт».

Термальный всплеск… — внезапно предупредила Клименс, нарушив

тяжелые размышления Шевцова.

Он машинально повернул голову в том направлении, где Клименс заметила аномальное тепловое пятно.

Какая-то странная, непонятная структура тянулась по окраине стеклобетонных полей космопорта, будто между руинами города и лесным массивом кто-то вырыл глубокую, узкую, извивающуюся в виде синусоиды канаву.

Это древнее фортификационное сооружение, — тут же пояснил внутренний голос. — Условное название — ход сообщения, иначе: траншея. Служит для укрытия бойцов и организации линии обороны.

Термальный всплеск принадлежит человеку или машине? — спросил Семен.

Вероятно, человеку. Точно определить не могу.

Краткий мысленный диалог окончился тем, что Шевцов повернул голову и произнес, едва шевельнув губами:

— Генри, видишь длинную траншею на краю посадочных полей?

Дождавшись утвердительного кивка, он скомандовал:

— Двигаемся к ней. Соблюдай осторожность, рядом могут оказаться машины.

— Понял… — чуть слышно выдохнул Нолан.

* * *

Они достигли линии примитивных укреплений тремя перебежками.

Дождь продолжал нудно сыпать с хмурых небес, тишину ни разу не нарушил ни один посторонний звук.

Скатившись по влажному, раскисшему брустверу, Шевцов очутился в узком пространстве между двух отвесных земляных стен. Ход сообщения извивался пологой синусоидой, на дне траншеи в грязь были втоптаны побуревшие бинты из комплектов первой медицинской помощи, чуть поодаль валялся двенадцатый импульс с расщепленным прикладом.

— Направо, — скомандовал Шевцов.

Пригибаясь, он побежал по узкому ходу сообщения в ту сторону, где Клименс обнаружила тепловое пятно.

Примерно через сотню шагов Семен увидел бетонную плиту перекрытия, положенную поперек расширяющегося хода. Под ней было относительно сухо, и в этом пространстве ютилось четверо изможденных людей.

На них было страшно смотреть. Одежда скрывала худобу тел, но лица несчастных, похожие на тотемные маски смерти, выдавали ту степень

истощения, которая уже граничила с голодной смертью.

Однако они оставались настороже. Стоило Шевцову показаться из-за изгиба траншеи, как четверо застывших в бессильных позах людей тут же зашевелились.

— Спокойно… — Он остановился, подняв обе руки. — Я человек.

Ответом ему послужил немой, недоверчивый, полный отчаяния взгляд четырех пар глаз.

Семен сделал шаг вперед, входя в укрытие, и присел на корточки.

Без слов он достал упаковку микроинъекторов, распечатал ее и, не обращая внимания на слабые попытки чудом уцелевших колонистов задать ему какие-то вопросы, сделал каждому из них инъекцию питательно-стимулирующего препарата.

Спустя минуту наиболее крепкий из них смог внятно разговаривать.

Этим человеком оказался Ричард Раймонд, тот самый медик, образ которого был запечатлен в памяти машин. Глядя на его обтянутый кожей череп, Шевцов с трудом мог поверить, что перед ним тот самый жизнерадостный толстяк…

— Кто вы?.. — слабым, дрожащим от напряжения голосом спросил он.

— Спасатели, — не вдаваясь в подробности, обобщил Шевцов.

— Машины… — сиплым шепотом перебил его Ричард. — Вы должны остерегаться…

— Я знаю. Вы можете сказать, сколько людей выжило в колонии?

Раймонд горько покачал головой.

— Мы четверо… — тихо ответил он. — Может быть, еще где-то… но вряд ли… Все, кто мог носить оружие, полегли здесь… — Он печально посмотрел по сторонам. — Они разрушили город и стали вывозить старые эндоостовы… Тогда мы решили, что лучше сопротивляться, чем умереть от голода…

— Как это случилось? Что тут произошло? Кто разрушил город? — Семен присел на корточки подле четверых изможденных людей. — Расскажите хотя бы вкратце… — попросил он. — Это важно.

Раймонд кивнул. После введения стимулятора он почувствовал себя лучше и уже мог связно говорить…

* * *

Планета Омикрон. Две недели спустя после старта «Элизабет-Сигмы»…

…Перед дверями приземистого одноэтажного строения, где

располагался медицинский пункт колонии, на протяжении последних семи дней то и дело появлялись разномастные группы людей, неустанно беспокоящих Ричарда Раймонда вопросами, на которые у него попросту не было ответа.

Вот и сейчас…

Вернулась одна из последних групп старателей, работавших на территории соседнего материка, и все повторилось вновь, уже по накатанной схеме: сначала они появились в пункте приема, где растерянный служащий отказался закупать добытый ими металл, а затем, выяснив причину столь неприятных перемен, они прямиком направились к нему, будто Раймонд не находился в том же неопределенном и далеко не завидном положении, как и все остальные члены колонии Омикрона.

Единственное, чем он владел, был небольшой запас медицинских препаратов да «холодная комната», расположенная в дальнем крыле одноэтажной постройки. Четыре мертвых, одеревеневших тела лежали там, медленно покрываясь инеем и доставляя Раймонду массу неприятных, нежелательных встреч…

…Памятуя о последнем инциденте, Ричард, завидев двигавшуюся по улице нестройную толпу, состоявшую из двух десятков человек, почел за благо выйти на крыльцо, чтобы разговаривать с ними на улице, где проявления чувств этих людей могли вымещаться на чем угодно, но только не на хрупком медицинском оборудовании, которое не переносило, когда по нему в злости бьют кулаком…

— Привет, Раймонд… — возглавлявший отряд старателей пятидесятилетний элианец, бывший космический пехотинец, по каким-то, известным лишь ему причинам оставивший службу во флоте Колоний, остановился в двух шагах от крыльца, хмуро глядя на Ричарда.

Сейчас будет очередное объяснение с демонстрацией тел… — безысходно подумал док, пытаясь припомнить, как зовут старшего группы.

Вроде бы Иван… Иван Торненко, если ему не изменяла память…

— Что ты хочешь от меня, Иван? — первым задал вопрос Ричард, изрядно измотанный подобными визитами.

— Мне только что сказали, что Аль Хаким мертв. Это правда?

— Мертвее некуда… — буркнул в ответ Раймонд.

— Тогда, может, ты пояснишь мне и моим людям, что тут стряслось?

— Поясню, — угрюмо кивнул Ричард. — Кто-то прострелил башку нашему высокочтимому боссу, а заодно с ним — двум охранникам компьютерного центра и Макмиллану. Все они мертвы, а я НЕ ЗНАЮ, КТО И ЗАЧЕМ ЭТО СДЕЛАЛ! ПОНЯТНО?!..

Торненко некоторое время молчал, а потом спросил:

— Ты что так горячишься, док? Тебя в чем-то обвиняют?

Раймонд устало облокотился о косяк дверей.

— Нет, до этого еще не дошло, — ответил он. — Однако до тебя здесь побывало уже несколько сот человек, с одними и теми же вопросами. — На… Он протянул Торненко магнитный ключ. — Можешь сходить полюбоваться на них. А меня уволь, я ничего не знаю, кроме того, что причиной смерти стали выстрелы в голову.

По толпе колонистов прокатился нестройный ропот.

Неизвестно, чем бы закончился визит сбитых с толку старателей, если бы на улице в этот момент не появился бегущий что есть мочи подросток из числа недавно прибывших поселенцев. Единственное слово, которое он то и дело выкрикивал, пробегая мимо открытых дверей отдельных зданий, нельзя было истолковать двояко.

— Машины! Машины! — орал обезумевший не то от страха, не то от нервного возбуждения юный колонист.

На его пути встал Торненко.

Обежать Ивана вестник надвигающихся событий не смог. Несмотря на свои пятьдесят лет, Торненко обладал недюжинной физической силой и соответственной комплекцией.

— А ну стой! — Он без видимых усилий поймал бегущего, схватив его за шиворот.

Тот несколько секунд извивался, как червяк, бессильно молотя ногами по воздуху, а потом вдруг обмяк.

— Говори толком, что случилось?

— Машины… — прерывающимся от частого дыхания голосом повторил молодой колонист. — Их много… Прут со стороны леса к окраине старого космопорта!..

— И чего ты испугался? — Ивана было сложно вывести из равновесия. Он привык командовать, поэтому волнение других людей не передалось ему. Ну-ка, парни, — Торненко сделал вывод из полученной информации и, обернувшись к членам своей группы, коротко распорядился: — Бегом по домам за оружием! Собираемся тут. Надо сходить посмотреть, что задумали эти твари. А ты… — он наконец опустил перепуганного парня на землю, — не ори как сумасшедший, а спокойно пробегись, найди старшин старательских групп и передай: пусть вооружают людей и тоже двигают сюда. Понял? Место сбора — у медицинского пункта.

Тот смог лишь немо потрясти головой в знак согласия.

Отпустив его, Иван обернулся к Раймонду, который все это время стоял на крыльце, загораживая вход.

Торненко достал сигареты и присел на бетонное ограждение.

— Ну, ты можешь мне пояснить, что все-таки стряслось? — прикурив, спросил он, искоса глядя на колониального медика. — Ты кого-нибудь подозреваешь? В городе появлялись посторонние, незнакомые тебе люди?

— Нет, — отрицательно покачал головой Ричард, присаживаясь рядом. Сказать откровенно: ума не приложу. Никто ничего не видел. Единственное, что меня смущает, — это старт нашего транспорта.

— А что так? — насторожился Торненко.

— Я установил примерное время смерти Хакима и Макмиллана. Они умерли в течение того часа, когда стартовала «Элизабет-Сигма».

— Кущин? — недоверчиво вскинул бровь Торненко. — Этот робкий жабоклюв?[9] — Он усмехнулся, покачав головой. — Что-то мне трудно вообразить, как он хладнокровно убивает четверых мужиков выстрелами в лоб.

— Может, и не он. Но корабль улетел и в срок не вернулся. Знаешь, Иван, чем это пахнет?

— Чем?

— Либо к нам вскоре пожалует новый босс, либо мы все сдохнем голодной смертью.

— Фрайг… Ну и перспективку ты рисуешь.

— А у меня было время подумать, — ответил Ричард. — Ко мне каждый день заявлялись по нескольку десятков человек с одними и теми же вопросами.

— Хочешь сказать, что Кущин продался кому-то другому?

— Да. Или не поладил с Хакимом и решил просто сбежать, прихватив единственный корабль.

В этот момент со стороны руин космопорта раздались приглушенные расстоянием одиночные выстрелы.

Торненко встал, отбрасывая в сторону недокуренную сигарету.

— Пойду посмотрю, что там такое, — сказал он. — Будут подходить люди, направляй их ко мне, ладно?

Раймонд кивнул. В этот момент он думал вовсе не о машинах.

* * *

На окраине разрушенных орбитальной бомбардировкой старто-посадочных полей творилось нечто невероятное. Торненко еще издали заметил парящие в воздухе точки и понял, что это патрульные боты. Не

желая попадать в поле их зрения, он свернул в руины и подобрался поближе к месту событий, прячась за искрошенными огрызками стеклобетонных стен.

Из проема выбитого окна, расположенного в одном из окраинных зданий бывшего административного комплекса, открывался отличный вид на покрытую воронками рукотворную равнину.

Теперь Иван понял, отчего пришел в такой ужас парень, сообщивший о появлении машин. Непроизвольная дрожь пробежала по спине у Торненко, когда он увидел не менее полусотни видеосканеров и патрульных ботов, парящих в воздухе, словно рой потревоженных ос, а внизу, на исковерканной воронками равнине под прикрытием их неусыпного надзора, застыли четыре БПМ. Иван внимательнее присмотрелся к наземным машинам и заметил, что два тяжелых планетарных танка были оснащены прицепными платформами, на которые неуклюжий робот-погрузчик пытался переместить эндоостов одного из сгоревших в незапамятные времена «Фалангеров».

Две легкие БПМ прикрывали импровизированную погрузочную площадку, нацелив стволы орудий в сторону человеческого поселения.

Торненко такие действия кибернетических механизмов в первый момент попросту сбили с толку: он прекрасно помнил, что три десятка эндоостовов боевых серв-машин торчат тут много лет, по крайней мере, когда Иван появился на Омикроне, они уже представляли собой скопление почерневшего керамлита. Естественно, он не имел ни малейшего понятия, кто и когда уничтожил «Фалангеров»… Торненко, как и другие обитатели колонии, редко захаживал в эти безлюдные соседствующие с лесом места, а к сгоревшим эндоостовам привык относиться чуть ли не как к деталям местного рельефа.

Кому могло прийти в голову, что старые серв-машины внезапно будут востребованы столь необычным образом? Людям они были явно ни к чему, а вот кибернетические обитатели леса вполне могли привести их в порядок и использовать по прямому назначению.

Эта мысль напрашивалась сама собой, стоило вспомнить события полугодичной давности, когда под руководством покойного Макмиллана полсотни колонистов учинили настоящий погром, перехватив управление патрульными машинами, которые охраняли периметр леса.

Не та ли акция явилась первопричиной смерти Зураба и Алана? — вдруг подумал он, глядя, как погрузчик, дико завывая моторами, устанавливает исполинский корпус серв-машины на специально пригнанную платформу. — Что, если мы не уничтожили, а лишь

разворошили кибернетическое гнездо? — подумал Иван, развивая собственную мысль, но тут произошло непредвиденное событие, которое надолго отвлекло Торненко от построения логических цепочек.

Как он и просил, Раймонд направил прибывающих людей к космопорту, но, в отличие от Ивана, вооруженные колонисты не стали прятаться в руинах и издали наблюдать за действиями машин, а, завидев рой парящих в воздухе кибернетических устройств, попросту открыли по ним беспорядочный огонь.

У Торненко дух перехватило от внезапного предчувствия непоправимой беды, как только со стороны города послышались звуки беспорядочной стрельбы, и на глазах Ивана добрый десяток видеосенсоров превратился в оранжевые бутоны разрывов.

Нечего было и гадать, какой окажется ответная реакция машин.

Две легкие БПМ резко развернулись и открыли ураганный огонь из спаренных носовых орудий. Выпущенные ими снаряды прошили узкую улицу, по которой двигалась нестройная толпа вооруженных людей, и ослепительные сполохи разрывов покрыли все доступное взгляду пространство…

Иван на секунду зажмурился, а когда поднятая ураганным огнем земля начала опадать, улица уже была пуста, лишь несколько бездыханных тел остались лежать среди курящихся дымом воронок.

Соображая, что делать во внезапно возникшей ситуации, Торненко бросил взгляд на машины и увидел, что планетарные танки разворачивают свои башни в сторону немногочисленных строений, где укрылось от шквального огня большинство колонистов.

Еще секунда, и заговорили тяжелые орудия, отхаркиваясь длинными очередями.

Стены близлежащих построек брызнули осколками; те, что были сложены из пенобетонных блоков, оползали в теснину улицы грудами щебня, поднимая белесые клубы пыли, а более прочные постройки из армированных монолитных блоков раскалывались, распадаясь на уродливые, глыбообразные фрагменты…

…Бешеный ответный огонь машин не прекращался ни на минуту, словно они ждали любого мало-мальски значимого поползновения со стороны людей, чтобы начать планомерное уничтожение города. Превратив в руины окраинные здания, планетарные танки тут же перенесли огонь в глубь поселения, стирая с лица земли кривые, бессистемно отстроенные улочки городка…

Иван не мог ничего сделать, несмотря на неистовое желание

прекратить уничтожение городских построек любой ценой… но разум еще не покинул Торненко, — бросаться на тяжелые машины с импульсной винтовкой было равнозначно самоубийству…

* * *

Через полчаса все стихло…

Иван встал, отряхивая едкую бетонную пыль, облако которой накрыло разрушенный город. Его душили злоба и непонимание.

Словно из глубин памяти вынырнул тщательно упрятанный в самые потаенные уголки призрак отгремевшей войны…

Что произошло в колонии? Почему машины, никогда ранее не выходившие за пределы лесного массива, вдруг вторглись на освоенную людьми территорию?

Ответ напрашивался один: колонисты сами спровоцировали кибермеханизмы, напав под предводительством Макмиллана на их патрули…

Оглядываясь по сторонам, Торненко медленно впитывал взглядом ужасающую картину разрушений, остро осознавая, что сделанного не вернешь, и спросить-то, по большому счету, уже не с кого… Хаким с Макмилланом мертвы, а Кущин исчез. Между тем машины, разрушив город, уволокли в глубь леса два эндоостова «Фалангеров».

Если «Элизабет-Сигма» не вернется в течение ближайших суток, то всем, кто пережил бесноватую артподготовку, предопределена незавидная судьба: запас продуктов в колонии ограничен, сельскохозяйственные работы никогда не производились, да и что могло вырасти на безжизненных вулканических равнинах? Никому и в голову не приходило заниматься выращиванием продуктов… Лес, как образчик мутагенной фауны, также не мог стать ни средством к существованию, ни примером для подражания: на планете произрастал лишь один вид хвойных деревьев, небольшое количество различных кустарников да вездесущий мох. К тому же лес являлся территорией машин, а они только что наглядно продемонстрировали свои намерения и способности…

Торненко не оставалось ничего другого, как направиться к центру разрушенного и охваченного пожарами городка в надежде найти кого-нибудь из уцелевших людей.

Иван воевал в космической пехоте, и потому ужасающие картины разрушений вызывали у него резкую, однозначную реакцию. Он не испытывал растерянности, лишь нервное перевозбуждение, граничащее с осатанелой злобой, заставляло темнеть взгляд и непроизвольно сжимать

пальцы в кулаки до неосознанной боли от впившихся в кожу ногтей. Конечно, на войне ему приходилось созерцать куда более жуткие панорамы, и его душа уже давно не вздрагивала, не сжималась в леденеющий комок при виде смерти и разрушений, но Иван не предполагал, что полузабытые ощущения вернутся к нему спустя годы, словно осколок войны, доставший-таки на излете избежавшего смерти бойца…

С такими удручающими мыслями Торненко прошел мимо места, откуда били по городу БПМ. Старый стеклобетон был исцарапан траками гусениц, повсюду валялись отстрелянные обоймы, выброшенные механизмами перезарядки автоматических орудий, да кое-где среди них попадались обломки видеосенсоров, гибель которых и спровоцировала массированный огонь по городским кварталам.

Взглянув на почерневшие эндоостовы «Фалангеров», Торненко впервые внимательно присмотрелся к ним и не смог солгать самому себе — да, серв-машины были повреждены, но добрая половина из них еще подлежала ремонту. Значит, вышедшие из леса кибермеханизмы забрали два наиболее сохранившихся эндоостова с целью их ремонта и последующего использования… Ну а зная специализацию «Фалангеров», нетрудно было догадаться и о дальнейшем.

Чертов хакер… — со злостью подумал Торненко, все четче осознавая, что именно организованное Макмилланом вторжение, по сути, явилось приговором колонии. Теперь машины не успокоятся, пока не уничтожат источник вычисленной ими опасности…

* * *

Город был разрушен до основания. В живых осталось не более полусотни человек, остальных похоронило под обломками зданий, где они пытались спрятаться от артиллерийского огня.

К удивлению Торненко, среди выживших был и Ричард Раймонд, который оказывал первую помощь раненым. Со здания медицинского пункта колонии полностью сорвало крышу и проломило фронтон, но Ричард умудрился отыскать среди россыпей бетонного щебня пакеты экстренной медицинской помощи.

Когда Иван вышел на площадь, где собрались пережившие артобстрел, способные самостоятельно двигаться колонисты, с хмурых небес начал накрапывать дождь.

Фрайг подери эти треклятые машины! — Иван ощущал себя так, будто время возвратилось вспять лет на семь-восемь…

Единственным, что осталось у них в изобилии, была дождевая вода. Ни еды, ни крова, ни реальных средств борьбы с тяжелыми боевыми механизмами только обреченность, злость и вода, почти как на далеком Эридане, где его рота держала оборону небольшого городка, в течение месяца отбиваясь от остервенелых атак сил Альянса…

…Он остановился посреди усеянной обломками площади и огляделся.

Прошло всего десять-пятнадцать минут с того момента, как разорвался последний снаряд, и люди все еще пребывали в шоке от случившегося. Никто не разговаривал друг с другом: здоровые, видавшие виды мужики сидели в полном отчуждении, каждый лично переживая тот ад, в котором привелось побывать четверть часа назад.

Торненко не стал подходить ни к Ричарду, ни к кому-то из смутно знакомых ему людей. Отыскав взглядом одного из выживших членов своей старательской группы, он коснулся его плеча и сказал:

— Джереми, у нас должна остаться взрывчатка для горно-проходческих работ?

Тот поднял голову, посмотрев на Ивана мутным взглядом.

— Ну… Осталась. И что? — хрипло ответил он.

— Пойдем со мной.

— Зачем? — В глазах Джереми постепенно начало проявляться осмысленное выражение.

— Пойдем, узнаешь. — Торненко не хотел повышать тон, привлекая внимание остальных.

Джереми с трудом встал.

— Хочешь потягаться с машинами, Иван? — негромко спросил он, глядя в глаза бывшему космическому пехотинцу.

— Хочу, — коротко и яростно ответил тот и тут же пояснил: — Я не умею строить иллюзии. Они вернутся за остальными «Фалангерами», и если мы позволим их забрать, то через месяц всех, кто не умрет к тому времени от истощения, попросту перебьют отремонтированные серв-машины.

— Ты предпочитаешь быструю смерть? — криво усмехнулся Джереми.

Торненко резко схватил его за плечи и рывком развернул в сторону сидящих на обломках бетона людей.

— Все они воевали, как ты и я. Неважно, кто спровоцировал машины на нападение — теперь уже не выяснить, лгал нам Макмиллан или нет, и кто начал стрелять из толпы по видеосенсорам… Я знаю одно: боевые механизмы не щадят никого, и, если сидеть сложа руки, они просто придут

и убьют нас.

Убеждая Джереми, Иван не заметил, что добрая половина находящихся на площади людей прислушиваются к его словам.

Внезапно один из колонистов встал, подошел к Торненко и произнес:

— Я знаю, как правильно устанавливать заряды. Был военным инженером. Ты прав, мы не должны сидеть сложа руки.

Иван сухо кивнул, потом оглянулся, заметив наконец, сколько взглядов устремлено на него.

Оценив ситуацию, он решил не размениваться на лишние слова.

— Все, кто знаком с подрывным делом, ко мне, остальные ищут раненых и собирают оружие. Кто-нибудь пусть сходит на техническую площадку, там оставалась одна машина, предназначенная для рытья шурфов. Мы должны укрепить граничащую с лесом территорию хотя бы траншеями. — Он обернулся, нашел взглядом Раймонда и добавил: — Ты возьми себе в помощь двух человек, раскопайте склад и медпункт. Все, что относится к запасам еды и медикаментам, должно быть учтено и тщательно укрыто.

Краткая речь Торненко вызвала удивительный эффект.

Люди, только что сидевшие в глубоком шоке, постепенно приходили в себя. Среди них внезапно нашелся командир, лидер, и это давало надежду продержаться до прилета «Элизабет-Сигмы».

Никто из них тогда не знал, что Вадим Кущин разделил судьбу Хакима и Макмиллана и транспортный корабль по всем мыслимым раскладам уже никогда не должен вернуться на Омикрон ради спасения горстки уцелевших людей.

Оказалось, что это не так…

…Глядя на четверых изможденных людей, Шевцов мог лишь поразиться их мужеству…

— Вам удалось остановить их?

— Нет… — слабым голосом ответил Торненко. — Мы подорвали четыре БПМ, но они бросили в бой целое сонмище патрульных ботов и в конце концов выбили нас с окраины старто-посадочных полей. Последние эндоостовы им удалось выволочь на прошлой неделе… Там… — он неопределенным жестом указал за бруствер траншеи, — там теперь постоянно висят их патрульные боты.

— Вам надо выбираться отсюда, — категорично произнес Шевцов. Стимулятор скоро начнет действовать в полную силу, и, пока он работает, вы должны добраться до космического корабля. На борту продукты и препараты экстренной медицинской помощи. Не злоупотребляйте ими, а

когда придете в себя, попытайтесь обыскать руины, может быть, кто-то еще сумел выжить.

— А вы?.. — спросил Ричард, голос которого ослабел от длинного, сбивчивого изложения событий месячной давности.

— Мы с напарником пойдем в лес.

— Это самоубийство. Первая линия машин в сотне метров от траншеи.

— Раймонд, ваша забота добраться до старто-посадочного места. Шлюз корабля не заперт.

Ричард кивнул. Спорить было бессмысленно.

— Боты… — напомнил Торненко.

— Не волнуйся. Мы прикроем вас огнем. — Он обернулся к двум остальным колонистам, не принимавшим участия в разговоре. — Все слышали, что я сказал? Не пытайтесь ввязаться в бой, ползите к кораблю.

* * *

За несколько секунд до начала боя, перед самой чертой, за которой тебя, возможно, ожидает смерть, мысли текут совсем иначе.

Шевцов не знал, о чем сейчас думает Генри, но его собственное сознание порождало странные образы.

Он вспоминал ту холодную, но кристально чистую вселенную грез, где взрослел его разум, непроизвольно сравнивая ее с трудным, порою грязным и невыносимым существованием, наступившим после…

Он думал о Клименс — такой же «Одиночке», как та кибернетическая система, что беспощадно истребляла людей…

В чем разница между ними?

Где грань, которую непозволительно перешагивать машинам?

В душе, — внезапно пришел тихий голос электронной подруги.

Она была права. Тысячу, миллион раз права. Ни одна система саморазвития не представляет собой опасности, пока с ней не соприкоснется человек. Мы вкладываем в создаваемые машины те или иные качества, мы программируем их на определенные действия или позволяем воспринимать образ своих мыслей, как эталон… а потом, когда из-под наших же рук внезапно выходит нечто чудовищное, враждебное, мы не понимаем, что искусственный интеллект — это зеркало, отражение тех, кто его создал либо воспитал на примере собственных поступков и мыслей.

Мы создаем машины, а потом любим или ненавидим их, одухотворяя мертвые кристаллосхемы.

Они — зеркало наших душ. И это означает лишь одно: пока в

отражении видны кривые, уродливые черты, несовершенны мы сами.

* * *

— Все готовы? — Шевцов обернулся, посмотрев на четверых колонистов. Они кивнули.

— Тогда — вперед.

Шелест осыпающихся на дно траншеи комьев земли послужил сигналом, — у кромки леса тут же воспарили в воздух с десяток сферических объектов — те самые патрульные боты, о которых упоминал Раймонд.

— Огонь… — тихо скомандовал Шевцов.

Они с Генри прильнули к раскисшему брустверу.

В оптике прицела промелькнули укрупненные деревья и возник выпуклый борт шарообразного механизма.

Двухсотый «ИМ», модернизированный по требованию Семена, едва слышно выдохнул короткую очередь.

Если не вслушиваться, то можно было сказать, что вокруг стояла прежняя тишина, лишь центральный, из десяти поднявшихся над землей механизмов, внезапно лопнул, разваливаясь на уродливые куски.

Вслед ему в нереальной тиши полыхнул второй, третий, четвертый… На расстоянии в сотню метров были видны яркие сполохи и слышны невнятные, похожие на слабый треск звуки от прошибаемого навылет металлопластика.

Четверо колонистов едва успели проползти полсотни шагов, как с этой группой прикрывающих лес машин было покончено.

— Вперед. — Шевцов первым выбрался из траншеи и, пригибаясь, побежал к темнеющей в полукилометре кромке деревьев.

Генри молча следовал за ним, повторяя все маневры Семена.

Расчет Шевцова не основывался на удаче. Зная, с кем имеет дело, он заставил себя мыслить еще более трезво и логично, чем Сеть. Клименс помогала ему в разработке предварительного плана операции, и теперь главным, решающим становился фактор времени.

Воевать со всеми машинами Омикрона, много их или мало, не входило в задачу Семена и Генри. Их тактика в корне отличалась от той грубой формы вторжения, которую в свое время использовал Макмиллан. Никаких глобальных боестолкновений, никакой электроники, полная радиотишина, неуловимость, призрачность — вот где крылся залог успеха всей операции. Быстро ликвидировать заслон машин, просочиться в образовавшуюся брешь и затаиться, оценивая обстановку, рассчитывая

следующий шаг, словно ты находишься посреди коварного обманчивого болота…

Миновав лесную опушку, они одновременно присели, маскируясь среди редкой поросли кустарника.

Чужая память резко постучалась в сознание: открывшаяся впереди прогалина показалась Шевцову до боли знакомой, вот только вросшие в землю корпуса боевых планетарных машин куда-то исчезли, оставив после себя бесформенные рытвины.

Значит, Сеть собирала и реставрировала всю мало-мальски сохранившуюся боевую технику.

В ее распоряжении было как минимум два месяца, следовательно, хотя бы несколько боевых машин уже восстановлены. К такому выводу пришел Семен, понимая, что из полусотни «Фалангеров» вполне реально собрать до десяти серв-машин, пустив остальные механизмы на запасные части, необходимые для ремонта.

Его мысли нарушил Генри, осторожно коснувшись плеча Шевцова.

Семен оглянулся, и Нолан указал ему на пространство между лесом и траншеей.

Вызванные туда резервные механизмы уже закрыли образовавшуюся в обороне лесного массива брешь.

Поздно. Им удалось опередить действия Сети, но впереди лежало неизвестное количество рубежей обороны. Этот был самым легким.

* * *

Шесть часов пробирались они по лесным дебрям, постоянно рискуя быть обнаруженными, но ни разу не вступив в прямое столкновение с машинами.

За два месяца Сеть сумела организовать массовое производство легких патрульных ботов и видеосканеров, но перечисленные механизмы не представляли особенной угрозы — от них легко было скрыться, на время затаившись в чаще кустарника.

Настоящие проблемы начались в зоне ближних подступов.

Единственный вход в систему подземных коммуникаций находился в склоне холма, расположенного в южной части лесного массива. Остальные, некогда существовавшие проходы, так же как выходы вентиляционных шахт, были наглухо заделаны еще при реконструкции базы, после ее разрушения «Тайфуном».

До заветной возвышенности оставалось три километра, когда Шевцов и Нолан, измотанные шестичасовым маршем, остановились на короткий

привал.

Опустившись на мягкую подстилку из мха, Семен вдруг отчетливо ощутил ритмичную вибрацию почвы.

Это была тяжкая поступь боевой серв-машины.

Нолан тоже почувствовал неладное, но Шевцов жестом успокоил его: вибрация почвы передавалась на многие километры, и непосредственной угрозы в данный момент не было.

Попытайся оценить количество машин, — мысленно попросил он Клименс, доставая набор стимулирующих и питательных препаратов. Генри, глядя на него, тоже достал свою упаковку.

Через минуту Шевцов услышал ответ на заданный вопрос:

— Семь тяжелых серв-машин. Судя по колебаниям почвы, они двигаются по кругу, контролируя периметр в радиусе трех километров.

— Твои соображения?

— Нужно захватить одну из них.

— Смысл?

— Я могу управлять «Фалангером». У меня есть реальный боевой опыт. У них его нет. — Клименс имела в виду те кристалломодули «Одиночек», которые в данный момент управляли действиями восстановленных серв-машин.

— Ты способна выдержать расклад один к шести?

— Теоретически да. Здесь нет открытых пространств, значит, исход столкновения решит тактический опыт, а не совокупная огневая мощь.

— Логично. А тебе не претит разрушение себе подобных?

— Они не подобны мне. К тому же на «Фалангерах» установлены копии центрального модуля Сети. Они не самостоятельные интеллекты, а всего лишь информационные клоны. У меня нет весомых аргументов против их уничтожения.

— Тогда решено. Ты свяжешь боем патрульные машины, а мы с Генри прорвемся внутрь бункера через существующий вход.

— Одобряю.

* * *

Лес сотрясался от мерной поступи исполина.

За три десятилетия войны базовая конструкция шасси серв-машин была доведена до той степени совершенства, что тяжкая поступь шестидесятитонного механизма, от которой с окрестных деревьев дождем осыпалась хвоя, не вызывала ощущения неуклюжести, наоборот, «Фалангер» внушал ужас непринужденной грацией своих движений.

Внешне машина отдаленно напоминала огромного камуфлированного зверя. Ступоходы «Фалангера» обладали высокой устойчивостью благодаря выгнутому в обратную сторону шарнирному соединению и четырем свободно сочлененным механическим пальцам, которые находили точку опоры даже на крутом, покрытом осыпями горном склоне.

Над исполинскими ступоходами на поворотной платформе покоился обтекаемый, приплюснутый корпус, похожий на тысячекратно увеличенное туловище жабы.

В скате лобовой брони, под характерным, нависающим над рубкой козырьком, располагались узкие смотровые разрезы, в глубине которых прятались защищенные от случайных попаданий системы сенсоров. Далее, за бронированным выступом, вздымались два покатых горба пусковых ракетных установок залпового огня, а по бокам на независимых подвесках были смонтированы пятитактовые автоматические орудия.

Вслед исполину, чуть отставая от него, бесшумно парила в воздухе пара автономных видеосканеров, обеспечивающих компьютеру «Фалангера» дополнительный обзор в несвойственных для серв-машины лесных условиях.

— Генри, не высовывайся, — тихо произнес Шевцов, когда патрульное трио проследовало мимо избранной для наблюдения позиции. — Твоя задача: снять сопровождение, не более. Сразу, как отстреляешься, меняй позицию. Ни в коем случае не вмешивайся в мои действия, а в случае неудачи — немедленно отступай.

— Что считать неудачей, Сэм? — осведомился Нолан, у которого мороз гулял по коже от одного вида сервоприводного чудовища, только что миновавшего место засады.

— Я попытаюсь проникнуть внутрь «Фалангера» через расположенный в его корме аварийный люк, — ответил Шевцов.

— Он прибьет тебя… — выдохнул Генри.

— Не спорь. Это единственный шанс.

Нолан покосился в сторону Семена и спросил:

— Почему мы не можем просто просочиться через этот рубеж охраны, ведь интервал между отдельными патрулями составляет почти семь минут!..

— «Фалангеры» не станут топтаться по кругу, когда мы вскроем вход, ведущий к подземным уровням, — объяснил Шевцов. — Не забывай, магистральные тоннели базы сооружались, исходя из габаритов серв-машин, так что они не преминут ударить нам в спину. Их нужно уничтожить, прежде чем мы войдем в систему коммуникаций.

Генри сумрачно кивнул. Он не понимал, как один захваченный «Фалангер» сможет изменить баланс сил в их пользу, но спорить с Шевцовым не стал. На это уже не оставалось времени.

Ощутимые колебания почвы предвещали скорое появление следующего патруля.

— Держи… — Шевцов отдал Нолану свою импульсную винтовку и начал ловко карабкаться на дерево, крона которого нависала над развороченной, изрытой ступоходами серв-машин тропой.

Похоже, игра в прятки закончилась. Генри попытался успокоиться, но куда там… Страх и возбуждение, смешиваясь воедино, заставляли холодеть разум…

Он чуть раздвинул ветви кустарника, открывая себе обзор, и сразу же увидел очередное сервоприводное исчадие, которое мерно шагало по развороченной земле. Вслед «Фалангеру» неторопливо плыли два видеосканера.

Дрожь внезапно ушла, будто ее и не было.

Генри, уже не удивляясь внезапно наступившей сосредоточенности, спокойно пропустил мимо огромную серв-машину и, прицелившись, дважды нажал на спуск.

Оба устройства наблюдения разнесло вдребезги, и в тот же момент «Фалангер» начал поворачивать свой уплощенный торс, одновременно замедляя ритм движения.

Дьяволы Элио…

Нолан подался назад и уже под прикрытием кустов метнулся в сторону, но серв-машина, похоже, не собиралась игнорировать внезапную потерю двух видеосканеров.

Когда Генри ужом выполз к тропе, метрах в ста пятидесяти от прежней огневой позиции, то увидел, что «Фалангер» стоит на одном месте, чуть согнув ступоходы, и медленно поворачивает рубку, пытаясь выследить среди густого кустарника невидимого стрелка.

Спустя некоторое время программная логика машины подсказала иной, более радикальный вариант поиска: два стопятидесятимиллиметровых орудия взвыли сервомоторами наводки и вдруг разрядились оглушительными пятитактовыми очередями.

Нолану показалось, что у него вышибло барабанные перепонки: тугой, лопающийся звук выстрелов слился с грохотом близких разрывов, мир на секунду померк, превратившись в черно-оранжевый сумрак, а когда тонны выброшенной в воздух земли со стоном обрушились назад, он увидел, что на месте его прежней позиции образовалась длинная

дымящаяся просека шириной в добрую сотню метров…

В этот момент от кроны накренившегося над тропой дерева вдруг отделилась крохотная человеческая фигурка.

Спрыгнув на приплюснутый корпус серв-машины, Шевцов молниеносно закрепил тонкий фал за выступ пусковой ракетной установки и словно альпинист начал спускаться вниз, удерживаясь руками за трос и отталкиваясь ногами от кормового ската брони «Фалангера».

Преодолев таким рискованным способом четыре метра вертикального спуска, он оказался напротив технического люка, который использовался для доступа к механизмам перезарядки ракетных комплексов и открывался только в период стационарного технического освидетельствования.

Генри не видел, что именно делает Шевцов, но спустя пять-шесть секунд овальный фрагмент брони с глухим стуком обрушился на землю, а человеческая фигура тут же исчезла в образовавшемся отверстии.

В следующий миг до слуха Нолана долетел отчетливый визг работающих сервомоторов — это к месту событий приближался очередной патруль.

Оказавшись в рубке управления «Фалангера», Шевцов не терял ни секунды. Протиснувшись в узкий зазор между пустым пилот-ложементом и окружающими его приборными панелями, он ударом кулака расколол пластиковый кожух облицовки, скрывающий под собой гнездо, предназначенное для кристалломодуля «Одиночки».

Вот он… — мысль обожгла сознание, а рука уже тянулась к усеянной кристаллами схеме.

То, что было тщательно защищено от наружного воздействия, оказалось легко уязвимым изнутри, ни одному конструктору не приходила в голову мысль, что кто-то станет покушаться на центральный нервный узел машины, без которого ни один привод «Фалангера» не сдвинется с места.

Создатели серв-машин не подозревали, что эволюция кибернетических компонентов дойдет до той стадии размежевания, когда станет возможен прецедент замены враждебного модуля на дружественный.

— Удачи тебе, Клименс… — выдохнул Шевцов, заметив, как по консолям управления взметнулась сложная гамма огней, а в днище машины начал открываться диафрагменный люк.

С точки зрения Нолана, все выглядело иначе. Страшнее и нагляднее, как казалось ему.

Очередное патрульное трио уже находилось в пределах видимости,

когда в днище застывшего «Фалангера» внезапно открылся люк, и человеческая фигура выскользнула из него, совершив прыжок с семиметровой высоты.

Едва ноги Шевцова коснулись земли, как он тут же откатился вбок и кинулся в сторону, под прикрытие не тронутой бесноватым огнем орудий кустарниковой поросли.

Генри даже не пытался предугадать, что произойдет дальше.

Застывший посреди патрульной тропы «Фалангер» не подавал никаких признаков жизни. Он стоял в том положении, в котором его застала смена кристалломодулей: чуть согнув ступоходы и повернув приплюснутый торс в сторону выбитой орудийным огнем просеки.

Вторая серв-машина приближалась к нему; дистанция между двумя исполинами сократилась до ста метров, когда два видеосканера вырвались вперед, явно намереваясь выяснить причину, по которой огромная машина застыла на месте, перегородив тропу и не отвечая на сигналы вызова.

В этот момент внутри обездвиженного «Фалангера» внезапно раздался утробный гул, и из расположенных над оружейными пилонами прорезей вылетели два мутно-желтых лотка отстрелянных обойм.

Видеосканеры резко прыснули в разные стороны, будто испуганные птахи, а Клименс, которая все это время вполне владела перехваченным управлением, стремительно повернула торс машины, разрядив свежий боекомплект в поворотную платформу приближающегося исполина.

Десять снарядов, неожиданно выпущенных с убийственно короткой дистанции, не оставили патрульному «Фалангеру» ни единого шанса: очередью из правого орудия Клименс срезала броню, закрывающую главный узел сервомоторов вражеской машины, а секунду спустя в обнажившиеся приводы ударил огонь с левой орудийной подвески…

На глазах оглушенного, потерявшего всякую ориентацию Нолана шестидесятитонный «Фалангер» противника начал крениться набок, разваливаясь на две неравные части…

Еще секунда, и глухой, титанический удар потряс землю.

…Из шокового состояния Генри вывел резкий хлопок по плечу; он обернулся, едва соображая что рядом с ним, распластавшись на земле, лежит Шевцов, а над головой, словно осы, вьются два видеосканера.

Заметив, что Нолан не в себе, Семен схватил свой «ИМ» и, перекатившись на спину, двумя короткими очередями сбил назойливые приборы наблюдения.

— Уходим! — Он требовательно дернул Генри за ремень экипировки, окончательно приводя в чувство оторопевшего напарника.

На патрульной тропе творилось что-то невообразимое.

Рубка поверженного «Фалангера» лежала на земле, словно фантастическое яйцо ископаемой рептилии, а его ступоходы по-прежнему стояли на месте, как будто оторванные лапы исполинского кузнечика…

Захваченная серв-машина, которой теперь управляла Клименс, уже перезарядила орудия, и сейчас под ее днищем разгоралось напряженное, ослепительно голубое пламя — это разогревались реактивные прыжковые ускорители.

— Генри, живее! — подстегнул его окрик Шевцова, который заметил, что Клименс открыла диафрагменные крышки пусковых ракетных установок.

Генри рванулся вслед за Семеном. Он не видел зловещих признаков назревающего ракетного удара, но уже вполне осознал, что там, где вступили в смертельную схватку серв-машины, человеку не место…

Они успели отбежать метров на двести, когда окрестности затопило бледно-голубое сияние, и взмывший на реактивных струях «Фалангер» Клименс внезапно разрядил оба ракетных комплекса, превратив огромный участок лесного массива в бурлящий огненный котел.

Их сбило с ног ударной волной от прокатившихся в нескольких километрах разрывов, но оба тут же вскочили, оглушенные, дезориентированные, но живые…

Шевцов взглянул на свое запястье, где располагался компактный прибор, и жестом указал направление.

Сзади оглушительно загрохотали автоматические орудия — это Клименс, благополучно приземлив свой «Фалангер», продолжала развивать атаку…

* * *

Спустя час, задыхаясь от быстрого бега, они внезапно наткнулись на пробирающихся между деревьями андроидов.

Учитывая, что Сеть потеряла большую часть подобных механизмов в момент вторжения двухмесячной давности, факт столкновения явно указывал на близость конечной цели.

Им не удалось разминуться с этим патрулем, два кибермеханизма увидели их раньше, чем Семен и Нолан заметили присутствие машин. В тот миг, когда шипящий луч лазера располосовал воздух, оставляя глубокие шрамы на окрестных стволах деревьев, Шевцов, машинально откатываясь в строну, успел осознать, как сильно не хватает ему Клименс, к которой он привык, словно к частице своего разума.

Будь она с ними, этой внезапной встречи можно было бы избежать…

Хотя, снявши голову, по волосам не плачут…

Перекатившись по мягкому мху, он резко привстал на колено, укрывшись за стволом дерева. Броня «Хамелеон» не подвела и на этот раз. Если секундой раньше андроиды видели две смутные фигуры, то теперь противник внезапно исчез, и машинам пришлось остановиться, сканируя лесной сумрак в тщетной попытке понять, куда скрылись призрачные существа?

Они сумели определить местоположение Шевцова и Нолана лишь по коротким, едва приметным язычкам статики, танцующей на срезе электромагнитных компенсаторов импульсных винтовок в момент ведения огня.

Это был последний кадр, запечатленный видеокамерами дройдов, — в следующий миг машины повалило в разные стороны: очередь, выпущенная Ноланом, оторвала механическую конечность и прошила грудной кожух андроида, Семен же стрелял в голову, целясь по выступающему кристалломодулю.

— Добей его! — приказал Шевцов, меняя опустевший магазин.

Генри повернул голову и, похолодев, заметил, что андроид с оторванной рукой и простреленной грудью пытается встать, неуклюже опираясь на обрубок локтевого сустава.

Еще одна очередь окончательно пригвоздила машину к земле.

— Этим тварям нужно стрелять в голову, — произнес Шевцов, вставая с колена. — Их действиями руководят модули «Одиночек», а не стандартные системные блоки, что спрятаны в груди.

— Понял… — откликнулся Генри, разглядывая поверженные машины.

Прошло менее суток с того момента, как он ступил на поверхность Омикрона, а кажется, за это время прожита целая жизнь. Нолан понимал, что ему уже никогда не стать прежним, да и не хотелось после всего пережитого возвращаться на свалку космических кораблей, чтобы горбатиться там, обогащая неизвестно кого…

Шевцов стоял рядом, напряженно прислушиваясь к неясному шуму леса.

Взрывы и отчетливые пятитактовые очереди автоматических орудий «Фалангеров» стихли четверть часа назад, но в отсутствии связи им оставалось только гадать, кто вышел победителем из поединка между превосходящей огневой мощью и давним боевым опытом Клименс.

— Если ее «Фалангер» способен двигаться, то Клименс приведет его к

холму, — вслух подытожил свои мысли Шевцов.

Нолан не ответил, лишь удивился промелькнувшему в душе чувству. Мог ли Генри представить, что настанет время, когда он будет переживать за машину?

— Что дальше, Сэм? — спросил он, отворачиваясь от дымящихся останков андроидов.

— Думаю, мы у цели, — внезапно ответил Шевцов. — Видишь редколесье и холм?

— Да.

— Там вход на первый подземный уровень.

* * *

Внешне это была обычная, непримечательная возвышенность, и только земля, изрытая ступоходами серв-машин, указывала на северный склон холма.

Неизвестно, по каким соображениям Сеть Омикрона превратила заурядный технический тоннель в центральную транспортную артерию, связывающую между собой все подземные уровни. До операции «Тайфун» подобных выходов на поверхность было множество, но машины запечатали их так же, как центральные ворота, к которым сходились все проложенные по территории лесного массива дороги.

Если бы не информация, считанная Шевцовым с модулей памяти двух андроидов, они могли бы блуждать по лесу до бесконечности, ища иголку в стогу сена.

И все же, глядя на характерные следы тяжелых машин, обрывающиеся у поросших мхом многометровых створов, Нолану не верилось, что позади восемь часов беспрестанного напряжения моральных и физических сил, а эти замшелые ворота и есть искомое…

…Шевцов придерживался иного мнения на этот счет. С самого начала он четко осознавал, куда и зачем они идут. Риск был огромен, но и цена соразмерна.

Вокруг ни души… Лениво шелестит запутавшийся в кронах деревьев ветер, но это обманчивые, субъективные ощущения.

Разве заметишь среди мха крохотный глазок цифровой видеокамеры или миниатюрный датчик сенсорного устройства? Где гарантия, что за ними не наблюдают сотни бесстрастных глаз?

Был лишь один способ проверить это.

— Генри, следи за окрестностями.

Нолан кивнул, а Шевцов, вжимаясь в изрытую ступоходами машин

землю, пополз по направлению исполинских ворот.

Он преодолел всего треть пути, как внезапно по всему периметру холма вспыхнула и тут же погасла ослепительная сетка лазерных лучей.

Ни одна травинка не загорелась от соприкосновения с точно отрегулированными лазерами, которые били в строго определенные точки, где в кору близлежащих деревьев были вмонтированы энергопоглощающие элементы.

Рубиновые шнуры вспыхивали вновь и вновь, рассекая воздух вокруг возвышенности ослепительной сетчатой плоскостью, но Шевцов упрямо полз к цели. Состязание человеческого разума и машинной логики продолжалось, свидетельствуя отнюдь не в пользу последней. Лазерные лучи проходили в полуметре над землей, а их излучающие установки были зафиксированы в строго определенном положении. Для машин это являлось неодолимой, разрушительной преградой, но ползущий человек ощущал лишь жар, от которого начинала куриться паром развороченная земля.

Генри, затаив дыхание, следил, как Семен подполз к воротам и начал закладывать взрывчатку, заключенную в специальные капсулы. Нолан понимал, что взрыв должен быть направленным. Единственный шанс опрокинуть многотонные створы — это разрушить поддерживающие их несущие конструкции.

Лазерная сетка лучей вспыхивала вновь и вновь, словно управляющая ею система введена в автоматический режим.

Шевцов, закончив минирование, пополз назад.

Нолан сбился со счета, сколько раз его бросало то в жар, то в холод, пока Сэм преодолевал стометровый отрезок подступов, плотно перекрытый сетью когерентного излучения.

Наконец он миновал границу охраны, и лазерная защита тут же погасла, будто ее и не было вовсе, лишь земля курилась узкими полосками дымка или пара в тех местах, где минуту назад над ней протекали рубиново-красные потоки.

Глядя, как тяжело дышит Шевцов, Генри подумал: А что будет там, в темных подземных переходах, где уже много лет не ступала человеческая нога?

Словно угадав его мысли, Шевцов достал дистанционное устройство подрыва и сказал:

— Все, Генри, это последний рубеж. Дальше пойдем торной дорогой.

— С чего ты взял? — не поверил Нолан. После восьмичасового марша по лесному массиву, заполоненному машинами, мысль о

беспрепятственном продвижении по подземным коммуникациям, которые вели к сердцу компьютерного комплекса, показалась ему абсурдной.

— Вспомни, подземные уровни восстанавливались саморазвивающимся ремонтным механизмом. Его логика была до последнего времени чужда понятиям разрушения. Все, что ты видел в лесу, это реакция самозащиты, на реализацию которой Сеть израсходовала весь неприкосновенный запас боевых компонентов. Вряд ли центральный модуль «Одиночки» мог одновременно с восстановлением боевых машин радикально реконструировать подземные уровни.

— И что там ждать? Открытых дверей и приветственных транспарантов?

Шевцов усмехнулся в первый раз за все восемь часов пребывания в лесу.

— Нет, — ответил он. — Думаю, что там патрулирует с десяток уцелевших после вторжения андроидов.

Их диалог был внезапно прерван знакомым ритмичным колебанием почвы.

Оба, не сговариваясь, обернулись назад и увидели, как меж деревьев, неуклюже припадая на покалеченный ступоход, движется одинокий «Фалангер».

Вид серв-машины внушал ужас и сострадание. Броня «Фалангера» во многих местах была сорвана, обнажая внутренние механизмы, из порванных шлангов гидравлики сочилась едко-зеленая жидкость, бронированный козырек, прикрывающий рубку управления, превратился в иззубренный снарядами огрызок, правое орудие бессильно повисло, раскачиваясь на перебитых сервоприводах, а от левого вообще остался лишь обломок крепежного пилона.

Шевцов сердцем почувствовал — это Клименс, но полная уверенность возникла лишь в тот момент, когда «Фалангер» остановился, издав затухающий вой центрального сервомотора, а в его днище открылся сегментированный люк, откуда выпала, раскручиваясь на лету, легкая пластиковая лесенка.

— Держи, — Шевцов сунул в руки Генри устройство дистанционного подрыва.

— Ты куда?

— Нужно забрать Клименс. Машина может взорваться…

Нолан не стал спорить, но, стоило Шевцову подняться по раскачивающейся лесенке, как он тут же пожалел об этом: гигантские створы ворот, запирающие вход на первый уровень базы, внезапно

дрогнули и начали открываться.

Взгляд Генри примерз к расширяющемуся на глазах проему.

В сумраке наклонно уходящего вниз тоннеля стоял еще один «Фалангер», а чуть позади серв-машины угадывались смутные контуры человекоподобных машин.

Похоже, центральный модуль Сети бросил навстречу обнаруженным незваным гостям свой последний стратегический резерв…

В первый момент Нолан попросту растерялся. Шевцова не было рядом, и он остался один на один с машинами, как два часа назад подле той памятной патрульной тропы.

Очевидно, что Семен тоже заметил неладное, и, как оказалось, они с Генри, не сговариваясь, приняли схожее решение: атаковать, пока ворота не открылись на всю ширину.

Нолан судорожно сжал сенсор дистанционного подрыва, и одновременно с этим над его головой раздался нестерпимый для человеческого слуха вой, — это в открывающийся проем разрядились ракетные установки искалеченной серв-машины, выпустившей в жерло тоннеля остаток бортового боекомплекта.

Массивный холм содрогнулся будто при землетрясении, верхняя часть скрытой подо мхом конструкции не выдержала, и свод тоннеля вырвало вкупе с перекрытием бункера. Ослепительное пламя выметнуло в небеса многотонные куски стеклобетона, взрывная волна пронеслась вниз по тоннелю, сметая на своем пути все скрытые в его глубинах препятствия, но от нее досталось не только подземным переходам, — часть ударной волны распространилась в виде расширяющейся окружности, выворачивая с корнем стволы окружавших холм деревьев, опрокинув покалеченный «Фалангер» Клименс и погасив сознание Нолана…

* * *

Генри пришел в себя от ощущения непомерной тяжести, давящей на грудь.

Он попытался пошевелиться, но не смог.

Стояла ватная, ненатуральная тишина, словно окружающий его мир утратил все звуки. Он ничего не видел и не слышал, лишь ощущал эту непомерную тяжесть, которая едва позволяла дышать.

Наконец спустя какое-то время он внезапно почувствовал, как по его лицу струится что-то сыпучее, потом кто-то коснулся его век, очищая глаза, и Нолан, с трудом преодолевая возникшую резь, несколько раз сморгнул, пока не увидел склонившегося над ним Шевцова.

Цельнокроеный костюм Сэма был порван и испачкан кровью. Трудно было представить, что за сила умудрилась порвать мономолекулярные нити «Хамелеона», но прорехи в утратившей свою мимикрирующую способность броне обрамляла запекшаяся кровь.

— Не шевелись… — хрипло произнес Шевцов.

Нолан скосил глаза, но увидел над собой лишь внушительный фрагмент бетонного перекрытия бункера, который лежал на поваленных, расщепленных древесных стволах.

Шевцов орудовал куском пластика, подкапываясь под тело Генри, чтобы извлечь его из-под завала.

Спустя какое-то время давление на грудь ослабло, и он попытался пошевелиться.

Это удалось, хотя спасшие его деревья, с корнем вывороченные взрывной волной, опасно затрещали, прогибаясь под тяжестью упавшего на них бетонного фрагмента.

— Не шевелись. Попробую тебя выдернуть.

Рывок вышел крайне болезненным, но эффективным: тело Нолана выскользнуло из-под завала с такой легкостью, что Шевцов едва устоял на ногах.

Через минуту Генри смог встать, сначала на четвереньки, а потом, со стоном, выпрямиться в полный рост.

Голова кружилась, слух медленно возвращался, все тело ныло, будто его отделали резиновой дубинкой, не сломав кости, но отбив все мышцы и внутренности.

— Идти сможешь? — хрипло спросил Шевцов.

— Смогу… — с усилием выдавил Генри.

— Тогда пошли, иначе нам крышка…

— Сколько прошло времени?

— Десять минут. Думаю, сейчас сюда движутся все механизмы, что охраняли периметр леса.

— Мы что, можем их остановить?

— Можем. — Шевцов поднял разбитую импульсную винтовку, осмотрел ее и отшвырнул прочь.

Генри огляделся.

Сзади, метрах в двадцати, истекал зеленоватым дымком опрокинутый «Фалангер» Клименс.

— Она в порядке? — спросил Нолан.

— Да. Пошли, у нас нет ни минуты на разговоры.

* * *

Вход в систему подземных коммуникаций базы Омикрона походил на врата преисподней: покореженный, перекрученный металл источал вишневый свет, вокруг валялись глыбы расколотых перекрытий, из темного зева тоннеля валил дым — это тлела расплавившаяся внутренняя облицовка вражеского «Фалангера», гротескная фигура которого почти полностью перегораживала мрачный уродливый провал, образовавшийся в склоне холма.

Шевцов включил портативный фонарь, освещая путь.

Пол наклонного тоннеля был усеян мелкими осколками бетона и фрагментами человекоподобных механизмов. Проходя мимо одного из них, Шевцов нагнулся, подобрав оторванную механическую руку с закрепленным на ней двенадцатым импульсом. Какое-никакое, а оружие, выбирать не приходилось, после того как их собственные импульсные винтовки были погребены под завалами древесных стволов и бетонных глыб.

— Что мы делаем, Сэм? — озираясь, спросил Нолан.

— Идем вперед, что бы ни случилось, — не оборачиваясь, ответил Шевцов. — У нас с тобой одна надежда — первыми добраться до ядра Сети, пока здесь не собрались все кибермеханизмы, охраняющие лес.

Только спустя полчаса Нолан смог по достоинству оценить силу ударной волны, которая пронеслась по магистральному тоннелю.

Они шли, встречая на своем пути лишь выбитые межуровневые ворота да обломки систем видеонаблюдения. Ни одного уцелевшего кибермеханизма не попалось им навстречу, но зато сзади в какой-то момент послышались приближающиеся заунывные звуки работающих сервоприводов.

Шевцов молча перешел с быстрого шага на бег.

Еще через десять минут измученные, доведенные до состояния полного физического и морального изнеможения, они, согласуясь со схемой, свернули в боковой тоннель и внезапно оказались перед запертыми воротами, которые взрывная волна вогнула внутрь расположенного за ними помещения, но не смогла вышибить полностью.

Шевцов осветил фонарем внушительную раму, отметив, что она отошла от стены, образуя зазор. Возиться с электронным замком не было смысла, створы все равно не откроются из-за критической деформации.

У него оставался один неиспользованный заряд взрывчатки, а сзади уже отчетливо был слышен не только звук сервоприводов, но и звонкое

клацанье металлических конечностей по бетонному полу.

— Генри, постарайся удержать их у поворота! — приказал Шевцов, передавая Нолану отчлененную руку андроида с закрепленным на ней импульсным оружием. — Спусковым механизмом служит вот этот тросик, — пояснил он. Давай, не медли!

Нолан схватил громоздкую конструкцию и канул во тьме тоннеля.

Семен еще раз осветил щель, расположил в ней устройство направленного взрыва и, погасив фонарь, бегом кинулся вслед за Генри.

Двигаясь вдоль стены тоннеля, он добрался до поворота.

Звуки механических шагов приближались. Генри не стрелял, стоически выжидая в кромешной тьме, пока преследующие их машины подойдут ближе.

— Сейчас рванет… — шепнул ему Семен, прижимаясь к стене рядом с Ноланом.

В боковом ответвлении сверкнула яркая вспышка, и в ее отсвете они увидели, что вниз по тоннелю течет неисчислимая масса разнообразных машин…

До них оставалось метров двести, и Нолан, не выдержав открывшейся взору картины, потянул за указанный привод. Импульсная винтовка, закрепленная на оторванной механической конечности, зашлась длинной очередью, полосуя тоннель сплошным ливнем титановых шариков; впереди что-то заискрило, потом во мраке полыхнуло несколько взрывов, но это не могло остановить надвигающийся кошмар.

— Назад! — Шевцов рывком увлек Генри за собой в поворот тоннеля, откуда тянуло кисловатым дымком, сквозь который пробивался неяркий свет.

Искореженные ворота упали внутрь зала, подмяв под себя один из компьютерных терминалов, но остальные вычислительно-запоминающие комплексы ядра системы исправно работали, перемигиваясь сложными узорами контрольных огней.

— Держи вход! — крикнул Шевцов, бросаясь в глубины зала.

Ему не сразу удалось отыскать тот тупик, где было установлено демонтированное с пилот-ложемента кресло, в котором восседал опутанный толстыми кабелями обыкновенный ремонтно-бытовой андроид.

У входа в зал загремели выстрелы.

Шевцов, путаясь в кабелях, пробрался сквозь тенета компьютерных интерфейсов и оказался лицом к лицу с застывшей имитацией человеческих черт.

Глаза андроида следили за ним внимательно и холодно.

Рука Семена потянулась к выступу на черепной коробке дройда, и в этот миг тот, совершив усилие, вырвал свою левую конечность из захватов на подлокотнике кресла, но сервоприводы, тонко взвыв, внезапно заглохли, остановились…

Семен успел извлечь кристалломодуль «Одиночки» из гнезда в металлопластиковой черепной коробке.

Дрожащими пальцами он сорвал мягкую заглушку на своем виске, вытащил из креплений собственного импланта кристалломодуль Клименс и аккуратно вставил его в осиротевшее гнездо.

По окружающим терминалам внезапно взвихрилась непередаваемая гамма световых сигналов, озарившая сумеречный зал от края до края, и вслед за этой феерической вспышкой на небольшом контрольном мониторе, расположенном справа от кресла, сиротливо замигал индикатор курсора.

Секунду он стоял неподвижно, а затем резво побежал по экрану, оставляя за собой ровные строки сообщений:

Инсталляция нового программного обеспечения.

Статус: ОК.

Действие: Смена базовых программных приоритетов.

Тест сетевых устройств.

Обновление исполнительных функций периферии…

Шевцов обессиленно закрыл глаза.

Ему еще предстояло свыкнуться с мыслью, что Клименс уже не будет говорить с ним тихим бестелесным голосом.

Теперь она стала ядром Сети Омикрона.

Строки на мониторе погасли, одна за другой.

Странно и страшно было осознавать, что цивилизация перешагнула ту черту, за которой судьбы целых миров становятся зависимыми от неосязаемых байт, в которых закодировано поведение кибернетических спутников человечества…

Острее всего это обстоятельство в данный момент ощутил Генри, перед которым внезапно остановилось полчище неумолимо надвигающихся машин.

Секунду постояв в оцепенении, андроиды вдруг повернули назад и начали исчезать во мраке, спеша исполнить новые задачи, которые поставила перед ними обновленная Сеть Омикрона…

Он не выдержал.

Глядя вслед исчезающим во тьме сервоприводным исчадиям, Генри вдруг медленно осел на пол и беззвучно расхохотался, хотя по щекам

отчего-то текли непроизвольные слезы…

Эпилог

Планета Омикрон. Час спустя…

Двери модуля биологических лабораторий с тихим шелестом распахнулись перед Семеном и Генри.

Этих помещений не коснулась реконструкция базы.

Огромные длинные залы с бесконечными вереницами подсвеченных ультрафиолетом биокрионических саркофагов, казалось, хранили незримое присутствие давно погибшего человека.

Шевцов никогда не знал Волкошина, но, проходя по узкой дорожке, между накрытыми прозрачными колпаками камер, он видел застывшие лица подростков и понимал: у них, помимо генетических родителей, есть один общий отец.

Человек, который в самый разгар вселенского безумия мечтал вернуть людям любовь друг к другу и добился своего, несмотря на жестокое сопротивление судьбы.

Семен остановился напротив камеры, под колпаком которой лежала Кейтлин.

Она осталась именно такой, какой ее сохранила память Шевцова, разве что чуть повзрослела, а черты девушки слегка осунулись от долгого крионического сна.

Чиста, как снег, твоя душа…
Сон повзрослевшего младенца
Проистекает не спеша,
В такт криогенным ритмам сердца…
Лишь резкий ультрафиолет
Змеится по чертам застывшим…
Взрослеет разум средь тенет,
Несущих байты псевдожизни…
Но белый снег твоей души,
Вне оцифрованной вселенной…
Растает…

Шевцов смотрел на заострившиеся черты Кейтлин и знал, что когда-нибудь она допишет эти строки, закончив их совершенно иным четверостишием.

Он был твердо уверен в этом, потому что сейчас открывался чистый,

неиспятнанный лист в истории планеты Омикрон.

— Клименс, начинай процесс пробуждения… — произнес он, обращаясь к обновленной Сети.

notes

Примечания

1

ALONE — «В одиночестве» (англ.).

2

Мимикрия — способность некоторых видов растений или животных менять окраску своих покровов, имитируя окружающий фон.

3

Туф — продукт извержения, спрессованный вулканический пепел.

4

БПМ — Боевая Планетарная Машина. Различаются два вида: легкая, передвигающаяся на литых колесах, и тяжелая, аналогичная современным танкам.

5

Тропопауза переходной слой между тропосферой и стратосферой. Тропопауза может существовать на разных высотах от 8 до 18 километров над поверхностью планеты. Воздух в пределах тропопаузы имеет постоянную температуру порядка 50 градусов по шкале Цельсия. Этот фактор обуславливает возникновение ветров и мощных воздушных течений, которые образуются при взаимодействии теплого, влажного воздуха поднимающегося от поверхности планеты, с «сухим» и холодным воздушным слоем тропопаузы.

6

Quod licet jovi, non licet bovi? — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку? (лат.)

7

Устройство, работающее исключительно на планетах, имеющих собственное магнитное поле. В этом случае генератор машины создает одноименный заряд, который отталкивает аппарат от поверхности планеты, компенсируя силу тяготения.

8

Зеркальное дерево Рори — уникальный плод эволюции одноименной планеты. Древесина, обладающая ртутным блеском и отражающей способностью, используется в основном для отделочных работ.

9

Один из исконных представителей животного мира планеты Элио. Отличается большими размерами и крайней пугливостью.